Легендарная сага о приключениях мастера меча и магии

Анджей Сапковский

Крещение огнем
Башня Ласточки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мастер меча, ведьмак Геральт, могущественная чародейка Йеннифер и Дитя Предназначения Цири продолжают свой путь – сквозь кровопролитные сражения и колдовские поединки, предательские засады и вражесткие чары. Весь мир – против них, но их ведет и направляеттаинственная судьба. Дитя Предназначения любой ценой должна войти в Башню Ласточки.

- Глава первая
-
- Глава вторая
-
- Глава третья
-
- Глава четвертая
-
- Глава пятая
-
- Глава шестая
-
- Глава седьмая
-
- Глава восьмая
-
- Глава девятая
-
- Глава десятая
-
- Глава одиннадцатая
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

○ 13
○ 14
○ 15
○ 16
○ 17
○ 18
○ 19
○ 20
○ 21
○ 22
○ 23
○ 24
○ 25
○ 26
○ 27
○ 28
○ 29
○ 30
○ 31

Ночью как траур черной
К Дун Дару они подкрались,
Где юна ведьмачка скрывалась.
Ночью как траур черной
Село они окружили,
Чтоб ведьмачка сбежать не сумела.
Ночью как траур черной
Врасплох млоду ведьмачку
Хотели взять – прогадали.
Не взошло еще солнце ясно,
А уж на дороге мерзлой
Тридцать убитых лежало…[1]

Песня нищих о жуткой резне, случившейся в Дун Даре в ночь Саовины

– Могу дать тебе все, что пожелаешь, – сказала волшебница. – Богатство, власть, скипетр и славу, жизнь долгую и счастливую. Выбирай.

– Не нужны мне ни богатство,

ни слава, ни власть и ни скипетр, – ответствовала ведьмачка. – А хочу я, чтоб был у меня конь черный, как ночной вихрь быстрый. Хочу, чтоб был у меня меч блескучий и острый как луч луны. Хочу ночью черной носиться на коне моем черном по земле, хочу разить силы Зла и Тьмы моим блескучим мечом. Вот чего я желаю.

– Дам тебе коня, коий будет чернее ночи и быстрее вихря ночного, – обещала волшебница. – Дам тебе меч, что острее и ярче лунного луча будет. Но ты требуешь многого, ведьмачка, значит, и заплатить придется немало.

– Чем? Ведь у меня же ничего нет.

– Кровью твоею.

Флоуренс Деланной. «Сказки и Предания»

Глава первая

Каждому ведомо: Вселенная, как и жизнь, движется по кругу. По кругу, на ободе которого помечены восемь волшебных точек, дающих полный оборот, или годичный цикл. Этими точками, попарно лежащими на ободе круга друг насупротив друга, являются Имбаэлк, или Почкование; Ламмас, или Созревание; Беллетэйн, или Цветение, и Саовина, или Замирание. Обозначены на том ободе также два Солтыция, или Солнцестояния: зимнее, именуемое Мидинваэрне, и Мидаёте – летнее. Есть также два Эквинокция, или Равноночия, также Равноденствием именуемые: Бирке – весеннее и Велен – осеннее. Даты эти делят обруч на восемь частей – именно так в календаре эльфов делится год.

Высадившиеся на пляжах в устьях Яруги и Понтара люди привезли с собой собственный календарь, в основе которого лежит движение Луны. Календарь этот делит год на двенадцать лун, или месяцев, определяющих цикл годичной работы кмета, начиная с изготовления в январе кольев и до самого конца, до того часа, когда мороз скует землю, превратив ее в твердь. Но хоть люди и по-иному делили год и отсчитывали даты, тем не менее они не отринули эльфий круг и восемь точек на его ободе. Позаимствованные из эльфьего календаря Имбаэлк и Ламмас, Саовина и Беллетэйн, оба Солнцестояния и оба Равноночия стали и у людей важными праздниками, торжественными датами, кои выделялись меж других дат так же явно, как одиноко стоящее дерево выделяется посреди луга.

Ибо даты эти – магические.

Ни для кого не секрет, что во время этих восьми дней и ночей прямо-таки невероятно усиливается волшебная аура. Никого не удивишь магическими феноменами и загадочными явлениями, сопровождающими эти восемь дат, а в особенности же Эквинокции и Солтыции. К таким феноменам все уже настолько привыкли, что они редко кого волнуют.

Однако в тот год все было иначе.

В тот год люди, как обычно, отметили осенний Эквинокций торжественным семейным ужином, на котором полагалось выставить как можно больше различных плодов, собранных в уходящем году, пусть даже и понемногу каждого. Так велел обычай. Откушав и поблагодарив богиню Мелитэле за урожай, люди отправились отдыхать. И тут-то и начался кошмар.

К самой полуночи разразилась страшнейшая метель, подул убийственный ветер, в котором сквозь шум пригибаемых чуть не до земли деревьев, скрип стрех и хлопанье ставней слышался

жуткий вой, крики и скулёж. Мчащиеся по небу тучи принимали самые фантастические формы, среди которых чаще всего повторялись мчащиеся в карьер кони и единороги. Почти целый час не утихал ураган, а в наступившей после него неожиданной тишине ночь ожила трелями и хлопаньем крыльев сотен козодоев, этих таинственных птиц, которые, если верить молве, собираются в стаи, чтобы распевать над умирающими отходную песнь. На сей раз хор козодоев был так могуч и громок, словно вот-вот предстояло погибнуть всему миру.

Козодои дикими голосами орали свой реквием, небосклон затянули тучи, погасившие остатки лунного света. Тогда занудила страшная беанн'ши, вестница чьей-то скорой и дурной смерти, а по черному небу пронесся Дикий Гон – табун огненноких, развевающих лохмотьями плащей и штандартов призраков на конских скелетах. Как и всегда, Дикий Гон собрал свой урожай, но уже много десятилетий он не был так ужасен, как в этом году – в одном только Новиграде насчитали двадцать с лишним человек, пропавших бесследно.

Когда Гон промчался и тучи развеялись, люди увидели луну – на ущербе, как всегда во время Эквинокция. В ту ночь у луны был цвет крови.

У простого народа для феномена Равноночия было множество объяснений, кстати, существенно различающихся в зависимости от специфики региональной демонологии. У астрологов, друидов и чародеев тоже были свои объяснения, но в большинстве случаев ошибочные и как бы придуманные «про запас». Мало, невероятно мало было людей, которые умели бы это явление связать с реальными фактами.

На Островах Скеллиге, например, некоторые суеверные люди видели в удивительных явлениях предвестие Tedd Deireadh, конца света, предваряемого битвой Rag nar Roog, последней битвой Света и Тьмы. Бурный шторм, который в ночь Осеннего Солнцестояния потряс остров, верящие в приметы островитяне сочли волной, создаваемой носом чудовищного, с бортами, выложенными ногтями трупов, драккара Нагльфар из Морхёгга, везущего армию призраков и демонов. Однако люди более просвещенные либо лучше информированные связывали безумство небес и моря с ужасной смертью злой чародейки Йеннифэр. Третьи – совсем уж хорошо осведомленные – видели в бурлящем море знамение того, что в этот момент умирает кто-то, в чьих жилах течет кровь королей Скеллиге и Цинтры.

Над миром раскинулась ночь Осеннего Солнцестояния, ночь ужасов, кошмаров и привидений, ночь бурных, удушающих и жутких пробуждений на вздыбленных и влажных от пота

простынях. Видения и пробуждения не обошли стороной и самые светлые головы: в Нильфгаарде, Городе Золотых Башен, с криком проснулся император Эмгыр вар Эмрейс. На севере, в Лан Эксетере, вскочил с ложа король Эстерад Тиссен, потревожив свою супругу, королеву Зулейку. В Третогоре сорвался с постели и схватился за кинжал архишпион Дийкстра, разбудив при этом супругу министра финансов. В огромном замке Монтекальво спорхнула с дамастовых простыней чародейка Филиппа Эйльхарт, не став, однако, будить супруги графа да Ноалье. Проснулись – более или менее резко – краснолюд Ярпен Зигрин в Махакаме, старый ведьмак Весемир в горной крепости Каэр Морхен, банковский клерк Фабио Сахс в городе Горс Велен, ярл Крах ан Крайт на борту драккара «Рингхорн». Проснулась чародейка Фрингилья Виго в замке Боклер, проснулась жрица Сигрдрифа в храме богини Фрейи на острове Хиндарсфьялл. В осажденной крепости Марибор проснулся Даньель Эчеверриа, граф Гаррамон. Зывик, десятник Бурой Хоругви, в форте Бан Глеан. Купец Доминик Бомбаст Хувенагель в городке Клармон. И многие, многие другие.

Однако мало было таких, кто сумел бы все эти явления и феномены связать с истинным, конкретным фактом. И с конкретной личностью. Так уж получилось, что трое из них провели ночь осеннего Эквинокция под одной крышей. В храме богини Мелитэле в Элландере.

– Козодой… – простонал писарь Ярре, вперившись во тьму, затянувшую храмовый парк. – Никак не меньше тысячи, целые тучи… Кричат о смерти… О ее смерти… Она умирает…

– Не болтай глупостей! – Трисс Меригольд резко отвернулась, занесла кулак: несколько мгновений казалось, что она вот-вот толкнет или ударит паренька в грудь. – Ты что, веришь в идиотские приметы? Конец сентября, козодои перед отлетом собираются в стаи. Вполне естественно!

– Она умирает…

– Никто не умирает! – крикнула чародейка, бледнея от бешенства. – Никто, понятно? Перестань нести дурь!

Библиотечный коридор заполняли адептки, разбуженные ночной тревогой. Лица их были серьезны и бледны.

– Ярре, – Трисс успокоилась, положила пареньку руку на плечо, сильно сжала, – ты – единственный мужчина в храме. Все мы смотрим на тебя, ищем в тебе опоры и помощи. Ты не смеешь впадать в панику, ты не смеешь бояться. Возьми себя в руки. Не разочаровывай нас.

Ярре глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

– Это не страх, – прошептал он, отводя взгляд от глаз чародейки. – Я не боюсь, я тревожусь! За нее. Я видел сон…

– Я тоже, – сжала губы Трисс. – Мы видели один и тот же сон. Ты, я и Нэннеке. Но об этом – молчок.

– Кровь у нее на лице… Столько крови…

– Я же просила – молчи. Идет Нэннеке.

Подошла Верховная Жрица. Лицо у нее было утомленное. На немой вопрос Трисс она ответила, отрицательно покачав головой. Заметив, что Ярре собирается что-то сказать, она опередила его:

– К сожалению, ничего. Когда Дикий Гон мчался над храмом, проснулись почти все, но ни у одной не было видений. Даже таких туманных, как наши. Иди спать, мальчик, тебе тут делать нечего. Девочки, по спальням!

Она обеими руками протерла лицо и глаза.

– Э-э-х! Эквинокций. Чертова ночь… Иди приляг, Трисс… Не в наших силах что-либо сделать.

– Беспомощность, – стиснула кулаки чародейка, – доводит меня до сумасшествия. При мысли, что она где-то там страдает, истекает кровью, что она в опасности… Дьявольщина! Знать бы, что делать.

Уже собравшаяся уходить Верховная Жрица храма Мелитэле повернулась:

– А молиться не пробовала?

На юге, в Эббинге, за горами Амелл, в районе под названием Переплют, на обширных трясинах, иссеченных реками Вельда, Лета и Арета, в восьмистах милях полета ворона по прямой от города Элландер и храма Мелитэле, приснившийся под утро кошмар разбудил старого отшельника Высоготу. Проснувшись, Высогота никак не мог вспомнить содержания сна, но необъяснимое волнение не дало ему больше уснуть.

– Холодно, холодно, холодно, бррр, – шептал про себя Высогота, пробираясь по тропинке среди камышей. – Холодно, холодно, бррр.

Очередная ловушка тоже была пуста. Ни одной ондатры. На редкость неудачный лов. Бормоча проклятия и шмыгая замерзшим носом, Высогота очистил ловушки от грязи и травы.

– Ох и холодно же, – бормотал он, направляясь к краю топи. – А ведь четыре дня только прошло с Эквинокция. Сентябрь. Да, таких холодов в конце сентября я за всю свою жизнь не припомню. А ведь живу уже достаточно долго!

Следующая, предпоследняя ловушка тоже была пуста. Высоготе даже ругаться расхотелось…

– Не иначе, – бормотал он, направляясь к последней ловушке, – с каждым годом все больше холодает. А теперь, похоже, эффект похолодания пойдет лавиной. Ну, эльфы предвидели это уже давным-давно, да кто верит в предсказания эльфов?

Над головой старика снова захлопали крылышки, пронеслись серые, невероятно быстрые тени. Туман над трясиной опять раззвонился дикими, урывчатыми трелями козодоев, заполнился быстрым хлопаньем крыльев. Высогота не обращал внимания на птиц. Суеверным он не был, а козодоев на болотах всегда было множество, особенно на заре, когда они летали так плотно, что, казалось, вполне могли задеть за голову. Впрочем, не всегда их было так-то уж много, как сегодня, может, и не всегда они носились так неистово… ну что же, последнее время природа проделывала диковинные штучки, а диковинки гонялись за диковинками, да при этом каждая следующая диковинка была диковиннее предыдущей!

Он уже вытаскивал из воды последнюю – тоже пустую – ловушку, когда услышал ржание. Козодои как по команде разом умолкли.

На трясинах Переплюта были островки, сухие, выступающие из воды места, поросшие черной березой, ольхой, свидиной, кизилом и терновником. Большинство пригорков трясина обступала так плотно, что туда самостоятельно ни в коем разе не мог бы добраться конь либо не знающий тропинок наездник. И все же ржание – Высогота снова услышал его – шло именно со стороны такого островка.

Любопытство взяло верх над осторожностью.

Высогота слабо разбирался в лошадях и их породах, но он был эстетом, умевшим распознать и оценить красоту. А вороной конь с блестевшей словно антрацит шерстью, которого он увидел на фоне березовых стволиков, был дивно красив. Он был прямо-таки квинтэссенцией красоты. Он был так дивно красив, что казался нереальным.

И тем не менее был вполне реальным. И вполне реально попал в ловушку, запутавшись вожжами и уздечкой в кроваво-черные ветки свидины. Когда Высогота подошел ближе, конь прижал уши, ударил ногой так, что почва задрожала, дернул красивой головой, повернулся. Теперь стало видно, что это кобыла. И кое-что еще. Нечто такое, от чего сердце старого Высоготы забилось, словно ошалевшее, а невидимые клещи стиснули горло.

За лошадью в неглубокой яме от вывороченного дерева лежал труп.

Высогота сбросил на землю мешок. И устыдился первой мысли: развернуться и бежать. Он подошел ближе, сохраняя осторожность, потому что вороная кобыла переступала на месте, прижимала уши, скалила зубы в мундштуке и, казалось, только и ждала случая укусить его или лягнуть.

Труп был трупом паренька чуть старше десяти—двенадцати лет. Он лежал ничком, одна рука прижата телом, другая впилась в землю пальцами и откинута в сторону. На парнишке была замшевая курточка, плотно облегающие кожаные штаны и эльфьи мягкие сапожки на застежках.

Высогота наклонился, и тут труп громко застонал. Вороная кобыла протяжно заржала, хватанула копытами по земле.

Отшельник опустился на колени, осторожно повернул раненого. Невольно отдернул голову и свистнул. Чудовищная маска из грязи и запекшейся крови заменяла пареньку лицо. Он осторожно собрал мох, листья и песок с покрытого слизью и слюной рта, попытался оторвать от щеки сбившиеся в твердый колтун, слепленные кровью волосы. Раненый застонал, напрягся, и его стала бить дрожь. Высогота наконец отлепил ему волосы от лица.

– Девочка, – сказал он громко, не в силах поверить в увиденное. – Это девочка.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел тихо и незаметно подобраться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б он заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в слабо освещенном сальными свечами помещении молоденькую девочку с плотно обмотанной тряпицами головой, лежащую в мертвой, почти трупной неподвижности на застланных шкурками нарах. Увидел бы он и старца с седой бородой клинышком и солидной, начинающейся от высокого, изборожденного морщинами лба лысиной, обрамленной длинными белыми волосами, падающими на плечи. Он заметил бы, как старец зажигает еще одну свечу, как ставит на стол песочные часы, как точит перо, как наклоняется над листом пергамента. Как задумывается и бормочет что-то себе под нос, не спуская глаз с лежащей на нарах девочки.

Но такое было невозможно. Никто этого увидеть не мог. Домишко отшельника Высоготы был ловко упрятан на вечно покрытом мглой безлюдье, среди трясин, на которые никто не решился бы забрести.

– Запишем, – Высогота обмакнул перо в чернила, – нижеследующее: «Прошло три часа после процедуры. Диагноз:

vulnusincisivum, рубленая рана, нанесенная с большой силой неизвестным острым предметом предположительно с искривленным острием. Рана охватывает левую часть лица, начинается ниже глазной впадины, пересекает щеку и доходит до приушно-челюстного участка. Наиболее глубокая, почти касающаяся надкостницы часть раны оказалась несколько ниже глазной впадины, на скуловой кости. Предполагаемое время, прошедшее с момента ранения до первой перевязки, – десять часов».

Перо заскрипело по пергаменту, но скрип этот продолжался лишь несколько секунд. И несколько строчек. Не все, что Высогота говорил себе, он считал нужным заносить на пергамент.

– Возвращаясь к перевязке раны, – продолжал спустя немного старик, уставившись на мигающий и коптящий огонек свечи, – запишем нижеследующее: «Я не срезал рваные края раны, а ограничился лишь тем, что убрал несколько не получающих крови лоскутков и, разумеется, запекшуюся кровь. Промыл рану вытяжкой из коры вербы, удалил загрязнения и посторонние тела. Наложил швы. Конопляные. Другим родом нитей, сие следует отметить особо, я не располагал. Использовал компресс из горной арники и наложил муслиновую повязку».

На середину избы выбежала мышь. Высогота кинул ей кусочек хлеба. Девочка на нарах вела себя неспокойно, стонала сквозь сон.

– Восьмой час после операции. Состояние больной без изменений. Состояние лекаря – стало быть, мое – улучшилось, поскольку я малость вздремнул… Можно продолжать записи. Ибо следует перенести на сии листы некоторые сведения о моей пациентке. Для потомков. Ежели какие-либо потомки доберутся до здешних трясин прежде, чем все тут пожухнет и превратится в пыль.

Высогота тяжко вздохнул, обмакнул перо и вытер его о краешек чернильницы.

– Что же касается пациентки, – забормотал он, – то да будет записано нижеследующее. Лет ей, похоже, около шестнадцати, высокая, строения на вид худощавого, но отнюдь не тощего, не вызванного долговременным голоданием. Упитанность и физическое строение типичны скорее для юной эльфки, однако никаких признаков того, что она метиска до квартеронки включительно, не отмечено… Как известно, низкий процент эльфьей крови может следов не оставить.

Высогота как бы только теперь вспомнил, что не нанес на листок ни одной руны, ни единого слова… Он поднес перо к

пергаменту, но чернила уже высохли. Старика это нисколько не огорчило.

– Так и запишем, – продолжал он, – что девушка никогда не рожала, а также что на теле ее не обнаружены никакие застарелые знаки, шрамы, рубцы, следы, которые оставляют тяжелый труд, несчастные случаи, бурная жизнь. Подчеркиваю: речь идет о застарелых следах. Свежие следы на ее теле наличествуют в достатке. Девочку избивали. Хлестали, причем не отцовской рукой. Ногами, вероятно, пинали тоже.

Я обнаружил на ее теле весьма странный, я бы сказал, своеобразный знак… Хм… Запишем и это для блага науки… В паху, почти у самого срама, вытатуирована пунцовая роза.

Высогота сосредоточенно осмотрел очиненный конец пера, затем погрузил его в чернильницу. Однако на этот раз не забыл, с какой целью это сделал, – начал быстро покрывать листок ровными строками наклонного письма. Писал, пока чернила не высохли на пере.

– В полубреду она говорила и кричала. Однако акцент и характер произношения, если отбросить частые вкрапления непристойностей, взятых из жаргона преступников, не позволяют сказать что-либо с абсолютной уверенностью, но я рискнул бы утверждать, что ее родина скорее всего Север, нежели Юг. Отдельные слова…

Он снова поскрипел пером по пергаменту, правда, не очень долго, и даже очень недолго, чтобы успеть записать все только что сказанное. Затем продолжил монолог прямо с того места, где прервал его:

– Некоторые выражения, слова, имена и названия, произнесенные в бреду, следовало бы запомнить. И впоследствии изучить. Все указывает на то, что весьма – к тому же весьма – необычная особа нашла тропинку к хибаре старого Высоготы…

Он немного помолчал, прислушался.

– Только бы, – пробормотал он, – хибара старого Высоготы не оказалась завершением ее пути.

Высогота склонился над пергаментом и даже поднес к нему перо, но не написал ничего, ни единой руны. Бросил перо на стол. Несколько секунд сопел, раздраженно ворчал, сморкался. Поглядел на топчан, прислушался к исходящим оттуда звукам.

– Необходимо отметить и записать, – сказал он утомленно, – что все обстоит очень скверно. Мои старания и процедуры могут оказаться недостаточными, а усилия тщетными, ибо опасения были обоснованными. Рана заражена. Девочка вся в огне. Уже выступили три из четырех основных признаков резкого

воспалительного процесса. *Rubor, calor* и *tumor*. В данный момент они легко обнаруживаются визуально и на ощупь. Когда пройдет постпроцедурный шок, проявится и четвертый симптом – *dolor*.[2]

Запишем: почти полстолетия минуло с того дня, как я занимался медицинской практикой. Чувствую, как годы иссушают мою память и снижают ловкость моих пальцев. Я уже мало что делать умею и еще меньше сделать могу. Вся надежда на защитные механизмы юного организма.

– Двенадцатый час после процедуры. Как и ожидалось, наступило четвертое кардинальное проявление признаков заражения: *dolor*. Больная кричит от боли, поднимается температура, усиливается фебра.[3] У меня нет ничего, никаких средств, которые можно было бы ей дать. Есть лишь небольшое количество датурового эликсира,[4] но девочка слишком слаба, чтобы выдержать его действие. Есть также немного бореца, но борец ее наверняка убьет.

– Пятнадцатый час после процедуры. Рассвет. Больная без сознания. Температура резко возрастает. Фебра усиливается. Кроме того, наблюдаются сильные спазмы лицевых мышц. Если это столбняк – девочке конец. Вся надежда на то, что это просто сокращения лицевого либо тройничного нерва. Либо и того, и другого… Тогда девочка будет обезображена… Но жить будет…

Высогота глянул на пергамент, на котором не увидел ни одной руны, ни единого слова.

– При условии, – глухо пробормотал он, – что нет заражения.

– Двадцатый час после процедуры. Температура поднимается. *Rubor, calor, tumor* и *dolor* подходят, как мне кажется, к кризисной точке. Но у девочки нет шансов дотянуть хотя бы до этих границ. Так и запишу… Я, Высогота из Корво, не верю в существование богов. Но если они случайно все же существуют, то пусть возьмут под свое крыло эту девочку. И да простят мне то, что я сделал… Если то, что я сделал, окажется ошибкой.

Высогота отложил перо, потер припухшие и свербящие веки, прижал ладони к вискам.

– Я дал ей смесь датуры и аконита, – глухо сказал он. – В ближайшие часы должно решиться все…

Он не спал, а лишь дремал, когда из дремы его вырвали стук и удары, сопровождаемые стоном. Стоном скорее ярости, чем боли.

На дворе светало, сквозь щели в ставнях сочился слабый свет.

Песок в часах пересыпался до конца, причем уже давно – Высогота, как всегда, забыл их перевернуть. Каганчик едва тлел, рубиновые угли в камине слабо освещали угол комнатушки. Старик встал, отдернул сляпанную на скорую руку занавеску из покрывал, которой отгородил топчан от остальной части комнаты, чтобы обеспечить больной покой.

Девочка уже ухитрилась подняться с пола, на который только что скатилась, и теперь сидела, сгорбившись на краю постели, пытаясь почесать лицо, обмотанное перевязкой.

– Я же просил не вставать, – кашлянул Высогота. – Ты слишком слаба. Если чего-то хочешь, крикни. Я всегда рядом.

– А я вот как раз и не хочу, чтобы ты был рядом, – сказала она тихо, вполголоса, но вполне внятно. – Мне надо помочиться.

Когда он вернулся, чтобы забрать ночной горшок, она лежала на топчане, ощупывая материю, прижатую к щеке лентами и охватывающую лоб и шею. Когда минуту спустя Высогота снова подошел к ней, она не пошевелилась, чтобы изменить позу, а лишь спросила, глядя в потолок:

– Четверо суток, говоришь?

– Пятеро. После нашего последнего разговора прошли еще сутки. Все это время ты спала. Это хорошо. Тебе сон необходим.

– Я чувствую себя лучше.

– Рад слышать. Снимем повязку. Я помогу тебе сесть. Возьми меня за руку.

Рана затягивалась хорошо и не мокла. На этот раз почти не пришлось с болью отрывать тряпицу от струпа. Девушка осторожно дотронулась до щеки. Поморщилась. Высогота знал, что причиной была не только боль. Всякий раз она заново убеждалась в размерах раны и понимала, сколь она серьезна. С ужасом убеждалась, что то, что раньше она чувствовала прикосновением, не было кошмаром, вызванным температурой.

– У тебя есть зеркало?

– Нет, – солгал он.

Она взглянула на него, пожалуй, впервые совершенно осознанно.

– Стало быть, все настолько плохо. – Она осторожно провела пальцами по швам.

– Рана очень обширная, – прогудел он, злясь на себя за то, что вынужден объяснять и извиняться перед девчонкой. – Опухоль на лице все еще не спадает. Через несколько дней я сниму швы, а пока буду прикладывать арнику и вытяжку из вербены. Не стану обматывать всю голову. Рана хорошо заживает. Поверь мне – хорошо.

Она не ответила. Пошевелила губами, подвигала челюстью,

морщила и кривила лицо, проверяя, что рана делать позволяет, а чего нет.

– Я сварил бульон из голубя. Поешь?

– Поем. Только теперь попробую сама. Унизительно, когда тебя кормят будто паралитичку.

Она ела долго. Деревянную ложку подносила ко рту осторожно и с таким трудом, словно та весила фунта два. Но справилась без помощи Высоготы, с интересом наблюдавшего за ней. Высогота был любознательным и сгорал от нетерпения, зная, что одновременно с выздоровлением девушки начнутся разговоры, которые могут прояснить загадку. Он знал – и не мог дождаться этой минуты. Он слишком долго жил в одиночестве, в отрыве от людей и мира.

Девушка кончила есть, откинулась на подушки. Некоторое время неподвижно глядела в потолок, потом слегка повернула голову. Невероятно большие зеленые глаза – в который раз отметил Высогота – придавали ее лицу невинно детское выражение, в данный момент, однако, противоречащее жутко искалеченной щеке. Высогота знал такой тип красоты – большеглазый вечный ребенок, лицо, вызывающее инстинктивную симпатию. Вечная девочка, даже когда двадцатый или тридцатый дни рождения давно останутся в прошлом. Да, конечно, Высогота прекрасно знал этот тип красоты. Такой была его вторая жена. Такой же была его дочь.

– Мне надо отсюда бежать, – неожиданно сказала девушка. – И как можно скорее. За мной гонятся. Ты же знаешь.

– Знаю, – подтвердил он. – Это были твои первые слова, которые вовсе не были бредом. Точнее – одни из первых. Потому что прежде всего ты спросила о своем коне и своем мече. Именно в такой последовательности. Когда я заверил тебя, что и конь, и меч под надежным присмотром, ты заподозрила меня в соучастии какому-то Бонарту и решила, что я не лечу тебя, а подвергаю пыткам надежды. Когда я не без труда вывел тебя из заблуждения, ты назвалась Фалькой и поблагодарила меня за спасение.

– Это хорошо. – Она отвернулась, словно опасалась смотреть ему в глаза. – Хорошо, что не забыла поблагодарить. Все, что случилось, я помню как бы сквозь туман. Не знаю, что было явью, а что сном. И боялась, что не поблагодарила. Меня зовут не Фалька.

– Об этом я тоже узнал, хотя скорее всего случайно. Ты разговаривала в бреду.

– Я беглянка, – сказала она, не поворачиваясь. – Беглец. Укрывать меня опасно. Опасно знать, как меня в

действительности зовут. Мне надо лезть в седло и выматываться, пока они не добрались сюда.

– Ты только что, – мягко сказал он, – с трудом села на горшок. Что-то я не представляю себе, как ты залезешь в седло. Но уверяю: здесь безопасно. Здесь тебя никто не отыщет.

– За мной наверняка гонятся. Идут по следу, перепахивают все кругом…

– Успокойся. Ежедневно идут дожди, следы найти невозможно. А ты на безлюдье, у отшельника. В доме пустынника, который отринул себя от мира или мир от себя так, чтобы миру тоже нелегко было бы его отыскать. Впрочем, если ты так хочешь, я могу найти способ передать весть о тебе твоим родным или друзьям.

– Ты даже не знаешь, кто я…

– Ты – раненая девушка, – прервал он. – Убегающая от кого-то, кто не задумываясь ранит девушек. Хочешь, чтобы я кому-нибудь сообщил о тебе?

– Некому сообщать, – после краткого молчания ответила она. Высогота уловил, как изменился ее голос. – Мои друзья погибли. Все до единого.

Он промолчал.

– Я – смерть, – продолжала она странным голосом. – Каждый, кто сталкивается со мной, умирает.

– Не каждый, – возразил он, внимательно глядя на нее. – Не Бонарт, тот, чье имя ты выкрикивала в бреду, тот, от которого собираешься теперь убегать. Ваше столкновение навредило больше тебе, чем ему. Это он… ранил тебя в лицо?

– Нет. – Она сжала губы, чтобы приглушить то ли стон, то ли ругательство. – В лицо меня ранил Филин. Стефан Скеллен. А Бонарт… Бонарт ранил гораздо сильнее. Глубже. Что, я и об этом тоже говорила в бреду?

– Успокойся. Ты ослабла, тебе нельзя перевозбуждаться.

– Меня зовут Цири.

– Я сделаю тебе компресс из арники, Цири.

– Подожди… немножко. Дай мне зеркало.

– Я же сказал…

– Пожалуйста!

Высогота решил, что дальше оттягивать не стоит. Принес даже каганчик, чтобы она могла лучше рассмотреть, что сотворили с ее лицом.

– Ну да, – сказала она изменившимся, ломким голосом. – Ну да. Так я и думала. Почти так, как я думала.

Он вышел, задернув за собой занавеску.

Она старалась всхлипывать совсем тихо, так, чтобы он не

слышал. Очень старалась.

Через день Высогота снял половину швов. Цири ощупала щеку, пошипела как змея, жалуясь на сильную боль около уха и большую чувствительность шеи в районе челюсти. Однако встала, оделась и вышла во двор. Высогота не возражал и сопровождал ее. Помогать или поддерживать надобности не было. Она была здорова и гораздо сильнее, чем можно было предполагать.

Покачнулась лишь, когда выходила, и прислонилась к дверному косяку.

– Однако… – Она подавилась воздухом. – Ну и холодина! Мороз, верно? Уже зима? Сколько же времени я здесь провалялась? Сколько недель?

– Ровно шесть дней. Сегодня пятое октября. Но октябрь обещает быть очень холодным.

– Пятое октября? – Она поморщилась, ойкнула от боли. – Это как же так… Две недели?

– Что? Какие две недели?

– Не важно, – пожала она плечами. – Может, я что-то путаю… А может, и не путаю. Скажи, чем тут так жутко несет?

– Шкурами. Я ловлю ондатр, бобров, нутрий и выдр, выделываю шкуры. Ведь отшельникам тоже надо на что-то жить.

– Где моя коняга?

– В овчарне.

Вороная кобыла встретила пришедших громким ржанием, а коза Высоготы поддержала ее блеянием, в котором прозвучало явное недовольство необходимостью делить обиталище с другим жильцом. Цири обхватила лошадь за шею, пошлепала, погладила по загривку. Кобыла фыркала и гребла копытом солому.

– Где мое седло? Упряжь? Чепрак?

– Здесь.

Он не возражал, не делал замечаний, не высказывал своего мнения. Просто молчал, опираясь на палку. Не пошевелился, когда она застонала, пытаясь поднять седло, не дрогнул, когда покачнулась под грузом и тяжело, с громким стоном хлопнулась на застеленный соломой глинобитный пол. Не подошел, не помог встать. Просто внимательно смотрел.

– Ну да, – проговорила она сквозь стиснутые зубы, отталкивая кобылу, пытавшуюся сунуть ей нос за воротник. – Все ясно. Но я должна отсюда бежать, холера меня забери! Попросту должна!

– Куда? – холодно спросил он.

Она пощупала лицо, продолжая сидеть на соломе рядом с упущенным седлом.

– Как можно дальше.

Он кивнул, словно ответ его удовлетворил, сделав все ясным и понятным и не оставив места домыслам. Цири с трудом поднялась, даже не пытаясь наклониться за седлом и упряжью. Только проверила, есть ли у кобылы сено и овес в колоде, а потом принялась протирать спину и бока лошади пучком соломы. Высогота молча ждал и дождался. Девушка, побледнев как полотно, покачнулась, ее понесло на столб, поддерживавший крышу. Высогота молча подал ей палку.

– Со мной все в порядке. Прости…

– У тебя просто закружилась голова. Ты больна и слаба, как новорожденная. Возвращаемся. Тебе надо лечь.

После захода солнца, проспав несколько часов, Цири вышла снова. Высогота, возвращаясь от реки, натолкнулся на нее около живой изгороди из ежевичных кустов.

– Не отходи слишком далеко от дома, – сказал он резко. – Во-первых, ты очень ослабла…

– Я чувствую себя лучше.

– Во-вторых, это опасно. Вокруг обширная трясина, бесконечные камыши. Ты не знаешь тропок, можешь заблудиться или утонуть.

– А ты, – она указала на мешочек, который он тащил, – тропки, конечно, знаешь. И даже не очень далеко по ним ходишь, стало быть, болото не очень и велико. Дубишь шкуры, чтобы жить, понятно. У Кэльпи, моей кобылы, не переводится овес, а поля тут что-то не видать. Мы едим кур и каши. И хлеб. Настоящий хлеб, не лепешки, что на поду пекут. Хлеба ты от траппера не получишь. А значит, неподалеку есть деревня.

– Железная логика, – спокойно согласился он. – И верно, провизию я получаю в ближнем селе. Самом ближнем, но вовсе не близком, лежащем на краю болота. Трясина прилегает к реке. Я обмениваю шкуры на пищу, которую мне привозят лодкой, на хлеб, крупу, муку, соль, сыр, иногда кролика или курицу. Порой привозят известия.

Вопроса он не дождался, поэтому продолжал:

– Орава конных за время погони дважды побывала в деревне. Первый раз предупредили, чтобы тебя не прятать, пригрозили мужикам огнем и мечом, если тебя в селе прихватят. Второй – обещали награду. За то, что найдут труп. Твои преследователи убеждены, что ты валяешься мертвая в лесах, в каком-нибудь яре или лощине.

– И не успокоятся, – проворчала она, – пока не отыщут труп. Уж это я знаю хорошо. Им нужно доказательство, что я подохла. Без такого доказательства они не откажутся от поисков. Будут

тыркаться всюду. В конце концов доберутся до тебя.

– Это им очень важно, – заметил Высогота. – Я бы даже сказал, невероятно важно…

Цири стиснула зубы.

– Не бойся. Я уеду прежде, чем они меня найдут. Тебя не подставлю… Не бойся.

– С чего ты взяла, что я боюсь? – пожал он плечами. – Что, у меня есть причина бояться? Сюда не пройдет никто, никто тебя здесь не выследит. Но вот если ты высунешь нос из камышей, то точно попадешь своим преследователям в лапы.

– Иначе говоря, – гордо вскинула она голову, – я должна здесь остаться? Это ты хотел сказать?

– Ты не под арестом. Можешь уезжать, когда вздумаешь. Точнее – когда сумеешь. Но можешь остаться и переждать. Любые, даже самые горячие преследователи остывают. Рано или поздно. Всегда. Можешь поверить. Я в этом разбираюсь.

Ее зеленые глаза сверкнули, когда она взглянула на него.

– Впрочем, – быстро сказал он, пожимая плечами и уходя от ее взгляда, – поступай, как знаешь. Повторяю, я тебя не удерживаю.

– Однако сегодня, – вздохнула она, – я, пожалуй, не уеду. Слаба я еще. Да и солнце вот-вот зайдет… А я ведь тропок не знаю. Пошли-ка в хату. Озябла я что-то.

– Ты сказал, что я пролежала у тебя шесть суток. Это верно?

– А зачем мне врать?

– Не кипятись. Я стараюсь подсчитать дни… Я убежала… Меня ранили… в день Эквинокция. Двадцать третьего сентября. Если ты предпочитаешь считать по-эльфьему, то в последний день Ламмаса.

– Этого не может быть.

– А зачем мне врать? – крикнула она и застонала, схватившись за лицо.

Высогота спокойно глядел на нее.

– Не знаю зачем, – холодно сказал он. – Но я когда-то был лекарем, Цири. Очень давно, но я все еще умею отличить рану, нанесенную десять часов назад, от раны, нанесенной четыре дня назад. Я нашел тебя двадцать седьмого сентября. Значит, ты была ранена двадцать шестого. На третий день Велена, если предпочитаешь считать по-эльфьему. Через три дня после Эквинокция.

– Меня ранили в самый Эквинокций.

– Это невозможно, Цири. Ты наверняка напутала даты.

– Наверняка нет. Это у тебя какой-то устаревший

отшельничий календарь.

– Пусть так. А это так уж важно?

– Нет. Абсолютно нет.

* * *

Спустя три дня Высогота снял последние швы. У него были все основания быть довольным и гордиться своим делом – линия шва была ровная и чистая, опасаться отметин, оставленных грязью, было нечего. Однако удовольствие слегка подпортил вид Цири, в угрюмом молчании рассматривавшей шрам в зеркале, которое она поворачивала и так, и этак и безуспешно пыталась прикрыть шрам волосами, зачесывая их на щеку. Шрам уродовал. Факт оставался фактом, и тут никакие парикмахерские ухищрения не помогали. Нечего было пытаться изображать дело так, будто все выглядит иначе. Красный, толщиной с веревку, помеченный следами иглы и вмятинами от ниток шрам выглядел чудовищно. Конечно, краснота и следы иглы и ниток могли постепенно – к тому же довольно скоро – исчезнуть. Однако Высогота знал, что никаких шансов на то, что шрам исчезнет вообще и перестанет уродовать лицо, у Цири не было.

Девушка чувствовала себя значительно лучше, но, к удивлению и удовольствию Высоготы, почему-то вообще больше не заговаривала об отъезде. Выводила из овчарни вороную Кэльпи – Высогота знал, что у нордлингов словом «кэльпи» обозначают морщинца, грозное морское существо, которое, если верить молве, способно принимать облик красивейшего жеребца, дельфина и даже очаровательной женщины, хотя обычно напоминает спутанный клубок трав. Цири седлала кобылу и несколько раз объезжала дворик вокруг хаты. Затем Кэльпи возвращалась в овчарню составить общество козе, а Цири направлялась в хату, дабы составить общество Высоготе. Даже – скорее всего от скуки – помогала ему заниматься шкурами. Когда он сортировал нутрий по размерам и оттенкам, она разделывала шкурки ондатр вдоль спинки и брюшка, пользуясь при этом введенной внутрь шкурки дощечкой. Пальцы у нее были невероятно ловкие.

Именно во время этого занятия и возник у них достаточно странный разговор.

– Ты не знаешь, кто я. Ты даже не догадываешься, кто я такая.

Цири несколько раз повторила свое утверждение и этим вызвала у него легкое раздражение. Конечно, по его виду она об

этом догадаться не могла. Выдай он свои чувства перед такой соплячкой, это оскорбило бы его. Нет, такого он допустить не мог, но не мог не выдать и разбиравшего его любопытства.

Любопытства в общем-то безосновательного, потому что в принципе он вполне мог бы догадаться, кто она такая. Во времена юности Высоготы молодежные банды тоже не были редкостью. Прошедшие годы не могли приглушить магнетической силы, привлекавшей в такие шайки молокососов, алчущих приключений и сильных ощущений. Очень часто им же самим на погибель. О малолетках, похваляющихся шрамами на лицах, можно было сказать, что им крупно повезло, ибо тех, кому повезло меньше, ждали пытки, шибеница, крюк или кол.

Да, со времен Высоготовой юности изменилось только одно: эмансипация прогрессировала. В банды тянулись не только подростки, но и сбрендившие девчонки, предпочитавшие коня, меч и приключения спицам, кудели и ожиданию сватов.

Конечно, Высогота не сказал ей всего этого напрямик. А поведал уклончиво. Но так, дабы она поняла, что он это знает. Дабы ей стало ясно, что если кто-то здесь и является загадкой, то, уж конечно, не она – чудом избежавшая облавы малолетняя разбойница из банды таких же малолетних паршивцев. Изувеченная соплячка, пытающаяся окружить себя ореолом таинственности…

– Ты не знаешь, кто я. Но не бойся. Я скоро уеду. Не стану подвергать тебя опасности.

Высогота не выдержал.

– Не грозит мне никакая опасность, – сказал он сухо. – Да и что вообще может грозить? Даже если преследователи явятся сюда, в чем я весьма сомневаюсь, что плохого могут они мне сделать? Конечно, оказание помощи беглым преступникам наказуемо, но это не касается отшельников, поскольку отшельник не знаком со светскими установлениями. Я вправе принимать любого, попавшего в мою обитель. Ты верно сказала: я не знаю, кто ты такая. Откуда мне, отшельнику, знать, кто ты, что натворила и за что тебя преследует закон? Да и какой закон? Ведь я даже не знаю, чьи законы действуют в здешних краях, под чьей и какой юрисдикцией они находятся. И меня это не интересует. Я – отшельник.

Он немного перебрал с этим отшельничеством. И сам чувствовал это. Но не отказался – ее яростные зеленые глаза кололи его словно шпоры.

– Я – убогий пустынник. Умерший для мира и дел его. Я – человек простой и необразованный, мировых проблем не знающий…

Вот тут-то он явно переборщил.

– Как же! – взвизгнула она, отбрасывая шкурку и нож на пол. – Дурочкой меня считаешь, да? Нет, я не дурочка, и не думай. Пустынник убогий! Когда тебя не было, я тут кое-что высмотрела. Заглянула туда, в угол, за не очень чистые занавески. Откуда, интересно знать, на полках взялись ученые книги, скажи, ты, человек простой и необразованный?

Высогота бросил шкурку нутрии на кучку.

– Когда-то здесь жил сборщик налогов, – сказал он небрежно. – Это кадастры и бухгалтерские книги.

– Брешешь, – поморщилась Цири, массируя шрам. – Ведь прям в глаза врешь!

Он не ответил, прикинувшись, будто оценивает оттенок очередной шкурки.

– Может, думаешь, – снова заговорила девушка, – что если у тебя седая борода, морщины во весь лоб и сто лет за плечами, так ты можешь запросто объегорить такую наивную молодку, как я, а? Ну, так я тебе скажу: первую попавшуюся, может, и обведешь вокруг пальца. Но я-то не первая попавшаяся.

Он высоко поднял брови в немом провокационном вопросе. Она не заставила себя долго ждать.

– Я, дорогой мой отшельничек, училась в таких местах, где было множество книг. В том числе и таких, что на твоих полках стоят. Многие из их названий мне знакомы.

Высогота еще выше поднял брови. Она глядела ему прямо в глаза.

– Странные речи, – процедила она, – ведет зачуханная замарашка, замызганная сиротинушка, а может, и вообще грабительница или бандитка, найденная в кустах с раздолбанной мордой. Однако неплохо бы тебе знать, милсдарь отшельник, что я читала Родерика де Новембра, просматривала, и не раз, труд под названием «Materia medica». Знаю «Herbarius», точно такой, как на твоей полке. Знаю также, что означает на корешках книг горностаевый крест на красном щите. Это знак, что книгу издал Оксенфуртский университет.

Она замолчала, продолжая внимательно наблюдать за Высоготой. Тот молчал, стараясь, чтобы его лицо ничего не выдавало.

– Поэтому я думаю, – сказала она, тряхнув головой свойственным ей гордым и немного резким движением, – что ты вовсе не простачок и не отшельник. И отнюдь не умер для мира, а сбежал от него. И скрываешься здесь, на безлюдье, укрывшись видимостью и… бескрайними камышами.

– Если все обстоит так, как ты говоришь, – улыбнулся

Высогота, – то действительно преудивительно переплелись наши судьбы, начитанная ты моя девочка. Но ведь и ты тоже здесь скрываешься. Ведь и ты, Цири, умело укутываешь себя вуалью видимостей. Однако я человек старый, полный подозрений и прогоркшего старческого недоверия…

– Ко мне?

– К миру, Цири. К миру, в котором жульническая явь натягивает на себя маску истины, чтобы объегорить иную истину, кстати говоря, тоже фальшивую и тоже пытающуюся жульничать. К миру, в котором герб Оксенфуртского университета малюют на дверях борделей. К миру, в котором раненые разбойницы выдают себя за бывалых, ученых, а может, и благородных мазелей, интеллектуалок и эрудиток, цитирующих Родерика де Новембра и знакомых с гербом Академии. Вопреки всякой видимости. Вопреки тому, что сами-то носят со-о-овсем другой знак. Бандитский татуаж. Пунцовую розу, наколотую в паху.

– Верно, ты прав. – Она прикусила губу, а лицо покрылось таким густым румянцем, что розовая до того полоса шрама показалась черной. – Ты прогоркший старик. И въедливый дед.

– На моей полке, за занавеской, – указал он движением головы, – стоит «Aen N'og Mab Teadh'morc», сборник эльфьих сказок и рифмованных предсказаний. Есть там весьма подходящая к нашей ситуации и беседе историйка об уважаемом вороне и юной ласточке. А поскольку, Цири, я, как и ты, – эрудит, постольку я позволю себе привести соответствующую цитату. Ворон, как ты, несомненно, помнишь, обвиняет ласточку в легкомысленности и недостойной непоседливости.

Hen Cerbin dic'ss aen n'og Zireael
Aark, aark, caelm foile, te veloe, ell?
Zireael…

Он замолчал, поставил локти на стол, а подбородок положил на сплетенные пальцы. Цири тряхнула головой, выпрямилась, вызывающе глянула на него и докончила:

– …Zireael veloe que'ss aen en'ssan irch
Mab og, Hen Cerbin, vean ni, quirk, quirk!

– Прогоркший и недоверчивый старик, – проговорил после недолгого молчания Высогота, не меняя позы, – приносит извинения юной эрудитке. Седой ворон, которому всюду мнятся предательство и обман, просит ласточку, единственная вина

которой в том, что она молода, полна жизни и привлекательна, простить его.

– А вот теперь ты несешь напраслину! – воскликнула Цири, инстинктивно прикрывая шрам на лице. – Такие комплименты можешь держать при себе. Они не исправят кривых швов, которыми ты заметал мне кожу. И не думай, что такими фокусами ты добьешься моего доверия. Я по-прежнему не знаю, кто ты таков. Почему обманул меня относительно дней и дат. И с какой целью заглядывал мне меж ног, хотя ранена я была в лицо. И одним ли только заглядыванием все кончилось.

На этот раз ей удалось вывести его из равновесия.

– Да что ты вообразила, соплячка?! – крикнул он. – Да я тебе в отцы гожусь!

– В деды, – холодно поправила она. – В деды, а то и в прадеды. Но ты мне и не дед, и не прадед. И вообще я не знаю, кто ты таков. Только наверняка уж не тот, за кого себя выдаешь. Или хочешь, чтобы тебя за него принимали.

– Я – тот, кто нашел тебя на болоте, почти вмерзшей в мох, с черной коркой крови и тины вместо лица, без сознания, запаскудевшую и грязную. Я тот, кто взял тебя к себе в дом, даже не зная, кто ты такая, а предполагать имел право самое худшее. Кто перевязал тебя и уложил в постель. Лечил, когда ты умирала от лихоманки. Ухаживал. Мыл. Всю. В районе татуировки тоже.

Она снова покраснела, но в глазах по-прежнему стоял наглый вызов.

– На этом свете, – проворчала она, – жульническая явь частенько прикидывается истиной, ты сам так сказал. Я тоже, представь себе, немного знаю свет. Ты спас меня, перевязал, ухаживал. За это тебя благодарю. Я благодарна тебе за… доброту. Но ведь я знаю, что не бывает доброты без…

– Без расчета и надежды на выгоду, – докончил он с улыбкой. – Да-да, конечно. Я человек бывалый, возможно, даже знаю мир не хуже тебя, Цири. Раненых девочек, как известно, обдирают со всего, что имеет хоть какую-то ценность. Если они без сознания или слишком слабы, чтобы защищаться, то обычно дают волю своим похотям и страстям, порой прибегая к развратным и противным натуре приемам. Верно?

– Внешность очень часто бывает обманчива, – ответила Цири, в очередной раз заливаясь румянцем.

– Ах, какое верное утверждение. – Старик бросил очередную шкурку на соответствующую кучку. – И так же верно ведущее нас к заключению, что мы, Цири, ничего не знаем друг о друге. Перед нами лишь внешность, а ведь она бывает так обманчива.

Он переждал немного, но Цири не спешила отвечать.

– Хотя нам обоим и удалось проделать нечто вроде неглубокой разведки, мы по-прежнему ничего друг о друге не знаем. Я не знаю, кто такая ты, ты не знаешь, кто такой я…

На этот раз он молчал не случайно. Она глядела на него, а в ее глазах затаился вопрос, которого он и ожидал. Что-то странное сверкнуло в них, когда она заговорила:

– Кто начнет первым?

Если б в сумерки кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся и обомшелой стрехой, если б заглянул внутрь, то при свете каганка и тлеющих в камине углей увидел бы седобородого старика, склонившегося над кипой шкур. Увидел бы пепельноволосую девушку с безобразным шрамом на щеке, совершенно не сочетающимся с огромными, как у ребенка, зелеными глазами.

Но увидеть этого не мог никто. Хата стояла в камышах, на трясине, на которую никто не отваживался ступить.

– Меня зовут Высогота из Корво. Я был лекарем. Хирургом и алхимиком. Был исследователем, историком, философом, этиком. Я был профессором Оксенфуртской Академии. Мне пришлось оттуда бежать после опубликования некоего труда, который сочли безбожным, за что тогда, пятьдесят лет назад, грозила смертная казнь. Мне пришлось эмигрировать. Жена последовать за мной не пожелала и бросила меня. Остановился я лишь далеко на юге, в Нильфгаардской империи. Стал преподавать этику в Императорской Академии в Кастелль Граупиане и проработал там почти десять лет. Однако и оттуда вынужден был бежать после того, как опубликовал некий трактат… Между прочим, труд этот рассматривал проблему тоталитарной власти и преступного характера завоевательных войн, но официально произведение и меня обвинили в метафизическом мистицизме и клерикальной схизме. Сочли, что я действовал по наущению экспансивных и ревизионистских жреческих групп, реально правивших королевствами нордлингов. Довольно забавно в свете смертного приговора, вынесенного мне за атеизм двадцатью годами раньше. Впрочем, к тому времени экспансивные жрецы на Севере уже давно были забыты. Но в Нильфгаарде этого не учитывали. Брачные узы мистицизма и суеверия с политикой преследовались и сурово наказывались.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что, если б покорился и раскаялся, может, сфабрикованное против меня дело и развалилось бы, а император ограничился б немилостью и не стал применять драконовы меры. Но я был зол, раздражен и убежден в

своих истинах, которые считал вневременными, стоящими выше той или иной власти либо политики. Я почитал себя обиженным, причем обиженным несправедливо. Тиранически. Поэтому установил плотные контакты с диссидентами, тайно порицающими тирана. Не успел я оглянуться, как уже сидел вместе с диссидентами в узилище, а некоторые из «сокамерников», стоило им увидеть инструменты допросов, тут же указали на меня как на главного идеолога движения.

Император воспользовался своим правом помилования, однако осудил меня на изгнание и пригрозил немедленно расправиться в случае возвращения на имперские земли.

Я обиделся на весь мир, на королевства, империи и университеты, на диссидентов, чиновников, юристов. На коллег и друзей, которые при первом же намеке на опасность отреклись от меня. На вторую жену, которая, как и первая, считала, что неприятности мужа – вполне достаточный повод для развода. На детей, незамедлительно отказавшихся от меня. Я стал отшельником. Здесь, в Эббинге, на болотах Переплюта. Унаследовал эту развалюху после одного пустынника, с которым мне случайно довелось познакомиться. К несчастью, Нильфгаард аннексировал Эббинг, и я, хотел я того или нет, снова оказался в Империи. У меня больше нет ни сил, ни желания продолжать скитания, поэтому я вынужден скрываться. Императорские приговоры не имеют сроков давности и остаются в силе даже в том случае, если вынесший их правитель давным-давно преставился, а у правящего нет поводов с приятностью вспоминать своего предшественника и разделять его взгляды. Смертный приговор остается в силе. Таков закон и обычай Нильфгаарда. Приговоры за измену государству не устаревают и не подлежат амнистии, которую каждый новый император непременно объявляет после коронации. В результате восхождения на престол нового императора амнистируются все, кто был обречен его предшественником… за исключением повинных в измене государству. Безразлично, кто правит в Нильфгаарде: если станет известно, что я жив и нарушил приговор изгнания, пребывая на имперской территории, меня обезглавят на эшафоте.

Как видишь, Цири, мы оказались в совершенно равной ситуации.

– Что такое этика? Я знала, но забыла.

– Наука о морали. О правилах поведения благородного, порядочного, приличного и вежливого. О вершинах добра, на которые дух человеческий возносят справедливость и

моральность. И о безднах зла, в которые низвергают человека порок и непорядочность.

– Вершины добра! – фыркнула Цири. – Справедливость! Моральность! Не смеши, не то у меня шрам на морде лопнет. Тебе повезло, что тебя не преследовали, не насылали на тебя охотников за наградами вроде Бонарта. Тогда б ты увидел, что это за штука – бездна зла. Этика? Дерьмо цена всей твоей этике, Высогота из Корво. Нет, Высогота, не порочных или непорядочных сбрасывают в бездну, нет! О нет! Как раз порочные, злые, но решительные сбрасывают туда моральных, порядочных и благородных, но, на свое несчастье, робких, колеблющихся и не в меру щепетильных.

– Благодарю за науку, – съехидничал Высогота. – Уверен, проживи хоть целый век, никогда не поздно чему-нибудь подучиться. Воистину, всегда стоит послушать бывалых, тертых, зрелых и опытных людей.

– Ну-ну, смейся, смейся, – тряхнула головой Цири. – Пока можешь. Потому как теперь моя очередь смеяться. Теперь я повеселю тебя повествованием. Расскажу, как было со мной. А когда закончу, поглядим, захочется ли тебе и дальше подъелдыкивать меня.

Если б в тот день в сумерках кто-нибудь подобрался к избе с провалившейся стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатушке седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, сидящей на колоде у камина. Он заметил бы, что девушка говорит медленно, как бы с трудом подыскивая слова, нервно потирает изуродованную отвратительным рубцом щеку и долгими минутами молчания перемежает повествование о своих судьбах. Повествование о знаниях, которые получила и которые все, все до единого, оказались ложными и путаными. О клятвах, которые ей давали и которых не сдержали. Повествование о том, как предназначение, в которое ей должно было верить, подло обмануло ее и лишило наследства. О том, как всякий раз, когда она уже начинала верить, на нее обрушивались мытарства, боль, обида и презрение. О том, как те, которым она верила и любила, предали, не пришли на помощь, когда она страдала, когда ей грозили унижение, мучение и смерть. Повествование об идеалах, которым ей полагалось следовать, но которые подвели, предали, покинули ее именно в тот момент, когда они были ей особенно нужны, доказав тем самым, сколь ничтожной оказалась их цена. О том, как помощь, дружбу – и любовь – она наконец нашла у тех, у кого,

казалось бы, не следовало искать ни помощи, ни дружбы. Не говоря уж о любви.

Но этого никто не мог увидеть и тем более услышать. Хата с провалившейся и заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманами на топях, на которые никто не отважился бы ступить.

Вступая в зрелый возраст, юная дева начинает исследовать области жизни, до того ей недоступные, которые в сказках символизируются проникновением в таинственные башни и поисками укрытой там комнаты. Девушка взбирается на вершину башни, ступая по винтовой лестнице – лестницы в снах представляют собою символы эротических переживаний. Запретная комната, этот маленький, замкнутый на замок покой, символизирует вагину, а поворот ключа в замке – сексуальный акт.

Бруно Беттельгейм. «The Uses of Enchantment, the Meaning and Importance of Fairy Tales»

Глава вторая

Западный ветер нагнал ночную бурю.

Фиолетово-черное небо раскололось вдоль зигзага молнии, взорвалось рассыпчатым грохотом грома. Обрушившийся на землю дождь резко забарабанил по дорожной пыли густыми как масло каплями, зашумел по крышам, размазал грязь на пленках оконных пузырей. Но сильный ветер быстро разогнал ливень, отогнал грозу куда-то далеко-далеко, за испещренный молниями горизонт.

И тогда разлаялись собаки. Зазвенели копыта, забренчало оружие. Дикие крики и свист вздымали волосы на головах разбуженных кметов, в панике вскакивающих с постелей, подпирающих кольями двери и оконные рамы. Вспотевшие руки сжимали рукояти топоров, черенки вил. Сжимали крепко. Но бесполезно.

Террор, террор несся по деревне. Преследуемые или преследователи? Взбесившиеся от ярости или от ужаса? Пролетят, не задержат лошадей? Или же вот-вот осветится ночь огнем полыхающих крыш?

Тише, тише, дети…

Мама, это демоны? Это Дикий Гон? Привидения, вырвавшиеся из ада?

Мама, мама!

Тише, тише, дети! Это не демоны, не дьяволы.

Хуже.

Это люди.

Надрывались собаки. Завывал ветер. Звенели подковы.

Сквозь село и сквозь ночь мчалась разгульная ватага.

Хотспорн влетел на пригорок, сдержал и развернул коня. Он был предусмотрительным и осторожным. Не любил рисковать, тем более что осторожность ничего не стоила. Он не торопился спускаться вниз, к речке, к почтовой станции. Предпочитал сначала как следует приглядеться.

Около станции не было ни лошадей, ни телег, стоял там лишь один фургончик, запряженный парой мулов. На тенте виднелась надпись, которую Хотспорн издалека прочесть не мог. Но опасностью не пахло. Опасность Хотспорн учуять умел. Хотспорн был профессионалом.

Он спустился на заросший кустарником и ивняком берег, решительно послал коня в реку, галопом прошел меж бьющих повыше седла всплесков воды. Ныряющие вдоль берега утки

разлетелись с громким кряканьем.

Хотспорн подогнал коня, через раскрытую заграду въехал во двор станции. Теперь уже можно было прочесть надпись на тенте фургона:

МЭТР АЛЬМАВЕРА,

ИСКУСНИК ТАТУИРОВКИ

Каждое слово было намалевано другим цветом и начиналось с преувеличенно огромных, изящно изукрашенных букв. А на корпусе фургона, повыше переднего колеса, красовалась выведенная пурпурной краской небольшая стрела с раздвоенным наконечником.

– С коня! – услышал он за спиной. – На землю, да поживее! Руки прочь от меча!

Его поймали и беззвучно окружили: справа – Ассе в черной кожаной курточке, расшитой серебром, слева – Фалька в зеленом замшевом кафтанчике и берете с перьями. Хотспорн стянул капюшон, закрывавший лицо.

– Ха! – Ассе опустил меч. – Это вы, Хотспорн. Я бы узнал, но меня обманул ваш воронок.

– Но хороша кобылка! – восторженно сказала Фалька, сдвигая берет на ухо. – Черна и блестит как уголь, ни волоска посветлее. А стройна! Ух, красавица!

– Да уж, такая вот досталась за неполные сто флоренов, – небрежно улыбнулся Хотспорн. – Где Гиселер? Внутри?

Ассе кивнул. Фалька, зачарованно глядя на кобылу, пошлепала ее по шее.

– Когда мчалась через воду, – она подняла на Хотспорна большие зеленые глаза, – то была словно настоящая кэльпи! Если б вынырнула из моря, а не из речки, не поверила бы, что это не настоящая кэльпи.

– А ты, Фалька, когда-нибудь видела настоящую кэльпи?

– На картинке. – Девушка вдруг погрустнела. – А, чего болтать-то. Пошли в дом. Гиселер ждет.

У окна, дающего немного света, стоял стол. На столе, опираясь о крышку локтями, полулежала Мистле, совершенно голая ниже пояса. На ней не было ничего, кроме черных чулок. Между нескромно раздвинутыми ногами копошился худой,

длинноволосый тип в грязном халате. Это не мог быть никто иной, как только мэтр Альмавера, искусник татуировки, поскольку он-то как раз и был занят тем, что выкалывал на ляжке Мистле цветную картинку.

– Подойди ближе, Хотспорн, – пригласил Гиселер, отодвигая табурет от дальнего стола, за которым сидел с Искрой, Кайлеем и Реефом. Двое последних, как и Ассе, тоже были одеты в черную телячью кожу, усеянную застежками, кнопками, цепочками и другими изысканными украшениями из серебра. «Какой-то ремесленник здорово подзаработал», – подумал Хотспорн. Крысы, когда на них находил стих и распирало желание помодничать, платили портным, сапожникам и шорникам воистину по-королевски. Ясное дело, они никогда не упускали случая сорвать с подвергшегося нападению человека одежду либо финтифлюшки, попавшиеся на глаза.

– Вижу, ты нашел нашу цедулю в развалинах старой станции, – потянулся Гиселер. – Да что я, иначе б тебя тут не было. Надо признать, быстренько ты явился.

– Потому как кобыла хороша, – вставила Фалька. – Поспорю, что и резвая!

– Я ваше сообщение нашел. – Хотспорн не сводил глаз с Гиселера. – А как с моим? Дошло?

– Дошло… – кивнул головой крысиный главарь. – Но… Но, чтоб не разводить… У нас тогда не было времени. А потом мы упились, и пришлось малость передохнуть. А позже другой нам путь вышел…

«Говнюки», – подумал Хотспорн.

– Короче говоря, ты поручение не выполнил?

– Угу. Прости, Хотспорн. Некогда было… Но в другой раз, хо-хо. Обязательно!

– Обязательно! – высокопарно подтвердил Кайлей, хоть никто его об этом не просил.

«Чертовы безответственные говнюки. Перепились. А потом, ишь ты, другая дорога им вышла. К портняжкам за завитушками и цацками, не иначе!»

– Выпьешь?

– Благодарю. Нет.

– А может, отведаешь этого? – Гиселер указал на стоящую среди бутылей и кубков разукрашенную лаковую шкатулочку. Хотспорн уже знал, почему глаза у Крыс так блестят, почему их движения такие нервные и быстрые.

– Первоклассный порошок, – заверил Гиселер. – Не возьмешь щепотку?

– Благодарю, нет. – Хотспорн многозначительно указал на

кровяное пятно на полу и уходящий в каморку след на половиках, явно говорящий, куда и когда утащили труп. Гиселер заметил взгляд.

– Один типчик тут больно шустрый собрался героя из себя строить, – фыркнул он. – Ну так Искре пришлось его маленько пожурить.

Искра гортанно засмеялась. Сразу было видно, что наркотика они приняли сверх меры.

– Да так пожурила, что он кровью захлебнулся, – похвалилась она. – Ну а тогда другие сразу поутихли. Это называется «террор»!

Она, как обычно, была увешана драгоценностями, даже в крылышке носа красовалось колечко с бриллиантом. Она носила не кожу, а вишневого цвета кафтанчик с парчовым рисунком, уже достаточно знаменитый, чтобы считаться последним писком моды у золотой молодежи из Турна. Как, впрочем, и шелковый платочек, которым повязал голову Гиселер. Хотспорну уже доводилось слышать о девушках, которые стриглись «под Мистле».

– Это называется «террор», – задумчиво повторил он, продолжая рассматривать кровавую полосу на полу. – А хозяин станции? А его жена? Сын?

– Нет-нет, – поморщился Гиселер. – Думаешь, мы всех порубили? Что ты! В чулане их временно заперли. Теперь, как видишь, станция наша.

Кайлей громко прополоскал рот вином, выплюнул на пол. Маленькой ложечкой набрал из шкатулки немного фисштеха, как они именовали наркотик, осторожно высыпал на послюнявленный кончик указательного пальца и втер себе в десну. Подал шкатулку Фальке, та повторила ритуал и передала порошок Реефу. Нильфгаардец отказался, занятый просмотром каталога цветных татуировок, и передал шкатулку Искре. Эльфка отдала ее Гиселеру, не воспользовавшись.

– Террор, – буркнула она, щуря блестящие глаза и шмыгая носом. – Мы станцию держим под террором! Император Эмгыр весь мир так держит, а мы только эту халупу. Но принцип тот же!

– А-а-а-а-а, хрен тя возьми! – взвыла на столе Мистле. – Ты гляди, чего колешь! Сделаешь еще раз так, я тебя так кольну! Насквозь пройдет!

Крысы – кроме Фальки и Гиселера – расхохотались.

– Коли ее, мэтр, коли, – добавил Кайлей. – Она промежду ног закаленная!

Фалька грубо выругалась и запустила в него кубком. Кайлей увернулся. Крысы снова зашлись хохотом.

– Стало быть, так. – Хотспорн решил положить конец

веселью. – Станцию вы держите под террором. А зачем? Ежели отбросить удовольствие, проистекающее из терроризирования?

– Мы здесь, – ответил Гиселер, втирая себе фисштех в десну, – вроде караул стоим. Кто сюда явится, чтобы коней сменить или передохнуть, того мы обдираем. Это удобнее, чем где на перекрестках или в чащобе при тракте. Хотя, как только что сказала Искра, принцип тот же.

– Но сегодня, с рассвета, только этот нам попался, – вставил Рееф, показывая на Альмаверу, почти с головой скрывшегося между разведенными ляжками Мистле. – Голодранец, как всякий искусник, ничего у него не было, ну так мы его с его искусства обдираем. Киньте глаз, какой он способный к рисованию.

Рееф натянул рукав и показал татуировку – обнаженную женщину, шевелящую ягодицами, когда он сжимал кулак. Кайлей тоже похвастался: вокруг его руки, повыше шипастого браслета, извивался зеленый змей с раскрытой пастью и пурпурным раздвоенным языком.

– Со вкусом сделано, – равнодушно сказал Хотспорн. – И полезно при распознании трупов. Ничего у вас из грабежа не получилось, дорогие Крысы. Придется заплатить художнику за его искусство. У меня не было времени предупредить вас: вот уже семь дней, с первого сентября, знаком является пурпурная стрела с раздвоенным наконечником. Как раз такая намалевана на фуре.

Рееф тихо выругался. Кайлей рассмеялся. Гиселер равнодушно махнул рукой.

– Ничего не поделаешь. Оплатим ему иглы и краску. Пурпурная стрела, говоришь? Запомним. Если до утра еще такой со знаком стрелы появится, мы ему плохого не сделаем.

– Собираетесь торчать здесь до утра? – немного неестественно удивился Хотспорн. – Неразумно, Крысы. Рискованно и небезопасно.

– Чего-чего?

– Рискованно, говорю, и небезопасно.

Гиселер пожал плечами, Искра фыркнула и сморкнулась на пол. Рееф, Кайлей и Фалька глядели на купца так, словно он только что сообщил им, что, мол, солнце свалилось в речку и надобно его быстренько оттуда выловить, пока раки не ощипали. Хотспорн понял, что пытался образумить спятивших сопляков. Что предостерег перед риском и опасностью переполненных дурью и бравадой фанфаронов, которым понятие страха совершенно чуждо.

– Преследуют вас, Крысы.

– Ну и что за беда?

Хотспорн вздохнул.

Беседу прервала Мистле, которая подошла к ним, не потрудившись даже одеться. Поставила ногу на лавку и, крутя бедрами, продемонстрировала всем и вся произведение мэтра Альмаверы: пунцовую розу на зеленой веточке с двумя листочками, помещенную на ляжке почти в самом паху.

– Ну как? – спросила она, уперев руки в боки. Ее браслеты, доходящие почти до локтей, бриллиантово блеснули. – Что скажете?

– Прелээээстно! – фыркнул Кайлей, откидывая волосы. Хотспорн заметил, что Крыс в ушах носит серьги. Было ясно, что такие же серьги вскоре будут – как и усеянная серебром кожа – модными у золотой молодежи в Турне, да и во всем Гесо.

– Твой черед, Фалька, – сказала Мистле. – Что прикажешь себе выколоть?

Фалька коснулась ее ляжки, наклонилась и присмотрелась к татуировке. Вблизи. Мистле ласково потрепала ее пепельные волосы. Фалька захохотала и без всяких церемоний стала раздеваться.

– Хочу такую же розу, – заканючила она. – В том же самом месте, что и у тебя, любимая.

– Ну и мышей тут у тебя, Высогота. – Цири прервала рассказ, глядя на пол, где в кругу падающего от каганца света разыгрывался настоящий мышиный турнир. Можно было только догадываться, что делалось за пределами круга, в темноте. – Кота б тебе не помешало завести. А еще лучше – двух.

– Грызуны, – откашлялся отшельник, – стремятся к теплу, потому как зима приближается. А кот у меня был. Но отправился куда-то, бедняга, и пропал.

– Не иначе – лиса загрызла или куница.

– Ты не видела моего кота, Цири. Если его что-то и загрызло, то не иначе как дракон.

– Аж такой был? М-да, жаль. Уж он бы твоим мышам не позволил лазать по постели. Жаль.

– Жаль. Но, я думаю, он вернется. Кошки всегда возвращаются.

– Я подкину в огонь. Холодно.

– Холодно. Чертовски холодные сейчас ночи… А ведь еще даже не середина октября… Ну, продолжай, Цири.

Цири некоторое время сидела неподвижно, уставившись в огонь камина. Огонь ожил, затрещал, загудел, отбросил на изуродованное лицо девушки золотой отблеск и подвижные тени.

– Рассказывай!

Мэтр Альмавера накалывал, а Цири чувствовала, как слезы скапливаются у нее в уголках глаз. Хоть перед процедурой она предусмотрительно приглушила себя вином и фисштехом, боль была невыносимая. Она стискивала зубы, чтобы не стонать, и не стонала, конечно, а делала вид, будто не обращает внимания на иглы, а боль презирает. Старалась как бы вовсе и не замечать боли, участвовать в беседе, которую Крысы вели с Хотспорном – субъектом, пытающимся выдавать себя за купца, хотя в действительности – если не считать того факта, что жил он за счет торговцев – ничего общего с купечеством не имевшим.

– Грозовые тучи собрались над вашими головами, – говорил Хотспорн, водя по лицам Крыс темными глазами. – Мало того, что за вами охотится префект из Амарильо, мало того, что гонятся Варнхагены, мало того, что барон Касадей…

– И этот туда же, – поморщился Гиселер. – Ну ладно, префекта и Варнхагенов я понимаю, но чего ради какой-то Касадей на нас взъелся?

– Гляньте-ка, истинный волк в овечьей шкуре, – усмехнулся Хотспорн, – и бебекает жалостливо: «Бе-е-е, бе-е-е, никто меня не любит, никто меня не понимает, куда ни явлюсь, всюду каменьями забрасывают, ату его, ату, кричат. За что, ну за что мне такая обида и несправедливость?» А за то, дорогие мои Крысы, что доченька барона Касадея после приключения у речки Трясогузки до сего дня млеет и температурит.

– А-а-а, – вспомнил Гиселер. – Карета с четверкой серых в яблоко? Та самая девица, что ль?

– Та. Сейчас, как я сказал, хворает, по ночам с криком вскакивает, господина Кайлея вспоминает… Но особливо мазельку Фальку. И брошь, память о матушке-покойнице, которую – я имею в виду брошь – мазелька Фалька силой у нее с платьица содрать изволила, произнося при этом всякие разные слова.

– И вовсе не в этом дело! – крикнула со стола Цири, воспользовавшись оказией, чтобы криком отреагировать на боль. – Мы проявили к баронессе презрение и нанесли оскорбление, позволив всухую уйти! Надо было прошпарить девицу-то!

– И верно. – Цири почувствовала взгляд Хотспорна на своих голых бедрах. – Воистину великое сие есть бесчестие не лишить девку чести, то бишь не прошпарить, в смысле не оттрахать! Неудивительно, что оскорбленный папаша Касадей скликал вооруженную банду и назначил награду. Поклялся принародно, что все вы будете висеть головами вниз на стенах его замка. Пообещал также, что за сорванную с доченьки брошь сдерет с мазели Фальки шкуру. Лентами.

Цири выругалась, а Крысы разразились дурашливым хохотом. Искра чихнула и дико рассопливилась – фисштех раздражал ее слизистую.

– Мы на эти преследования чихали, – заявила она, вытирая шарфом рот, нос, подбородок и стол. – Префект, барон, Варнхагены! Гоняются, да не догонят. Мы – Крысы! За Вельдой трижды вильнули, и теперь эти дурни друг другу на пятки наступают, идут против остывших следов. Пока сообразят, что к чему, будут уже слишком далеко, чтобы возвращаться.

– Да если и завернут! – запальчиво воскликнул Ассе, некоторое время назад вернувшийся с вахты, на которой его никто не подменил и подменять не собирался. – Пощекочем их, и вся недолга.

– Точно! – крикнула со стола Цири, уже забыв, как прошлой ночью они драпали от погони через деревушки над Вельдой и как она тогда струхнула.

– Лады. – Гиселер хлопнул раскрытой ладонью по столу, положив на шумной болтовне крест. – Давай, Хотспорн, выкладывай. Я же вижу, ты хочешь нам кое-что поведать, кое-что поважнее префекта, Варнхагенов, барона Касадея и его чересчур впечатлительной дочурки.

– Бонарт идет у вас по следу.

Опустилась тишина, необычно долгая. Даже мэтр Альмавера перестал на минуту колоть.

– Бонарт, – медленно протянул Гиселер. – Старый седой висельник. Факт, кому-то мы и верно здорово насолили.

– Кому-то богатенькому, – согласилась Мистле. – Не каждого стать на Бонарта.

Цири уже собиралась спросить, кто таков этот Бонарт, но ее опередили, почти одновременно и в один голос, Ассе и Рееф.

– Это охотник за наградами, – угрюмо пояснил Гиселер. – Давней, кажется, солдатчиной промышлял, потом торгашествовал, наконец, взялся убивать людей за награды. Тот еще сукин сын. Каких мало.

– Болтают, – довольно беспечно сказал Кайлей, – что если б всех, кого Бонарт затюкал, похоронить на одном жальнике, то понадобился бы жальник ого-го каких размеров.

Мистле набрала щепотку белого порошка в углубление между большим пальцем и указательным и резко втянула его ноздрей.

– Бонарт разнес банду Большого Лотара, – сказала она. – Засек его и его брата, которому Мухомор кликуха была.

– Говорят, ударом в спину, – добавил Кайлей.

– И Вальдеса убил, – добавил Гиселер. – А когда Вальдес помер, то и его ганза развалилась. Одна из лучших была.

Толковая, боевая дружинка. Крепкая. В свое время я подумывал пристать к ним. Когда еще мы с вами не стакнулись.

– Все верно, – сказал Хотспорн. – Такой ганзы, как Вальдесова, не было и не будет. Песни слагают о том, как они вырвались из облавы под Сардой. Вот буйные были головы, вот уж прям-таки холостяцкая удаль! Мало кому было им в соперники идти.

Крысы замолчали разом и уставились ему в глаза, блестящие и злые.

– Мы, – процедил после недолгой тишины Кайлей, – вшестером когда-то пробились через эскадрон нильфгаардской конницы!

– Отбили Кайлея у нисаров, – проворчал Ассе.

– С нами, – прошипел Рееф, – тоже не каждому соперничать!

– Это верно, Хотспорн, – выпятил грудь Гиселер. – Крысы не хуже какой другой банды, да и Вальдесовой ганзы тоже. Холостяцкая удаль, говоришь? Так я тебе кой-чего о девичьей удали расскажу. Искра, Мистле, Фалька втроем, вот как тут сидят, белым днем проехали посредине города Друи, а выведавши, что в трактире стоят Варнхагены, промчались сквозь трактирню. Насквозь! Въехали спереди, выехали со двора. А Варнхагены остались сидеть, раззявив хайла, над побитыми кувшинами и разлитым пивом. Может, скажешь, невелика удаль?

– Не скажет, – опередила ответ Мистле, зловеще усмехаясь. – Не скажет, потому что знает, что такое Крысы. Его гильдия тоже в курсе.

Мэтр Альмавера закончил татуировку. Цири с гордой миной поблагодарила, оделась и подсела к компании. Прыснула, чувствуя на себе странный, изучающий и как бы насмешливый взгляд Хотспорна. Зыркнула на него злым глазом, демонстративно прижимаясь к плечу Мистле. Она уже успела убедиться, что такие фокусы конфузят и эффективно охлаждают мужчин, у которых в голове поют амуры. В случае Хотспорна она действовала немного как бы «на вырост», с опережением, потому что квазикупец в этом отношении не был настырным.

Хотспорн был для Цири загадкой. Она видела его раньше всего один раз, остальное ей рассказала Мистле. Хотспорн и Гиселер, пояснила она, знают друг друга и дружат давно, есть у них условные сигналы, пароли и места встреч. Во время таких встреч Хотспорн передает информацию – и тогда они едут на указанный тракт и нападают на указанного купца, конвой либо обоз. Иногда убивают указанного человека. Всегда обговаривается определенный знак – на купцов с таким знаком на телегах нападать нельзя.

Вначале Цири была удивлена и слегка разочарована – она души в Гиселере не чаяла, Крыс считала образцом свободы и независимости, сама полюбила эту свободу, это презрение ко всем и всему. Но тут неожиданно пришлось выполнять работу на заказ. Как наемным убийцам, кто-то приказывал им, кого бить. Мало того – кто-то кого-то заказывал убивать, а они слушались, опустив глаза.

– Дело за дело, – пожала плечами Мистле, – Хотспорн отдает нам приказы, но и поставляет информацию, благодаря которой мы выживаем. У свободы и презрения – свои пределы. В конце концов всегда один является орудием другого. Такова жизнь, соколица.

Цири была разочарована и удивлена, но это быстро прошло. Она училась. В частности, тому, чтобы не удивляться сверх меры и не ждать слишком многого, ибо в таких случаях разочарование бывает не столь убийственным.

– У меня, дорогие Крысы, – тем временем продолжал Хотспорн, – есть и ремедиум от всех ваших забот. От нисаров, баронов, префектов, даже от Бонарта. Да, да. Потому что, хоть он и затягивает на ваших шеях аркан, я располагаю методами, которые позволят вам из петли выскользнуть.

Искра прыснула. Рееф захохотал. Но Гиселер остановил их жестом: позволил Хотспорну продолжать.

– В народе идет слух, – сказал, чуть переждав, купец, – что вот-вот будет объявлена амнистия. Если даже кого-то ждет кара за неявку, да что там, даже если кого-то ждет веревка, он будет помилован, если, конечно, явится с повинной. К вам это относится в полной мере.

– Херню порешь! – крикнул Кайлей, пуская слезу из-за слишком большой дозы фисштеха, попавшего в нос. – Нильфгаардские штучки, фортели! Нас, старых воробьев, на такой мякине не проведешь!

– Погодь, Кайлей, – сдержал его Гиселер. – Не горячись. Хотспорн, насколько мы его знаем, не привык трепаться зазря и чепуху молоть. Он привык знать, что и почему болтают. А значит, знает сам и нам скажет, откуда взялась столь неожиданная нильфгаардская милость.

– Император Эмгыр, – спокойно сказал Хотспорн, – женится. Вскоре у нас в Нильфгаарде будет императрица. Потому и собираются объявить амнистию. Император, говорят, безмерно счастлив, ну, вот и другим отщипнуть желает толику этой безмерности.

– В заднице у меня императорская безмерность, – торжественно провозгласила Мистле. – А амнистией я позволю

себе не воспользоваться, потому как эта нильфгаардская милость что-то мне свежим запахом щепок отдает. Вроде бы кол заостряют, ха-ха!

– Сомневаюсь, – пожал плечами Хотспорн, – чтобы это был обман. Тут вопрос политики. И большой. Большей, нежели вы, Крысы, или все здешнее разбойство, вместе взятое. В политике тут дело.

– Это в какой же такой политике? – насупился Гиселер. – Я, к примеру, ни черта не понял.

– Марьяж Эмгыра – дело политическое, и при помощи этого марьяжа могут быть решены многие политические проблемы. Император заключает персональную унию, чтобы еще сильнее сплотить империю, положить конец пограничным стычкам и распрям, обеспечить мир. Знаете, на ком он женится? На Цирилле, наследнице престола Цинтры!

– Ложь! – рявкнула Цири. – Треп! Вранье!

– На основании чего мазель Фалька осмеливается обвинять меня во лжи? – поднял на нее глаза Хотспорн. – А может, упомянутая мазель лучше проинформирована?

– Еще как лучше-то! Наверняка!

– Потише, Фалька, – поморщился Гиселер. – Когда тебя на столе в гузку кололи, так ты тихонько лежала, а теперь хорохоришься. Что еще за Цинтра такая, Хотспорн? Какая еще такая Цирилла? Почему все это навроде бы так уж важно?

– Цинтра, – вмешался Рееф, отсыпая на палец порошок, – это маленькое государствишко на севере, за которое империя воевала с тамошними хозяевами. Три или четыре года тому прошло.

– Верно, – подтвердил Хотспорн. – Имперские войска захватили Цинтру и даже перешли через Ярру, но потом вынуждены были ретироваться.

– Потому что получили трепку под Содденским Холмом, – буркнула Цири. – Ретировались так, что чуть было портки не растеряли. Драпали, вот что.

– Мазель Фалька, как я вижу, знакома с новейшей историей. Похвально, похвально. В столь юном возрасте. Дозволено мне будет спросить, где мазель Фалька ходила в школу?

– Не дозволено!

– Хватит! – снова напомнил Гиселер. – Давай о Цинтре, Хотспорн, и об амнистии.

– Император Эмгыр, – сказал купец, – решил создать из Цинтры плющевое государство…

– Сплющенное? Это что еще за штука?

– Не сплющенное, а плющевое, несамостоятельное. Как плющ, который не может существовать без могучего ствола, вокруг

которого обвивается. А стволом этим, разумеется, будет Нильфгаард. Такие государства уже имеются. Возьмем, к примеру, Метинну, Мехт, Туссент… Там правят местные династии. Как бы правят, разумеется.

– Это называется органическая автономия, – похвалился Рееф. – Я слышал.

– Однако проблема Цинтры оказалась сложнее. Тамошняя королевская линия угасла…

– Угасла?! – Из глаз Цири, казалось, вот-вот сыпанутся зеленые искры. – Хорошо же она угасла! Нильфгаардцы прикончили королеву Калантэ! Пришили самым обычным манером! Это ты называешь «угасла»?

– Признаю, – Хотспорн жестом сдержал Гиселера, собиравшегося снова отчитать Цири за вмешательство, – что мазель Фалька явно поражает нас своими обширными не по возрасту познаниями. Королева Калантэ действительно погибла во время войны. Погибла, как считалось, и ее внучка Цирилла, последнее звено в королевской линии. Получалось, что Эмгыру не из чего было слепить эту, как мудро заметил милсдарь Рееф, органическую автономию, в смысле, конечно, ее ограниченной автономности. Но тут неожиданно, как бы ни с того ни с сего, отыскалась вышеименованная Цирилла.

– Сказочки, понимаешь, какие-то, – фыркнула Искра, опираясь о плечо Гиселера.

– Действительно, – кивнул Хотспорн. – Немного, надобно признать, смахивает на сказку. Говорят, злая чародейка держала Цириллу где-то взаперти на дальнем севере, в магических узах. Но Цирилле удалось сбежать и попросить убежища в Империи.

– Все это одна огромная, чертовская, неправдивая неправдивость, болтовня и глупость! – разоралась Цири, потянувшись трясущимися руками к шкатулочке с фисштехом.

– Император же Эмгыр, если верить молве, – продолжал не сбитый с толку Хотспорн, – как только ее увидел, влюбился без ума и жаждет взять в жены.

– Соколица права, – твердо сказала Мистле, подтверждая свои слова ударом кулака по столу. – Все это чертовы бредни! Никаким чертовым чертом не могу понять, о чем тут говорят. Одно ясно: строить на этой дури надежду на нильфгаардскую милость было бы еще большей дурью.

– Верно! – поддержал ее Рееф. – Какое нам дело до императорского жениховства? Хоть с кем хошь император окрутится, нас завсегда будет невеста ждать. Из пеньки сплетенная!

– Не в ваших шеях дело, дорогие Крысы, – напомнил

Хотспорн. – Это политика. На северных рубежах Империи ширятся восстания, бунты и волнения, особенно в Цинтре и ее округе. А возьми император в жены наследницу Цинтры, так Цинтра успокоится. Если будет торжественно объявлена амнистия, то бунтующие партии спустятся с гор, перестанут рвать Империю и чинить беспорядки. Да и вообще, если цинтрийка взойдет на императорский престол, то бунтовщики вступят в императорскую армию. А вы знаете, что на севере за Яррой продолжаются войны, каждый солдат на счету.

– Ага! – выкрикнул Кайлей. – Теперь я понял! Вон она какая амнистия! Дадут тебе на выбор: вот кол острый, вот императорские цвета. Или кол в жопу, или цвета на горбушку. И на войнючку, подыхать за империю.

– Но «войнючке», – медленно сказал Хотспорн, – действительно бывает по-всякому, как в той песенке. То бишь на войне, как на войне! В конце концов не каждому достанется воевать, дорогие Крысы. Возможно, конечно, после выполнения условий амнистии, то есть явки с повинной, будет введен некий род… альтернативной службы.

– Чего-чего?

– Я знаю, в чем дело. – Зубы Гиселера на мгновение сверкнули на загорелом, синеватом от бритья лице. – Купеческая гильдия, дети мои, пожелает приветить нас. Приютить и обласкать. Как матушка родная.

– Как курвина мать скорей, – буркнула себе под нос Искра.

Хотспорн сделал вид, будто не слышал.

– Ты совершенно прав, Гиселер, – сказал он холодно. – Гильдия может, если захочет, дать вам работу. Официально, в виде альтернативной службы в армии. Дать защиту. Официально и взамен.

Кайлей хотел что-то сказать. Мистле тоже хотела что-то сказать, но быстрый взгляд Гиселера заткнул рты обоим.

– Передай гильдии, Хотспорн, – сказал ледяным тоном атаман Крыс, – что за предложение мы благодарим. Мы подумаем, поразмыслим, обсудим. Посоветуемся, как поступить.

Хотспорн встал.

– Я еду.

– Сейчас, в ночь?

– Переночую в селе. Тут мне как-то не с руки. А завтра прямиком на границу с Метинной, потом главным трактом в Форгехам, где пробуду до Эквинокция, а может быть, и подольше. Потому что там буду ожидать тех, кто уже подумал, размыслил, обсудил, посоветовался и готов явиться, чтобы под моим присмотром ожидать амнистии. Да и вы тоже очень-то не тяните с

раздумьями и размышлениями. Добром советую, потому что Бонарт вполне может и решительно готов опередить амнистию.

– Ты все время пугаешь нас Бонартом, – медленно сказал Гиселер, тоже поднимаясь. – Можно подумать, будто эта стервь уже за порогом… А он, верно, еще за горами, за лесами, за синими морями…

– …в Ревности, – спокойно докончил Хотспорн. – На постоялом дворе «Под головой химеры». Милях в тридцати отсюда. Если б не ваши выкрутасы над Вельдой, вы наверняка наткнулись бы на него уже вчера. Но вас это не волнует, знаю. Ну, бывай, Гиселер. Бывайте, Крысы. Мэтр Альмавера, я еду в Метинну и люблю компанию в пути… Что вы сказали, мэтр? Охотно? Так я и думал. Ну, стало быть, упаковывайте свои причиндалы. Заплатите мэтру, Крысы, за его художества.

Почтовая станция пропахла жареным луком и картофельным супом, который готовила жена хозяина, временно выпущенная из чуланного заточения. Свеча на столе фукала, пульсировала и раскачивала хвостиком пламени. Крысы наклонились над столом так, что огонек грел их почти соприкасающиеся головы.

– Он в Ревности, – тихо говорил Гиселер. – На постоялом дворе «Под головой химеры». Точно день езды отсюда. Что вы об этом думаете?

– То же, что и ты, – проворчал Кайлей. – Едем туда и прикончим сукина сына.

– Отомстим за Вальдеса, – сказал Рееф. – И Мухомора.

– И нечего, – прошипела Искра, – разным там Хотспорнам тыкать нам в глаза чужими делами и прытью. Пришьем Бонарта, этого трупоеда, оборотня. Приколотим его башку над дверьми кабака, чтобы названию соответствовало! И чтоб все знали, что никакой он не волевой, а обычный смертный был, как все другие, и что вообще сам на тех, что посильнее, нарвался. Сразу станет видно, чья ганза покрепче всех будет от Кората до Переплюта!

– На ярмарках станут о нас песни распевать! – запальчиво бросил Кайлей. – Да и по замкам тоже!

– Поехали. – Ассе хлопнул по столу рукой. – Едем и прикончим стервятника.

– А уж потом, – задумался Гиселер, – поразмыслим о хотспорновской амнистии… О гильдии… Ты чего морду кривишь, Кайлей, ровно клопа разгрыз? На пятки нам наступают, а зима приближается. Я так думаю, Крысяты: перезимуем, погреем задницы у камина, амнистией от холода прикрывшись, амнистийное теплое пивко потягивая. Перетерпим с этой амнистией нормально и толково… как-нибудь до весны. А

весной… Как травка из-под снега выглянет…

Крысы рассмеялись в один голос, тихо, зловеще. Глаза горели у них, как у настоящих крыс, когда те ночью, в темном закоулке подбираются к раненному, не способному защищаться человеку.

– Выпьем, – сказал Гиселер. – Бонарту на погибель! Похлебаем супчика и спать. Отдохнуть надо, потому как до зари двинем.

– Ясно, – фыркнула Искра. – Берите пример с Мистле и Фальки, те уж час, как в постели.

Жена хозяина почтовой станции задрожала у чугуна, слыша от стола тихий, злой, отвратный хохот.

Цири подняла голову, долго молчала, засмотревшись на едва тлеющее пламечко каганка, в котором уже догорал остаток фитиля.

– Тогда я выскользнула из станции, будто воровка, – продолжила она рассказ. – Под утро, в полной темноте. Но не сумела убежать незаметно. Когда я вставала с постели, проснулась Мистле. Прихватила меня в конюшне, где я седлала коня. Не выдала удивления. И вовсе не пыталась меня удержать… Начинало светать.

– Да и сейчас уже недалеко до рассвета, – зевнул Высогота. – Пора спать, Цири. Завтра продолжишь.

– Может, ты и прав. – Она тоже зевнула, встала, сильно потянулась. – У меня глаза слипаются. Но в таком темпе, отшельник, я никогда не докончу. Сколько вечеров прошло? Никак не меньше десяти. Боюсь, на весь рассказ потребуется тысяча и одна ночь.

– У нас есть время, Цири. Много времени.

– От кого ты собралась сбежать, соколица? От меня? Или от себя?

– Конец бегству! Теперь надо догонять. Поэтому нужно вернуться туда… где все началось. Необходимо. Пойми меня, Мистле.

– Так вот почему… почему ты была сегодня так ласкова со мной. Впервые за столько дней… Последний прощальный раз? А потом – забыть?

– Я тебя никогда не забуду, Мистле.

– Забудешь.

– Никогда. Клянусь. И это не был последний раз. Я тебя разыщу. Я приеду за тобой… Приеду в золотой карете с шестеркой лошадей. Со свитой дворян. Вот увидишь. Я очень скоро обрету… возможности. Огромные возможности. Я сделаю

так, что твоя судьба изменится… Увидишь. Убедишься, как много я смогу сделать. Как много изменить.

– Для этого необходима гигантская сила, – вздохнула Мистле. – И могучая магия…

– И это тоже возможно. – Цири облизнула губы. – Магия тоже… Могу отыскать… Все, что я когда-то утратила, может ко мне вернуться… Клянусь, ты удивишься, когда мы встретимся снова.

Мистле отвернулась, долго смотрела на розово-голубые облака, которые рассвет уже вырисовал над восточным краем мира.

– Верно, – сказала она тихо. – Я буду очень удивлена, если мы еще когда-нибудь встретимся. Если еще когда-нибудь я увижу тебя, малышка. Ну – поезжай. Не будем тянуть…

– Жди меня. – Цири шмыгнула носом. – И не дай себя убить. Подумай об амнистии, о которой говорил Хотспорн. Даже если Гиселер и другие не захотят… Ты все равно подумай, Мистле. Это, может быть, позволит тебе выжить. Потому что я вернусь за тобой. Клянусь.

– Поцелуй меня.

Светало. Ярчало. Усиливался холод.

– Я люблю тебя, Свиристелька моя.

– Я люблю тебя, Соколушка моя. Ну – поезжай.

– Конечно, она не верила мне. Думала, что я струсила и погналась за Хотспорном, чтобы искать спасения, умолять об амнистии, которой он так нас соблазнял. Откуда ей было знать, какие чувства овладели мной, когда я слушала трёп Хотспорна о Цинтре, о моей бабушке Калантэ… И о том, что «какая-то Цирилла» станет женой императора Нильфгаарда. Того самого императора, который убил бабушку Калантэ, а за мной послал черного рыцаря с пером на шлеме. Я рассказывала тебе, помнишь? На острове Танедд, когда он протянул ко мне руку, я устроила ему кровопускание. Надо было его тогда убить… Но я почему-то не смогла… Глупая была. Впрочем, кто знает, может, он там, на Танедде, изошел кровью и подох… Что ты так на меня смотришь?

– Рассказывай. Расскажи, как поехала за Хотспорном, чтобы восстановить право на наследство. Отыскать то, что тебе принадлежало по… закону.

– Ты напрасно язвишь, напрасно ехидничаешь. Да, я знаю, это было глупо, теперь-то я вижу, а вот тогда… Я гораздо умнее была в Каэр Морхене и в храме Мелитэле, там я знала, что все ушедшее не может вернуться, что я больше уже не княжна Цинтры, а что-то

совершенно другое, что никакого наследства у меня уже нет, все потеряно, тут уж никуда не денешься, надо смириться. Мне объяснили это умно и спокойно, и я это приняла. Тоже спокойно. И вдруг все стало возвращаться. Сначала, когда мне в глаза пытались пустить пыль, проорав титул той касадеевой баронессы… Мне всегда было плевать на такие штуки, а тут я вдруг взбеленилась, задрала нос и еще громче заорала, что-де мой титул повыше ейного и мой род гораздо знатнее. И с той поры это не выходило у меня из головы. Я чувствовала, как во мне нарастает злость. Ты понимаешь, Высогота?

– Понимаю.

– А слова Хотспорна переполнили чашу. Я чуть не лопнула от ярости… Мне раньше столько болтали о предназначении… А тут, понимаешь, получается, что моим предназначением воспользуется кто-то другой, да к тому же благодаря мерзостному шарлатанству. Кто-то выдал себя за меня, за Цири из Цинтры, и получит все, будет купаться в роскоши. Нет, я не могла думать ни о чем другом… Я вдруг как-то сразу поняла, что недоедаю, мерзну, засыпая под открытым небом, что вынуждена мыть интимные места в ледяных ручьях… Я! У которой ванна должна быть из золота, вода благоухать нардом и розами, полотенца – теплыми, постель чистой! Ты понимаешь, Высогота?!

– Понимаю.

– Я уже готова была поехать в ближайшую префектуру, в ближайший форт, к тем самым черным нильфгаардцам, которых так боялась и которых так ненавидела… Я была готова сказать: «Это я – Цири, вы, нильфгаардские тупицы, не ее, а меня должен взять в жены ваш глупый император. Вашему императору подсунули какую-то бессовестную авантюристку, а этот ваш кретин не почуял мошенничества». Я была в такой ярости, что так бы и поступила, если б подвернулся случай. Не раздумывая, понимаешь, Высогота?

– Понимаю.

– К счастью, я охолонула.

– К великому твоему счастью, – серьезно кивнул он. – У проблемы императорской женитьбы все признаки государственной аферы, борьбы партий или фракций. Если б ты раскрылась, подпортив планы каким-то влиятельным силам, то не избежала бы кинжала или яда.

– Я тоже это поняла. И забыла. Намертво забыла. Признать, кто я такая, означало смерть. Я могла не раз убедиться в этом. Но не будем забегать вперед.

Они какое-то время молчали, занимаясь шкурками. Несколько дней назад улов оказался довольно богатым, в

ловушки и капканы попало множество ондатр и нутрий, две выдры и один бобер. Так что работы хватало.

– И ты догнала Хотспорна? – наконец спросил Высогота.

– Догнала. – Цири отерла лоб рукавом. – Очень даже быстро, потому что он не шибко-то спешил. И совсем не удивился, увидев меня!

– Мазель Фалька! – Хотспорн натянул поводья, танцуючи развернул вороную кобылу. – Какая приятная неожиданность! Хотя, признаться, не столь большая. Я ожидал, не скрою, ожидал. Знал, что вы сделаете выбор. Мудрый выбор. Я заметил вспышку интеллекта в ваших прекрасных и полных прелести глазах.

Цири подъехала ближе, так, что они почти соприкоснулись стременами. Потом протяжно отхаркнулась, наклонилась и сплюнула на песок дороги. Она научилась плевать таким манером, отвратительным, но эффективным, когда надо было остудить пыл предполагаемого обольстителя.

– Понимаю, – слегка улыбнулся Хотспорн, – вы хотите воспользоваться амнистией?

– Ты плохо понимаешь.

– Тогда чему же следует приписать радость, доставляемую мне лицезрением прелестного личика мазели?

– А надо, чтобы было чему? – фыркнула она. – Ты на станции болтал, будто любишь компанию в дороге?

– Неизменно, – шире улыбнулся он. – Но если дело не в амнистии, то не уверен, что нам по пути. Мы находимся, как видите, на пересечении дорог. Четыре стороны света. Выбор… Символика, как в хорошо знакомой легенде. На восток пойдешь, не вернешься. На запад пойдешь, не вернешься… На север… Хм-м-м… К северу от этого столба – амнистия.

– Не морочь мне голову своей амнистией.

– Как прикажете. Тогда куда же, если дозволено будет спросить, дорожка ведет? Которая из дорог символического перекрестка? Мэтр Альмавера, искусник иглы, погнал своих мулов на запад, к городку Фано. Восточный тракт ведет к поселку Ревность, но я определенно не советовал бы выбирать этот путь…

– Река Ярра, – медленно проговорила Цири, – о которой шла речь на станции, – это нильфгаардское название реки Яруги, верно?

– Ты такая ученая, – он наклонился, заглянув ей в глаза и переходя на «ты», – а этого не знаешь?

– Ты не можешь по-человечески ответить, когда тебя по-человечески спрашивают? – не осталась в долгу Цири.

– Я пошутил, зачем же сразу злиться? Да, это та самая река.

По-эльфьему и по-нильфгаардски – Ярра, по-нордлингски – Яруга.

– А устье этой реки, – продолжала Цири, – Цинтра?

– Именно Цинтра.

– Отсюда, где мы сейчас стоим, далеко до Цинтры? Сколько миль?

– Немало. И зависит от того, в каких милях считать. Почти у каждой нации свои, ошибиться нетрудно. По методу всех странствующих купцов такие дистанции удобнее считать в днях. Чтобы отсюда доехать до Цинтры, понадобится примерно двадцать пять – тридцать дней.

– Куда? Прямо на север?

– Что-то тебя, мазель Фалька, очень уж интересует Цинтра. К чему бы это?

– Собираюсь взойти на тамошний престол.

– Прелестно, прелестно. – Хотспорн поднял руку, как бы защищаясь от удара. – Тонкий намек понял, больше вопросов не будет. Самый короткий путь в Цинтру, как это ни парадоксально, ведет не прямо на север, потому как там кругом бездорожья и болотистые приозерья. Сначала следует направиться к городу Форгехаму, а потом ехать на северо-запад, до Метинны, столицы аналогично называемой страны. Потом следует ехать через равнину Маг Деиру, торговым трактом до самого города Нойнройт и только уже оттуда направиться на северный тракт, ведущий к долине Марнадаль. А долина Марнадаль – это уже Цинтра.

– Хм-м-м… – Цири уставилась в зеленый горизонт, в размытую линию темных взгорий. – До Форгехама, а потом на северо-запад… Это значит… куда же?

– Знаешь, что, – Хотспорн едва заметно улыбнулся. – Я направляюсь как раз к Форгехаму, а потом до Метинны. Вот этой дорожкой, что между сосенками песочком золотится. Поезжай за мной, не заблудишься. Амнистия амнистией, но мне будет приятно общество прелестной девушки.

Цири смерила его самым пренаихолоднейшим из всех своих холодных взглядов. Хотспорн шельмовски закусил губу.

– Ну так как?

– Едем.

– Браво, мазель Фалька. Мудрое решение. Я же говорил, ты столь же мудра, сколь прелестна.

– Слушай, Хотспорн, кончай меня мазелить. У тебя это звучит как-то обидно, а я не позволяю обижать себя безнаказанно.

– Как прикажете, мазель…

Многообещающий прекрасный рассвет не оправдал

возлагавшихся на него надежд. Наступивший день был серым и промозглым. Влажный туман приглушал цвета осенней листвы склонившихся над дорогой деревьев, отливающих тысячами оттенков охры, пурпура и золота.

Во влажном воздухе стоял аромат коры и грибов.

Они ехали медленно по ковру опавших листьев, но Хотспорн часто подгонял вороную кобылу, время от времени заставляя ее идти галопом либо рысью. В такие моменты Цири восхищенно глядела на них.

– Ее как-нибудь зовут?

– Нет, – сверкнул зубами Хотспорн. – Я отношусь к верховым лошадям чисто потребительски, стараюсь не привыкать к ним. Давать коням имена, если не содержишь конного завода или табуна, я считаю претенциозным. Согласна со мной? Конь Воронок, собачка Дружок, киска – Мурка. Претенциозно!

Цири не нравились его поглядывания и многозначительные улыбки и уж тем более насмешливый тон вопросов и ответов. Поэтому она пошла по самому простому пути – молчала, говорила кратко, не провоцировала. Если, конечно, удавалось. Правда, удавалось не всегда. Особенно когда он заговаривал об амнистии. Когда же в очередной раз – и довольно резко – она выразила недовольство, Хотспорн на удивление «сменил фронт» – принялся доказывать, что в ее случае амнистия излишня, более того – ее вообще не касается. Амнистируют преступников, а не их жертвы.

– Сам ты жертва, Хотспорн! – зашлась смехом Цири.

– Я сказал совершенно серьезно, – заверил он. – Не для того, чтобы вызвать у тебя птичье щебетание, а чтобы посоветовать, как спасти шкуру в случае, если тебя поймают. Конечно, на барона Касадея это не подействует, да и на Варнхагенов тоже вряд ли, от них снисхождения не жди, эти в самом лучшем случае просто линчуют тебя на месте. Быстро, и если прытко пойдет, то безболезненно. Но вот если ты попадешь в руки префекту и предстанешь перед судом, суровым, но справедливым лицом имперского закона… О, вот на этот случай я порекомендовал бы тебе такую линию защиты: заливайся слезами и настаивай на том, что ты невинная жертва стечения обстоятельств.

– И кто в это поверит?

– Каждый. – Хотспорн наклонился в седле, заглянул ей в глаза. – Потому что ведь такова истинная правда. Ты – невинная жертва, Фалька. Тебе еще нет шестнадцати, по законам империи ты – несовершеннолетняя. В Крысиной банде оказалась случайно. Не твоя вина, что ты пришлась по вкусу одной из бандиток,

Мистле, противоестественная сексуальная ориентация которой ни для кого не секрет. Ты подпала под влияние Мистле, тебя использовали и принудили к…

– Ну, вот и выяснилось, – прервала Цири, сама удивляясь своему спокойствию. – Наконец-то выяснилось, что тебе надобно, Хотспорн. Видывала я уже таких типусов, как ты.

– Серьезно?

– Как у всякого петушка, гребешок у тебя вскочил при одной мысли обо мне и Мистле, – продолжала она спокойно. – Как у каждого глупого самца, в твоей дурной башке шевельнулась мыслишка попробовать вылечить заблудшую овцу от противной натуре болезни, обратить на путь истинный. А знаешь, что во всем этом самое отвратное и противное натуре? Именно такие мыслишки!

Хотспорн посматривал на нее молча, храня довольно загадочную усмешку на тонких губах.

– Мои мысли, дражайшая Фалька, – сказал он, немного помолчав, – может, и необычны, может, и не совсем хороши, и уж, что там говорить, совершенно очевидно далеки от невинности… Но, о Господи, они соответствуют натуре. Моей натуре. Ты оскорбляешь меня, полагая, будто моя тяга к тебе зиждется на некоем… извращенном любопытстве. Ха, ты оскорбляешь самое себя, не замечая или же не желая замечать, что твоя пленительная красота и редкостная прелесть в состоянии заставить броситься на колени любого мужчину. Что очарование твоего взгляда…

– Слушай, Хотспорн, – прервала она, – уж не вознамерился ли ты переспать со мной?

– Какой интеллект! – развел он руками. – У меня прямо-таки слов не хватает.

– Ну, так я тебе помогу их подыскать. – Она слегка подогнала коня, чтобы взглянуть на купца сбоку. – Потому что у меня-то слов достаточно. Я чувствую себя польщенной. В любом другом случае – кто знает? Если б это был кто-нибудь другой, о! Но ты, Хотспорн, ты вообще мне не нравишься. Ничего, ну совсем, понимаешь ли, ничто меня в тебе не привлекает. И даже, я бы сказала, наоборот – все меня от тебя отталкивает. Ты должен понять, что в такой ситуации половой акт был бы актом, противным натуре.

Хотспорн рассмеялся, тоже подогнав коня. Вороная кобыла заплясала на просеке, красиво поднимая изящную голову. Цири завертелась в седле, борясь со странным чувством, которое вдруг ожило в ней, ожило где-то глубоко, в самом низу живота, но быстро и отчаянно рвалось наружу, на раздражаемую одеждой кожу. «Я сказала ему правду, – подумала она. – Он мне не

нравится, черт побери, а нравится мне его лошадь, его вороная кобыла. Не он, а лошадь… Что за кретинизм! Нет, нет и нет! Даже если б и не Мистле, было б смешно и глупо поддаться ему только потому, что меня возбуждает вид пляшущей на просеке вороной кобылы».

Хотспорн позволил ей подъехать, глядя ей в глаза и странно улыбаясь. Потом снова дернул поводья, заставил кобылу перебирать ногами, вертеться и делать балетные па вбок. «Знает, – подумала Цири, – знает, пройда, что я чувствую. Чертовщина! Да я просто-напросто любопытная!»

– Сосновые иголки, – мягко бросил Хотспорн, подъезжая очень близко и протягивая руку, – запутались у тебя в волосах. Я выну, если позволишь. Добавлю, что жест исключительно результат моей галантности, а не извращенного желания.

Прикосновение – ее это совсем не удивило – было ей приятно. Она еще далеко не решила, но на всякий случай подсчитала дни от последней менструации. Этому ее научила Йеннифэр – считать заранее, а не на горячую голову, потому что потом, когда становится жарко, возникает странное нежелание заниматься расчетами и думать о возможных последствиях.

Хотспорн глядел ей в глаза и улыбался, будто точно знал, что подсчет вышел в его пользу. «Будь он еще не такой старый, – вздохнула украдкой Цири. – Но ведь ему, пожалуй, под тридцать».

– Турмалин. – Пальцы Хотспорна нежно коснулись ее уха и серьги. – Красивые, но всего лишь турмалины. С удовольствием подарил бы тебе и вдел изумруды. Они много зеленее, а значит, больше соответствуют твоей красоте и цвету глаз.

– Знай, – процедила она, нагло глядя на него, – что, если твоя возьмет, я потребую изумруды вперед. Потому как ты ведь не только лошадей трактуешь потребительски, Хотспорн. Утром, после упоительной ночи, ты решишь, что вспоминать мое имя – дело слишком претенциозное. Собачка Дружок, киска Мурка и девочка Марыська!

– Ну, гордыня! – неестественно рассмеялся он. – Ты можешь заморозить самое горячее желание, Снежная Королева.

– Я прошла хорошую школу.

Туман немного рассеялся, но по-прежнему было грустно и тоскливо. И сонно. Сонливость была грубо прервана криками и топотом. Из-за дубов, мимо которых они в этот момент проезжали, вырвались конники.

Цири и Хотспорн действовали так быстро и так слаженно, словно тренировались не одну неделю. Развернули лошадей, пошли с места в карьер, прижимаясь к гривам, подгоняя лошадей

криком и ударами пяток. Над их головами зафурчали перья стрел, поднялся крик, звон, топот.

– В лес! – крикнул Хотспорн. – Сворачивай в лес! В чащобу!

Они помчались, не снижая скорости. Цири еще крепче прижалась к конской шее, чтобы хлещущие по плечам ветки не скинули ее с седла. Она увидела, как арбалетный бельт отстрелил щепу от ствола ольхи. Криком подогнала лошадь, в любой момент ожидая удара стрелы в спину. Ехавший первым Хотспорн вдруг странно охнул.

Они перескочили через глубокую рытвину, сломя голову съехали по обрыву в тернистую чащу. И тут вдруг Хотспорн сполз с седла и рухнул в клюкву. Вороная кобыла заржала, взвизгнула, мотнула хвостом и помчалась дальше. Цири, не раздумывая, соскочила, хлопнула свою лошадь по крупу. Та последовала за вороной, Цири помогла Хотспорну подняться, и оба нырнули в кустарник, в ольховник, перевернулись, скатились по склону и свалились в высокие папоротники на дне яра. Мох смягчил падение.

Сверху по обрыву били копыта погони – к счастью, идущей по высокому лесу за убегающими лошадьми. Их исчезновение в папоротниках, казалось, не заметили.

– Кто такие? – прошипела Цири, выкарабкиваясь из-под Хотспорна и вытряхивая из волос помятые сыроежки. – Люди префекта? Варнхагены?

– Обычные бандиты… – Хотспорн выплюнул листок. – Грабители…

– Предложи им амнистию, – скрипнула песком на зубах Цири. – Пообещай им…

– Помолчи. Еще услышат, чего доброго.

– Эге-гей! Ого-го! Зде-е-еся! – долетало сверху. – Слева заходи! Сле-е-ева!

– Хотспорн?

– Что?

– У тебя кровь на спине.

– Знаю, – ответил он холодно, вытягивая из-за пазухи сверток полотна и поворачиваясь к ней боком. – Затолкай мне под рубашку. На высоте левой лопатки…

– Куда ты получил? Не вижу стрелы…

– Это был арбалет… Железный бельт… скорее всего обрубленный подковный гвоздь. Оставь, не трогай. Это рядом с позвоночником…

– Дьявольщина! Что же делать?

– Вести себя тихо. Они возвращаются.

Застучали копыта, кто-то пронзительно свистнул. Кто-то

верещал, призывал, приказывал кому-то возвращаться. Цири прислушалась.

– Уезжают, – проворчала она. – Отказались от погони. И коней не поймали.

– Это хорошо.

– Мы их тоже не поймаем. Идти сможешь?

– Не придется, – усмехнулся он, показывая ей застегнутый на запястье довольно пошло выглядевший браслет. – Я купил эту безделушку вместе с лошадью. Она магическая. Кобыла носила ее со стригункового возраста. Если потереть, вот таким макаром, – все равно что ее позвать. Она словно слышит мой голос. Прибежит. Не сразу, но прибежит наверняка. А если немного повезет, то и твоя пегашка прибежит вместе с ней.

– А если немного не повезет? Уедешь один?

– Фалька, – сказал он посерьезнев. – Я не уеду один, я рассчитываю на твою помощь. Меня придется поддерживать в седле. Пальцы ног у меня уже немеют. Я могу потерять сознание. Послушай: овраг приведет тебя к пойме ручья. Поедешь вверх по течению, на север. Отвезешь меня в местность под названием Тегамо. Там найдешь человека, который сумеет вытащить железку из спины, не убив при этом и не парализовав.

– Это близко?

– Нет. Ревность ближе. Котловина милях в двадцати в противоположной стороне, вниз по течению. Но туда не надо ехать ни в коем случае.

– Почему?

– Ни в коем случае, – повторил он, поморщившись. – Тут дело не во мне, а в тебе. Ревность – для тебя смерть.

– Не понимаю.

– И не надо. Просто поверь мне.

– Гиселеру ты сказал…

– Забудь о Гиселере. Если хочешь жить, забудь о них о всех.

– Почему?

– Останься со мной. Я сдержу обещание, Снежная Королева. Украшу тебя изумрудами… Осыплю ими…

– Да уж, ничего не скажешь, самое время шутковать.

– Шутить никогда не поздно.

Хотспорн вдруг обнял ее, прижал плечом и принялся расстегивать блузку. Бесцеремонно, но не спеша Цири оттолкнула его руку.

– Действительно! Нашел же время!

– Для этого любое время хорошо. Особенно для меня, сейчас. Я тебе сказал, это позвоночник. Завтра могут возникнуть трудности… Что ты делаешь? Ах, холера тебя…

На этот раз она оттолкнула его сильнее. Слишком сильно. Хотспорн побледнел, закусил губу, застонал.

– Прости. Но если человек ранен, ему положено лежать спокойно.

– Близость твоего тела заставляет меня забыть о боли.

– Перестань, черт тебя побери!

– Фалька… Будь снисходительной к страдающему человеку.

– Будешь страдающим, если руки не уберешь! Ну, быстро!

– Тише… Бандиты могут нас услышать… Твоя кожа как атлас… Не крутись, черт побери!

«А, хрен с ним, – подумала Цири, – будь что будет. В конце концов, что за важность? А интересно. Я имею право быть любопытной. Какие уж тут чувства? Взгляну на это мероприятие потребительски, вот и все. И беспретенциозно забуду».

Она подчинилась прикосновениям и удовольствию, которое они принесли. Отвернула голову, но сочла это излишне скромным и обманчиво ханжеским – не хотела, чтобы он решил, будто соблазнил невинность. Взглянула ему прямо в глаза, но ей это показалось слишком смелым и вызывающим – такой она тоже не хотела казаться. Поэтому просто прикрыла глаза, обняла его за шею и помогла разделаться с пуговичками, потому что у него дело шло туго и он только напрасно терял время.

К прикосновениям пальцев добавилось прикосновение губ. Она уже была близка к тому, чтобы забыть обо всем на свете, когда Хотспорн вдруг замер. Несколько секунд она терпеливо выжидала, помня, что он ранен и рана должна ему мешать. Но все слишком уж затягивалось. Его слюна застывала у нее на сосках.

– Эй, Хотспорн! Уснул, что ли?

Что-то потекло ей на грудь и бок. Она прикоснулась пальцами. Кровь.

– Хотспорн! – Она столкнула его с себя. – Хотспорн, ты умер?

«Глупый вопрос, – подумала она. – Я же вижу. Я же вижу, что он мертв».

– Он умер, положив голову мне на грудь. – Цири отвернулась. Угольки в камине полыхнули красным, порозовили ее покалеченную щеку. Возможно, был там и румянец. Впрочем, в этом Высогота уверен не был.

– Единственное, что я тогда чувствовала, – добавила она, по-прежнему отвернувшись, – это разочарование. Тебя это шокирует?

– Нет. Как раз это-то – нет.

– Понимаю. Я стараюсь не разукрашивать рассказ, ничего не исправлять. Ничего не утаивать. Хотя порой такое желание возникает, особенно касательно утайки. – Она шмыгнула носом,

покрутила согнутым пальцем в уголке глаза. – Я привалила его ветками и камнями. Стемнело, мне пришлось там заночевать. Бандиты все еще крутились окрест, я слышала их крики и была почти уверена, что это не простые бандюги. Я только не знала, на кого они охотились: на меня или на него. Однако вынуждена была сидеть тихо. Всю ночь. До рассвета. Около трупа. Бррр.

– На рассвете, – немного помолчав, продолжала она, – от погони не осталось ни слуху ни духу, и можно было отправляться. Лошадь у меня уже была. Волшебный браслет, который я сняла с руки Хотспорна, и впрямь действовал. Вороная вернулась. Теперь она была моей. Это был мой приз. Есть такой обычай на Островах Скеллиге, знаешь? От первого любовника девушке полагается дорогой подарок. Ну, какая разница, что мой-то умер, так и не успев стать первым?

Кобыла топнула передними копытами о землю, заржала, стала боком, словно повелев любоваться собой. Цири не могла сдержать вздоха восхищения при виде ее небольшой изящной головы с выпуклым лбом, сидящей на гибкой шее морского льва с прекрасно вырисовывающимися мускулами, высокой холки, всего тела, изумляющего своей пропорциональностью.

Она осторожно подошла, показывая кобыле браслет на запястье. Кобыла протяжно фыркнула, прижала подвижные уши, но позволила схватить себя за трензеля и погладить по бархатистому носу.

– Кэльпи, – сказала Цири. – Ты черная и гибкая, как морская кэльпи. Ты изумительна и волшебна, как кэльпи. Вот и будет тебе имя – Кэльпи. И мне все равно – претенциозно это или нет.

Кобыла зафыркала, поставила уши торчком, тряхнула шелковистым хвостом, доходящим до самых бабок. Цири, обожающая высокую посадку, подтянула стременные ремни, протерла нетипичное плоское седло без арчака и передней луки. Подогнала сапог к стремени и ухватила лошадь за гриву.

– Спокойно, Кэльпи.

Седло вопреки ожиданию было вполне удобным. И по понятным причинам гораздо более легким, чем обычное кавалерийское с высокими луками.

– Ну а теперь, – сказала Цири, похлопывая лошадь по горячей шее, – посмотрим, такая ли ты резвая, как красивая. Настоящий ли ты скакун, или всего лишь парадная лошадка. Что скажешь относительно двадцати миль галопа, Кэльпи?

Если б глубокой ночью кто-нибудь исхитрился тихарем подобраться к затерявшейся среди топей хате с провалившейся и

обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы седобородого старика, слушающего повествование девушки с зелеными глазами и пепельными волосами.

Он увидел бы, как догорающие поленья в камине оживают и светлеют, словно в предчувствии того, что услышат.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата старого Высоготы была хорошо укрыта среди камышей на болоте. На вечно затянутом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заходить.

– Пойма ручья была ровной, пригодной для езды, поэтому Кэльпи летела словно вихрь. Конечно, ехала я не вверх по течению, а вниз. Я помнила это довольно странное название: «Ревность». Вспомнила, что Хотспорн говорил на станции Гиселеру. Поняла, почему он предостерегал меня. В Ревности была ловушка. Когда Гиселер отмахнулся от предложения, касающегося амнистии и работы на гильдию, Хотспорн сознательно напомнил о расположившемся в поселке охотнике за наградами. Он знал, на какую приманку Крысы клюнут, знал, что поедут туда и попадут в капкан. Мне необходимо было добраться до Ревности раньше их, перерезать им дорогу, предупредить. Завернуть. Всех. Или хотя бы только Мистле.

– Насколько я понял, – проворчал Высогота, – из этого ничего не получилось.

– Тогда, – сказала она глухо, – я считала, что в Ревности ожидает вооруженный до зубов многочисленный отряд. Я и подумать не могла, что засада – всего лишь один человек.

Она умолкла, глядя в темноту.

– И понятия не имела, что это за человек. Какой это человек.

Бирка когда-то была селом богатым, красивым и живописно расположенным – ее желтые крыши и красные черепицы плотно заполняли котловину с крутыми лесистыми склонами, меняющими цвет в зависимости от времени года. Особенно осенью Бирка радовала взгляд и впечатлительное сердце.

Так было до тех пор, пока поселок не сменил названия. А получилось это так: молодой кмет, эльф из ближнего эльфьего поселения, был насмерть влюблен в мельникову дочку из Бирки. Кокетка-дочка высмеяла притязания эльфа и продолжала «общаться» с соседями, знакомыми и даже родственниками. Те стали подтрунивать над эльфом и его слепой как у крота любовью. Эльф – что довольно нетипично для эльфов – воспылал гневом и жаждой мести, причем воспылал чрезмерно. Однажды ветреной ночью он подкинул огонь и спалил всю Бирку.

Потерявшие практически все погорельцы пали духом. Одни пошли по миру, другие перестали работать и запили. Деньги, которые собирали на восстановление, постоянно растрачивались и пропивались, и теперь богатое некогда поселение являло собой образец нищеты и отчаяния, стало сборищем уродливых и кое-как сляпанных халуп под голым и начерно обгоревшим склоном котловин. До пожара у Бирки была овальной формы центральная рыночная площадь, теперь же из немногочисленных более или менее прилично восстановленных домов, амбаров и винокурен выстроилось что-то вроде длинной улочки, которую замыкал фасад поставленного совместными усилиями постоялого двора и трактира «Под головой химеры», который содержала вдова Гулё.

И уже семь лет никто не пользовался названием «Бирка». Говорили «Пылкая Ревность», для сокращения – просто «Ревность».

По улице Ревности ехали Крысы. Стояло холодное, облачное, хмурое утро. Люди скрывались в домах, прятались в сараях и мазанках. У кого были ставни – тот с треском захлопывал их, у кого были двери – тот запирал их и подпирал изнутри колом. У кого еще оставалась водка, тот пил для куражу. Крысы ехали шагом, демонстративно медленно, стремя в стремя. На их лицах лежало безграничное презрение, но прищуренные глаза внимательно рассматривали окна, навесы и углы строений.

– Один бельт из арбалета, – громко предостерег на всякий случай Гиселер. – Один щелчок тетивы – и начнем резать!

– И еще раз пустим здесь красного петуха! – добавила звучным сопрано Искра. – Оставим чистую землю и грязную воду!

У некоторых жителей наверняка были самострелы, но не нашлось такого, кто захотел бы проверить, не болтают ли Крысы на ветер.

Крысы слезли с лошадей. Отделяющую их от трактира «Под головой химеры» четверть стае прошли пеше, бок о бок, ритмично позванивая и бренча шпорами, украшениями и бижутерией.

Со ступеней трактира, увидев их, смылись трое ревнюков, гасивших вчерашнее похмелье пивом.

– Хорошо, если б он был еще здесь, – буркнул Кайлей. – Шляпанули мы. Нечего было тянуть, надо было гнать сюда хотя бы ночью…

– Балда, – ощерилась Искра. – Если мы хотим, чтобы барды о нас песни слагали, то нельзя было делать этого ночью, впотьмах. Люди должны видеть! Лучше всего – утром, пока еще все трезвые, верно, Гиселер?

Гиселер не ответил. Он поднял камень и с размаху засадил им в дверь трактира.

– Вылезай, Бонарт!

– Выползай, Бонарт! – хором подхватили Крысы. – Выползай, Бонарт!

Внутри послышались шаги. Медленные и тяжелые. Мистле почувствовала пробежавшую по спине дрожь.

В дверях появился Бонарт.

Крысы невольно отступили на шаг, каблуки высоких сапог уперлись в землю, руки ухватились за рукояти мечей. Охотник за наградами держал свой меч под мышкой в ножнах. Таким образом, у него были свободные руки – в одной очищенное от скорлупы яйцо, в другой – кусок хлеба.

Он медленно подошел к поручням, взглянул на Крыс сверху, свысока. Он стоял на крыльце, да и сам был велик. Огромен, хоть и тощ, как гуль.

Он глядел на них, водил водянистыми глазами от одного к другому. Потом откусил сначала кусочек яйца, потом кусочек хлеба.

– А где Фалька? – спросил невнятно. Крошки желтка ссыпались у него с усов и губ.

– Гони, Кэльпи! Гони, красавица! Гони что есть мочи!

Вороная кобыла громко заржала, вытянула шею в сумасшедшем галопе. Щебенка градом летела из-под копыт, хотя казалось, что копыта едва касаются земли.

* * *

Бонарт лениво потянулся, скрипнул кожаной курткой, медленно натянул и старательно расправил лосевые перчатки.

– Как же так? – скривился он. – Убить меня хотите? И за что же?

– А за Мухомора, чтоб далеко не ходить, – ответил Кайлей.

– И веселья ради, – добавила Искра.

– И для собственного спокойствия, – подкинул Рееф.

– А-а-а, – медленно протянул Бонарт. – Вон оно, значит, в чем дело-то! А ежели я пообещаю оставить вас в покое, отстанете?

– Не-а, пес паршивый, не отстанем, – обольстительно улыбнулась Мистле. – Мы тебя знаем. Знаем, что ты не отлипнешь, будешь тащиться следом и ждать оказии тыркнуть кого-нибудь из нас в спину. Выходи!

– Помаленьку! Помаленьку! – Бонарт усмехнулся, зловеще растягивая губы под седыми усами. – Поплясать мы всегда успеем. Чего понапрасну возбуждаться-то? Для начала

послушайте мое предложение, Крыси. Предлагаю выбор, а уж вы поступите по своему разумению.

– Ты чего бормочешь, старый гриб? – крикнул Кайлей, горбатясь. – Говори ясней.

Бонарт покачал головой и почесал ягодицу.

– Награда за вас назначена, Крыси. Немалая. А жить-то надо.

Искра фыркнула на манер лесного кота, по-кошачьи раскрывая глаза. Бонарт скрестил руки на груди, переложив меч на сгиб локтя.

– Немалая, говорю, награда за мертвых. За живых чуток поболе. Поэтому мне, честно говоря, все едино. Лично против вас я ничего не имею. Еще вчера думал, что прикончу вас просто так, интереса и веселья ради. Но вы пришли сами, сэкономили мне время и силы и тем прямо за самое сердце меня взяли. Поэтому позволю вам выбирать. Как хотите, чтобы я вас взял: по-доброму или по-злому?

На скулах Кайлея заходили желваки. Мистле наклонилась, приготовилась к прыжку. Гиселер схватил ее за плечо.

– Он хочет нас раззадорить, – прошипел он. – Пусть болтает, каналья!

Бонарт прыснул.

– Ну? – повторил он. – Так как: по-доброму или по-злому? Я, к примеру, советую первое. Потому как, понимаете, по-доброму га-а-а-раздо меньше больно.

Крысы как по команде выхватили оружие. Гиселер махнул клинком крест-накрест и замер в позиции фехтовальщика. Мистле сочно сплюнула.

– А ну, иди сюда, костяное чучело, – сказала она внешне спокойно. – Иди, подлюга. Прикончим, как старого, седого, завшивевшего пса.

– Стало быть, предпочитаете по-плохому. – Бонарт, глядя куда-то поверх крыш домов, медленно вытянул меч, отбросив в сторону ножны. Не спеша спустился с приступочек, позвякивая шпорами.

Крысы быстро расположились поперек улочки. Кайлей отошел дальше всех влево, почти к стене винокурни. Рядом с ним встала Искра, кривя тонкие губы в присущей ей страшной ухмылке. Мистле, Ассе и Рееф отошли вправо, Гиселер остался посредине, поглядывая на охотника за наградами из-под прищура.

– Ну, лады, Крыси. – Бонарт осмотрелся по сторонам, глянул в небо, потом поднял меч и поплевал на острие. – Коль пошла такая пляска… А ну, музыка! Играй!

Они бросились друг на друга, словно волки, мгновенно, тихо,

без предупреждения. Запели в воздухе клинки, заполняя улочку стоном стали. Вначале были слышны только удары клинков, вздохи, стоны и ускоренное дыхание.

А потом неожиданно и вдруг Крысы начали кричать. И умирать.

Рееф вылетел из клубка первым, треснулся спиной о стену, брызжа кровью на грязно-белую известку. За ним нетвердым шагом выкатился Ассе, согнулся и упал на бок, попеременно сгибая и разгибая колени.

Бонарт вертелся и прыгал как волчок, окруженный мерцанием и свистом клинка. Крысы пятились от него, подскакивали, делая выпады и отпрыгивая, яростно, заядло, безжалостно и… безрезультатно. Бонарт парировал, рубил, нападал, непрерывно атаковал, не давал передышки, навязывал темп. А Крысы отступали. И умирали.

Искра, получив в шею, упала в грязь, свернувшись клубком как кошка, кровь из артерии брызнула на лодыжки и колени переступавшего через нее Бонарта. Охотник широким взмахом отразил выпад Мистле и Гиселера, развернулся и молниеносным ударом разделал Кайлея от ключицы до бедра, ударив его самым концом меча. Кайлей выпустил меч, но не упал, только согнулся и обеими руками схватился за грудь и живот, а из-под ладоней хлестала кровь. Бонарт снова увернулся от удара Гиселера, парировал нападение Мистле и рубанул Кайлея еще раз. Размозжил ему висок. Светловолосый Крыс упал в лужу собственной крови, смешанной с грязью.

Мистле и Гиселер замерли на мгновение, но вместо того чтобы бежать, заорали в один голос, дико и бешено. И кинулись на Бонарта.

Кинулись и нашли свою смерть.

Цири влетела в поселок и помчалась галопом по улочке. Из-под копыт вороной кобылы полетели брызги грязи.

Бонарт пнул каблуком Гиселера, лежавшего у стены. Главарь Крыс не подавал признаков жизни. Из разрубленного черепа уже перестала вытекать кровь.

Мистле, стоя на коленях, искала меч, шаря обеими руками по грязи и не видя, что ползает в быстро растущей луже крови. Бонарт медленно подошел к ней.

– Не-е-е-е-е!!!

Охотник поднял голову.

Цири с ходу соскочила с лошади, завертелась, упала на одно колено.

Бонарт усмехнулся.

– Крысиха, – сказал он. – Седьмая Крысиха. Хорошо, что ты здесь. Тебя-то мне и недоставало для комплекта.

Мистле нащупала меч, но не в состоянии была его поднять. Она захрипела и, кинувшись под ноги Бонарта, дрожащими пальцами вцепилась в голенища его сапог. Раскрыла рот, чтобы крикнуть, но вместо крика из ее глотки вырвалась блестящая карминовая струя. Бонарт сильно ударил ее, свалив в навоз. Однако Мистле, обеими руками держась за распоротый живот, сумела все-таки подняться снова.

– Нееееe! – крикнула Цири. – Мистлеее!!!

Охотник за наградами не обратил внимания на ее крик, даже головы не повернул, а завертел мечом и ударил размашисто, как косой, жутким ударом, который подхватил Мистле с земли и бросил на стену, словно мягкую тряпичную куклу, будто замаранный красным лоскут.

Крик увяз в горле Цири. Руки тряслись, когда она хваталась за меч.

– Убийца, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, поражаясь, как чуждо прозвучал собственный голос. Чужие губы вдруг стали чудовищно сухими. – Убийца! Мразь!

Бонарт, слегка наклонив голову, с интересом рассматривал ее.

– Будем помирать?

Цири шла к нему, обходя его полукругом. Меч в поднятых и выпрямленных руках двигался, обманывал, вводил в заблуждение.

Охотник за наградами громко рассмеялся.

– Умирать! – повторил он. – Крысиха решила умереть.

Он поворачивался медленно, не сходя с места, не давая поймать себя в обманную ловушку полукруга. Но Цири было все равно. Она кипела от ярости и ненависти, дрожала от жажды убийства, стремилась достать этого страшного старика, почувствовать, как клинок врезается в его плоть. Хотела увидеть его кровь, хлещущую из рассеченных вен в ритме последних ударов сердца.

– Ну, Крысиха. – Бонарт поднял испачканный меч и плюнул на острие. – Прежде чем подохнешь, покажи, на что ты способна. Давай, музыка, играй!

– Ей-богу, не знаю, как получилось, что они не прикончили друг дружку в первом же бою, – рассказывал спустя шесть дней Никляр, сын гробовщика. – Видать, здорово хотели позабивать. Да и оно видно было. Она его, он ее. Налетели дружка на дружку,

столкнулись мгновенно, и пошел сплошной звон от мечей-то. Может, двумя, может, тремя ударами обменялись. Некому было считать-то ни глазом, ни ухом. Так шибко бились, уважаемый, что глаз человеческий аль ухо не ловили того. А плясали и скакали дооколо себя словно твои две ласки!

Стефан Скеллен, по прозвищу Филин, слушал внимательно, поигрывая нагайкой.

– Отскочили дружка от дружки, – тянул парень, – а ни на ей, ни на ём – ни царапинки. Крысиха-то была, видать, злющая как сам черт, а уж шипела не хуже котища, когда у его хочут мышь отобрать. А милсдарь господин Бонарт был совсем спокойным.

– Фалька, – сказал Бонарт, усмехаясь и показывая зубы, как настоящий гуль. – Ты и верно умеешь плясать и мечом вертеть! Ты меня заинтересовала, девушка. Кто ты такая? Скажи, прежде чем умрешь.

Цири тяжело дышала. Чувствовала, как ее начинает охватывать ужас. Поняла, с кем имеет дело.

– Скажи, кто ты такая, и я подарю тебе жизнь.

Она крепче стиснула рукоять. Необходимо было пройти сквозь его выпады, парирования, рубануть его прежде, чем он успеет заслониться. Нельзя было допустить, чтобы он отбивал ее удары, нельзя было и дальше принимать на свой меч его меч, испытывать боль и надвигающийся паралич, который пронизывал ее насквозь и заставлял костенеть при его выпадах локоть и предплечье. Нельзя было растрачивать энергию на пустые уверты от его ударов, проходящих мимо не больше чем на толщину волоса. «Я заставлю его промахнуться, – подумала она. – Сейчас. В этой стычке. Или умру».

– Ты умрешь, Крысиха, – сказал он, идя на нее с выставленным далеко вперед мечом. – Не боишься? Все потому, что не знаешь, как выглядит смерть.

«Каэр Морхен, – подумала она, отскакивая. – Ламперт. Гребень. Сальто».

Она сделала три шага и пируэт, а когда он напал, отмахнувшись от финта, она крутанула сальто назад, упала в полуприсест и тут же рванулась на него, поднырнув под его клинок и выворачивая сустав для удара, для страшного удара, усиленного мощным разворотом бедер. И тут ее неожиданно охватила эйфория, она уже почти чувствовала, как острие вгрызается ему в тело.

Но вместо этого был лишь жесткий, стонущий удар металла о металл. И неожиданная вспышка в глазах. Удар и боль. Она почувствовала, что падает, почувствовала, что упала. «Он

парировал и отвел удар, – подумала она. – Я умираю».

Бонарт пнул ее в живот. Вторым пинком, точно и болезненно нацеленным в локоть, выбил у нее из рук меч. Цири схватилась за голову, она чувствовала тупую боль, но под пальцами не было раны и крови. «Он ударил кулаком, – зло подумала она. – Я просто получила кулаком. Или головкой меча. Он не убил меня. Отлупцевал как соплячку».

Она открыла глаза.

Охотник стоял над ней, страшный, худой как скелет, возвышающийся как большое безлистное дерево. От него разило потом и кровью.

Он схватил ее за волосы на затылке, поднял, заставил встать, но тут же рванул, выбивая землю из-под ног, и потащил, орущую как осужденная на вечные муки, к лежащей у стены Мистле.

– Не боишься смерти, да? – буркнул он, прижимая ее голову к земле. – Так погляди, Крысиха. Вот она – смерть. Вот так умирают. Погляди, это кишки. Это кровь. А это – говно! Вот, что у человека внутри.

Цири напружинилась, согнулась, вцепившись в его руку, зашлась в сухом позыве. Мистле еще жила, но глаза уже затянул туман, они уже стекленели, стали рыбьими. Ее рука, будто ястребиный коготь, сжималась и разжималась, зарывшись в грязь и навоз. Цири почувствовала резкую, пронизывающую вонь мочи. Бонарт залился хохотом.

– Вот так умирают, Крысиха. В собственном дерьме и кишках!

Он отпустил ее. Она упала на четвереньки, сотрясаемая сухими, отрывистыми рыданиями. Мистле была рядом. Рука Мистле, узкая, нежная, мягкая, умная рука Мистле…

Она уже не шевелилась.

– Он не убил меня. Привязал к коновязи за обе руки.

Высогота сидел неподвижно. Он сидел так уже долго. Даже сдерживал дыхание. Цири продолжала рассказ, ее голос становился все глуше, все неестественнее и все неприятнее.

– Он приказал сбежавшимся принести ему мешок соли и бочонок уксуса. И пилу. Я не знала… Не могла понять, что он надумал… Тогда еще не знала, на что он способен. Я была привязана… к коновязи… Он крикнул каких-то челядников, приказал им держать меня за волосы… и не давать закрыть глаза. Показал им, как… Так, чтобы я не могла ни отвернуться, ни зажмуриться… Чтобы видела все, что он делает. «Надобно позаботиться, чтобы товар не протух, – сказал он. – Чтобы не разложился!..»

Голос Цири надломился, сухо увяз в горле. Высогота,

неожиданно поняв, что сейчас услышит, почувствовал, как слюна заполняет ему рот.

– Он отрезал им головы, – глухо сказала Цири. – Пилой. Гиселеру, Кайлею, Ассе, Реефу, Искре… И Мистле. Отпиливал им головы… Поочередно. У меня на глазах.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел подкрасться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатушке седобородого старика в кожухе и пепельноволосую девушку с лицом, изуродованным шрамом во всю щеку. Увидел бы, как девушка содрогается от плача, как всхлипывает, как бьется в руках старика, а тот пытается ее успокоить, неловко и машинально гладя и похлопывая по содрогающимся в спазмах плечам.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата была хорошо спрятана среди камышей на болоте. На вечно покрытом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заглядывать.

Часто мне задавали вопрос, как получилось, что я решил записывать свои воспоминания. Многих, казалось, интересовал тот момент, когда начали возникать мои мемуары, какой именно факт, событие или же явление сопутствовали началу записей либо дали толчок к ним. Сначала я давал разные пояснения и частенько лгал, однако же теперь предпочитаю писать правду, поскольку сегодня, когда волосы мои поседели и заметно поредели, я знаю, что правда есть ценное зерно, ложь же – ни на что не годные плевелы.

А правда такова: событием, которое дало всему начало и которому я обязан первой записью, из коих впоследствии начал формироваться труд моей жизни, было то, что я совершенно случайно нашел клочок бумаги и обломок свинцового карандаша среди вещей, которые я и мои друзья

позаимствовали из лирийских военных лагерей. Случилось это…

Лютик. «Полвека поэзии»

Глава третья

…Случилось это спустя пять дней после сентябрьского новолуния, точно на тридцатый день нашего похода, считая с момента, когда мы покинули Брокилон, и на шестой день после Битвы на Мосту.

Сейчас, любезные мои будущие читатели, я немного отступлю во времени и опишу события, кои имели место непосредственно после достославной и чреватой последствиями Битвы на Мосту. Однако вначале я ознакомлю с событиями то, уверен, неисчислимое множество читателей, кои о Битве на Мосту ничего не знают, то ли в силу иных интересов, то ли по причине общей невежественности. Разъясняю: оная Битва имела место быть в последний день августа Года Великой Войны в Ангрене, на мосту, стягивающем два берега реки Яруги в районе поселения, именуемого Красная Биндюга. Сторонами вышеупомянутого вооруженного конфликта были: армия Нильфгаарда с одной стороны и лирийский корпус под командованием королевы Мэвы с другой и мы, то есть мужественная команда – я, нижеподписавшийся, а также ведьмак Геральт, вампир Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой, лучница Мильва и Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, нильфгаардец, не перестающий с упорством, достойным лучшего применения, утверждать, будто он и не нильфгаардец вовсе.

Тебе, читатель, также может быть не понятно, откуда в Ангрене взялась королева Мэва, о которой в то время шел слух, будто она со своей армией погибла во время нильфгаардской июльской инкурсии на Лирию, Ривию и Аэдирн, приведшей к полному захвату этих стран и их оккупации имперскими войсками. Однако же Мэва не погибла, как предполагали, в бою и не попала в нильфгаардский плен. Собрав под свои знамена крупный отряд конников из уцелевшего лирийского войска, а также наемников и обычных бандитов, доблестная Мэва развернула партизанскую войну против нильфгаардцев. А для такой войны дикий Ангрен был идеальным местом – можно было и из засады ударить, и затаиться где-нибудь в лесах и перелесках, потому как в Ангрене с лесами все в порядке. Правду сказать, кроме лесов-то, в той краине ничего и нету. Что следует отметить особо.

Отряд Мэвы, к тому времени именуемый не иначе как Армией Белой Королевы, быстро набирал силы и такой лихости, что ухитрился бесстрашно переправиться на левый берег Яруги, дабы там, на глубоких тылах противника, скакать и носиться вдоволь.

И теперь мы возвращаемся к нашим баранам, в смысле к Битве на Мосту. Тактическая ситуация складывалась нижеследующим

образом: партизаны королевы Мэвы, пошумев на левом берегу Яруги, захотели перебраться на правый берег, но налетели на нильфгаардцев, разбойничавших на правом берегу той же Яруги, которую, кстати, именовали, смешно подумать, Яррой. На вышепоименованных нарвались мы с центральной позиции, то есть с самой середины реки Яруги, с обеих сторон – и левой, и правой – какими-то не известными нам в то время вооруженными людьми окруженные. Не имея по сему случаю возможности куда-либо ретироваться, мы проявили невиданный героизм и покрыли себя неувядаемой славой. Битву, кстати сказать, выиграли лирийцы, поскольку им таки удалась их стратегическая задумка, то бишь бегство на правый берег. Нильфгаардцы сбежали в неизвестном направлении и тем самым бой проиграли. Я, конечно, понимаю, что все это звучит несколько конфузно и по-любительски, и не упущу возможности перед опубликованием записок проконсультировать текст с каким-либо военным теоретиком. Сейчас же я опираюсь на авторитет Кагыра аэп Кеаллаха, единственного солдата в нашей команде. Кагыр же утверждает, что одержание победы методом своевременной ретирады с поля боя допускает большинство милитарных доктрин.

Участие нашей команды в битве, бесспорно, достойное всяческой похвалы, однако имело и негативные последствия. С Мильвой, которая была в интересном положении, произошел несчастный случай. У нее случился выкидыш. Остальным повезло, ибо никто не получил серьезных повреждений. Но никто же ни почестей не дождался, ни даже благодарности, за исключением ведьмака Геральта, поскольку ведьмак Геральт, вопреки неоднократным – и явно ошибочным – заявлениям о своей индифферентности и не менее же неоднократно декларируемой нейтральности, в Битве продемонстрировал прыть столь же великую, сколь и чрезмерно эффектную, иными словами, бился воистину показательно, если не сказать – театрально. Его заметили, и Мэва, королева Лирии, собственною десницею свершила над ним акколаду, посвятив его в рыцари. От этой почести, как вскоре оказалось, было больше неприятности, нежели авантажа.

Ибо следует тебе знать, любезный читатель, что ведьмак Геральт всегда был личностью скромной, рассудительной и выдержанной, поведения прямого и неусложненного наподобие ратовища алебарды или вил. Однако неожиданное вознесение и кажущаяся милость королевы Мэвы заметно его изменили, и не знай я его лучше, то сказал бы, что он возгордился и, вместо того чтобы побыстрее и понезаметнее сойти со сцены, болтался в королевской свите, ликовал, купался в лучах славы и королевской

милости.

А нам слава и популярность нужны были менее всего. Тем, кто подзабыл, напоминаю, что тот же самый ведьмак Геральт из Ривиц, волею королевы Мэвы ставший ныне рыцарем Геральтом Ривским, преследовался органами безопасности всех Четырех Королевств, что было связано с бунтом магиков на острове Танедд. Меня, человека невинного и чистого как слеза ребенка, пытались обвинить в шпионаже. Сюда же следует отнести Мильву, сотрудничавшую с дриадами и скоя'таэлями и причастную, как оказалось, к известной резне на границах леса Брокилон. Не остался в стороне и Кагыр аэп Кеаллах, нильфгаардец, подданный, как ни говори, враждебного государства, присутствие которого на несвойственной ему стороне фронта объяснить и оправдать было бы непросто. В общем, все складывалось так, что единственным членом нашей команды, биографию которого не подмочили ни политические, ни криминальные деяния, был вампир. Таким образом, раскрытие и выявление кого-либо из нас грозило всем остальным, мягко выражаясь, насаждением на острые осиновые колья. Каждый день, проведенный – вначале, впрочем, с приятностию, сыто и беспечно – под сенью лирийских штандартов, повышал риск материализации вышесказанного.

Геральт, которому я на это категорично указал, слегка посмурнел, но не замедлил высказать свои соображения, коих оказалось два. Во-первых, Мильве после случившегося с ней все еще требовались присмотр и опека, а при армии имелись фельдшеры. Во-вторых, армия королевы Мэвы направлялась на восток, в сторону Каэд Дху, а наша компания, прежде чем сменить направление и влипнуть в вышеописанную историческую битву, тоже двигалась в Каэд Дху – у проживающих там друидов мы надеялись получить сведения, которые могли бы помочь найти Цири. С прямого пути к друидам нас вынудили свернуть буйствовавшие в Ангрене разъезды и никому не подчиняющиеся банды. Теперь, под защитой дружественной лирийской армии, при милости и доброжелательности королевы Мэвы, дорога на Каэд Дху была нам открыта, более того, казалась простой и безопасной.

Я упреждал ведьмака, что это всего лишь видимость, что королевская милость может обернуться своей тыльной стороной. Ведьмак слушать не пожелал. А кто оказался прав, скоро стало ясно всем. Как только разошлась весть, что с востока, от перевала Кламат, идет на Ангрен мощная нильфгаардская карательная экспедиция, войско Лирии не мешкая завернуло на север, к горам Махакама. Геральту, как нетрудно догадаться, такой финт вовсе не улыбался – он спешил к друидам, а не в Махакам! Наивный,

словно ребенок, он помчался к королеве Мэве, намереваясь получить увольнение из армии и королевское благословение его личных интересов. И в тот же момент окончились королевская любовь и благожелательность, а уважение и восхищение героем Битвы за Мост развеялись как дым. Рыцарю Геральту Ривскому холодно и твердо напомнили об его рыцарских обязанностях перед королевой. Все еще слабую Мильву, вампира Региса и нижеподписавшегося велено было незамедлительно включить в колонну тащившихся за армией беженцев и штатских. Кагыр аэп Кеаллах, рослый юноша, который ну никак уж на штатского не смахивал, был препоясан бело-голубым шарфом и включен в так называемую вольную команду, то есть подразделение кавалерии, составленное из хулиганов и бродяг, подбираемых на дорогах лирийским корпусом. Таким образом, нас разделили и походило на то, что наша экспедиция зачахла – прошу простить за вульгаризм – окончательно и бесповоротно.

Однако, как ты догадываешься, дорогой читатель, это вовсе не был конец, более того, это не было даже начало! Мильва, узнавшая о развитии событий, тот же час назвалась здоровой и дееспособной и первой призвала к бегству. Кагыр сунул в кусты шарф с королевскими цветами и сбежал из вольной команды на волю, а Геральт выскользнул из роскошных шатров первосортного рыцарства.

Не стану разбрасываться по мелочам, а врожденная скромность не позволяет мне чрезмерно выпячивать свои собственные – немалые – заслуги в описываемом мероприятии. Отмечу лишь факт: в ночь с пятого на шестое сентября наша команда втихую покинула корпус королевы Мэвы. Прежде чем распрощаться с лирийским войском, мы не преминули обильно экипироваться, не спрашивая, разумеется, на то согласия квартирмейстерской службы. Слово «грабеж», кое употребила Мильва, я воспринимаю как чересчур крепкое. Ведь в принципе нам полагалось какое-никакое вознаграждение за участие в достопамятной Битве за Мост. А если не вознаграждение, то хотя бы компенсация и восполнение понесенных убытков! Умалчивая о трагическом происшествии с Мильвой, синяках и ранах Геральта и Кагыра, нельзя не сказать, что в бою нам прикончили или покалечили всех лошадей, кроме моего верного Пегаса и норовистой кобылы ведьмака Плотвы. Поэтому в порядке рекомпенсации мы прихватили трех полнокровных кавалерийских верховых коней и одну запасную лошадку. Взяли также лишь столько снаряжения, сколько сумели ухватить – справедливости ради скажу, что половину взятого нам впоследствии пришлось выкинуть за ненадобностью. Как выразилась Мильва, «так завсегда

бывает, когда хапаешь втемную». Наиболее полезная часть краденого пришлась на вампира Региса, который в темноте видит лучше, чем днем. Дополнительно Регис снизил боеспособность лирийской армии, прихватив мышиного цвета упитанного мула, которого вывел из ограды так ловко, что ни одно животное даже не фыркнуло и не топнуло. Байки о животных, чувствующих вампиров и реагирующих на их запах паническим страхом, явно следует отнести к области народного творчества, разве что речь идет о некоторых животных и некоторых вампирах. Добавлю, что тот мышастый мул держится при нас до сих пор. После того как мы потеряли запасную лошадку, которая где-то заплутала позже в лесах Заречья, перепуганная волками, мул несет наш багаж, вернее, то, что от него осталось. Зовут мула Драакуль, имечко это дал ему Регис сразу после изъятия, да так оно и осталось. Региса явно забавляет это имя, несомненно, имеющее какое-то шутливое звучание в культуре и речи вампиров, нам же он этого разъяснить не пожелал, утверждая, что «сие есть непереводимая игра слов».

Таким-то вот образом компания наша снова вышла на тракт, а уже и без того достаточно длинный перечень лиц, которые нас не любили, стал еще длиннее. Геральт Ривский, рыцарь без страха и упрека, покинул ряды рыцарства еще до того, как посвящение было подтверждено патентом, а придворный герольд придумал ему герб. Кагыр же аэп Кеаллах в долголетнем конфликте Нильфгаарда с нордлингами ухитрился уже драться в рядах обеих армий и из обеих дезертировать, заочно заработав и там и тут смертный приговор. Да и остальные были в отнюдь не лучшей ситуации – в конце концов веревка есть вервие простое, и не столь уж велика разница, за что тебя вздернут: за ущерб, нанесенный рыцарской чести, дезертирство или поименование армейского мула Драакулем.

Пусть же тебя не удивляет, любезный читатель, что мы предпринимали воистину титанические усилия, дабы максимально увеличить разрыв между нами и корпусом королевы Мэвы. Что было сил в конях, гнали на юг, к Яруге, намереваясь переправиться на левый берег. И вовсе не только для того, чтобы отгородиться рекой от королевы и ее партизан, а потому, что безлюдья Заречья были не столь опасны, как охваченный войной Ангрен, – к друидам в Каэд Дху гораздо разумнее было двигаться левым, а не правым берегом. Парадоксально, поскольку левый берег Яруги – это уже территория вражеской Нильфгаардской Империи. «Породил» эту левобережную концепцию ведьмак Геральт, у которого после выхода из братства посвященных в рыцари самоуверенных нахалов в значительной степени восстановились разум, способность

логически мыслить и свойственная ему предусмотрительность. Будущее показало, что план ведьмака был чреват последствиями и повлиял на результат всей экспедиции. Но об этом позже.

У Яруги, когда мы туда добрались, полно было нильфгаардцев, переправлявшихся по отстроенному мосту в Красной Биндюге, чтобы продолжать наступление на Ангрен, а скорее всего и дальше, на Темерию, Махакам, и одному богу известно, куда еще нацелился нильфгаардский генеральный штаб. Нечего было и думать форсировать реку с ходу, следовало затаиться и ждать, пока не перейдут войска. Битых двое суток мы просидели в приречных лозах, подпитывая ревматизм и откармливая москитов. Ко всему прочему погода вскоре испортилась, моросило, сквозило и от холода зуб на зуб попадал только по чистой случайности. Такого холодного сентября я не припомню в числе многочисленных оставшихся в моей памяти сентябрей. Именно тогда-то, любезный читатель, обнаружив среди позаимствованных из лирийских обозов вещей клочок бумаги и обломок карандаша, я и начал, чтобы убить время и забыть о невзгодах, вспоминать и увековечивать некоторые из наших приключений.

Докучливая слякоть и вынужденное бездействие вконец испортили нам настроение и вызвали разные черные мысли. Особенно у ведьмака. Геральт уже давно подсчитывал дни, отделяющие его от Цири – а каждый день, проведенный не в пути, отдалял его – как он думал – от девушки все дальше. Теперь, в мокром лозняке, на холоде, под дождем, ведьмак с каждой минутой становился все угрюмее и злее. Было заметно, что он сильно хромает, а когда ему казалось, что никто его не видит и не слышит, он ругался и шипел от боли. Надобно тебе знать, милый читатель, что Геральту поломали кости во время мятежа чародеев на острове Танедд. Фрактуры срастились и вылечились магическими стараниями дриад из леса Брокилон, но докучать, видимо, не перестали. Поэтому ведьмак испытывал и телесные, и душевные страдания, и злым из-за этого был как хрен с уксусом. Не подступись.

И вновь его начали преследовать сны. Девятого сентября утром, когда он спал после ночного бдения, он поразил всех, с криком сорвавшись с лежанки и схватившись за меч. Это походило на амок, но, к счастью, прошло моментально.

Он отошел в сторону, вскоре вернулся с угрюмой миной и сообщил ни много ни мало, что немедленно распускает дружину и дальше отправится один, поскольку там где-то творятся чудовищные вещи, что время торопит, что становится опасно, а он ни в какую не хочет подвергать опасности никого и ни за кого не желает нести ответственности. Он болтал и резонерствовал

так нудно и так неубедительно, что никому не хотелось с ним спорить. Даже обычно терпеливый вампир отошел в сторонку, пожав плечами, Мильва сплюнула, Кагыр сухо напомнил, что отвечает за себя сам, а что до риска, так не для того он носит меч, чтобы тот оттягивал ему пояс. Однако потом все разом замолкли и многозначительно уставились на нижеподписавшегося, несомненно, полагая, что я воспользуюсь оказией и вернусь домой. Вероятно, нет нужды добавлять, что разочарование их трудно поддается описанию.

Однако обстоятельства заставили нас прервать «передышку» и подтолкнули к смелому действию – форсировать Яругу. Признаюсь, такое мероприятие меня обеспокоило, поскольку план предполагал ночную переправу вплавь, осуществляемую, цитирую Мильву и Кагыра, «на конских хвостах». Даже если это была метафора – подозреваю, что отнюдь нет, – я как-то не представлял себе во время такой переправы ни себя, ни моего рысака Пегаса, на хвосте которого зиждились все мои надежды на удачный исход операции. Плавание, говоря осторожно, не было и не стало моей сильной стороной. Плавание же «на конском хвосте» – и подавно. Если б Матерь Природа хотела, чтобы я плавал, то в ходе акта творения и процесса эволюции она не упустила бы случая снабдить меня хотя бы перепонками между пальцами. Не говоря уж о Пегасе.

Мои треволнения оказались напрасными – по крайней мере касательно плавания на конском хвосте. Мы переправились совсем другим образом. Кто знает, не еще ли более безумным и, сказать по правде, совсем уж нахальным – по восстановленному мосту в Красной Биндюге, под самым носом у нильфгаардских постов и патрулей. Предприятие, как выяснилось, только на первый взгляд казалось диким лихачеством и смертельным риском, в действительности же прошло как по маслу. После того как проследовали линейные подразделения, по мосту туда и обратно принялись сновать обоз за обозом, экипаж за экипажем, стадо за стадом, толпы самого различного, в том числе и цивильного сброда, среди которого наша компания не выделялась совершенно ничем и никому в глаза не бросалась. Таким образом, десятого дня сентября месяца все мы перебрались на левый берег Яруги, только один раз окликнутые стражей, которой Кагыр, грозно насупившись, гневно буркнул что-то об императорской службе, подтвердив сказанное классической армейской и всегда эффективной «куррва ваша мать». Прежде чем кто-либо успел нами заинтересоваться еще, мы уже были на левом берегу реки, в глубине зареченских лесов, потому что здесь был только один тракт, и тот – на юг, а нам не подходили ни направление, ни обилие путающихся там

нильфгаардцев.

На первой же ночевке в лесах Заречья меня тоже посетил дивный сон – однако в отличие от Геральта мне приснилась не Цири, а чародейка Йеннифэр. Как обычно вся в черном и белом, она витала в воздухе над угрюмым горным замком, а снизу другие чародейки грозили ей кулаками и всячески поносили. Йеннифэр взмахнула длинными черными рукавами платья и черным альбатросом улетела к бесконечному морю прямо навстречу восходящему солнцу. С этого момента сон обратился в кошмар. После пробуждения детали стерлись, остались нечеткие, мало осмысленные картинки, но были и картины жуткие: истязания, крик, боль, страх, смерть… Одним словом…

Я не стал рассказывать Геральту о своем сне. Слова не молвил. И, как выяснилось позже, правильно поступил.

– Йеннифэр ее звали! Йеннифэр из Венгерберга. И презнаменитейшая была чародейка! Чтоб мне рассвета не дождаться, ежели лжу.

Трисс Меригольд вздрогнула, повернулась, пытаясь пробить взглядом толпу и сизый дым, плотно заполнявший главный зал таверны. Наконец встала из-за стола, с легким сожалением оставив филе из морского языка с анчоусовым маслицем. Местное фирменное блюдо и первейший деликатес. Однако по тавернам и постоялым дворам Бреммервоорда она шаталась не для того, чтобы поглощать деликатесы, а ради сбора информации. Кроме того, ей надо было следить за фигурой.

Круг людей, в который предстояло втиснуться, был уже плотен и густ – в Бреммервоорде люди обожали рассказы и не упускали ни одной возможности послушать новый. А многочисленные моряки никогда не разочаровывали, всегда могли позабавить новым и свежим репертуаром морских басен и баек. Ясное дело, в основном матросским, но ведь это не имело ни малейшего значения. Рассказ есть рассказ. У него свои законы.

Рассказчица, занимавшая публику сейчас и упомянувшая Йеннифэр, была рыбачкой с Островов Скеллиге – полная, ширококостная, коротко остриженная, одетая, как и ее четыре спутницы, в вытертый до блеска камзол из нарвальей кожи.

– Случилось это в девятнадцатый день сентября месяца, наутро после второй ночи полнолуния, – излагала островитянка, отхлебывая пиво из солидных размеров кубка.

Ее рука, как заметила Трисс, была цвета старого кирпича, а обнаженные, узловатые мускулистые предплечья – никак не меньше двадцати дюймов в обхвате. У Трисс было двадцать два в талии.

– Рано-ранешенько, – продолжала рыбачка, водя глазами по лицам слушателей, – вышел наш баркас в море, на зунд промеж Ан Скеллиг и Спикероогой, на устричную отмель, где обнаковенно мы лососевые переметы ставим. Шибко спешили, потому как на шторм нагоняло, небо сильно темнело с заходу. Надо было поживше выбрать лосося с сетей, иначе, сам знаешь, в сетях только морды помятые остаются, пообо́рванные, и весь улов идет псу под хвост.

Слушатели, в большинстве своем жители Бреммервоорда и Цидариса, в основном кормящиеся морем и существованием своим морю обязанные, покивали и поворчали с пониманием. Трисс лососей доводилось видеть обычно в виде розовых пластинок, но и она тоже покивала и поворчала с пониманием, поскольку не хотела выделяться. Она была здесь инкогнито, с секретной миссией.

– Приплыли мы… – продолжала рыбачка, покончив с кубком и дав знать, что кто-то из слушателей должен бы уже поставить другой. – Приплыли мы, значицца, выбираем сети, а тут вдруг Гудрун, Стурлихина дочка, как взвизгнет во весь голос. И пальцем в правый борт тычет! Глядим, а там летит чегой-то по воздуху, да не птица! У меня сердце аж захолонуло, потому как я сразу подумала, выворетень то аль гриф малый. Пролетают такие порой над Спикероогой, правда, в основном-то зимой, особливо при западном ветре. Но это черное чудо тем часом хлюсть в воду! И по волне – шмыг! Прям в наши сети. Запуталося в сетях-то и барахтается в воде, быдто тюлень какой. Тогда мы кучей, сколь нас было, а было нас баб восемь штук, за сеть и давай тягать энто на палубу! И только тута рты разинули! Потому как девка это оказалася! В платье черном и сама черна, как твой ворон. Сетью омотана, промежду двумя лососями, из которых в одном, чтоб я так здорова была, сорок два с половиной фунта было, не мене.

Рыбачка из Скеллиге сдула пену с кубка и отхлебнула немало. Никто из слушателей не комментировал и не выражал недоверия, хоть факт поимки лосося такого поразительного веса не помнили даже самые старшие из них.

– Черноволосая в сетях-то, – снова заговорила островитянка, – кашляет, водой морской плюется и дергается, а Гудрун, Стурлихина дочка, нервничает, потому как на сносях она, да в голос как заорет: «Кэльпи, – орет, – кэльпи энто, хавфруя!» А ведь кажный дурень знает, что не кэльпи это, потому как кэльпи-то давно бы уж сеть продрала, да и вощe, неужто такое чудище даст себя на борт вытаранить? И не хавфруя это, потому как рыбьего хвоста у ей нету, а дева морская завсегда при хвосте рыбьем бывает, и вощe ж она в море-то с неба свалилася, а видал

кто-нибудь кэльпи или хавфрую, чтобы они по небу летали? Но Скади, Унина дочка, так та завсегда сразу же в крик: «Кэльпи!» Паникует. Да как ухватит за гаф! И с гафом-то к сети. А из сетей ка-ак брызнет синим, а Скади-то ка-ак заорет! Гаф влево, сама вправо, да пусть я сдохну, ежели лжу, трижды перевернулась и ка-а-ак долбанется задницей о палубу! Ха, сразу видать стало, что этакая чародейка в сетях похуже, чем, между прочим, медуза, скорпена аль угорь дохлый костяной будет. А к тому ж еще и верещать ведьма почала и курвиться с угрозами всякими! А из сети аж шипит, воняет и пар идет, такое она там, в середке, волшебство нагадила! Ну, видим, не шуточки тут шуткуются.

Островитянка осушила кубок и не мешкая потянулась за следующим.

– Да, не шуточки это, – она громко отрыгнула, утерла нос и рот, – магичку в сети поймать! Чуем, что от той магии, чтоб я так жила, аж барка начинает сильней качаться. Делать было нечего! Бритта, Каренина дочка, подцепила сеть багром, а я схватила весло и бац, бац, бац!!!

Пиво брызнуло высоко и потекло по столу, несколько перевернувшихся кружек свалилось на пол. Слушатели вытирали щеки и брови, но не проронили ни слова обиды или замечания. Рассказ – это рассказ. У него свои законы.

– Поняла ведьма, с кем дело имеет. – Рыбачка выпятила обильный бюст и вызывающе осмотрелась. Мол, с бабами со Скеллиге связываться не моги! – Говорит, дескать, поддаюся я вам по доброй воле и обещаю ни заклинаний, ни порчи, ну, не наводить. И имя свое назвала – Йеннифэр из Венгерберга.

Слушатели зашумели. После событий на Танедде прошло едва два месяца, имена подкупленных Нильфгаардом предателей еще были на слуху. Имя знаменитой Йеннифэр – тоже.

– Отвезли мы ее, – продолжала островитянка, – на Ард Скеллиг в Каэр Трольд к ярлу Краху ан Крайту. Боле я уж ее не видала. Ярл был в отбытии, говорили, как вернулся, вначале принял магичку сурово, однако ж позжее ласково и вежливо. Хм-м-м-м… А я только и ждала, какую мне чародейка супризу пожалует за то, что я ее веслом чуть не прибила. Думала, отлает меня перед ярлом. Ан нет. Слова не молвила, не пожаловалась. Гонористая баба. Держала слово. Позжее, когда она убилася, то мне ее дажить жаль было…

– Йеннифэр мертва? – крикнула Трисс, от изумления забыв о своем инкогнито и секретной миссии. – Йеннифэр из Венгерберга умерла?

– Ага, умерла. А как же. – Рыбачка допила пиво. – Мертвая она, как эта вот макрелина. Убила себя собственными чарами,

магические фокусы проделывая. Совсем недавно это случилося, в последний день сентября, прям пред ночью. Но это уж совсем иньшая история.

– Лютик! Не спи в седле!
– А я и не сплю. Я творчески мыслю.

Итак, ехали мы, любезный читатель, лесами Заречья, направляясь на восток, к Каэд Дху, в поисках друидов, которые могли бы нам пособить отыскать Цири. Как все было, расскажу. Однако вначале, исторической правды ради, сообщу кое-что о нашей команде – об отдельных ее членах.

Вампиру Регису было больше четырехсот лет. Если не лгал, сие означало, что он был старше любого из нас. Конечно, это мог быть обыкновенный треп, да как проверишь? Однако я предпочитал исходить из того, что наш вампир – существо правдивое, поскольку заявил он также, что навсегда и бесповоротно отказался высасывать кровь из людей, и благодаря этому заверению мы как-то спокойней засыпали на ночных привалах. Я заметил, что вначале Мильва и Кагыр после пробуждения опасливо и с беспокойством ощупывали свои шеи, но это вскоре кончилось. Вампир Регис был – вернее сказать, казался – вампиром стопроцентно честным: коли сказал, что сосать не будет, так и не сосал.

Однако были и у него недостатки, правда, отнюдь не вампирьей натуры. Регис был интеллектуалом и обожал демонстрировать это. Была у него раздражающая привычка высказывать баналы и истины тоном и с миной пророка, на что, однако, мы вскоре перестали реагировать, поскольку высказываемые утверждения оказывались либо действительно истинными, либо звучали как таковые, либо были непроверяемы, что на поверку одно на одно выходило. Зато уж действительно несносной была Регисова манера отвечать на вопросы еще прежде, чем вопрошающий успевал вопрос сформулировать окончательно, а то и до того, как вопрос вообще был задан. Я это внешнее проявление якобы высокого интеллекта всегда считал скорее признаком хамства и невежества, а таковые терпимы разве что в университетской среде да в дворянских кругах, но трудно переносимы в коллективе, с которым день за днем идешь стремя в стремя, а ночью спишь под одной попоной. Однако до серьезных раздоров не дошло, за что благодарить следует Мильву. В отличие от Геральта и Кагыра, которых, видимо, прирожденный оппортунизм принуждал подлаживаться к манерам вампира, а порой и соревноваться с ним, лучница Мильва предпочитала

решения простые и «непретенциозные». Когда Регис в третий раз ответил на ее вопрос, не дослушав и до половины, она резко обругала его, воспользовавшись словами и определениями, способными вогнать в краску даже заслуженного ландскнехта. Как ни странно, это подействовало – вампир мгновенно освободился от нервирующей манеры. Из чего следует, что в качестве самой эффективной защиты от интеллектуального превосходства следует принять максимально грубое облаивание пытающегося демонстрировать все преимущества интеллектуала.

Мильва, мне кажется, довольно тяжело переживала свое несчастье – выкидыш. Я пишу «мне кажется», так как понимаю, что, будучи мужчиной, никоим образом не могу себе представить, как воспринимает женщина такой случай и такую потерю. Хоть я и поэт, и человек пишущий, тем не менее мое вышколенное и натренированное воображение оказывается бессильным, и тут уж ничего не поделаешь.

Физическую кондицию лучница восстановила быстро – хуже было с психической. Случалось, что целый день, от рассвета до заката, она не произносила ни слова. Любила исчезать и держаться в стороне. Это всех нас несколько беспокоило. Но наконец наступил перелом: Мильва отреагировала как дриада либо эльфка – бурно, импульсивно и не совсем понятно. Однажды утром она на наших глазах вытащила нож и, не произнеся ни слова, отхватила косу у самой шеи. «Не положено, я не девушка, – сказала она, видя, как у нас отвалились челюсти. – Но и не вдова, – добавила она. – И на том конец трауру». С этого момента она постоянно была уже такой, как и раньше, – ехидной, кусачей, надутой и скорой на непарламентские выражения. Из этого мы сделали вывод, что кризис удачно миновал.

Третьим, не менее странным членом нашей команды был нильфгаардец, не упускавший случая заметить, что он не нильфгаардец. Зовут его, как он утверждал, Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах…

– Кагыр Маур Дыффин, сын Кеаллаха, – торжественно заявил Лютик, наставив на нильфгаардца свинцовый стерженек. – Со многим из того, что я не люблю и, более того – не переношу, мне пришлось смириться в этой уважаемой компании. Но не со всем! Я не переношу, когда мне заглядывают через плечо в то время, как я пишу! И смиряться с этим не намерен!

Нильфгаардец отодвинулся от поэта, после недолгого раздумья схватил свое седло, кожух и попону и перетащил все ближе к дремлющей Мильве.

– Прости, – сказал он при этом. – Прошу простить мое

нахальство, Лютик. Я заглянул случайно, из обычного любопытства. Думал, ты чертишь карту или производишь какие-то расчеты.

– Я не бухгалтер! – вздыбился поэт в буквальном и переносном смысле. – И не картограф! И даже если б был таковым, это не оправдывает того, что ты запускаешь журавля в мои записки!

– Я уже извинился, – сухо напомнил Кагыр, устраивая себе лежанку на новом месте. – Со многим я смирился в этой уважаемой компании и ко многому привык. Но извиняться по-прежнему считаю для себя возможным только один раз.

– А вообще-то, – проговорил ведьмак, совершенно неожиданно для всех и, кажется, для себя тоже, приняв сторону юного нильфгаардца, – ты стал чертовски раздражителен, Лютик. Невозможно не заметить, что это как-то связано с бумагой, которую ты с некоторых пор принялся пачкать на биваках огрызком свинчатки.

– Факт бесспорный, – подтвердил вампир Регис, подбрасывая в огонь березовые ветки. – Последнее время наш менестрель стал раздражительным да к тому же скрытным, таинственным и жаждущим уединения. О нет, в отправлении естественных потребностей присутствие свидетелей ему отнюдь не мешает, чему, впрочем, в нашей ситуации удивляться не приходится. Стыдливая скрытность и раздражительность, вызываемая посторонними взглядами, связаны у него исключительно с процессом покрывания бумаги бисерным почерком. Неужто мы присутствуем при рождении поэмы? Рапсодии? Эпоса? Романса? Канцоны, наконец?

– Нет, – возразил Геральт, придвигаясь к костру и укутываясь попоной. – Я его знаю. Это не может быть рифмованная речь, ибо он не богохульствует, не бормочет себе под нос и не подсчитывает количество слогов на пальцах. Он пишет в тишине, и, стало быть, это – проза.

– Проза! – Вампир сверкнул острыми клыками, от чего обычно воздерживался. – Уж не роман ли? Либо эссе? Моралитэ? О громы небесные, Лютик! Не мучай нас. Не злоупотребляй… Раскрой, что пишешь?

– Мемуары.

– Чего-чего?

– Из сих записок, – Лютик продемонстрировал набитую бумагой тубу, – возникнет труд моей жизни. Мемуары, называемые «Пятьдесят лет поэзии».

– Вздорный и нелепый труд, – сухо отметил Кагыр. – У поэзии нет возраста.

– Если все же принять, что есть, – добавил вампир, – то она много древнее.

– Вы не поняли. Название означает, что автор произведения отдал пятьдесят лет, не больше и не меньше, служению Госпоже Поэзии.

– В таком случае это еще больший вздор, – возразил ведьмак. – Ведь тебе, Лютик, нет и сорока. Искусство писать тебе вбили розгами в задницу в храмовой инфиме[5] в восьмилетнем возрасте. Даже если ты писал стихи уже там, то ты служишь своей Госпоже Поэзии не больше тридцати лет. Но я-то прекрасно знаю, ибо ты сам не раз об этом говорил, что всерьез рифмовать и придумывать мелодии начал в девятнадцать лет, вдохновленный любовью к графине де Стэль. И значит, стаж твоего служения упомянутой Госпоже, друг мой Лютик, не дотягивает даже до двадцати лет. Тогда откуда же набралось пятьдесят в названии труда? Может быть, служение графине засчитывается как год за два? Или это метафора?

– Я, – надулся поэт, – охватываю мыслью широкие горизонты. Описываю современность, но заглядываю и в будущее. Произведение, которое я начинаю создавать, я намерен издать лет через двадцать – тридцать, а тогда никто не усомнится в правильности данного мемуарам заглавия.

– Ага, теперь понимаю. Если меня что-то удивляет, так это твоя предусмотрительность. Обычно завтрашний день тебя интересовал мало.

– Завтрашний день меня по-прежнему мало интересует, – высокомерно возвестил поэт. – Я мыслю о потомках. О вечности!

– С точки зрения потомков, – заметил Регис, – не очень-то этично начинать писать уже сейчас, так сказать, «на вырост». Потомки имеют право, увидев такое название, ожидать произведения, написанного с реальной полувековой перспективы личностью, обладающей реальным полувековым объемом знаний и эксперенции.[6]

– Человек, эксперенция коего насчитывает полвека, – резко прервал Лютик, – должен по самой природе вещей быть семидесятилетним дряхлым дедом, с мозгом, разжиженным склерозом. Такому следует посиживать на веранде в валенках и попердывать, а не мемуары писать, потому как люди смеяться будут. Я такой ошибки не совершу, напишу свои воспоминания раньше, пребывая в расцвете творческих сил. Позже, перед тем как издать труд, я лишь введу небольшие косметические поправки.

– В этом есть свои достоинства. – Геральт помассировал и осторожно согнул больное колено. – Особенно для нас. Потому

как хоть мы, несомненно, фигурируем в его произведении и хоть он, несомненно же, не оставил на нас сухой нитки, через полвека это уже не будет иметь для нас большого значения.

– Что есть полвека? – усмехнулся вампир. – Мгновение, момент… Да, Лютик, небольшое замечание: «Полвека поэзии» звучит, на мой взгляд, лучше, чем «Пятьдесят лет».

– Не возражаю. – Трубадур наклонился над листком, почиркал по нему свинчаткой. – Благодарю, Регис. Наконец хоть что-то конструктивное. У кого еще есть какие-либо замечания?

– У меня, – неожиданно проговорила Мильва, высовывая голову из-под попоны. – Ну, чего зенки вытаращил? Мол – неграмотная? Да? Но и не дурная. Мы в походе, топаем Цири на выручку, с оружием в руках по вражеской земле идем. Может так стрястись, что в лапы вражьи попадут эти Лютиковы «мимо арии». Мы виршеплета знаем, не секрет, что он трепач, к тому же сплетник знатный. Того и гляди его арии пролетят мимо. Потому пусть глядит, какие арии карябает. Чтобы нас за евонные каракули случаем на суку не подвесили.

– Ты преувеличиваешь, Мильва, – мягко сказал вампир.

– И к тому же сильно, – отметил Лютик.

– Мне тоже так кажется, – незлобливо добавил Кагыр. – Я не знаю, как там у вас, у нордлингов, но в Империи наличие рукописей не считается преступлением, а литературная деятельность не карается.

Геральт скосил на него глаза, с хрустом переломил палочку, которой поигрывал, и сказал вполне дружелюбно, но не без насмешки:

– Все верно, однако на территориях, захваченных этой культурнейшей из наций, библиотеки подлежат сожжению. Впрочем, не будем об этом. Мне, Мария, тоже кажется, что ты преувеличиваешь. Писанина Лютика, как всегда, не имеет никакого значения. Для нашей безопасности тоже.

– Аккурат! – уперлась лучница, усаживаясь поудобнее. – Я свое знаю. Мой отчим, когда королевские коморники делали у нас перепись людей, так ноги взял в руки, завалился в лес и две недели там отсиживался, носу не казал. Нет уж, где пергамент, там яма, любил он говорить, а кого ныне чернилами записывают, того завтра колесом ломать станут. И верно говорил, хоть и паршивец был, хужее не сыскать. Мнится мне, он в пекле поджаривается, курвин сын!

Мильва отбросила попону, подсела к огню, окончательно выбитая из сна. Дело шло, как заметил Геральт, к очередной долгой ночной беседе.

– Не любила ты своего отчима, думается, – заметил Лютик

после минутного молчания.

– Ага, не любила. – Мильва громко скрипнула зубами. – Потому как стервец он был. Када мамка не видала, подбирался и лапами лез, рукоблуд паршивый. Слов не понимал, так я однажды, не сдержавшись, граблями его малость оходила, а када он свалился, так еще шуранула разок-другой ногами по ребрам, да и в промежность. Два дни он опосля лежал и кровью плевался… А я из дому прочь в белый свет дунула, не дожидаючись, пока он вконец оздоровеет. Потом слухи до меня дошли, что помер он, да и матка моя вскорости за ним… Эй, Лютик? Ты это записываешь, что ли? И не моги! Не моги, слышь, что говорю?

Удивительно было, что шла с нами Мильва, странным был факт, что сопровождал нас вампир. Однако же самым поразительным – и в принципе непонятным – были мотивы Кагыра, который неожиданно из первейшего врага стал если не другом, то союзником. Парень доказал это в Битве на Мосту, когда не задумываясь встал с мечом в руке рядом с ведьмаком против своих соплеменников. Действием этим он завоевал нашу симпатию и окончательно развеял наши подозрения. Написав «наши», я имею в виду себя, вампира и лучницу, потому что Геральт, хоть и дрался с Кагыром бок о бок, хоть и рядом с ним заглянул смерти в глаза, по-прежнему не доверял нильфгаардцу и симпатией его не одаривал. Правда, свою неприязнь он старался скрывать, но поскольку он был – я вроде бы уже упоминал об этом – личностью прямой как ратовище копья, притворяться не умел и антипатия выпирала из него на каждом шагу словно угорь из дырявой вирши.

Причина была однозначна – Цири.

По воле судьбы я оказался на острове Танедд во время июльского новолуния, когда случилась кровавая бойня между верными королям чародеями и предателями, направляемыми Нильфгаардом. Предателям помогали белки, взбунтовавшиеся эльфы и Кагыр, сын Кеаллаха. Кагыр был на Танедде, его послали туда со специальным заданием – поймать и умыкнуть Цири. Защищаясь, Цири ранила его. У Кагыра на левой руке шрам, при виде которого у меня всегда перехватывает дух. Болеть это должно было зверски, а два пальца у него и теперь не сгибаются.

И после этого именно мы спасли его у Ленточки, когда собственные соплеменники везли его в путах на жестокую казнь. За что, спрашиваю, за какую провинность хотели его прикончить? Неужели только за неудачу на Танедде? Кагыр не из болтливых, но у меня ухо чуткое даже на полуслово. Парню нет еще и тридцати, и, похоже, был он в нильфгаардской армии офицером высокого

ранга. Поскольку всеобщим языком он пользуется свободно, а для нильфгаардца это редкость, постольку, думаю я, то есть предполагаю, в каком роде войск Кагыр служил и почему так быстро вырос. И почему поручали ему столь серьезные задания. В том числе и за рубежом.

Потому что ведь именно Кагыр однажды уже пытался увести Цири. Почти четыре года назад, во время резни в Цинтре. Тогда впервые дало о себе знать управляющее судьбами этой девочки Предназначение.

Совершенно случайно я беседовал об этом с Геральтом. Было это на третий день после того, как мы пересекли Яругу, за десять дней до Эквинокция, во время похода через зареченские леса.

Разговор был хоть и очень краткий, но полный неприятных и тревожных нот. А на лице и в глазах ведьмака уже тогда читалась жестокость, которая проявилась позже, в самый Эквинокций, после того как к нам присоединилась светловолосая Ангулема.

Ведьмак не глядел на Лютика. Не глядел вперед. Он глядел на гриву Плотвы.

– Калантэ, – начал он, – перед самой смертью заставила нескольких рыцарей поклясться, что они не позволят Цири попасть в руки нильфгаардцев. Во время панического бегства рыцарей убили, и Цири осталась одна среди трупов и пожаров, в ловушке закоулков горящего города. Она не спаслась бы, это ясно. Но ее отыскал Кагыр. Отыскал и вырвал из пасти огня и смерти. Уберег. Героически. Благородно!

Лютик немного сдержал Пегаса. Они ехали последними, Регис, Мильва и Кагыр опередили всех примерно на четверть стае, но поэт не хотел, чтобы хоть словечко из разговора дошло до ушей спутников.

– Проблема в том, – продолжал ведьмак, – что наш Кагыр проявил благородство, выполняя приказ. Он был так же благороден, как баклан: не заглотал рыбу, потому что ему на горло надели колечко. Он должен был принести рыбу в клюве своему хозяину. Это не получилось, вот хозяин и разгневался на баклана! Теперь баклан в немилости! Не потому ли ищет дружбы и общества рыб? Как думаешь, Лютик?

Трубадур наклонился в седле, спасаясь от низко нависшей ветви липы. Листья на ветке совсем пожелтели.

– Тем не менее он спас ей жизнь, ты сам сказал. Благодаря ему Цири вышла из Цинтры целой и невредимой.

– И кричит по ночам, видя его во сне.

– И все же он ее спас! Перестань копаться в воспоминаниях,

Геральт. Очень многое изменилось, да и меняется каждый день, воспоминания не принесут ничего, кроме огорчений, которые тебе явно идут не на пользу. Он спас Цири. Факт был, есть и останется фактом.

Геральт наконец оторвал взгляд от гривы, поднял голову. Лютик глянул ему в лицо и быстро отвел глаза.

– Факт останется фактом, – повторил ведьмак злым, металлическим голосом. – О да! Он этот факт вывалил мне в лицо на Танедде, и от злости голос застрял у него в горле, потому что он смотрел на клинок моего меча. Этот факт и этот крик не дали мне убить его. Ну что ж, так было и так уж, видать, останется. А жаль. Потому что следовало уже тогда, на Танедде, начать цепь. Длинную цепь смертей: цепь мести, о которой еще и через столетие ходили бы сказания. Такие, которых боялись бы слушать в потемках. Ты понимаешь это, Лютик?

– Не очень.

– Ну и черт с тобой.

Неприятный это был разговор и неприятная у ведьмака тогда была физиономия. Ох, не нравилось мне, когда его охватывало такое настроение и он начинал с такого конца.

Впрочем, должен признать, что образное сравнение с бакланом свою роль сыграло – я начал беспокоиться. Рыба в клюве, которую несут туда, где ее оглушат, выпотрошат и зажарят! Воистину миленькая аналогия, радостные перспективы…

Однако рассудок возражал против этого. В конце концов, если продолжать придерживаться рыбьих метафор, то кем были мы? Плотвичками, маленькими костлявыми плотвичками. Вряд ли взамен за столь мизерную добычу «баклан» Кагыр мог рассчитывать на императорскую милость. К тому же он явно и сам не был такой уж щукой, какой хотел казаться. Плотвой – да, как все мы. А кто вообще обращает внимание на плотвичек в те времена, когда война словно железная борона перепахивает землю и человеческие судьбы?

Готов дать голову на отсечение, что в Нильфгаарде о Кагыре вообще не помнят.

Ваттье де Ридо, шеф нильфгаардской армейской разведки, опустив голову, выслушивал императорскую нотацию.

– Итак, – ехидно тянул Эмгыр вар Эмрейс, – организация, которая заглатывает в три раза больше государственных средств, чем образование, культура и искусство вместе взятые, не в состоянии отыскать одного-единственного человека. Человек запросто исчезает, скрывается, хотя я трачу баснословные деньги

на учреждение, от которого ничто не должно бы укрыться! Один виновный в предательстве человек смеется в глаза учреждению, которому я дал достаточно привилегий, прав и средств, чтобы оно не давало спать даже невинному. О, можешь мне поверить, Ваттье, когда в следующий раз на Совете станут нудить о необходимости урезать фонды на секретные службы, я охотно их послушаю. Можешь поверить!

– Ваше императорское величество, – откашлялся Ваттье де Ридо, – примет, я не сомневаюсь, соответствующее решение, предварительно взвесив все «за» и «против». Как неудачи, так и успехи имперской разведки. Ваше величество, можете быть уверены, что предатель Кагыр аэп Кеаллах не избежит возмездия. Я предпринял действия…

– Я плачу вам не за предпринимание действий, а за их результаты. А результаты мизерны! Что с делом Вильгефорца? Где, черт побери, Цирилла? Что ты там бормочешь? Громче!

– Я думаю, ваше величество должны взять в жены девицу, которую мы держим в Дарн Роване. Нам необходим этот брак, лояльность суверенного лена Цинтра, успокоение Островов Скеллиге и мятежников из Аттре, Стрепта, Маг Турга и со Стоков. Необходима всеобщая амнистия, мир на тылах и на линиях обеспечения и снабжения… Необходим нейтралитет Эстерада Тиссена из Ковира.

– Я знаю об этом… Но девица, что сидит в Дарн Роване, – не настоящая Цирилла. Я не могу вступить с ней в брак.

– Ваше императорское величество, соблаговолите простить, но разве так уж важно, более ли она настоящая, чем настоящая, или менее? Политическая ситуация требует торжественного бракосочетания. Срочно. Молодая будет в вуали. А когда мы наконец отыщем настоящую Цириллу, мы избранницу попросту… заменим.

– Да ты не спятил ли, Ваттье?

– Ненастоящую нам показали мимолетно. Настоящую в Цинтре никто не видел четыре года, к тому же утверждают, что она больше времени проводила на Скеллиге, чем в самой Цинтре. Гарантирую, что никто не обнаружит подмену…

– Нет!

– Ваше императорское…

– Нет, Ваттье! Найди мне настоящую Цириллу! Оторвите наконец свои зады от кресел, шевелите ягодицами и мозгами. Найдите Кагыра. И Вильгефорца. Прежде всего Вильгефорца. Потому что Цири у него. Я в этом уверен.

– Ваше императорское величество…

– Ну, говори, Ваттье! Я слушаю!

– В свое время я подозревал, что так называемая «проблема Вильгефорца» – обычная провокация. Что чародей или убит, или находится в неволе, а показушная и громогласная охота служит Дийкстре для того, чтобы очернить нас и оправдать кровавые репрессии.

– Я тоже так полагал.

– И однако… В Редании это не придали публичной гласности, но я знаю от своих агентов, что Дийкстра отыскал одно убежище Вильгефорца, а в нем доказательства тому, что чародей проводил дьявольские эксперименты на людях. Точнее, на человеческих плодах и… беременных женщинах. Поэтому, если Вильгефорц поймал Цири, боюсь, дальнейшие поиски…

– Замолчи, черт побери!

– С другой стороны, – быстро проговорил Ваттье де Ридо, глядя на изменившееся от дикой ярости лицо императора, – все это может оказаться демонстрацией, имеющей целью опорочить чародея. Это похоже на Дийкстру.

– Изволь отыскать Вильгефорца и отобрать у него Цири! Дьявольщина! Работать, а не отвлекаться и плести кружева предположений. Вот что надо делать! Где Филин? По-прежнему в Гесо? Ведь он вроде бы «перевернул там каждый камень и заглянул в каждую щель». «Девушки там нет и не было». «Астролог ошибся или лжет». Все это цитаты из его донесений. Тогда что он там до сих пор делает?

– Коронер Скеллен, осмелюсь заметить, осуществляет не вполне понятные действия… Свое подразделение – то, которое ваше величество приказали ему организовать – он набирает в Мехте, в форте Рокаин, где заложил базу. Этот отряд, позволю себе добавить, весьма подозрительная банда. Странно уже то, что под конец августа господин Скеллен подыскал известного наемного убийцу…

– Что?

– Нашел наемного убийцу, которому приказал уничтожить буйствующую в Гесо разбойничью шайку. Дело само по себе, конечно, похвальное, но разве в этом задача императорского коронера?

– А в тебе, случаем, не говорит ли зависть, Ваттье? И не она ль придает твоим донесениям красочности и пыла?

– Я лишь отмечаю факты, ваше величество.

– Факты. – Император резко поднялся. – Именно факты я хочу видеть. Слышать о них мне уже наскучило.

День был действительно тяжелый. Ваттье де Ридо утомился. Правда, чтобы вконец не захлебнуться в незавершенных

документах, у него был запланирован еще часок или два работы с бумагами. Однако при одной только мысли об этом Ваттье начинало подташнивать. «Нет, – подумал он, – никаких самопожертвований, никаких самопринуждений. А пойду я к Кантарелле, сладенькой Кантарелле, с которой так славно отдыхается».

Долго раздумывать он не стал, а поднялся, взял плащ и вышел, полным отвращения жестом остановив секретаря, пытавшегося сунуть ему на подпись сафьяновую папку со срочными документами. Завтра! Завтра тоже будет день!

Он покинул дворец через черный ход, со стороны садов, и пошел по кипарисовой аллейке. Прошел мимо искусственного бассейна, в котором дотягивал свой сто тридцать второй год карп, выпущенный еще императором Торресом, о чем свидетельствовала золотая памятная медаль, прикрепленная к жаберной крышке огромной рыбины.

– Добрый вечер, виконт.

Ваттье коротким движением предплечья высвободил укрытый в рукаве стилет. Рукоятка сама скользнула в ладонь.

– Ты здорово рискуешь, Риенс, – сказал он холодно. – Очень рискуешь, демонстрируя в Нильфгаарде свою обожженную физиономию. Даже если ты – всего лишь магическая телепроекция.

– Ты заметил? А Вильгефорц гарантировал, что если ты до меня не дотронешься, то не догадаешься, что это иллюзия.

Ваттье спрятал стилет. Он вовсе не догадался, что это была иллюзия, но теперь уже знал.

– Ты слишком труслив, Риенс, – сказал он, – чтобы появиться здесь своей собственной реальной персоной. Ты же знаешь, чем это тебе грозит.

– Император все еще зол на меня? И на моего мэтра Вильгефорца?

– Твоя наглость обезоруживает.

– К черту, Ваттье. Уверяю, мы по-прежнему на вашей стороне, я и Вильгефорц. Признаю, мы обманули вас, подсунув фальшивую Цириллу, но сделали это из лучших побуждений, из самых лучших, пусть меня утопят, если я лгу. Вильгефорц предполагал, что ежели настоящая пропала, так пусть уж лучше будет фальшивая, чем никакой. Мы считали, что вам все равно…

– Твоя наглость перестает разоружать, а начинает оскорблять. Я не намерен тратить время на болтовню с оскорбляющим меня миражем. Когда я наконец поймаю тебя в истинном виде, тогда побеседуем, к тому же долго, клянусь. А пока… Apage,[7] Риенс.

– Не узнаю тебя, Ваттье. Раньше, явись к тебе даже сам

дьявол, ты б не упустил случая проверить, нельзя ли тут чего-нибудь выгадать.

Ваттье не удостоил иллюзию взгляда, а вместо этого принялся рассматривать замшелого карпа, лениво перемешивающего водоросли в бассейне.

– Выгадать? – повторил он наконец, брезгливо выпячивая губы. – У тебя? Да что ты можешь дать? Настоящую Цириллу? Своего патрона Вильгефорца? Или, может, Кагыра аэп Кеаллаха?

– Стоп! – Иллюзия Риенса подняла иллюзорную руку. – Ты сказал.

– Что я сказал?

– Ты сказал «Кагыр». Мы доставим вам голову Кагыра. Я и мой мэтр Вильгефорц…

– Смилуйся, Риенс, – прыснул Ваттье. – Измени-ка очередность.

– Как хочешь: Вильгефорц при моей помощи выдаст вам голову Кагыра, сына Кеаллаха. Мы знаем, где он находится, можем вытащить его, как рака из-под колоды, в любой момент.

– Эва, какие у вас, оказывается, возможности-то. Ну надо же! Уж такие у вас хорошие агенты в армии королевы Мэвы?

– Испытываешь? – скривился Риенс. – Или и впрямь не знаешь? Скорее всего – второе. Кагыр, дорогой мой виконт, находится… Мы знаем, где он находится, знаем, куда направляется, знаем, в какой компании. Тебе нужна его голова? Ты ее получишь.

– Голову, – ухмыльнулся Ваттье, – которая не может рассказать, что в действительности произошло на Танедде.

– Пожалуй, так оно будет лучше, – цинично проговорил Риенс. – Зачем давать Кагыру возможность говорить? В нашу задачу входит загладить, а не усугубить неприязнь между Вильгефорцем и императором. Мы провернем дельце так, что все будет выглядеть твоей, и исключительно твоей, заслугой. Доставка в течение ближайших трех недель.

Древний карпище в бассейне баламутил воду грудными плавниками. «Бестия, – подумал Ваттье, – должна быть чертовски мудрой. Только на что ему эта мудрость? Все время одна и та же тина, одни и те же кувшинки».

– Твоя цена, Риенс?

– Мелочишка. Где находится и что надумал Стефан Скеллен?

– Я сказал ему, что он хотел знать. – Ваттье де Ридо раскинулся на подушках, играя золотым локоном Картии ван Кантен. – Видишь ли, сладенькая моя, к некоторым вопросам следует подходить умно. А умно – значит конформистски. Если

поступать иначе, не получишь ничего. Только протухшую воду и вонючий ил в бассейне. И что с того, что бассейн сооружен из мрамора и от него до дворца три шага? Разве я не прав, сладенькая моя?

Картия ван Кантен, ласково именуемая Кантареллой, не ответила. А Ваттье вовсе и не ожидал ответа. В свои восемнадцать лет девушка, мягко выражаясь, на гения не тянула. Ее интересы – во всяком случае, сейчас – ограничивались любовными играми и – во всяком случае, сейчас – с Ваттье. В вопросах секса Кантарелла обладала прирожденным талантом, в котором сошлись пыл и техничность с артистизмом. Однако гораздо важнее было не это. Вовсе не это.

Кантарелла говорила мало и редко, но изумительно и охотно слушала. При Кантарелле можно было выговориться, расслабиться и восстановить психическую кондицию.

– На моей службе человека ждут сплошные нарекания, – с горечью в голосе сказал Ваттье. – Потому что, видишь ли, я не отыскал какую-то там Цириллу! А того, что благодаря моим людям армия одерживает победу за победой, недостаточно? А того, что наш генеральный штаб в курсе малейшего движения врага, этого что, тоже мало? А того, что крепость, которую пришлось бы штурмовать неделями, императорским войскам открыли мои агенты, тоже мало? Так ведь нет, никто за это не похвалит. Важна только какая-то задрипанная Цирилла!

Гневно сопя, Ваттье де Ридо принял из рук Кантареллы фужер, наполненный знаменитым эст-эст из Туссента, вином урожая того года, который помнил еще времена, когда император Эмгыр вар Эмрейс был маленьким, не имевшим прав на престол, и чудовищно обиженным пареньком, а Ваттье де Ридо – юным и малозначительным офицером разведки.

Это был прекрасный год. Для вин.

Ваттье потягивал вино, играл изумительными грудками Кантареллы и рассказывал. Кантарелла изумительно слушала и молчала.

– Стефан Скеллен, сладенькая моя, – мурлыкал шеф имперской разведки, – это комбинатор и заговорщик. Но я буду знать, что он комбинирует, еще до того, как туда доберется Риенс… У меня там уже есть человек. Очень близко к Скеллену… Очень близко.

Кантарелла развязала пояс, перехватывающий халат Ваттье, наклонилась, Ваттье почувствовал ее дыхание и задохнулся в предвкушении блаженства. «Талант, – подумал он. – Гений». А потом мягкое и горячее прикосновение губ изгнало у него из головы всяческие мысли.

Картия ван Кантен медленно, ловко и талантливо доставляла блаженство Ваттье де Ридо, шефу имперской разведки. Однако это был не единственный талант Картии. Но о другом таланте Картии Ваттье де Ридо понятия не имел.

Он не знал, что вопреки видимости Картия ван Кантен обладала идеальной памятью и живым, подвижным как ртуть интеллектом.

Все, о чем повествовал ей Ваттье, каждое сообщение, каждое слово, которое он при ней обронил, Картия назавтра же пересказывала Ассирэ вар Анагыд.

Да, даю голову на отсечение, что в Нильфгаарде наверняка уже давным-давно все забыли о Кагыре, не исключая и невесты, ежели у него такая имелась.

Но об этом потом, а теперь отступим назад к дню и месту форсирования нами Яруги. Итак, ехали мы довольно быстро на восток, намереваясь добраться до района Черного Леса, который на Старшей Речи именуется Каэд Дху. Потому что именно там проживали друиды, способные выколдовать место пребывания Цири, а может быть, и извлечь указание на это место из странных сновидений, тревоживших Геральта. Ехали мы через леса Верхнего Заречья, которые еще называют Левобережьем, по дикой и практически безлюдной местности, расположенной между Яругой и лежащим у подножия гор Амелл районом, называемым Стоками, с востока ограниченным долиной Доль Ангра, а с запада болотистым приозерьем, название которого как-то выветрилось у меня из памяти.

На территорию эту никто никогда не зарился, а посему никогда и не было толком известно, кому она в натуре принадлежит и кому подчиняется. Кое-что на этот счет могли бы, думается, сказать аборигены Темерии, Соддена, Цинтры и Ривии, рассматривавшие с переменным успехом Левобережье как лен своей короны и временами пытавшиеся с таким же успехом доказать свою правоту огнем и мечом. А потом из-за гор Амелл накатились армии Нильфгаарда, и больше уже никто и ничего сказать не мог, в том числе и относительно лена и собственности на землю. Всё расположенное к югу от Яруги принадлежало Империи. К тому времени, когда я пишу эти слова, Империя захватила уже и многие земли к северу от Яруги. Ввиду отсутствия точной информации я не могу сказать, сколь многие и сколь далеко на север распространяющиеся.

Возвращаюсь к Заречью. Позволь, любезный читатель, слегка отклониться от темы в пользу реминисценций, касающихся исторических процессов: история данной территории сплошь и

рядом творилась и формировалась как бы случайно, как побочный продукт конфликтующих внешних сил. Историю любой страны избыточно часто творят пришлые обитатели. Поэтому пришлые-то бывают, как правило, причиной, последствия же их творчества всегда и неизменно обрушиваются на головы аборигенов.

Правило это распространяется на Заречье целиком и полностью.

У Заречья было свое население, коренные заречане, которых постоянные, тянущиеся годами раздоры и войны превратили в голодранцев и принудили к миграции. Деревни и села погорели, развалины дворов и превратившиеся в пустыри поля поглотила пуща. Торговля захирела, торговые обозы обходили запущенные дороги и тракты стороной. Немногочисленные оставшиеся заречане превратились в одичавших невежд. От росомах и медведей они отличались в основном тем, что носили штаны. По крайней мере некоторые. То есть некоторые носили, а некоторые отличались. Это был в массе своей народ неотзывчивый, простецкий и грубый.

И начисто лишенный чувства юмора.

Темноволосая дочь бортника откинула на спину мешающую ей косу и продолжала яростно и энергично крутить жернова. Все усилия Лютика кончались ничем – казалось, слова поэта вообще не доходят до адресата. Лютик подмигнул остальной компании, прикинулся, будто вздыхает, возвел очи горе, но не отступил.

– Да, – повторил он, скаля зубы. – Давай я покручу, а ты сбегай в подполье за пивом. Должна же где-то тут быть потайная ямка, а в ямке бочонок. Я прав или не прав, красотка?

– Оставьте вы девушку в спокое, господин хороший, – раздраженно сказала жена бортника, возившаяся у печи высокая худощавая женщина поразительной красоты. – Сказала ж я вам, нету у нас никакого пива.

– Уж дважды шесть раз было сказано, милсдарь, – поддержал жену бортник, прерывая беседу с ведьмаком и вампиром. – Наделаем вам налесников – блинчиков с творогом и медом, тады и поедите. В наперед пусть деваха в спокойствии зерна на муку намелет, потому как без муки и сам чародей блина не испекет! Не трожьте ее, пусть трет в спокое.

– Ты слышал, Лютик? – крикнул ведьмак. – Отцепись от девушки и займись чем-нибудь полезным. Или «мимо арии» пиши!

– Пить я хочу. Выпил бы чего-нито перед едой. Есть у меня немного трав, сделаю себе навара. Эй, бабка, найдется у тебя в хате кипяток? Кипяток, спрашиваю, найдется?

Сидевшая на припечке мать бортника подняла голову от

носка, который штопала.

– Кипяток-то? А найдется, голубок, как не найтись, – забормотала она. – Токмо остылый совсем.

Лютик вздохнул разочарованно и подсел к столу, где компания болтала с повстречавшимся на рассвете в лесу бортником. Бортник был невысок ростом, крепкий, черный и дьявольски заросший, поэтому неудивительно, что, неожиданно появившись из зарослей, он нагнал на всех страха – его приняли за ликантропа. Самое смешное, что первым, кто воскликнул «оборотень, оборотень!», был вампир Регис. Возникло некоторое замешательство, но все быстро разъяснилось, а бортник, хоть на вид грубоватый, оказался вопреки сложившемуся о бортниках мнению хозяином гостеприимным и любезным. Компания без церемоний приняла приглашение в его «имение». Имение, которое на бортничьем жаргоне называлось «станом», располагалось на очищенной от пней поляне, бортник жил там с матерью, женой и дочерью. Последние две были женщинами выдающейся, но немного странноватой красоты, явно говорившей о том, что среди их предков затесались дриада или гамадриада.

Во время завязавшейся беседы бортник вначале казался человеком, с которым говорить можно исключительно только о пчелах, бортях, окуривании, лезивах, дуплах, воске, меде и медосборе, но это была лишь видимость.

– В политике? А что в той политике-то? Что всегда. Дань требовают все более. Три крынки меду и полколоды воска. Едва дышу, чтобы поспеть. От зари до захода на лезиве сижу, борти подметаю… Кому дань-то плачу? А кто требовает. Откедова мне знать, при ком ноне власть? Остатние времена, того-этого, в нильфовой речи орут. Навроде-ка таперича мы имперантная провенция аль как-то так. За мед, ежели чего продаю, плотют императными деньгами, на которых ихний король набит. По обличью-то навроде бы, того-этого, пригожий, хучь суровый. Сразу видать…

Обе собаки – черная и рыжая – уселись напротив вампира, задрали головы и принялись подвывать. Бортникова гамадриада отвернулась от печи и прошлась по псам метлой.

– Неладный знак, – бросил бортник, – когда псы посередь дня воют. Того-этого… О чем-то я думал сказать?

– О друидах из Каэд Дху.

– А, ну да, того-этого… Так ты не шутковал, милсдарь? Вы и впрямь хочите к друидам идтить? Жизень вам обрыдла или как? Там же смерть! Омельники кажного, кто на их поляны войтить решится, хватают, в ивовые клети втискивают и, того-этого, на медленном огню жарют.

Геральт взглянул на Региса. Регис подмигнул ему. Оба прекрасно знали ходившие о друидах слухи, все до одного надуманные. Зато Мильва и Лютик слушали с повышенным интересом. И с явным беспокойством.

– Одне говорят, – продолжал бортник, – что омельники мстят, потому как нильфы им первыми досадили: ступили в святые дубравы перед Доль Ангрой и принялись корчевать друидов безо всяких на то причин. Другие же поговаривают, быдто почали-то, того-этого, друиды, сцапав и вусмерть умучивши императских-то, и за это им Нильфгаард отплачивает. А как оно по-правдошнему стоит, не ведомо. Но только дело это верное, друиды хватают, в Ивовую Бабу суют и жгут. Идтить к ним – верная погибель… Того-этого…

– Мы не боимся, – спокойно сказал Геральт.

– А и верно. – Бортник измерил взглядом ведьмака, Мильву и Кагыра, который в этот момент как раз входил в халупу, приведя в порядок лошадей. – Видать, вы не из пужливых, храбрые и при железе. Ха, с такими, того-этого, как вы, не страх ходить… Токмо нету уж омельников в Черном Лесе-то, пустой ваш труд и ваша дорога. Прижал их Нильфгаард, вытурил из Каэд Дху. Нету их тама-то.

– Что значит – нет?

– А то и значит. Утекли омельники, того-этого, прочь.

– Куда?

Бортник посмотрел на свою гамадриаду, помолчал.

– Куда? – повторил ведьмак.

Полосатый кот бортника уселся перед вампиром и дико завопил. Гамадриада огрела его метлой.

– Неладный знак, когда котяра посередь дня мяучит, – прогудел бортник, странно смутившись. – А друиды… Того-этого… Сбегли, значит, на Стоки. Да. Правду говорю. Ага. На Стоки.

– Добрых шестьдесят миль к югу, – оценил Лютик довольно беспечным и даже веселым голосом. Но тут же умолк под взглядом ведьмака.

В наступившей тишине было слышно лишь обещающее несчастья мяуканье изгнанного во двор кота.

– В принципе, – бросил вампир, – какая нам разница?

* * *

Утро следующего дня принесло новые неожиданности. И загадки, которые, однако, очень скоро нашли объяснение.

– Чтоб мне сгнить, – сказала Мильва, которая первой выбралась из скирды, разбуженная шумом. – Чтоб меня скрутило! Ты только глянь, Геральт.

Поляна была полна народа. С первого взгляда было видно, что собралось здесь никак не меньше пяти или шести бортничьих станов. Зоркий глаз ведьмака выловил в толпе также нескольких трапперов и по меньшей мере одного смолокура. В целом толпу можно было оценить в двенадцать мужчин, десять баб, десяток подростков обоих полов и столько же малолеток. У сборища было шесть телег, двенадцать волов, десять коров и четыре козы. Много овец, а также немало собак и кошек, лай и мяв которых в таких условиях следовало, несомненно, считать неладным предзнаменованием.

– Любопытно, – протер глаза Кагыр, – что это может означать?

– Хлопоты, – сказал Лютик, вытрясая сено из волос.

Регис молчал, но выражение лица у него было странное.

– Просим откушать, милостивые государи, – сказал их знакомый бортник, подходя к скирде в обществе плечистого мужчины. – Готов уж завтрак, того-этого… Овсянка на молоке. И мед… А это, дозвольте представить, Ян Кронин, староста наш бортный.

– Очень приятно, – соврал ведьмак, не отвечая на поклон, в частности, еще и потому, что колено у него дико болело. – А народ, они-то откуда тут взялись?

– Того-этого… – почесал бортник темечко. – Вишь ты, зима ведь идет… Борти уже полажены, дели заложены, придолжаки приспособлены, завихи, веники, стало быть, подвешены… Сам час уж нам на Стоки возворачиваться. В Ридбрун… Мед отстаивать, перезимовать… Но в лесах опасно… Одному… того-этого…

Староста кашлянул. Бортник глянул на мину Геральта и вроде бы немного поуменьшился в размерах.

– Вы, того-этого, на конях и при железе, – пробормотал он. – Ратные и смелые, сразу видать. С такими, как вы, идтить не страх. Да и вам удобство выходит… Мы кажну тропку, кажну просечку, кажну болотину и кустарник знаем… И кормить вас будем…

– А друиды, – холодно сказал Кагыр, – перебрались из Каэд Дху. Именно на Стоки. Какое невероятное совпадение.

Геральт медленно подошел к бортнику. Обеими руками ухватил его за одежду на груди. Но после недолгого раздумья отпустил, поправил кафтан. Ничего не сказал. Ни о чем не спросил. Но бортник и без того поспешил разъяснить:

– Я правду говорю! Клянусь! Пусть подо мной земля расступится, ежели соврал! Ушли омельники из Каэд Дху! Нету

их тама-то!

– И они теперь на Стоках, да? – проворчал Геральт. – Там, куда вам путь лежит, всему вашему сброду? Куда вы вознамерились подыскать себе вооруженный эскорт? Ну, говори, парень. Да гляди, земля и вправду вот-вот расступится!

Бортник опустил глаза и с опаской глянул на грунт под ногами. Геральт многозначительно молчал. Мильва, сообразив наконец, в чем дело, крепко выругалась. Кагыр презрительно фыркнул.

– Ну! – поторопил ведьмак. – Так куда перебрались друиды?

– А кто их, милсдарь, знает, куды, – пробормотал наконец бортник. – Но на Стоках быть могут… Как и где еще. На Стоках край непочатый больших дубрав, а друиды ради дубравы могут…

За бортником уже стояли, кроме старосты Кронина, обе гамадриады – мать и дочь. «Хорошо, что дочка пошла в мать, а не в отца, – машинально подумал ведьмак. – Бортник годится жене как шатун кобыле». За гамадриадами стояли еще несколько женщин, вовсе не таких красивых, но с такими же умоляющими взглядами.

Он глянул на Регис, не зная, то ли смеяться, то ли ругаться. Вампир пожал плечами.

– Если по-честному, Геральт, – сказал он, – то бортник прав. В принципе не исключено, что друиды выбрались на Стоки. Это действительно вполне подходящая для них территория.

– Твое «не исключено», насколько я понимаю, – взгляд ведьмака был очень, ну очень холодным, – достаточно велико, чтобы ни с того ни с сего сменить направление и отправиться вслепую вместе с ними?

Регис снова пожал плечами.

– А какая разница? Ну, подумай. Друидов в Каэд Дху нет. Значит, это направление следует исключить. Возвращение на Ярругу – тоже. Думается, дебатировать тут нечего. Все направления равно хороши.

– Серьезно? – Температура голоса ведьмака сравнялась с температурой его взгляда. – И которое же из всех остальных тебе представляется предпочтительным? Совместное с бортниками? Или какое-то совершенно противоположное? Ты возьмешься установить это с помощью своей безбрежно безошибочной мудрости?

Вампир медленно повернулся к бортнику, бортничьему старосте, гамадриадам и другим бабам.

– А чего это вы, – спросил он серьезно, – так боитесь, добрые люди, что пожелали заиметь эскорт? Что именно вызывает у вас опасения? Говорите прямо.

– Ох, милсдарь, – простонал Ян Кронин, и в глазах его мелькнул неподдельный ужас. – И вы еще спрашиваете… Нам идтить через Гнилое Урочище! А там, милсдарь мой, страшно! Там, милсдарь мой, бруколаки, листоносы, эндриаги, иноги и прочая мерзопакостность! Тута, две неполных недели тому, схватил леший зятя мово, да так, что зять-то только хрипнуть успел, и все, пропал, стало быть. Такое там дивотище обретается, что ужасть как боимся мы туды с бабами и детьми малыми суваться. Ну?

Вампир серьезно взглянул на ведьмака.

– Моя безбрежная мудрость, – сказал он, – безошибочно рекомендует мне считать максимально подходящим и соответствующим цели направлением то направление, которое наиболее подходит и максимально соответствует ведьмаку. Именно.

И отправились мы на юг, к Стокам, местности, лежащей у подножия гор Амелл. Тронулись большим табором, в котором было все: юные девы, бортники, трапперы, бабы, дети, юные девы, домашний скот, домашний скарб, юные девы. И чертовски много меда. От этого меда все так и липло к рукам, даже юные девы.

Табор шел со скоростью пешеходов и телег, однако темп марша от этого, в общем, не снизился, потому что мы не блуждали, а шли словно по шнурку – бортники знали дорогу, тропки и перетяжки между озерами, и это знание здорово пригодилось, потому что начало моросить, и неожиданно все чертово Заречье утонуло в плотной как сметана мгле. Без бортников мы б наверняка заблудились, а то и увязли где-нибудь в топях. Не приходилось нам также тратить время и силы на поиски и приготовление пищи – кормили нас трижды в день, сытно, хоть и не слишком изысканно. И позволяли после еды несколько минут полежать пузом кверху.

Короче говоря, все было прелестно. Даже ведьмак, этот старый угрюмец и нудяга, начал чаще улыбаться и радоваться жизни, так как высчитал, что мы делаем по пятнадцати миль в день, а с момента выхода из Брокилона нам ни разу не удалось совершить такой фокус. Работ у ведьмака не было никаких, потому что хоть Гнилое Урочище было гнилым настолько, что трудно себе представить что-нибудь еще более прогнившее, никаких монстров мы не встретили. Ну, малость выли по ночам привидения, подвывали лесные плакальщики и болотные огоньки отплясывали на трясинах. В общем, ничего сенсационного.

Немножко, правда, беспокоило то, что мы снова шли в довольно случайно выбранном направлении и снова без точно

сформулированной цели. Но, как справедливо выразился вампир Регис, лучше без точно сформулированной цели двигаться вперед, чем без цели стоять на месте, и уж наверняка гораздо лучше, чем без цели пятиться.

– Лютик! Привяжи ты как следует свою тубу. Жаль будет, если полвека поэзии оторвутся и потеряются в папоротниках.

– Не боись! Не потеряются! И отобрать не дам. Каждому, кому придет в голову дурная мысль отобрать тубу, придется переступить через мой труп. Позволь узнать, Геральт, чем вызван твой жемчужно-утробный смех? Позволь угадать… Врожденным кретинизмом? Э?

Случилось так, что группа археологов из университета в Кастелль Граупиане, проводящая раскопки в Боклере, обнаружила под слоем древесного угля, указывающего на некогда бушевавший здесь гигантский пожар, еще более древний слой, датированный XIII веком. В том же слое откопали каверну, образованную остатками стен и уплотненную глиной и известью, а в ней, к великому изумлению ученых, – два прекрасно сохранившихся скелета: женщины и мужчины. Рядом со скелетами – кроме оружия и небольшого количества мелких артефактов – лежала длинная тридцатидюймовая туба, изготовленная из затвердевшей кожи. На коже был оттиснут герб с выцветшими красками, изображающий львов и ромбы. Руководивший экспедицией профессор Шлиман, крупный специалист по сфрагистике темных веков, идентифицировал этот герб как знак Ривии, древнего королевства с неустановленной локализацией.

Возбуждение археологов дошло до предела, поскольку в таких тубах в темные века хранились рукописи, а вес находки позволял предполагать, что внутри находится много бумаги либо пергамента. Отличное состояние тубы оставляло надежду на то, что документы удастся прочитать и они бросят свет на погруженное во мрак столетий прошлое. Ожидалось, что заговорят века. Это была невероятная удача! Победа науки, которую нельзя было упустить. Предусмотрительно вызвали из Кастелль Граупиана лингвистов и знатоков мертвых языков, а также специалистов, умеющих вскрывать тубы, не рискуя повредить ценное содержимое.

Тем временем по команде профессора Шлимана расползлись слухи о «сокровище». Надо ж было случиться такому, что слова эти дошли до трех нанятых для раскопок субъектов, известных под именами Стибр, Спьёрл и Камил Ронштеттер. Уверенные, что

туба буквально набита золотом и драгоценностями, трое вышеназванных землекопов сперли ночью бесценный артефакт и сбежали с ним в лес. Там разожгли небольшой костерок и уселись вокруг.

– Ну, чего ждешь, – бросил Стибру Спьёрл. – Отпирай трубу!

– Не поддается, сучья мать, – ответил Спьёрлу Стибр. – Держит, будто зубами!

– Так ты бутсой ее, протраханную, бутсой! – посоветовал Камил.

Поддаваясь каблуку Стибра, застежки бесценной находки уступили, и на землю вывалилось содержимое.

– И-эх, хрен затраханный в дупель! – крикнул изумленный Спьёрл. – Чего-то это такое?

Вопрос умом не отличался, поскольку с первого взгляда было видно, что это листы бумаги. Поэтому Стибр вместо ответа взял один листок и поднес к носу. Долго вглядывался в незнакомые знаки.

– Записанный, – наконец отметил авторитетно. – Буквы здеся!

– Буквы?! – рявкнул Камил Ронштеттер, бледнея от ярости. – Буквы выписаны? Ну, бля…

– Коль выписаны, значит – волшебство! – пробормотал Спьёрл, от ужаса звеня зубами. – Литеры – значит, заклятие! Не трогай, затраханная евонная мать! Этим заразиться можно!

Стибру не надо было повторять дважды, он кинул лист в огонь и нервно вытер дрожащие руки о штанину. Камил Ронштеттер ударом ноги загнал в костер остальные бумаги – мало ли что: а вдруг какие-нито детишки натолкнутся на эту дрянь. Потом вся троица быстро удалилась от опасного места. Бесценный памятник письменности темных веков горел ярким, высоким пламенем. Несколько минут тихим шепотом переговаривались чернеющие в огне века. А потом пламя погасло и тьма египетская покрыла землю и темные века.

ХУВЕНАГЕЛЬ ДОМИНИК БОМБАСТ, род. 1239, разбогател в Эббинге, осуществляя широко поставленную торговлю, и осел в Нильфгаарде; пользовался благорасположением предыдущих императоров; во времена Яна Кальвейта возведен в бургграфы и назначен управляющим соляными копями в Венендале, а в награду за заслуги получил должность

невойгенского старосты. Верный советник императора, Х. пользовался его благоволением и принимал участие во многих общественных акциях. Умер в 1301. Будучи в Эббинге, вел широкую благотворительную деятельность, поддерживал неимущих и страждущих, основывал сиротские дома, лечебницы и детские приюты. Выдавал на них немалые суммы. Большой поклонник изящных искусств и спорта, основал в столице театр драмы и комедии, а также стадион, оба – его имени. Считался образцом справедливости, порядочности и купеческой честности.

Эффенберг и Тальбот. Encyclopaedia Maxima Mundi, том VII

Глава четвертая

– Фамилия и имя свидетельницы?

– Сельборн Веда. То есть, простите, Жоанна.

– Профессия?

– Различные услуги.

– Шутить изволите? Напоминаю свидетельнице, что вы вызваны в имперский трибунал в ходе процесса о государственной измене! От ваших показаний зависит жизнь множества людей, поскольку карой за измену является смерть! Напоминаю вам также, что сами вы стоите перед трибуналом отнюдь не по собственному желанию, а приведены из цитадели, из места изоляции, а вернетесь ли вы туда или выйдете на волю, зависит, в частности, от ваших показаний. Трибунал позволил себе столь долгую тираду, дабы показать свидетельнице, сколь неуместны в данном деле всякого рода водевильчики и шутовство. Они не только безвкусны, но и грозят весьма серьезными последствиями. Даю полминуты на обдумывание. Затем трибунал задаст вопрос вторично.

– Я готова, уважаемый господин судья.

– Извольте обращаться к нам «Высокий трибунал». Ваша профессия?

– Я чую, Высокий трибунал. Но в основном оказываю услуги имперской разведке, стало быть…

– Прошу давать ответы конкретные и краткие. Когда трибуналу понадобятся более пространные пояснения, трибунал их попросит. Трибуналу известен факт сотрудничества свидетельницы с секретными службами империи. Однако прошу сообщить для протокола, что означает определение «чую», которое вы использовали в качестве характеристики своей профессии?

– У меня чистое ВДВ, то есть внечувственное дистанционное восприятие, или чистое пси первого рода без ВПК – возможности психокинеза. Иначе говоря, Высокий трибунал, вещи передвигать я не могу, но могу слышать чужие мысли, беседовать на расстоянии с чародеем, эльфом или другой «чующей». И мысленно передать приказ, то есть принудить кого надо сделать то, что я хочу. Могу также прорицать, но только в усыпленном состоянии.

– Прошу занести в протокол, что свидетельница Жоанна Сельборн является псионичкой, обладающей способностью внесенсорной перцепции. Она телепатка и телеэмпатка, способная под гипнозом к предсказаниям, но не имеет

способности к психокинезу. Трибунал напоминает свидетельнице, что использование магии и парасенсорных способностей в данном зале сурово запрещено. Продолжим слушание. Когда, где и при каких обстоятельствах свидетельница оказалась причастной к делу особы, выдающей себя за Цириллу, княжну Цинтры?

– О том, что это какая-то Цирилла, я узнала лишь в тюряге… То бишь в месте изоляции, Высокий трибунал. Во время следствия. Когда мне разъяснили, что она – та самая, которую при мне называли Фалькой или цинтрийкой. А обстоятельства были такие, что их надо по порядку выложить, для ясности, стало быть. А было так: подцепил меня в корчме в Этолии Дакре Силифант, ну, вот тот, что там сидит…

– Прошу запротоколировать: свидетельница Жоанна Сельборн указала на обвиняемого Силифанта без принуждения. Продолжайте.

– Дакре, Высокий трибунал, вербовал ганзу… Ну, стало быть, вооруженный отряд. Сплошь чумные мужики и бабы… Дуффицей Крель, Нератин Цека, Хлоя Штиц, Андрес Верный, Тиль Эхрад. Сейчас уже ни одного в живых нету, Высокий трибунал… А из тех, что выжили, большинство здесь, вон – под стражей сидят…

– Прошу сообщить точно, когда имела место встреча свидетельницы с обвиняемым Силифантом.

– В прошлом году это было, в августе, да, где-то под конец, точно не помню. Во всяком случае, не в сентябре, потому что тот сентябрь, ого-го, надолго мне запомнится! Дакре, который где-то выведал обо мне, сказал, что ему в ганзу нужна чующая, такая, что чар не боится, потому как придется с чародеями дело иметь. Работа, добавил он, для императора и Империи, к тому же хорошо оплачиваемая, а командовать ганзой будет не кто иной, как лично Филин.

– Говоря о Филине, свидетельница имеет в виду Стефана Скеллена, имперского коронера?

– Его, его. А как же.

– Прошу запротоколировать. Когда и где свидетельница столкнулась с коронером Скелленом?

– А тоже в сентябре. Четырнадцатого, в Рокаине. Рокаин, Высокий трибунал, это приграничная крепостишка, что торговый путь из Мехта в Эббинг стережет, а также в Гесо и Метинну. Именно туда привел нашу ганзу Дакре Силифант. В пятнадцать коней. Так что всего нас вместе было двадцать и два, потому как остальные уже в Рокаине стояли, готовые, под командой Оля Харшейма и Берта Бригдена.

Деревянный пол загудел под тяжелыми сапожищами,

зазвенели шпоры, забряцали металлические пряжки.

– Приветствую вас, господин Стефан.

Филин не только не встал, но даже не снял ног со стола. Только махнул рукой, жестом большого хозяина.

– Наконец-то, – сказал он ядовито. – Долго ж ты заставил себя ждать, Силифант.

– Долго? – рассмеялся Дакре Силифант. – Очень мило! Вы, господин Скеллен, дали мне четыре недели на то, чтобы собрать для вас и привести сюда больше дюжины самых отъявленных молодцев, каких породила Империя с окрестностями. Да чтобы привести такую ганзу, какую соорудил я, и года мало! А я обернулся в двадцать два дня. Похвалить бы следовало, а?

– С похвалами-то воздержусь, – холодно сказал Скеллен, – до поры до времени, пока твою ганзу не осмотрю.

– А хоть бы и сейчас. Вот мои, а теперь ваши, господин Скеллен, порученцы: Нератин Цека и Дуффицей Крель.

– Привет, привет. – Филин наконец решил встать, встали и его адъютанты. – Познакомьтесь, господа… Берт Бригден, Оль Харшейм.

– Мы знакомы. – Дакре Силифант крепко пожал руку Олю Харшейму. – Мы под старым Брайантом контру в Назаире давили. Весело было, а, Оль? Ух, весело! Кони выше бабок в крови ходили. А господин Бригден, если не ошибаюсь, из Геммеры? Из карателей? Ну, стало быть, будут в отряде знакомцы! У меня там несколько карателей уже есть.

– Горю желанием поскорее увидеть, – вставил Филин. – Можно идти?

– Моментик, – сказал Дакре. – Нератин, поди выставь команду в строй, чтоб толково перед господином коронером выглядели.

– Нератин Цека – он или она? – прищурился Филин, глядя вслед выходящим офицерам. – Женщина или мужчина?

– Господин Скеллен. – Дакре Силифант откашлялся, но когда заговорил, голос у него был уверенный, а взгляд холодный. – Точно не скажу. С виду – мужчина, но уверенности нет. Относительно же того, какой из Цеки офицер – уверен. То, о чем вы спросить изволили, имело бы значение, если б я, к примеру, просил руки. А я не намерен. Вы, полагаю, тоже.

– Ты прав, – после краткого раздумья признал Скеллен. – Не о чем болтать. Пошли глянем на твою шайку, Силифант.

Нератин Цека, существо неопределенного пола, не терял времени. Когда Скеллен и офицеры вышли на подворье форта, отряд уже стоял в парадном строю, выровняв линию так, чтобы ни одна конская морда не высовывалась больше чем на пядь. Филин

удовлетворенно кашлянул. «Недурная бандочка, – подумал он. – Эх, если б не политика, создать бы такую ганзу да двинуть на пограничье, грабить, насиловать, убивать и жечь… Снова почувствовать себя молодым… Эх, если б не политика!»

– Ну и как, господин Скеллен? – спросил Дакре Силифант, зарумянившись от скрываемого возбуждения. – Как оцените потешных моих ястребков?

Филин прошелся взглядом по лицам и фигурам. Некоторых он знал лично – кого лучше, кого похуже. Других – по слухам. По репутации.

Тиль Эхрад, светловолосый эльф, разведчик геммерских карателей. Риспат Ля Пуант, вахмистр из того же подразделения. И следующий геммерец – Киприан Фрипп Младший. Скеллен присутствовал при казни Киприана Старшего. Братья славились своими садистскими наклонностями.

Дальше свободно пригнулась в седле на пегой кобыле Хлоя Штиц, воровка, которую частенько использовали тайные службы. Филин быстро отвел взгляд от ее бесстыжих глаз и насмешливой ухмылки.

Андрес Верный, нордлинг из Редании, – головорез, Стигварт – пират, ренегат из Скеллиге. Неведомо откуда взявшийся Деде Варгас, профессиональный убийца. Каберник Турент, убийца-любитель.

И другие. Подобные. «Все они одинаковые, – подумал Скеллен. – Братва, та еще семейка, в которой, стоит им убить первых пять человек, все становятся на одно лицо. Одинаковые движения, одинаковые жесты, одинаковая манера речи, повадок и одежды».

Одинаковые глаза. Бесстрастные и холодные, плоские и неподвижные, как у змей, глаза, выражения которых ничто, даже самая чудовищная жестокость, уже не в состоянии изменить.

– Ну, каково? А, господин Стефан?

– Недурно. Ничего ганзочка, Силифант.

Дакре еще больше покраснел, отдал честь по-геммерски, приложив пятерню к колпаку.

– Особо бы пригодились, – напомнил Скеллен, – несколько человек, которым знакома магия. Которых не испугают ни чары, ни чародеи.

– Помню. Тиль Эхрад. А кроме него, вон та высокая девушка на красивой каштанке, та, что рядом с Хлоей Штиц.

– Потом приведешь ее ко мне.

Филин оперся о поручень крылечка, ударил по стойке окованной рукояткой нагайки.

– Здравствуйте, рота!

– Здравия желаем, господин коронер!

– Многие из вас, – заговорил Скеллен, когда отзвучало эхо хорового рева банды, – со мной уже работали, знают меня и мои требования. Пусть они пояснят тем, кто меня не знает, чего я жду от подчиненных, а чего у подчиненных не одобряю. Так что я не стану впустую глотку драть. Сегодня же некоторые получат задания и завтра на рассвете отправятся его выполнять. На территорию Эббинга. Напоминаю: Эббинг формально – королевство автономное и формально же у нас там нет никаких юридических прав, поэтому приказываю действовать обдуманно и осторожно. Вы остаетесь на императорской службе, но запрещаю этим похваляться, чваниться и неуважительно обращаться с местными властями. Приказываю вести себя так, чтобы не обращать на себя особого внимания. Ясно?

– Так точно, господин коронер.

– Здесь, в Рокаине, вы гости и вести себя должны, как подобает гостям. Запрещаю покидать выделенное жилье без особой надобности. Запрещаю контакты с гарнизоном форта. Впрочем, офицеры придумают что-нибудь, чтобы вы не бесились от скуки. Господин Харшейм, господин Бригден, извольте разместить подразделение по квартирам!

– Едва я успела с кобылы слезть, Высокий трибунал, а Дакре цап меня за рукав. Господин Скеллен, говорит, хочет с тобой поболтать, Веда. Ну, что было делать? Пошли. Филин за столом сидит, ноги на столе, нагайкой себя по голенищам похлестывает. И, как говорится, просто с мосту, дескать, я, что ли, та самая Жоанна Сельборн, которая причастна к исчезновению корабля «Звезда Юга»? Я ему на то, что ни в чем меня не обвинили. Он в смех. Люблю, говорит, таких, которых ни в чем обвинить нельзя. Потом спросил, врожденный ли у меня дар ВДВ, чуйности, значит. Когда я подтвердила, он задумался и говорит: «Я думаю, этот твой дар мне против чародеев сгодится, но для пользы придется иметь дело с другой персоной, не менее загадочной».

– Свидетельница уверена, что коронер Скеллен использовал именно эти слова?

– Уверена. Ведь я же чуйная.

– Продолжайте.

– Тут наш разговор прервал гонец, весь в пыли, видать, коня не жалел. Срочные у него были для Филина вести, а Дакре Силифант, когда мы на квартиру шли, сказал, мол, носом чует, что гонцовые вести нас еще до вечера в седла загонят. И верно, Высокий трибунал. Не успели мы толком об ужине подумать, как половина ганзы уже в седлах была. Мне повезло, потому как

взяли Тиля Эхрада, эльфа. Я рада была: после нескольких дней пути задница, Высокий трибунал, у меня болела, страх сказать… Да и месячные как раз начались как назло…

– Извольте воздерживаться от красочных описаний своих интимных осложнений. И придерживаться темы. Когда вы, свидетельница, узнали, кто такая эта «загадочная персона», о которой упоминал коронер Скеллен?

– Сейчас скажу, только ведь какая-то очередность все же должна быть, иначе все запутается так, что опосля не распутаешь! Те, что тогда перед ужином с такой спешкой коней седлали, погнали из Рокаина в Мальхун. И привезли оттуда какого-то подростка.

Никляр был зол на себя. Да так, что чуть не плакал.

Ну почему он не послушался советов умных людей? Почему забыл сказку о вороне, которая не умела держать клюв на запоре. Сделал бы, что положено, и вернулся домой, в Ревность. Так нет же! Взбудораженный приключением, гордый тем, что раздобыл верхового коня, чувствуя в мешке приятную тяжесть монет, Никляр не удержался, чтобы не щегольнуть. Вместо того чтобы из Клармона вернуться прямо в Ревность, поехал в Мальхун, где у него было множество знакомцев, в том числе и несколько девушек, к которым он, так сказать, питал… В Мальхуне он хорохорился, будто гусак весной, шумел, хвалился конем на майдане, ставил выпивку в корчме, кидал деньги на стойку с миной и видом если не принца крови, то по меньшей мере графа.

И рассказывал.

Рассказывал о том, что четыре дня назад произошло в Ревности. Рассказывал, то и дело менял версию, добавлял, фантазировал, наконец, брехал прямо в глаза – что вовсе не мешало слушателям. Завсегдатаи корчмы, и местные, и приезжие, слушали охотно. А Никляр трепался так, будто все знал прекрасно. И все чаще в центре надуманных им историй оказывался он сам.

Уже на третий вечер его собственный язык накликал на его голову неприятности.

При виде людей, вошедших в корчму, в помещении наступила гробовая тишина. И в ней звон шпор, щелканье металлических застежек и скрежет оружия прозвучали зловещим знаком, вещающим с вершины звонницы.

Никляру не удалось разыграть из себя героя. Его схватили и выволокли из корчмы так быстро, что он задел за пол каблуками не больше трех раз. Знакомые, которые еще вчера, выпивая за его счет, клялись в дружбе до гроба, теперь молча головы чуть ли не

под крышки столов повтыкали, словно бы там, под столами, неведомо какие чудеса творились либо голые бабы отплясывали. Даже присутствовавший в корчме помощник шерифа отвернулся к стене и словечка не молвил.

Никляр тоже не молвил, не спросил, за что и почему. Изумление обратило его язык в негнущийся и сухой пенек.

Усадили его на коня, велели ехать. Несколько часов. Потом был форт с частоколом и башней. Майдан, заполненный громыхающей, обвешанной оружием солдатней. И изба. В избе три человека. Командир и двое подчиненных, сразу было видать. Командир – небольшой, чернявый, богато одетый – был основательный в речи и на удивление вежливый. Никляр аж рот разинул, когда услышал, что его просят извинить за хлопоты и доставленное беспокойство, а одновременно уверяют, что ничего плохого ему не сделают. Но не дал себя обмануть. Эти люди очень напоминали ему Бонарта.

Ассоциация была на удивление точной. Интересовал их именно Бонарт. Это было вполне естественно, поскольку именно собственный Никляров язык загнал его в западню.

Когда его вызвали и он принялся рассказывать, ему напомнили, что надобно говорить правду, не приукрашивая. Напомнили вежливо, но сурово и убедительно, а тот, кто напоминал, тоже богато одетый, все время играл окованной плетью и глаза у него были мерзостные. Злые.

Никляр, сын гробовщика из поселка Ревность, рассказал правду. Всю правду, только правду и ничего, кроме правды. О том, как девятого сентября утром в поселке Ревность Бонарт, охотник за наградами, вырубил под корень банду Крысей, даровав жизнь одной лишь бандитке, самой молодой, по имени Фалька. Рассказал, как вся Ревность сбеглась, чтобы посмотреть, как Бонарт станет пойманную потрошить и казнить, но людишки здорово просчитались, потому как Бонарт, о диво, Фальку не прикончил, даже не мучил. И вообще не сделал ей ничего сверх того, что обычный мужик делает жене по субботам вечером, возвращаясь из трактира – ну, обнаковенно тыркнул пару раз, дал под зад – и все. Боле ничего.

Богато одетый господин с нагайкой молчал, а Никляр рассказал, как потом Бонарт на глазах у Фальки поотпиливал у убитых Крысей головы и как из этих голов, словно изюминки из теста, выковыривал золотые серьги с камушками. Как Фалька, глядя на это, орала и блевалась, привязанная к коновязи.

Рассказал, как Бонарт затянул у Фальки на шее ошейник, словно на суке какой, как затащил ее за этот ошейник в постоялый двор «Под головой химеры». А потом…

– А потом, – продолжал парень, то и дело облизывая губы, – милсдарь господин Бонарт пива пожелали, потому как вспотели они жутко и в горле у них пересохло. А опосля крикнули, что желание у них имеется кого-нито добрым конем одарить и цельными пятерьмя флоренами наградить. Наличными. Так он именно и сказал, этими самыми словами. Ну, тут я сразу вызвался, не дожидаясь, пока кто иньший меня опередит, потому как жутко хотел коня заиметь и малость собственных денег. Отец не дает ничего, все пропивает, что на гробах заработает. Ну я, значит, вызвался и спрашиваю, какого коня, мол, верняком одного из крысиных, можно получить. А милсдарь господин Бонарт поглядели, аж у меня мурашки пошли, и говорят, дескать, получить-то я могу под зад, а другое все надо заработать. Ну, чего было делать? Кобылка у ворот, прям как в сказке, так и верно, потому как крысевы кони у коновязи стояли, особливо та вороная Фалькина кобыла, редкой красоты лошадь. Ну, я поклонился и спрашиваю, чего делать-то надо, чтобы заработать. А господин милсдарь Бонарт, что, мол, в Клармон сгонять требовается, да по пути в Фано заглянуть. На коне, который я себе выберу. Знал он, верно, что я глаз на ту вороную положил, но ту он мне сразу запретил брать. Ну и выбрал я себе каштанку с белой звездочкой…

– Поменьше о конских мастях, – сухо напомнил Стефан Скеллен. – Больше о деле. Говори, что тебе Бонарт поручил.

– Господин Бонарт писание написал, спрятать велел как следует. До Фана и Клармона велели ехать, тама указанным особам писания в руки собственные отдать.

– Письма? Что в них было?

– А мне-то откедова знать, господин? С читанием у меня не шибко, да и запечатаны были письма господина Бонарта собственноручной печаткой.

– Но кому письма были, помнишь?

– А то! Помню. Милсдарь Бонарт раз десять повторять велели, чтобы не запамятовал я. Добрался, не заплутался, куда надо, кому надо письма отдал в собственные их руки. И хвалили меня, что я, мол, головастый парень, а тот благородный купец даже денар дали…

– Кому письма передал? Говори толком.

– Первое писание было к мэтру Эстерхази, мечнику и оружейнику из Фано. Другое же милостивому государю Хувенагелю, купцу из Клармона.

– Может быть, они письма при тебе распечатывали? Может, кто что сказал, читая? Напряги память, парень…

– Не-а, не помню. Тады я не думал, да и теперь как-то не вспоминаецца.

– Мун, Оль, – повернулся Скеллен к адъютантам, совершенно не повышая голоса. – Возьмите хама во двор, спустите штаны, отсчитайте тридцать плетей.

– Помню! Я помню! – взвизгнул парень. – Только что вспомнил!

– Для освежения памяти, – ощерился Филин, – нет лучшего средства, чем орехи с медом или нагайкой по жопе. Говори.

– Когда в Клармоне господин купец Хувенагель писание читали, то был тамотки еще один, ну, маленький такой, прям низушек, да и только. Господин Хувенагель ему сказали… Э-э-э-э… Сказали, что ему как раз пишут, что тут могёт быть така охотность и цирк, каких мир не видывал! Так они сказали!

– Не выдумываешь?

– Могилой матери своей клянусь! Не велите меня бить, господин хороший. Помилуйте!

– Ну-ну, вставай, не лижи сапог! На, получай денар.

– Стократ благодарствуйте… Милостивец…

– Я сказал, не слюнявь мне сапоги. Оль, Мун, вы что-нибудь поняли? Что общего у охотности, тьфу ты, у желания с…

– Охотность, – вдруг сказал Мун. – Да не охотность, а охота!

– Во-во! – крикнул парень. – Именно что охота! Так они и сказали, слово в слово. Вы будто там были, господин хороший!

– Охота, цирк! – Оль Харшейм ударил кулаком по ладони. – Условный шифр, но не очень хитрый. Простой. Цирк, охота – это предупреждение против возможной погони или облавы. Бонарт предостерегает, что их могут преследовать или облаву устроить, и советует им бежать! Но от кого? От нас?

– Как знать, – задумчиво сказал Филин. – Как знать. Надо послать людей в Клармон… И в Фано тоже. Займись этим, Оль, дашь задание группам… Слушай-ка, парень.

– А, господин милостивый?

– Когда ты уезжал из Ревности с письмами от Бонарта, он, как я понимаю, был еще там? А собирался в путь? Торопился? Может, говорил, куда направляется?

– Не-а, не говорил. Да и в путь ему не было с руки. Одёжу, сильно кровью обрызганную, велел выстирать и вычистить, а сам в одной рубахе и портках исподних токмо ходил, но с мечом при поясе. Потому, я думаю, спешил. Ведь же Крысей побил и головы им отрезал награды для, а стало быть, надо было ему ехать и об ей напомнить, о Фальке-то. Да Фальку он ведь тоже для того взял, чтоб живцом кому-то доставить. Така ведь евонная профессия, нет?

– Фалька. Ты ее как следует рассмотрел? Чего хохочешь, дурень?

– Ой-ей, господин милостивый! Рассмотрел? Да еще и как! В подробностях!

* * *

– Раздевайся, – повторил Бонарт, и в его голосе было что-то такое, что Цири невольно сжалась. Но бунтарский характер тут же взял вверх.

– Не буду!

Кулака она не увидела, даже не уловила его движения. В глазах сверкнуло, земля покачнулась, ушла из-под ног и вдруг больно ударила по бедру. Щека и ухо горели огнем – она поняла, что Бонарт ударил не кулаком, а тыльной стороной раскрытой ладони.

Он встал над ней, поднес ей к лицу сжатый кулак. Она видела тяжелую печатку в форме черепа, которой только что ужалил ее в лицо как шершень.

– За тобой один передний зуб, – сказал он леденящим тоном. – Если в следующий раз услышу от тебя слово «нет», то выбью два сразу. Раздевайся.

Она встала, покачиваясь, трясущимися руками начала расстегивать застежки и пуговицы. Присутствовавшие в кабаке «Под головой химеры» поселяне зашептались, закашляли, вытаращили глаза. Хозяйка постоялого двора, вдова Гулё, сунула голову под стойку, делая вид, будто что-то там ищет.

– Скидавай с себя все! До последней тряпки.

«Их здесь нет, – думала она, раздеваясь и тупо глядя в пол. – Никого здесь нет. И меня здесь тоже нет».

– Расставь ноги.

«Меня вообще здесь нет. То, что сейчас произойдет, меня не касается. Вообще. Нисколько».

Бонарт рассмеялся.

– Ты, сдается, слишком высокого о себе мнения. Ишь, размечталась! Вынужден тебя разочаровать. Я раздеваю тебя, идиотка, чтобы проверить, не спрятала ли ты на себе магических гексов, сиглей или амулетов. Не восторгаться же твоими, Господи прости, мощами. Не придумывай себе черт знает чего. Ты – тощая, плоская как доска недоросль, ко всему прочему уродлива как тридцать семь несчастий. Уверен, даже если б меня сильно приперло, уж лучше отшуровать индюка что пожирнее.

Он подошел, разметал ее одежду носком сапога, оценил

взглядом.

– Я же сказал – всё! Серьги, колечки, ожерелье, браслет!

Он тщательно собрал украшения. Пинком отбросил в угол курточку с воротником из голубой лисы, перчатки, цветной платочек и поясок с серебряной цепочкой.

– Нечего расхаживать, ровно попугай или полуэльфка из борделя. Остальное можешь надеть. А вы чего таращитесь? Гулё, принеси чего-нибудь перекусить, проголодался я. А ты, брюхатый, проверь, как там с моей одеждой.

– Я – здешний старшина.

– Вот и славно, – процедил Бонарт, и под его взглядом старшина Ревности, казалось, начал худеть на глазах. – Если хоть что-то попортят при стирке, то тебя как правящую личность привлеку к ответственности. А ну давай жми к прачкам! Вы, остальные, тоже вон отсюда! А ты, хлюст, чего стоишь? Письма получил, конь оседлан, отправляйся на тракт и в галоп! Да помни: подкачаешь, потеряешь письма или адреса перепутаешь, отыщу тебя и так отделаю, что мать родная не узнает!

– Еду, еду уже, милостивый государь! Еду!

– В тот день, – Цири сжала губы, – он бил меня еще дважды: кулаком и арапником. Потом ему расхотелось. Он только сидел и молча таращился на меня. Глаза у него были такие… ну, какие-то рыбьи, что ли. Без бровей, без ресниц… Какие-то водянистые шарики, и в каждом – черное ядрышко. Он таращился на меня и молчал. И этим угнетал еще больше, чем избиениями. Я не знала, что он замышляет.

Высогота молчал. По избе шмыгали мыши.

– Время от времени спрашивал, кто я такая, но я молчала. Как тогда в пустыне Карат, когда меня схватили ловчие, так и теперь ушла глубоко в себя, как-то внутрь, если ты понимаешь, что я имею в виду. Тогда ловчие говорили, что я кукла, а я и была такой деревянной куклой, бесчувственной и мертвой. Верно. На все, что с той куклой делали, я смотрела как бы сверху, извне. Они бьют? Ну и что! Пинают? Ну и что! Надевают на шею ошейник, будто собаке? Ну и пусть! Это же не я, меня здесь вообще нет… Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Высогота. – Понимаю, Цири.

* * *

– И тут, Высокий трибунал, настала и наша очередь. Нашей, стало быть, группы. Команду над нами принял Нератин Цека,

кроме того, придали нам Бореаса Муна. Траппера. Бореас Мун, Высокий трибунал, может, говорили, рыбу в воде выследить. Такой он был! Болтают, что однажды Бореас Мун…

– Свидетельница, извольте воздержаться от отступлений.

– Что вы сказали? Ах, да… Понимаю. Значит, велели нам что есть мочи в копытах мчать в Фано. Было это шестнадцатого сентября утром.

Нератин Цека и Бореас Мун ехали первыми, за ними – Каберник Турент и Киприан Фрипп Младший – стремя в стремя, а дальше – Веда Сельборн и Хлоя Штиц. В конце – Андреас Верный и Деде Варгас. Последние распевали модную в то время солдатскую песенку, финансируемую и рекламируемую военным министерством. Даже меж солдатских песен эта выделялась жутким убожеством рифм и абсолютным отсутствием уважения к грамматике. Называлась она «На войнючке», поскольку все куплеты, а было их больше сорока, начинались именно с этих слов.

На войнючке, на войне всякое бывает,
То глядишь, не у того голову срубают,
На войнючке, на войне крик идет: «Порушу!
Только пикни, в тот же миг все кишки наружу!»

Веда тихо посвистывала в такт мелодии. Она была довольна, что оказалась среди людей, которых хорошо узнала за время долгого пути из Этолии в Рокаин. Правда, после разговора с Филином она ожидала всего лишь какого-нибудь мелкого назначения, вроде «пристяжки» к группе из людей Бригдена и Харшейма. Однако к ним «пристегнули» Тиля Эхрада, но эльф-то знал большинство своих попутчиков, а они знали его.

Ехали шагом, хоть Дакре Силифант приказал гнать что есть духу. Но они были профессионалами. Взбивая пыль, прошлись галопом, пока их было видно из форта, потом притормозили. Загонять коней и переть сломя голову личит соплякам и любителям. А спешка, как известно, важна лишь при ловле блох.

Хлоя Штиц, специалистка-воровка из Имако, рассказывала Веде о своем давнем сотрудничестве с коронером Стефаном Скелленом. Каберник Турент и Фрипп Младший сдерживали коней, подслушивали, часто оглядываясь.

– Я его знаю хорошо. Уже несколько раз работала под ним…

Хлоя едва заметно заикнулась, уловив двузначный характер выражения, но тут же свободно и безмятежно рассмеялась.

– Под его командой тоже, – фыркнула она. – Нет, Веда, не

бойся. У Филина принуждения не бывает. В этом смысле он не навязывался, я сама тогда искала случая и нашла. А для ясности скажу: таким манером получить его благосклонность не удастся.

– Я ни на что такое не рассчитываю, – надула губы Веда, вызывающе глянув на плотоядные ухмылочки Турента и Фриппа. – Случая искать не стану, но и не испугаюсь. Я не позволю испугать себя всякой мелочью. И уж наверняка не мужицкими фитюльками, которые иначе и не назовешь.

– А у вас ничего другого на уме, одни фитюльки, – бросил Бореас Мун, сдерживая буланого жеребца и ожидая, пока Веда и Хлоя поравняются с ним.

– А тут не ими воевать придется, уважаемые дамы! – продолжал он. – С Бонартом, ежели кто его знает, мало кто сравняется, когда о мечах речь. Я был бы рад, если б оказалось, что между ним и господином Скелленом нет ни ссоры, ни вражды. Если б все давно по косточкам разошлось.

– А я этого не понимаю, умом-то, – признался едущий сзади Андреас Верный. – Навроде бы как чаровника какого нам выслеживать велено, потому нам чуйную и придали, Веду Сельборн, вона эту. А теперича о каком-то Бонарте разговор идет и девке какой-то.

– Бонарт, охотник за наградами, – откашлялся Бореас Мун, – был с господином Скелленом в сговоре. И обманул. Хучь приобещал господину Скеллену, что энту девку пришьет, а сам в живых оставил.

– Не иначе как ему ктой-то другой поболе деньжат за живую пообещал, чем Филин за мертвую, – пожала плечами Хлоя Штиц. – Они такие – охотники за наградами-то. Чести у них не ищи!

– Бонарт не такой, – возразил, оглянувшись, Фрипп Младший. – Бонарт от раз данного слова не отступал.

– Сталбыть, еще дивнее дело сыскалось, что вдруг отступил.

– А чего бы это, – спросила Веда, – девка такая важная? Ну, та, которую надо было прибить, а не прибили?

– А нам-то что? – поморщился Бореас Мун. – У нас – приказ! А господин Скеллен имеет право своего требовать. Бонарт должон был Фальку затюкать, а не затюкал. Господин Скеллен вправе потребовать, чтобы он отчитался перед ним.

– Этот Бонарт, – убежденно бросила Хлоя Штиц, – собирается за живую девку взять поболе, чем за мертвую. Вот те и весь сказ.

– Господин коронер, – сказал Бореас Мун, – сначала тоже думал, что Бонарт одному барону из Гесо, который на банду Крысей взъелся, живую Фальку приобещал, чтоб тот с ей позабавился и помаленьку умучил. Но вроде как бы это неправда.

Не ведомо, для кого Бонарт живую Фальку прячет, но наверняка не для того барона.

– Господин Бонарт! – Толстый старшина Ревности вкатился в корчму, сопя и задыхаясь. – Господин Бонарт, вооруженные в поселке. На конях едут.

– Тоже мне новость. – Бонарт протер тарелку хлебом. – Было б удивительно, если б они ехали, к примеру, на обезьянах. Сколько?

– Четверо.

– А где моя одежда?

– Только-только развесили… Еще не высохла…

– Чтоб вас разнесло. Придется гостей в подштанниках принимать. Но по правде, каков гость, такова и милость.

Он поправил затянутый на исподнем пояс с мечом, сунул штрипки от кальсон в голенища сапог, рванул за цепь, привязанную к ошейнику Цири.

– Вставай, Крысиха!

Когда он вывел ее во двор, четверка конных уже приближалась к корчме. Видно было, что позади у них долгий путь по проселкам да в непогоду – одежда, упряжь и кони были заляпаны засохшей пылью и грязью.

Их было четверо, но они еще вели запасную. При виде запасной Цири почувствовала, как ее вдруг охватывает жар, хотя день был очень холодный. Это была ее собственная пегая, все еще в ее же сбруе и под ее седлом. И в налобнике, подарке от Мистле. Наездники были из тех, что убили Хотспорна.

Они остановились перед постоялым двором. Один – вероятно, командир – подъехал ближе, поклонился Бонарту, стащив с головы куний колпак. Он был смуглый и носил черные усы, похожие на проведенную угольком черточку над верхней губой. Верхняя губа, заметила Цири, то и дело у него съеживалась – тик все время придавал ему разъяренное выражение. А может, он и верно был разъярен?

– Приветствую вас, господин Бонарт!

– Приветствую вас, господин Имбра. Приветствую, господа. – Бонарт не спеша зацепил цепь Цири за крючок на столбе. – Прошу простить, что встречаю в кальсонах, но не ожидал, никак не ожидал. Дальний путь за вами, ох, дальний… Из Гесо, значится, аж сюда, в Эббинг, пригнали. А как уважаемый барон? Здоров ли?

– Как огурчик, – равнодушно ответил смуглый, снова кривя верхнюю губу. – Простите, болтать некогда. Спешим мы.

– А я, – Бонарт подтянул пояс и подштанники, – вас вовсе и не задерживаю.

– К нам дошла весть, что вы Крыс перебили.

– Верно.

– И, выполняя обещание, данное барону, – смуглый по-прежнему прикидывался, будто не видит во дворе Цири, – взяли Фальку живьем?

– И это, думается мне, правда.

– Значит, вам посчастливилось там, где нам не повезло. – Смуглый глянул на пегую лошадку. – Лады. Забираем девку, и домой. Руперт, Ставро, заберите ее.

– Не спеши, Имбра, – поднял руку Бонарт. – Никого вы не заберете. По той простой причине, что я не дам. Я раздумал. Оставляю девушку себе, для собственного употребления.

Названный Имброй смугляк наклонился в седле, отхаркался и сплюнул, поразительно далеко, почти на ступени крыльца.

– Но ты обещал господину барону.

– Обещал. Но раздумал.

– Что? Верно ли я расслышал?

– Верно, не верно – не моя печаль, Имбра.

– Ты три дня гостил в замке? За данные барону обещания три дня пил и жрал? Лучшие вина из погребов, печеных павлинов, косулье мясо, паштеты, карасей в сметане? Три ночи будто король на пуховатках спал? А теперь, значит, раздумал? Да?

Бонарт молчал, храня безразличие и усталость на лице.

Имбра стиснул зубы, чтобы сдержать дрожь.

– А знаешь, Бонарт, мы ведь можем Крысиху у тебя силой отнять!

Лицо Бонарта, до того тоскливое и равнодушное, мгновенно напряглось.

– Попробуйте. Вас четверо, я один. К тому же в подштанниках. Но ради таких засранцев и штаны надевать не стану.

Имбра снова сплюнул, дернул поводья, развернул коня.

– Тьфу, Бонарт, что с тобой приключилось? Ты ж всегда тем славился, что был солидным, честным профессионалом, слово данное надежно выполнял. А тут получается, что твое слово менее дерьма стоит! А поскольку человека по словам его оценивают, то получается, что и ты…

– Ну, если уж о словах речь, – холодно прервал Бонарт, положив руки на пряжку пояса, – то смотри, Имбра, как бы у тебя случаем во время трепа слишком грубое словечко не высралось. Потому, если я стану его тебе обратно в глотку зашпунтовывать, может быть больно.

– На четверых-то ты смел! А на четырнадцать смелости хватит? Потому как поручиться могу, что барон Касадей

неуважения не потерпит.

– Сказал бы я, куда бы твоего барона засунул, да, понимаешь, толпа сбирается, а в ней женщины и дети. Поэтому скажу только, что через десять дней я в Клармон явлюсь. Кто хочет свои права качать, мстить за неуважение или Фальку у меня отобрать, пусть в Клармон едет.

– Я туда приеду.

– Буду ждать. А теперь – выпердывайтесь отседова.

– Они его боялись. Жутко боялись. Я чуяла, как от них страхом разит.

Кэльпи громко заржала, дернула головой.

– Четверо их было, вооруженных до зубов. А он один, в штопаных-перештопаных кальсонах и обтрепанной рубахе с короткими рукавами. Он был бы смешон… Если б не был страшен.

Высогота молчал, щуря слезящиеся от ветра глаза. Они стояли на бугорке, возвышающемся над болотами Переплюта, неподалеку от того места, где две недели назад старик нашел Цири. Ветер клал камыши, морщил воду на разливах реки.

– У одного из четырех, – продолжала Цири, позволив кобыле войти в воду и пить, – был небольшой самострел при седле, у него рука к тому самострелу потянулась. Я чуть не слышала его мысли, чувствовала его ужас: «Успею ли напасть? Выстрелить? А что будет, если промажу?» Бонарт тоже видел этот самострел и эту руку, тоже слышал его мысли, я уверена. И уверена, что тот конник не успел бы натянуть самострела.

Кэльпи подняла морду, зафыркала, зазвонила колечками мундштука.

– Я все лучше понимала, в чьи руки попала. Однако по-прежнему не догадывалась о его мотивах. Я слышала их разговор, помнила, что раньше говорил Хотспорн. Барон Касадей хотел заполучить меня живой, и Бонарт ему это обещал. А потом раздумал. Почему? Или намеревался выдать кому-то, кто заплатит больше? Или каким-то непонятным образом догадался, кто я такая в действительности? И собирался выдать нильфгаардцам?

Из поселка мы уехали под вечер. Он позволил мне ехать на Кэльпи. Но руки связал и все время держался за цепь на ошейнике. Все время. А ехали мы, почти не задерживаясь, всю ночь и весь день. Я думала, умру от усталости. А по нему вообще ничего не чувствовалось. Это не человек. Это дьявол во плоти.

– И куда он тебя отвез?

– В городишко, который называется Фано.

– Когда мы въехали в Фано, Высокий трибунал, уже темно было, тьма хоть глаз коли, вроде бы шестнадцатое сентября, но день хмурый и холодный чертовски, прямо – ноябрь. Долго искать мастерскую оружейника не пришлось, потому как это самая большая домина во всем городишке, к тому же оттуда непрерывно шел грохот молотов, кующих оружие. Нератин Цека… Напрасно вы, господин писарь, это записываете, потому что, уж не помню, говорила ли я, но Нератин уже в той деревне, которую называют Говорог, землю грызет.

– Извольте не поучать протоколянта. Продолжайте показания.

– Нератин заколотил в ворота. Вежливо так сказал, кто мы и с чем. Вежливо просил послушать. Ну, впустили нас. Мастерская механика была красивым зданием, прямо-таки крепость, обнесена сосновым частоколом, башенки, крытые дубовыми клепками, внутри на стенах – полированная лиственница…

– Трибунал не интересуют архитектурные детали. Переходите к сути, свидетельница. Предварительно же прошу повторить для протокола имя механика.

– Эстерхази, Высокий трибунал. Эстерхази из Фано.

Оружейных дел мастер Эстерхази долго смотрел на Бореаса Муна, не торопясь отвечать на заданный вопрос.

– Может, и был тут Бонарт, – сказал он наконец, поигрывая висящим на шее костяным свистком. – А может, и не был? Кто знает? Здесь, господа дорогие, у нас мастерская по изготовлению мечей. На все вопросы, касающиеся мечей, мы ответим охотно, быстро, гладко и исчерпывающе. Но я не понимаю, почему должен отвечать на вопросы, касающиеся наших гостей и клиентов.

Веда вытащила из рукава платочек, сделала вид, будто утирает нос.

– Причину можно найти, – сказал Нератин Цека. – Ее можете отыскать вы, господин Эстерхази. Могу я. Желаете выбирать?

Несмотря на внешнюю изнеженность, лицо Нератина могло быть жестким, а голос зловещим. Но механик только прыснул, продолжая поигрывать свистулькой.

– Между подкупом и угрозой? Нет, не желаю. И то, и другое я считаю достойным лишь плевка.

– Совсем незначительные сведения, – откашлялся Бореас Мун. – Неужто так уж много? Мы ведь знакомы не первый день, господин Эстерхази, да и имя коронера Скеллена тоже, думаю, вам не чуждо…

– Не чуждо, – прервал оружейник. – Отнюдь. Делишки и

выходки, с которыми это имя ассоциируется, нам тоже не чужды. Но здесь Эббинг, автономное самоуправляемое королевство. Хоть одна лишь видимость, но все же. Поэтому мы вам ничего не скажем. Идите своей дорогой. В утешение обещаю, что, если через неделю или месяц кто-либо заинтересуется вами, услышит от нас не больше.

– Но, господин Эстерхази…

– Хотите услышать поточнее? Извольте. Выматывайтесь отсюда!

Хлоя Штиц яростно зашипела, руки Фриппа и Варгаса потянулись к мечам, Андреас Верный положил пятерню на висящий у бедра чекан. Нератин Цека не пошевелился, лицо даже не дрогнуло. Веда видела, что он не спускает глаз с костяной свистульки. Прежде чем войти, Бореас Мун остерег их – звук свистульки был знаком вызова для притаившихся в укрытии охранников, прирожденных рубак, которых в мастерской оружейника называли «испытателями качества продукции».

Однако, предвидя всяческие неожиданности, Нератин и Бореас предусмотрели и дальнейшие действия. В запасе у них была козырная карта.

Веда Сельборн. Чующая.

Веда уже давно зондировала оружейника, тонко покалывала импульсами, осторожно проникала в путаницу его мыслей. Теперь она была готова. Приложив к носу платочек – всегда имелась опасность кровотечения, – она ворвалась в мозг пульсацией и приказом. Эстерхази закашлялся, покраснел, обеими руками схватился за крышку стола, за которым сидел, так, словно боялся, что стол улетит в теплые края вместе со стопкой счетов, чернильницей и прижимом для бумаг в виде нереиды, достаточно своеобразно общающейся с двумя тритонами одновременно.

Спокойно, – приказала Веда, – *это ничего, ничего страшного. Просто у тебя появилось желание рассказать нам о том, что нас интересует. Ты же знаешь, что нас интересует, слова так и рвутся на волю. Ну так давай! Начинай! Сам увидишь, как только начнешь говорить, в голове перестанет шуметь, в висках стучать, а в ушах колоть. И спазм челюстей тоже прекратится. Ну, давай!*

– Бонарт, – хрипло сказал Эстерхази, раскрывая рот шире, чем того требовала членораздельная речь, – был здесь четыре дня тому, двенадцатого сентября. При нем была девушка, которую он называл Фалькой. Я ожидал такого визита, потому что двумя днями раньше мне доставили письмо от него…

Из левой ноздри у него вытекла тоненькая струйка крови.

Говори, – приказала Веда. – *Говори все. Увидишь, как тебе*

полегчает.

Мечник Эстерхази с интересом рассматривал Цири, не вставая из-за дубового стола.

– Тот меч, – угадал он, постукивая ручкой пера по удивительной группе на прижиме для бумаг, – тот меч, о котором ты просил в письме, – для нее? Правда, Бонарт? Ну, стало быть, оценим… Проверим, согласуется ли он с тем, что ты написал. Росту в ней пять футов девять дюймов. Так оно и есть. Вес – сто двенадцать фунтов… Ну, мы дали бы ей немного меньше ста двенадцати, но это мелочь. Рука, ты писал, на которую подойдет перчатка номер пять… Ну-с, покажем ручку, благородная мазелька. Что ж, и это сходится.

– У меня всегда все сходится, – сухо сказал Бонарт. – Найдется для нее какая-нито приличная железяка?

– В моей фирме, – гордо ответствовал Эстерхази, – не изготовляют и не предлагают ничего иного, кроме приличного оружия. Я понимаю так: нужен не парадный меч, а боевой. Да, правда, ты же писал. Ясное дело, оружие для девушки отыщется без труда. К такому росту и такому весу идут мечи в тридцать восемь дюймов, стандартного изготовления. Ей для ее легкого строения и маленькой руки требуется мини-бастарда с рукоятью, удлиненной до девяти дюймов, и шаровым оголовком. Мы могли бы предложить эльфью тальдагу, либо зерриканскую саберру, а может, и легкую вироледанку…

– Покажи товар, Эстерхази.

– Тебя что, в кипятке держат или как? Ну, тогда позволь… Изволь пройти… Эй, Бонарт? Что там еще? Почему ты ее водишь на поводке?

– Следи за своим сопливым носом, Эстерхази. Не суй, куда не следует, а то, глядишь, еще, чего доброго, прижмет! Ненароком.

Эстерхази, поигрывая висящей на шее свистулькой, глядел на охотника без страха и уважения, хотя глядеть приходилось, сильно задрав голову. Бонарт подкрутил усы, откашлялся.

– Я, – сказал он немного тише, но так же зловеще, – не встреваю в твои дела и интересы. Тебя удивляет, что я ожидаю взаимности?

– Бонарт! – У мечника даже веко не дрогнуло. – Когда ты покинешь мой дом и мой двор, когда захлопнешь за собой мои ворота, вот тогда я уважу твою приватность, тайну твоих интересов, специфику профессии. И не полезу в них, будь уверен. Но унижать человеческое достоинство в моем доме я не позволю. Надеюсь, ты меня понял? За моими воротами можешь девушку тащить за лошадью, привязав к конскому хвосту, твоя воля. В

моем доме ты снимешь с нее ошейник. Немедленно.

Бонарт нехотя протянул руку к ошейнику, расстегнул, не отказав себе в удовольствии так дернуть девушку, что чуть не повалил ее на колени. Эстерхази, прикинувшись, будто не видит этого, выпустил свистульку из пальцев.

– Так-то оно лучше, – сказал он сухо. – Пошли.

Они прошли по галерейке на другой дворик, поменьше, прилегающий к задней стене кузницы и одной стороной выходящий в сад. Здесь, под опирающимся на резные столбы навесом, стоял длинный стол, на который подмастерья в этот момент выкладывали мечи. Эстерхази жестом пригласил Бонарта и Цири подойти к выставке.

– Прошу. Вот, что я могу предложить. Здесь, – указал он на длинный ряд мечей, – лежит моя продукция, все головки кованые, впрочем, видна поковка, моя чеканная марка. Цены в пределах от пяти до девяти флоренов, потому что это стандартные изделия. А вот те, что лежат вот здесь, монтируются и отделываются только у меня… Оголовки импортные. Откуда – видно по чеканке. У тех, что из Махакама, вычеканены скрещенные молоты. Повисские украшены короной либо лошадиной мордой, а которые из Вироледы, у тех солнце и знаменитая фирменная надпись. Цены начинаются с десяти флоренов.

– А кончаются?

– По-разному. Вот, к примеру, эта чудесная вироледанка. – Эстерхази взял со стола меч, отсалютовал им, потом перешел в фехтовальную позицию, ловко вращая рукой и предплечьем в сложном финте, именуемом «анжелика». – Эта стоит пятнадцать. Давняя работа, коллекционное оголовье. Видно, что делалась на заказ. Мотив, исполненный на накладке, говорит о том, что оружие было предназначено для женщины.

Он крутанул мечом, задержал руку в терции, фухтелем клинка к ним.

– Как и на всех головках из Вироледы, традиционная надпись: «Не вынимай без причины, не прячь без чести!» Ха! В Вироледе все еще гравируют такие надписи. А во всем мире клинки эти закупают шарлатаны и глупцы. И во всем мире честь здорово подешевела. Неходкий это нынче товар.

– Поменьше болтай, Эстерхази. Дай ей меч, пусть примерит к руке. Возьми оружие, девка.

Цири взяла легкий меч, сразу почувствовала, как шершавая рукоять уверенно прирастает к ладони, а тяжесть клинка так и приглашает руку согнуться в локте и рубануть.

– Это мини-бастарда, – напомнил Эстерхази совершенно напрасно. Она умела пользоваться длинной рукоятью, положив

три пальца на сферическую головку.

Бонарт отступил на два шага, на двор. Вытянул меч из ножен, завертел им, аж засвистело.

– Ну же! – бросил он Цири. – Убей меня! Вот тебе меч, а вот подходящий случай. У тебя есть шанс. Используй. Не скоро я предоставлю тебе другой.

– Вы что, ошалели?

– Заткнись, Эстерхази.

Она обманула его боковым взглядом и нарочитым движением плеча, ударила как молния из плоского синистра. Клинок зазвенел от парирующего удара, такого сильного, что Цири покачнулась и вынуждена была отскочить, задев бедром о стол с мечами. Пытаясь сохранить равновесие, она инстинктивно опустила меч – знала, что в этот момент, если б он хотел, то убил бы ее без проблем.

– Вы что, и впрямь ошалели? – возвысил голос Эстерхази, а свистулька снова оказалась у него в руке. Слуги и ремесленники смотрели одурев.

– Отложи железяку. – Бонарт не выпускал Цири из виду, на оружейника же вообще не обращал внимания.

Она, чуть поколебавшись, отложила меч. Бонарт жутковато ухмыльнулся.

– Я знаю, кто ты такая, змея. Но я заставлю тебя самое признаться в этом. Словом или действием! Заставлю признаться, кто ты такая есть. И вот тогда-то я убью тебя.

Эстерхази взвизгнул, словно его кто-то ранил.

– А этот меч, – Бонарт даже не взглянул на него, – был для тебя тяжеловат. Поэтому ты была чересчур медлительна. Так же медлительна, как беременная улитка. Эстерхази! То, что ты ей дал, было тяжелее, чем надо, по меньшей мере на четыре унции.

Мечник побледнел. Он переводил взгляд от девочки к Бонарту и обратно, и лицо у него странно изменилось. Наконец он кивнул подмастерью, вполголоса отдал распоряжение.

– Есть у меня то, – сказал он медленно, – что должно тебя удовлетворить, Бонарт.

– Так почему ж сразу не показал? – проворчал охотник. – Я же писал, что хочу получить экстракласс. Может, думаешь, хороший меч я купить не в состоянии?

– Я знаю, на что ты «в состоянии», – с упором сказал Эстерхази. – Не первый день тебя знаю. А почему не показал сразу? Я же не мог знать, кого ты ко мне приведешь… с ошейником и на поводке. Не мог догадаться, для кого и для чего предназначен меч. Теперь знаю все.

Подмастерье вернулся, неся продолговатый короб.

– Подойди, девушка, – тихо сказал Эстерхази. – Взгляни.

Цири подошла. Взглянула. И громко вздохнула.

Она мгновенно обнажила меч. Огонь из камина ослепительно вспыхнул на долах клинка, заиграл красным в кружевах эфеса.

– Это он, – сказала Цири. – Ты, конечно, догадываешься. Возьми в руки, если хочешь. Но будь осторожен, он острее бритвы. Чувствуешь, как рукоять прилипает к ладони? Она сделана из такой плоской рыбы, у которой на хвосте ядовитый шип.

– Скат?

– Наверно. У этой рыбы в коже есть малюсенькие зубчики, поэтому рукоять не скользит в руке, если даже рука вспотеет. Глянь, что вытравлено на клинке.

Высогота наклонился, взглянул, прищурившись.

– Эльфья мандала, – сказал он, поднимая голову. – Так называемая blathan caerme, гирлянда судьбы, означающая духовное единство с миром, – стилизованные цветы дуба, спиреи и венчикового дрока. Башня, пораженная молнией. У Старших Народов – символ хаоса и деструкции… А над башней…

– Ласточка, – докончила Цири. – Zireael. Мое имя.

– Право дело, недурная вещица, – сказал наконец Бонарт. – Гномовская работа, сразу видно. Только гномы такую темную сталь ковали. Только гномы точили в пламени, и только гномы покрывали клинки ажуром, чтобы уменьшить вес… Признайся, Эстерхази, это копия?

– Нет, – ответил мечник. – Оригинал. Самый настоящий гномий гвихир. Эфесу свыше двухсот лет. Оправа, конечно, гораздо моложе, но копией я бы ее не назвал. Гномы из Тир Тохаира делали его по моему заказу. В соответствии с переданной технологией, методикой и образцами.

– Дьявольщина. Возможно, меня и верно на это не хватит. И сколько же ты хочешь за этот клинок?

Эстерхази немного помолчал. Лицо у него было непроницаемое.

– Я отдам его даром, Бонарт, – наконец глухо сказал он. – В подарок. Чтобы исполнилось то, чему исполниться суждено.

– Благодарю, – сказал Бонарт, явно растерявшись. – Благодарю тебя, Эстерхази. Королевский подарок, воистину королевский… Принимаю, принимаю. И я – твой должник…

– Нет, не должник. Меч для нее, а не для тебя. Подойди, девушка, носящая ошейник. Взгляни на знаки, вытравленные на клинке. Ты не понимаешь их, это ясно. Но я их тебе объясню.

Взгляни. Линия, обозначающая судьбу, извилистая и ведет вот к этой башне. К гибели, к уничтожению устоявшихся ценностей, устоявшегося порядка. Но здесь, над башней, видишь, ласточка. Символ надежды. Возьми этот меч. И да исполнится то, чему исполниться суждено.

Цири осторожно протянула руку, нежно погладила темное оружие с блестящим словно зеркало лезвием.

– Возьми его, – медленно проговорил Эстерхази, глядя на Цири широко раскрытыми глазами. – Возьми. Возьми его в руки, девочка. Возьми…

– Нет! Нет! – неожиданно выкрикнул Бонарт, подскочил к Цири, схватил за плечо и резко и сильно оттолкнул. – Прочь!

Цири упала на колени, гравий, покрывавший двор, болезненно уколол ладони.

Бонарт захлопнул короб.

– Еще не сейчас, – проворчал он. – Еще не сегодня. Еще не пришло время.

– Вероятнее всего, – спокойно согласился Эстерхази, глядя ему в глаза. – Да, скорее всего еще не пришло. А жаль.

– Не очень-то это много дало, Высокий трибунал, читать мысли того мечника. Мы были там шестнадцатого сентября, за три дня до полнолуния. А когда возвращались из Фано в Рокаину, нас догнал Оль Харшейм и семь лошадей. Господин Оль приказал гнать что есть мочи за остальными людьми. Потому как днем раньше, пятнадцатого сентября, была резня в Клармоне… Наверно, напрасно я об этом говорю, Высокий трибунал наверняка знает о бойне в Клармоне…

– Прошу давать показания, не заботясь о том, что трибунал знает.

– Бонарт опередил нас на день. Пятнадцатого сентября он привез Фальку в Клармон…

– Клармон, – повторил Высогота. – Знаю я этот городок. Куда он тебя привез?

– В большой дом на рынке. С колоннами и арками у входа. Сразу было видно, что живет там богатей…

Стены комнат были увешаны богатыми гобеленами и роскошными декоративными тканями, изображающими религиозные, охотничьи сцены и идиллические картинки с участием нагих женщин. Мебель украшала инкрустация из различных сортов дерева и бронзовые оковки, а ковры – такие, что ноги увязали в них по щиколотки. Цири не успела

рассмотреть детали, потому что Бонарт шел резво и тащил ее за цепь.

– Здравствуй, Хувенагель!

В радужной мозаике, отбрасываемой витражами, на фоне охотничьей картины стоял крупный мужчина в сияющем золотым шитьем кафтане и обшитой выпорками делии. Хоть и был он в расцвете мужского века, однако же лысина уже явно переросла норму, а щеки свисали, как брыли у породистого бульдога.

– Милости прошу, Лео, – сказал он. – И тебя, госпожа…

– Никакая не госпожа. – Бонарт показал цепь и ошейник. – Здороваться нет нужды.

– Вежливость никогда не помешает, тем более что она ничего не стоит.

– Кроме времени. – Бонарт потянул за цепь, подошел, бесцеремонно пошлепал толстяка по животу.

– Недурно ты подобрел, – оценил он. – Честно говоря, Хувенагель, когда ты оказываешься на пути, через тебя проще перелезть, чем обойти.

– Жизнь в достатке, – добродушно пояснил Хувенагель, тряся щеками. – Милости прошу, Лео. Приятный гость, потому сегодня я и рад безмерно. К тому же дела идут на удивление хорошо, так что даже плюнуть хочется, казна чуть не лопается! Только сегодня, к примеру, один нильфгаардский ротмистр тыла, провиант-мастер, занимающийся доставкой вооружения на фронт, одарил меня шестью тысячами армейских луков, которые я с десятикратной надбавкой продам в розницу охотникам, браконьерам, разбойникам, эльфам и другим прочим разным борцам за свободу. К тому же дешево купил у одного здешнего маркиза замок…

– А на кой хрен тебе замок?

– Для представительности. Но ближе к теме. Одной сделкой я обязан тебе, Лео. Безнадежный, казалось бы, должник рассчитался. Буквально минуту назад. Руки у него аж тряслись, когда он отсчитывал деньги. Этот тип видел тебя и подумал…

– Знаю, что он подумал. Письмо мое получил?

– Получил. – Хувенагель тяжело уселся, придавив животом стол, так что звякнули кубки и фужеры. – И все подготовил. Ты не видел афиши? Не иначе как голодранцы сорвали… Люди уже сходятся к цирку. Касса звоном полна… Садись, Лео. Время есть. Поболтаем, выпьем винца…

– Не хочу я твоего винца. Небось казенное. Слямзенное из нильфгаардских обозов.

– Обижаешь, охотник. Это эст-эст из Туссента. Гроздья собирали, когда наш милостивый император Эмгыр был таким

вот маленьким карапузом, какавшим в горшок. Это был славный год. Для вина. Твое здоровье, Лео.

Бонарт молча поднял чару. Хувенагель почмокал, весьма критически поглядывая на Цири.

– Стало быть, эта вот большеглазая косуля, – сказал он наконец, – должна будет гарантировать успех объявленной в письме забавы? Известно мне, что Виндсор Имбра уже у города. И ведет за собой нескольких добрых резачков. Да и парочка здешних рубак видела афиши…

– Ты когда-нибудь разочаровывался в моем товаре, Хувенагель?

– Не доводилось, факт. Но и давно от тебя ничего не получал.

– Я работаю реже, чем раньше. И вообще подумываю полностью перейти на заслуженный отдых. Хе-хе!

– Чтобы было на что жить, необходим капитал. Возможно, у меня есть для тебя предложение… Выслушаешь?

– Поскольку больше развлечься нечем, – Бонарт ногой пододвинул стул, заставил Цири сесть, – выслушаю.

– А не думал ли ты двинуться на север, к примеру, в Цинтру, на Стоки, а то и за Ярругу? Может быть, слышал, что каждому, кто туда двинется и пожелает там поселиться на завоеванных территориях, Империя гарантирует земельный надел в четыре лана? И освобождение от налогов на десять лет.

– Я, – спокойно ответил охотник за наградами, – не гожусь в хлеборобы. Я не могу копаться в земле или ходить за скотиной. Я слишком впечатлительный. При виде говна или червяка меня начинает тошнить.

– Ну, один к одному, как я, – затряс щеками Хувенагель. – Из всех сельхоззанятий я одобряю только самогоноварение. Остальное – отвратительно. Говорят, что сельское хозяйство – основа экономики и оно-де обеспечивает благосостояние страны. Однако я считаю недостойным для себя и унизительным ставить свое благосостояние в зависимость от того, воняет там где-то навозом или нет. Я кое-что предпринял в должном направлении. Нет нужды пахать землю, Бонарт, нет необходимости откармливать скотину. Достаточно ее иметь. Если располагать приличным количеством земли, можно тянуть из нее доходы. Можно, поверь мне, жить в полном достатке. Да, в этом направлении я действительно кое-что предпринял, отсюда, кстати, и мой вопрос о поездке на Север. Потому что, видишь ли, Бонарт, у меня там для тебя нашлось бы занятие. Постоянное, хорошо оплачиваемое, не требующее больших затрат времени. И в самый раз для человека впечатлительного: никакого дерьма, никаких дождевых червей и слизняков.

– Готов выслушать. Без всяких обязательств, разумеется.

– Из наделов, которые император обещает выделить переселенцам, можно при толике предприимчивости и небольшом исходном капитале собрать в купу недурную латифундию.

– Понимаю. – Охотник прикусил ус. – Понимаю, куда ты клонишь. И догадываюсь, какие шаги предпринимаешь ради обеспечения собственного благосостояния. Сложностей не предвидишь?

– Предвижу. Двоякие. Во-первых, необходимо найти лиц, которые, прикинувшись переселенцами, поедут на Север отбирать у коренных жителей и принимать наделы. Формально для себя, фактически для меня. Но отысканием наемников займусь я. На твою же долю падает вторая из сложностей.

– Я – весь слух!

– Некоторые подставники, получив землю, не пожелают ее отдать. Они забудут о полученных деньгах и заключенном договоре. Ты не поверишь, Бонарт, сколь глубоко обман, подлость и стервозность укоренились в природе человека.

– Поверю.

– Поэтому придется убеждать бесчестных, что бесчестность не окупается. Что она наказуема. И этим займешься ты.

– Звучит красиво.

– Звучит так, как оно есть. У меня накопилась практика, я уже проделывал такие фортели. После формального включения Эббинга он вошел в Империю, где раздают наделы. И позже, когда был проведен Акт о разграничении, получилось так, что Клармон, этот красивый городок, оказался на моей земле и, стало быть, принадлежит мне. Вообще вся эта территория принадлежит мне. Аж вон до туда, до затянутого седой дымкой горизонта. Все это мое. Все сто пятьдесят ланов. Имперских, конечно, не кметских. А это дает шестьсот тридцать влук, или восемнадцать тысяч девятьсот морг.[8]

– «О дурная Империя и близкая гибель»! – продекламировал насмешливо Бонарт. – Империя, в которой все крадут, должна развалиться. Ибо в своекорыстии и самолюбии слабость ее кроется.

– В этом кроется мощь ее и сила, – затряс щеками Хувенагель. – Ты, Бонарт, путаешь воровство с частным предпринимательством.

– И очень даже часто, – равнодушно признал охотник за наградами.

– Ну, так как там с нашей «компанией»?

– А не рановато ли делить северные территории? Может, для

верности подождать, пока Нильфгаард выиграет войну?

– Для верности? Не шути. Результат войны предрешен. Войны выигрывают деньги. У Империи они есть, у нордлингов их нет.

Бонарт многозначительно кашлянул.

– Коли уж мы заговорили о деньгах…

– Все в порядке. – Хувенагель покопался в лежащих на столе бумагах. – Вот банковский чек на сто флоренов. Вот акт договора переадресовки обязательств, в силу которого я получу от Варнхагенов из Гесо награду за головы бандитов. Подпиши. Благодарю. Тебе полагается процент со сборов от представлений, но касса еще не закрыта. Большой интерес, Лео, к искусству. Право же, большой. Люди в моем городке ужасно страдают от тоски и хандры.

Он осекся, взглянул на Цири.

– Искренне надеюсь, что ты не ошибся и эта… особа доставит нам заслуженное развлечение… Пожелает сотрудничать с нами ради общего блага… и выгоды.

– Для нее, – Бонарт окинул Цири холодным рыбьим взглядом, – никакого блага не будет. И она об этом знает.

Хувенагель поморщился.

– Это скверно, черт побери, скверно, что она об этом знает. А не должна бы. Что с тобой, Лео? А если она не пожелает быть увеселением, если окажется злостно ненадежной? Что тогда?

У Бонарта не изменилось выражение лица.

– Ну, тогда, – сказал он, – мы выпустим на арену твою братву. Они, помнится, всегда были надежны. В смысле увеселений.

Цири молчала долго, потирая покалеченную щеку, наконец сказала:

– Я начинала понимать. Начинала понимать, что они намерены со мной сделать. Я вся собралась, была готова бежать при первой же возможности. Готова была на любой риск. Но они не предоставили мне такой возможности. Присматривали за мной хорошо.

Высогота молчал.

– Они стащили меня вниз. Там ждали гости толстого Хувенагеля. Такие же уникумы! Откуда на свете берется столько поразительных чучел, Высогота?

– Размножаются. Естественный отбор.

Первый из мужчин был невысокий и толстенький, напоминал скорее низушка, чем человека, даже держал себя как низушек – скромно, порядочно, опрятно и… пастельно. Другой, хоть и немолодой, был в одежде и при выправке солдата с мечом, а на

плече его черной куртки горело серебряное шитье, изображающее дракона с крыльями летучей мыши. Третьей была светловолосая и тощая женщина, лицо ее украшал слегка крючковатый нос и тонкие губы. Ее фисташкового цвета платье было чрезмерно декольтировано. Нельзя сказать, что это было удачное портновское решение. Декольте почти ничего не демонстрировало, если не считать малопривлекательной морщинистой и пергаментно сухой кожи, покрытой толстым слоем белил.

– Высокородная маркиза де Нэменс-Уйвар, – представил Хувенагель. – Господин Деклан Рос аэп Маэльглыд, ротмистр тыла конных войск его императорского величества владыки Нильфгаарда. Господин Пенницвик, бургомистр Клармона. А это господин Лео Бонарт, мой родственник и давний соратник.

Бонарт слегка поклонился.

– Ну а это – та маленькая разбойница, которой сегодня предстоит нас развлекать, – отметила факт тощая маркиза, впиваясь в Цири блекло-голубыми глазами. Голос у нее был хриплый, сексапильно вибрирующий и донельзя пропитой. – Не очень красива, сказала б я. Но неплохо сложена… Вполне приятное… тельце.

Цири дернулась, оттолкнула назойливую руку, побледнев от ярости и шипя как змея.

– Прошу руками не трогать, – холодно проговорил Бонарт. – Не подкармливать, не дразнить. За последствия не отвечаю.

– Тельце, – маркиза облизнула губы, не обращая внимания на его слова, – всегда можно привязать к кровати, тогда оно становится более доступно. Может, продадите, господин Бонарт? Мы с маркизом любим такие тельца, а господин Хувенагель журит нас, когда мы используем местных пастушек и кметских ребятишек. Впрочем, маркиз теперь уже не тот, что раньше! Детвора не для него. Бегать не может из-за всяческих шанкров и кондилом, которые у него в промежности пооткрывались…

– Довольно. Довольно, Матильда, – мягко, но быстро сказал Хувенагель, видя на лице Бонарта растущее отвращение. – Пора уже в цирк. Господину бургомистру только что сообщили, что в город въехал Виндсор Имбра с подразделением кнехтов барона Касадея. Значит – нам пора.

Бонарт достал флакончик, протер рукавом ониксовую крышку столика, высыпал на нее маленькую горку белого порошка. Притянул Цири за цепь от ошейника.

– Знаешь, как этим пользоваться?

Цири стиснула зубы.

– Втяни носом. Или возьми на послюнявленный палец и

вотри в десну.

– Нет!

Бонарт даже не повернул головы.

– Сделаешь сама, – тихо сказал он, – или это сделаю я, но тогда уж потешатся все присутствующие. Слизистые оболочки у тебя ведь не только во рту и в носу, Крысица. В некоторых других забавных местах тоже. Я кликну слуг, велю тебя раздеть, придержать и использую для забавы эти места.

Маркиза де Нэменс-Уйвар гортанно засмеялась, глядя, как Цири дрожащей рукой тянется к наркотику.

– Забавные места, – проговорила она, облизнув губы. – Любопытная мысль. Надо будет как-нибудь попробовать! Эй, эй, девушка, осторожнее, не транжирь хороший порошок. Оставь немного мне!

Наркотик был гораздо сильнее, чем тот, которым пользовались Крысы. Уже через несколько минут Цири охватила слепящая эйфория, все вокруг стало резким, свет и краски резали глаза, запахи свербили в носу, звуки стали невыносимо громкими, все сделалось нереальным, воздушным, эфемерным. Были ступени, были угнетающие тяжелой пылью гобелены и драпри, был хриплый смех маркизы де Нэменс-Уйвар. Был двор, быстрые капли дождя на лице, рывки ошейника, который все еще не был с нее снят. Огромное здание с деревянным куполом и большой отвратительно безвкусной картиной на фасаде – не то дракон, не то грифон, не то выворотень. Перед входом в здание толпились люди. Один кричал и жестикулировал.

– Это мерзко! Мерзко и грешно, господин Хувенагель! Дом, бывший некогда храмом, использовать для столь нечестного, бесчеловечного и отвратительного зрелища! Животные тоже чувствуют, господин Хувенагель! У них тоже есть свое достоинство! Преступно ради выгоды натравливать одних на других к утехе черни!

– Успокойтесь, святой отец! И не мешайте моему частному предпринимательству! А вообще-то сегодня здесь не будут натравливать животных. Ни одного зверя! Исключительно люди!

– Ах так? Ну, тогда прошу прощения.

Здание было набито людьми, сидевшими на рядах скамей, расположенных амфитеатром. В центре разместилась яма, круговое углубление диаметром около тридцати футов, обнесенное толстыми бревнами и окруженное перилами. Смрад и шум дурманили. Цири снова почувствовала рывок ошейника, кто-то схватил ее под мышки, кто-то подтолкнул. Не ведая как, она оказалась на дне охваченного бревнами углубления, на плотно

утрамбованном песке.

На арене.

Первый удар прошел, теперь наркотик лишь подбадривал и обострял органы чувств. Цири прижала руки к ушам – заполняющая амфитеатр толпа гудела, гикала, свистела. Шум стоял невероятный. Она увидела, что ее правое запястье и предплечье тесно охватывают кожаные наручи. Когда ей их надели, она не помнила.

Услышала знакомый пропитой голос, увидела тощую фисташковую маркизу, нильфгаардского ротмистра, пастелевого бургомистра, Хувенагеля и Бонарта, занимающих возвышающуюся над ареной ложу. Она снова схватилась за уши, потому что кто-то вдруг крепко ударил в медный гонг.

– Глядите, люди! Сегодня на арене не волк, не гоблин, не эндриага! Сегодня на арене убийца Фалька из банды Крыс! Заклады принимает касса у входа! Не жалейте денег, люди! Удовольствие не съешь, не выпьешь, но если поскупишься на него – не приобретешь, а потеряешь!

Толпа рычала и аплодировала. Наркотик действовал. Цири дрожала от эйфории, ее зрение и слух отмечали каждую деталь. Она слышала хохот Хувенагеля, пьяный смех маркизы, серьезный голос бургомистра, холодный бас Бонарта, повизгивание жреца – защитника животных, писки женщин, плач ребенка. Она видела темные потеки крови на ограждавших арену бревнах, зияющую в них обрешеченную вонючую дыру. Блестящие от пота, скотски искривленные морды над ограждением.

Неожиданное движение, поднимающиеся голоса, ругань. Вооруженные люди, расталкивающие толпу, но увязающие, упирающиеся в стену охранников, вооруженных алебардами. Одного из этих людей она уже встречала, помнила смуглое лицо и черные усики, похожие на черточку, нанесенную угольком на дрожащую в тике верхнюю губу.

– Господин Виндсор Имбра? – Голос Хувенагеля. – Из Гесо? Сенешаль высокородного барона Касадея? Приветствуем вас, приветствуем зарубежных гостей. Прошу вас. Плата при входе!

– Я сюда не в игрушки играть пришел, господин Хувенагель! Я здесь по делам службы. Бонарт знает, о чем я говорю!

– Серьезно, Лео? Ты знаешь, о чем говорит господин сенешаль?

– Без дурацких шуточек. Нас здесь пятнадцать! Мы приехали за Фалькой! Давайте ее, иначе худо будет!

– Не понимаю, чего ты кипятишься, Имбра, – насупил брови Хувенагель. – Но заметь – здесь не Гесо и не земли вашего самоуправного барона. Будете шуметь и людей беспокоить, велю

вас отсюда плетьми выставить!

– Не в обиду тебе будь сказано, господин Хувенагель, – остановил его Виндсор Имбра, – но закон на нашей стороне! Господин Бонарт пообещал Фальку господину барону Касадею. Дал слово. Так пусть свое слово сдержит!

– Лео? – затряс щеками Хувенагель. – О чем это он? Ты знаешь?

– Знаю. И признаю его правоту. – Бонарт встал, небрежно махнул рукой. – Не стану возражать или причинять кому-либо беспокойство. Вон она, девчонка, все видят. Кому надо, пусть берет.

Виндсор Имбра замер, губа задрожала сильнее.

– Даже так?

– Девчонка, – повторил Бонарт, подмигнув Хувенагелю, – достанется тому, кто не поленится ее с арены вытащить. Живой или мертвой – в зависимости от вкусов и склонностей.

– Даже так?

– Черт побери, я начинаю терять спокойствие! – Бонарт удачно изобразил гнев. – Ничего другого, только «даже так» да «даже так». Шарманка испорченная. Как? А вот так, как пожелаешь! Твоя воля. Хочешь, напичкай мясо ядом, кинь ей как волчице. Только не думаю, что она станет жрать. На дуру не похожа, а? Нет, Имбра. Кто хочет ее заполучить, должен сам к ней спуститься. Туда, на арену. Тебе нужна Фалька? Ну, так бери ее!

– Ты мне свою Фальку под нос суешь, будто сому лягушку на удочке, – проворчал Виндсор Имбра. – Не верю я тебе, Бонарт. Носом чую, что в той лягушке железный крючок укрыт.

– Ну и нос! Какая чувствительность к железу! Поздравляю! – Бонарт встал, вынул из-под скамьи полученный в Фано меч, вытянул его из ножен и кинул на арену, да так ловко, что оружие вертикально воткнулось в песок в двух шагах от Цири. – Вот тебе и железо. Явное, вовсе не укрытое. Мне эта девка ни к чему. Кто хочет, путь берет. Если взять сумеет.

Маркиза де Нэменс-Уйвар нервически засмеялась.

– Если взять сумеет! – повторила она пропитым контральто. – Потому как теперь у тельца есть меч. Браво, милсдарь Бонарт. Мне казалось отвратительным отдавать в руки этим голодранцам безоружное тельце.

– Господин Хувенагель. – Виндсор Имбра уперся руками в боки, не удостаивая тощей аристократки даже взгляда. – Этот вертеп разыгрывается под вашим покровительством, потому как ведь театр-то ваш. Скажите-ка мне, по чьим правилам здесь играют? По вашим или бонартовским?

– По театральным, – расхохотался Хувенагель, тряся животом

и бульдожьими брылями. – Потому как театр-то действительно мой, однако же наш клиент – наш хозяин, он платит, он и условия ставит! Именно клиент ставит условия. Мы же, купцы, должны поступать в соответствии с этими правилами: чего клиент желает, то и надобно ему дать.

– Клиент? Вот это быдло, что ли? – Виндсор Имбра широким жестом обвел заполненные народом скамьи. – Все они пришли сюда и заплатили за то, чтобы полюбоваться зрелищем?

– Доход есть доход, – ответил Хувенагель. – Если что-то пользуется спросом, почему б это что-то не продавать? Люди за бой волков платят? За борьбу эндриаг и аардварков? За науськивание собак на барсука или выворотня в бочке? Чему ты так удивляешься, Имбра? Людям зрелища и потехи нужны как хлеб, хо-хо, даже больше, чем хлеб. Многие из тех, что пришли, от себя оторвали. А глянь, как у них глаза горят. Дождаться не могут, чтобы потеха началась.

– Но у потехи, – язвительно усмехаясь, добавил Бонарт, – должна быть сохранена хотя бы видимость спорта. Барсук, прежде чем его, собачья его душа, псы из бочки вытащат, может кусать зубами, так спортивней получается. А у девчонки есть клинок. Пусть и здесь будет спортивно. Как, добрые люди, я прав или не прав?

Добрые люди вразнобой, но громко и ликующе подтвердили, что Бонарт прав во всех отношениях. Целиком и полностью.

– Барон Касадей, – медленно проговорил Виндсор Имбра, – недоволен будет, господин Хувенагель. Ручаюсь, рад он не будет. Не знаю, стоит ли вам с ним раздор учинять.

– Доход есть доход, – повторил Хувенагель и тряхнул щеками. – Барон Касадей прекрасно знает об этом. Он у меня под маленькие проценты большие деньги одолжил, а когда придет, чтобы еще одолжить, тогда уж мы как-нибудь наши раздоры отладим. Но я не допущу, чтобы какой-то заграничный деятель вмешивался в мое личное и частное предпринимательство. Здесь поставлены заклады. И люди за вход уплатили. В песок, что на арене, должна впитаться кровь.

– Должна? – заорал Виндсор Имбра. – Говно собачье. Ох, рука у меня чешется показать вам, что вовсе не должна! Вот уйду отсюда и поеду себе прочь, не оглядываясь. Вот тогда вы можете вдоволь тут свою собственную кровь пускать! Мне даже подумать мерзостно собравшемуся сброду потеху доставлять!

– Пусть идет. – Из толпы неожиданно вышел заросший до глаз тип в куртке из конской шкуры. – Хрен с им, пущай идет, ежели ему, вишь ты, мерзит! Мине не мерзит. Говорили, кто энту Крысицу упекет, получит награду. Я объявляюсь и на арену

вхожу.

– Еще чего! – взвизгнул один из людей Имбры, невысокий, но жилистый и крепко срубленный мужчина с буйными, расчехранными и свалявшимися в колтуны волосами. – Мы-та первей были! Верно, парни?

– Верно, – поддержал его другой, худой, с бородкой клинышком. – При нас первенствование! А ты нос не задирай, Виндсор! Ну и чего, что чернь в зрителях? Фалька на арене, стоит руку потянуть и – хватай. А хамы пущай себе глаза вылупляют, нам плевать на это!

– Да еще и добыток достанется! – заржал третий, выряженный в яркий амарантовый дублет. – Ежели спорт, так спорт, разве ж не так, господин Хувенагель? А коли потеха, так потеха! Тут вроде бы о какой-то награде болтали?

Хувенагель широко улыбнулся и подтвердил кивком головы, гордо и достойно тряся обвисшими брылями.

– А как, – полюбопытствовал бородатенький, – заклады ставят?

– Пока, – рассмеялся купец, – на результаты боя еще не ставили! Сейчас идет три к одному, что ни один из вас не осмелится войти за ограждение.

– Фью-ю-ю-ю! – свистнул Конская Шкура. – Я осмелюсь! Я готов!

– Сдвинься, сказал! – возразил Колтун. – Мы первыми были, и, сталбыть, первенствование по нашей стороне. А ну, чего ждем?

– И вскольким можно туда, к ей на площадку? – Амарантовый поправил пояс. – Али токмо поодиночке льзя?

– Ах вы, сукины дети! – совершенно неожиданно рявкнул пастельный бургомистр бычьим голосом, никак не соответствующим его телесам. – Может, вдесятером хотите на одиночку? Может, конно? Может, на колесницах? Может, вам катапульту с цехгауза одолжить, чтобы вы издалека камнями в девку метали? А! Ну!

– Ладно, ладно, – прервал Бонарт, что-то быстро обсудив с Хувенагелем. – Пусть будет спорт, но и потеха тоже быть должна. Можно по двое. Парой, значит.

– Но награда, – предупредил Хувенагель, – удвоена не будет! Если вдвоем, то придется поделить.

– Какая ишшо пара? Как ишшо вдвох? – Колтун резким движением стряхнул с плеч куртку. – И не встыд вам, парни? Это ж девка, не боле того! Тьфу! А ну, отсунься. Один пойду и положу ее! Тоже делов-то!

– Мне Фалька нужна живая, – запротестовал Виндсор Имбра. – Плевал я на ваши бои и поединки! Я на бонартову

потеху не пойду, мне девка нужна. Живая! Вдвоем пойдете, ты и Ставро. И вытащите ее оттуда.

– Для меня, – проговорил Ставро, тот, что с бородкой, – позорно идти вдвоем на эту ходобищу.

– Барон тебе твой позор флоренами осладит. Но только за живую.

– Стало быть, барон скупец, – захохотал Хувенагель, тряся брюхом и бульдожьими брылями. – И духа спортивного нет в нем ни на обол. Да и желания другим дух поднимать. Я же спорт поддерживаю. И размер награды увеличиваю. Кто в одиночку на арену выйдет и один, на собственных ногах с ней сойдется, тому я этой вот рукой из этого вот кошеля не двадцать, а тридцать флоренов выложу.

– Так чего ж мы ждем? – крикнул Ставро. – Я иду первым!

– Не спеши! – снова прорычал маленький бургомистр. – У девки всего лишь тонкий лён на хребте! Значит, и ты скинь свою разбойничью шкуру, солдат! Это ж спорт!

– Чума на вас! – Ставро сорвал с себя украшенный железяками кафтан, затем стащил через голову рубаху, явив миру худые, заросшие, как у павиана, руки и грудь. – Чума на вас, глубокоуважаемый, и на ваш спорт засратый! Так пойду, нагишом, в портках однех! Вот так! Иль портки тоже скинуть?

– Снимай и подштанники! – сексуально прохрипела маркиза де Нэменс-Уйвар. – Посмотрим, только ль на морду ты мужик!

Награжденный долгими аплодисментами, голый по пояс Ставро достал оружие, перебросил ногу через бревно барьера, внимательно наблюдая за Цири. Цири скрестила руки на груди. Не сделала даже шага в сторону торчащего из песка меча. Ставро замялся.

– Не делай этого, – сказала Цири очень тихо. – Не заставляй меня… Я не позволю прикоснуться к себе.

– Не злись, девка. – Ставро перебросил через барьер вторую ногу. – У меня ничего супротив тебя нет. Но доход есть доход.

Он не докончил, потому что Цири была уже рядом. Уже держала в руке Ласточку, как она мысленно называла гномов гвихир. Она использовала простой, прямо-таки детский выпад, финт, который называется «три шажка», но Ставро не дал себя на это поймать. Он отступил на шаг, инстинктивно поднял меч и тут оказался целиком в ее власти – после отскока уперся спиной в ограждение арены, а острие Ласточки застыло в дюйме от кончика его носа.

– Этот фокус, – пояснил Бонарт маркизе, перекрывая рев и крики восхищения, – называется «три шажка, обман и выпад терцией». Дешевый номер, я ждал от девчонки чего-нибудь

поизящнее. Но надо признать, захоти она, этот остолоп был бы уже мертв.

– Убей его! Убей! – орали зрители. А Хувенагель и бургомистр Пенницвик опустили вниз большие пальцы. С лица Ставро отхлынула кровь, на щеках проступили прыщи и оспины – последствия перенесенной в детстве болезни.

– Я ведь сказала, не заставляй меня, – прошептала Цири. – Я не хочу тебя убивать! Но прикоснуться к себе не дам. Возвращайся туда, откуда пришел.

Она отступила, отвернулась, опустила меч и посмотрела наверх, в ложу.

– Забавляетесь мной! – крикнула она ломким голосом. – Хотите принудить биться? Убивать? Не заставите! Я не буду драться!

– Ты слышал, Имбра? – прогремел в тишине насмешливый голос Бонарта. – Прямая выгода! И никакого риска! Она не будет драться. Ее, понимаешь ли, можно забирать с арены и отвезти к барону Касадею, чтобы он наигрался с ней вдоволь. Можно взять без риска. Голыми руками!

Виндсор Имбра сплюнул. Все еще прижимающийся спиной к бревнам Ставро тяжело дышал, сжимая в руке меч. Бонарт засмеялся.

– Но я, Имбра, ставлю бриллианты против орехов – ничего у вас из этого не получится.

Ставро глубоко вздохнул. Ему показалось, что стоящая к нему спиной девушка выбита из колеи, расслабилась. Он кипел от ярости, стыда и ненависти. И не выдержал. Напал. Быстро и предательски.

Зрители не заметили вольта и обратного удара. Увидели только, как бросающийся на Фальку Ставро проделывает прямо-таки балетный прыжок, а потом, совсем уж не балетным па, валится лицом в песок, а песок моментально набухает кровью.

– Инстинкты берут верх! – перекричал толпу Бонарт. – Рефлексы действуют! Ну как, Хувенагель? Разве не говорил я? Вот увидишь, цепные псы не потребуются!

– Ах, что за прелестное и прибыльное зрелище! – Хувенагель аж прищурился от удовольствия.

Ставро приподнялся на дрожащих от усилия руках, замотал головой, закричал, захрипел, его вырвало кровью, и он снова упал на песок.

– Как, вы сказали, называется этот удар, милостивый государь Бонарт? – сексуально прохрипела маркиза де Нэменс-Уйвар, потирая коленом колено.

– Это была импровизация… – Охотник за наградами, который

вообще не смотрел на маркизу, сверкнул зубами. – Прекрасная, творческая, я бы сказал, прямо-таки нутряная импровизация. Я слышал о том месте, где учат так импровизированно выпускать кишки. Готов поспорить, что наша мазелька знает это место. А я уже знаю, кто она такая.

– Не принуждайте меня! – крикнула Цири, и в ее голосе завибрировала угрожающая нотка. – Я не хочу! Понимаете? Не хочу!

– Эта девка из пекла родом! – Амарантовый ловко перепрыгнул через барьер, моментально обежал арену вокруг, чтобы отвлечь внимание Цири от запрыгивающего с противоположной стороны Колтуна. Вслед за Колтуном барьер преодолел Конская Шкура.

– Нечистая игра! – зарычал чувствительный ко всему, что касается игр, маленький, как низушек, бургомистр Пенницвик, и толпа его поддержала.

– Трое на одну! Нечистая игра!

Бонарт засмеялся. Маркиза облизнула губы и принялась еще сильнее перебирать ногами.

План тройки был прост – припирают отступающую девушку к бревнам, а потом двое блокируют, а третий убивает. Ничего у них не получилось. По той простой причине, что девушка не отступала, а нападала.

Она проскользнула между ними балетным пируэтом так ловко, что почти не оставила на песке следов. Колтуна ударила на лету, точно туда, куда и следовало ударить. В шейную артерию. Удар был такой тонкий, что она не сбила ритма, а танцуя вывернулась в обратный финт. При этом на нее не попала ни капля крови, хлещущей из шеи Колтуна чуть ли не на сажень. Амарантовый, оказавшийся позади нее, хотел рубануть Цири по шее, но удар предательского меча пришелся на молниеносный ответный выпад выброшенного за спину клинка. Цири развернулась как пружина, ударила обеими руками, увеличив силу удара резким разворотом бедер. Темный, острый как бритва гномий клинок, шипя и чмокая, распорол Амарантовому живот, тот взвыл и рухнул на песок, тут же свернувшись в клубок. Конская Шкура, подскочив, ткнул было девушку острием в горло, но она мгновенно вывернулась в вольте, мягко обернулась и коротко резанула его серединой клинка по лицу, вспоров глаз, нос, рот и подбородок.

Зрители орали, свистели, топали и выли. Маркиза де Нэменс-Уйвар засунула обе руки между стиснутыми ляжками, облизывала губы и смеялась пропитым нервным контральто. Нильфгаардский ротмистр тыла был бледен как веленевая

бумага. Какая-то женщина пыталась прикрыть глаза вырывающемуся ребенку. Седой старичок в первом ряду бурно и громко извергал содержимое желудка, покрывая блевотиной песок между ногами.

Конская Шкура рыдал, ухватившись за лицо, из-под пальцев струилась смешанная со слюной и слизью кровь. Амарантовый дергался на песке и визжал свиньей. Колтун перестал царапать бревно, скользкое от крови, брызгавшей из него в такт биениям сердца.

– Спаааасиитее! – выл Амарантовый, судорожно пытаясь удержать вываливающиеся из живота внутренности. – Ребееебееебеятаа! Спаааасите!

– Пиии… тхи… бхиии, – блевался и сморкался кровью Конская Шкура.

– У-бей е-го! У-бей е-го! – скандировала жаждущая хлеба и зрелищ публика, ритмично топая. Блюющего старичка спихнули со скамьи и пинками угнали на галерку.

– Ставлю бриллианты против орехов, – прогремел среди крика и ора насмешливый бас Бонарта, – что больше никто не отважится выйти на арену. Бриллианты против орехов, Имбра! Да что там – даже против ореховой скорлупы!

– У-бей! – Рев, топанье, аплодисменты. – У-бей!

– Милостивая дева! – выкрикнул Виндсор Имбра, жестами призывая подчиненных. – Дозволь раненых забрать! Дозволь выйти на арену и забрать, прежде чем они кровью истекут и помрут! Прояви человечность, милостивая дева!

– Человечность?! – с трудом повторила Цири, чувствуя, что только теперь она по-настоящему начинает закипать. Она быстро привела себя в норму серией выученных вдохов-выдохов. – Войдите и заберите. Но войдите без оружия. Будьте и вы человечны. Хотя бы раз!

– Не-е-е-ет! – рычала и скандировала толпа. – У-бить! У-бить!

– Вы – подлые скоты! – Цири, танцуя, развернулась, ведя глазами по трибунам и скамьям. – Вы – подлые свиньи! Мерзавцы! Паршивые сукины дети! Идите сюда, спуститесь, попробуйте и понюхайте! Вылижите кровь, пока не застыла! Скоты! Вампиры!

Маркиза охнула, задрожала, закатила глаза и мягко привалилась к Бонарту, не вынимая зажатых между ляжками рук. Бонарт поморщился и отодвинул ее от себя, вовсе и не помышляя о деликатности. Толпа выла. Кто-то бросил на арену огрызок колбасы, другой – ботинок, третий – огурец, целясь при этом в Цири. Она на лету рассекла огурец ударом меча, вызвав тем самым еще более громкий взрыв рева.

Виндсор Имбра и его люди подняли Амарантового и Конскую Шкуру. Амарантовый зарычал. Конская Шкура потерял сознание. Колтун и Ставро вообще не подавали признаков жизни. Цири отступила так, чтобы быть как можно дальше. Насколько позволяла арена. Люди Имбры тоже старались держаться от нее в стороне.

Виндсор Имбра не двигался. Он ждал, пока вытащат раненых и убитых. Он смотрел на Цири из-под полуприкрытых век, держа руку на рукояти меча, который, несмотря на обещание, не отвязал, выходя на арену.

– Не надо, – предостерегла она, едва заметно шевеля губами. – Не вынуждай меня. Прошу.

Имбра был бледен. Толпа топала, орала и выла.

– Не слушай ее, – снова перекрыл рев и гам Бонарт. – Достань меч. Иначе весь мир узнает, что ты трус и засранец! От Альбы до Яруги будет известно, что доблестный Виндсор Имбра удрал от малолетней девчонки, поджав хвост, словно дворняга!

Клинок Имбры на один дюйм выдвинулся из ножен.

– Не надо, – сказала Цири.

Клинок спрятался.

– Трус! – заорал кто-то из толпы. – Дерьмоед! Заячья жопа!

Имбра с каменным выражением лица подошел к краю арены. Прежде чем ухватиться за протянутые сверху руки, оглянулся еще раз.

– Ты наверняка знаешь, что тебя ждет, девка, – сказал он тихо. – Наверняка уже знаешь, что такое Лео Бонарт. Наверняка уже знаешь, на что Лео Бонарт способен. Что его возбуждает. Тебя будут выталкивать на арену! Ты будешь убивать на потеху таким свиньям и сволочам, как все эти сидящие вокруг хари. И на потеху тем, кто еще хуже них. А когда уже то, что ты убиваешь, перестанет их тешить, когда Бонарту надоест мучить тебя, тогда он тебя убьет. Они выпустят на арену столько бойцов, что ты не сумеешь прикрыть спину. Или выпустят собак. И собаки тебя растерзают, а чернь в зале будет вдыхать сладостный аромат крови, и колотить в ладони, и орать «фора!». А ты подохнешь на испоганенном песке. Подохнешь точно так, как сегодня умирали те, которых посекла ты. Ты вспомнишь мои слова.

Странно, но только теперь она обратила внимание на небольшой гербовый щит на его эмалированном ринграфе.

Серебряный, поднявшийся на дыбы единорог на черном поле.

Единорог.

Цири опустила голову. Она глядела на украшенный орнаментом клинок меча.

И вдруг сделалось очень тихо.

– Ради Великого Солнца, – неожиданно проговорил молчавший до того Деклан Рос аэп Маэльглыд, нильфгаардский ротмистр тыла. – Не делай этого, девушка. Ne tuv'en que'ss, luned!

Цири медленно перевернула Ласточку в руке, уперла головку в песок. Согнула колено. Придерживая оружие правой рукой, левой точно нацелила острие себе под грудину. Острие мгновенно пробило одежду, кольнуло.

«Только б не разреветься, – подумала Цири, сильнее напирая на меч. – Только не плакать. Плакать не по кому и не над чем. Одно сильное движение – и всему конец… Всему…»

– Не сумеешь, – раздался в полной тишине голос Бонарта. – Не сумеешь, ведьмачка! В Каэр Морхене тебя научили убивать, поэтому ты убиваешь как машина. Рефлекторно. А для того чтобы убить себя, требуются характер, сила, решимость и отвага. А этому они не могли тебя научить.

– Как видишь, я не смогла, он оказался прав, – с трудом сказала Цири. – Не смогла.

Высогота молчал, держа в руке шкурку нутрии. Неподвижно. Уже давно. Он почти забыл о ней.

– Я струсила. Струсила. И заплатила за это. Как платит трус. Болью, позором, паскудным унижением. И жутким отвращением к себе самой.

Высогота молчал.

* * *

Если б в ту ночь кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся стрехой и заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатушке седобородого старика и пепельноволосую девушку, сидящих у камина. Заметил бы, что они молчат, уставившись в светящиеся рубином угли.

Но этого увидеть не мог никто. Хата с провалившейся, заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманом и испарениями на бескрайних болотах и трясинах Переплюта, куда никто не отваживался заходить.

Кто прольет кровь человеческую,
того кровь прольется рукою человека.

Бытие, 9:6

Многие из живущих
заслуживают смерти, а многие из

умерших – жизни. Ты можешь вернуть им ее? То-то же. Тогда не спеши осуждать и на смерть. Никому, даже мудрейшему из мудрых, не дано видеть все хитросплетения судьбы.

Дж. Р.Р. Толкин

Воистину, великая надобна самоуверенность и великая ослепленность, дабы кровь, стекающую с эшафота, именовать правосудием.

Высогота из Корво

Глава пятая

– Чего вы ищете на моей земле? – повторил вопрос Фулько Артевельде, префект из Ридбруна, уже явно обеспокоенный затянувшейся тишиной. – Откуда прибыли? Куда направляетесь? С какой целью?

«Вот так кончаются игры в добрые намерения, – подумал Геральт, глядя на иссеченное загрубевшими шрамами лицо префекта. – Так кончаются благородные порывы дурного ведьмака, проявившего сочувствие к банде заросших грязью лесных людей. Так заканчиваются желания обрести удобство и ночлег в заезжих дворах, в которых обязательно сыщется шпик. Таковы печальные последствия странствований с болтуном-виршеплетом на шее. И вот сижу я теперь в напоминающей камеру безоконной конуре, на жестком, прибитом к полу стуле для допрашиваемых, а спинка этого стула, чего невозможно не заметить, снабжена захватами и кожаными ремешками для укрепления рук и фиксации шеи. Правда, пока что ими не воспользовались, но они есть.

И как же, черт побери, теперь выпутаться из этой истории?»

Проблуждав пять дней с зареченскими бортниками, они наконец-то выбрались из лесной пущи и вышли на заболоченные кустарники. Дождь прошел, ветер разогнал испарения и легкий туман, солнце пробилось сквозь тучи, и в лучах солнца заиграли снежной белизной вершины гор.

Если еще не так давно Яруга была для них той четкой линией, границей, пересечение которой казалось явным переходом к дальнейшему, более серьезному этапу похода, то теперь они еще сильнее почувствовали, что приближаются к черте, барьеру, грани, к тому месту, с которого можно только отступать. Это чувствовали все и в первую очередь сам Геральт – ничего иного почувствовать было невозможно, когда с утра до вечера перед твоими глазами вздымается на юге и загораживает путь могучая, зубчатая, горящая снегами и ледниками горная цепь. Горы Амелл. И возвышающийся даже над зубастой пилой Амелла грозный и величественный, граненый, словно острие кинжала, обелиск Горгоны. Горы Дьявола. Они не обсуждали эту тему, но Геральт чувствовал, что думают о ней все. Потому что и ему при взгляде на цепь Амелла и Горгону мысль о продолжении похода на юг тоже казалась чистейшей воды сумасшествием.

К счастью, вдруг оказалось, что больше на юг идти не придется.

Известие принес кудлатый лесной бортник, из-за которого последние пять дней им выпала роль вооруженного эскорта. Тот самый супруг и отец пригожих гамадриад, рядом с которыми сам он смотрелся как кабан при кобылах. Тот самый, который пытался обмануть их, утверждая, будто друиды из Каэд Дху отправились на Стоки.

Случилось это на следующее утро после прибытия в многолюдный как муравейник городок Ридбрун, который был целью движения бортников и трапперов из Заречья. То есть на следующий день после прощания с эскортируемыми бортниками, которым ведьмак больше нужен не был, а поэтому он никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из них. Тем большим было его удивление.

Большим, потому что бортник начал с пространного извития слов, благодарностей, а окончил тем, что вручил Геральту мешок, полный денег, в основном мелочи. Его ведьмачьей платы. Он принял, чувствуя на себе немного насмешливые взгляды Регис и Кагыра, которым не раз во время похода жаловался на неблагодарность человеческую и подчеркивал безмерную глупость руководившего им бескорыстного альтруизма.

И тогда возбужденный бортник прямо-таки выкрикнул новость: «Того-этого, омельники, стало быть, друиды, сидят, господин ведьмак, того-этого, в дубравах над озером Лок Мондуирн, кое находится, того-этого, в тридцати пяти милях к западу отседова».

Сведения эти бортник добыл в пункте скупки меда и воска у проживающего в Ридбруне родственника, а родственник тот, в свою очередь, получил сию информацию от знакомого, искателя алмазов. Когда же бортник узнал о друидах, он что есть духу помчался, чтобы, того-этого, уведомить. И теперь аж весь излучал счастье, пылал гордостью и чувством значимости, как любой враль, вранье которого случайно оборачивается правдой.

Вначале Геральт намеревался было двинуться к Лок Мондуирну незамедлительно, но компания активно воспротивилась. Располагая деньгами бортников, заявили Регис и Кагыр, и находясь в таком месте, где торгуют всем, надлежит пополнить запасы провизии и снаряжения. И подкупить стрел, добавила Мильва, потому как от нее постоянно требуют дичи, а не станет же она стрелять оструганными щепками. И хотя бы одну ночь, заметил Лютик, переспать в гостинице, улегшись в постель, предварительно искупавшись и с приятственным пивным шумком в голове.

Друиды – признали все хором – не волки, в лес не убегут.

– Хоть это полное и неожиданное стечение обстоятельств, –

добавил со странной улыбкой вампир Регис, – но наша команда оказалась на совершенно верном пути движения в совершенно верном же направлении. А посему нам бесспорно и однозначно предначертано к друидам попасть. День либо два задержки значения не имеют. Что же до поспешности, – философически добавил он, – то ощущение, будто время зверски торопит, обычно является сигналом тревоги, обязывающим попридержать темп, действовать помалу и с соответствующей обдуманностью.

Геральт не возражал и не скандалил. Против философских умозаключений вампира не выступал, хотя навещавшие его по ночам странные видения все же склоняли к поспешанию. Независимо от того, что сути этих сновидений он после пробуждения вспомнить не мог.

Было семнадцатое сентября, полнолуние. До осеннего Эквинокция оставалось шесть дней.

Мильва, Регис и Кагыр вызвались закупить провиант и укомплектовать снаряжение. Геральту же и Лютику выпало провести разведку в Ридбруне и «взять языка».

Лежащий в излучине реки Нэви Ридбрун когда-то был городком небольшим, если считать городком только плотную деревянную и кирпичную застройку внутри кольца ощетинившихся частоколом земляных валов. Но плотная застройка внутри кольца валов составляла лишь центр города, и здесь жить могло не более десятой части населения. Девять же десятых обитали в шумном море охвативших валы хат, халуп, шалашей, будок, сараев, палаток и фургонов, выполняющих роль жилья.

За чичероне ведьмаку и поэту служил родственник бортника, молодой, плутоватый и нагловатый субъект, типичный представитель здешних шалопаев, родившийся в канаве, в дюжине канав валявшийся и не раз в них же утолявший жажду. В городском шуме, толкотне, грязи и вони он чувствовал себя как форель в хрустальной горной быстрине, а возможность сопровождать кого-то по своему отвратительному городишку его явно радовала. Не обращая внимания на тот факт, что его никто ни о чем не спрашивает, парнишка активно давал пояснения. Оказывается, Ридбрун является важным этапом для нильфгаардских поселенцев, направляющихся на север за обещанными императором наделами: как-никак, четыре лана, или, легко сосчитать, пятьсот морг.[9] К тому же десятилетнее освобождение от податей и налогов. Ридбрун лежит в устье долины реки Нэви, пересекающей горы Амелл и идущей через перевал Теодуль, соединяющий Стоки и Заречье с Маг Тургой,

Гесо, Метинной и Мехтом, территориями, уже давно подчиненными Нильфгаардской империи. Город Ридбрун, объяснял сорванец, для поселенцев – последнее место, где еще можно рассчитывать на что-то большее, нежели только на себя, на свою бабу и на то, что уместилось на телегах. Поэтому-то большинство поселенцев довольно долго стоят под городом, набираясь духа для последнего рывка к Яруге и за Яругу. А многие из них, добавил парень с гордостью канавного патриота, остаются в городе навсегда, потому что город этот – ого-го! – культура, не какое-то тебе деревенское, провонявшее навозом захолустье.

Сказать по правде, Ридбрун тоже здорово вонял, в том числе и навозом.

Геральт несколько лет назад побывал здесь, но теперь городка не узнавал. Очень многое изменилось. В былые времена здесь не шаталось столько конников в черных латах и плащах с серебряными эмблемами на нарукавниках. В былые времена под городом не было и каменоломен, в которых ободранные, грязные, истощенные донельзя и окровавленные люди ломали камень на плиты и дробили на щебень, подгоняемые палками одетых в черное надсмотрщиков.

– Здесь стоит много нильфгаардского войска, – пояснил мальчишка, – но не постоянно, а только на время перерыва в переходах и преследовании партизан из организации «Вольные Стоки». Сильный нильфгаардский гарнизон сюда пришлют, когда уже на месте старого города будет возведена большая каменная крепость из того камня, который добывают в каменоломнях. Камень же ломают военнопленные. Из Лирии, Аэдирна, последнее время из Соддена, Бругге, Ангрена. И из Темерии. Здесь, в Ридбруне, вкалывают сотни четыре пленных. Добрых пять сотен работают на рудниках, приисках и в карьерах вокруг Бельхавена, а свыше тысячи строят мосты и ровняют дороги на перевале Теодуль.

На городском рынке и во времена Геральта тоже стоял эшафот, но не столь пышный. Не было на нем такого количества вызывающих мерзкие ассоциации приспособлений, а на шибеницах, кольях, вилах и шестах не висело и не торчало столько вызывающих отвращение и разлагающихся декораций.

– Это все господин Фулько Артевельде, недавно назначенный армейскими властями префект, – пояснил сорванец, глядя на эшафот и украшающие его детали человеческой анатомии. – Это опять же господин Фулько послал кого-то к палачу. Шутки шутить с господином Фулько нельзя. Это свирепый господин.

Знакомец паренька, искатель алмазов, которого они нашли

на постоялом дворе, не произвел на Геральта приятного впечатления, поскольку пребывал в том дрожаще-бледном, полутрезво-полупьяном, полуреальном и близком к сонному умопомрачению состоянии, в которое повергает человека беспробудная пьянка. У ведьмака мгновенно упало сердце. Походило на то, что сенсационные сообщения о друидах могли иметь источником обычную *delirium tremens.*[10]

Перепившийся искатель алмазов отвечал – как ни странно! – на вопросы вполне осмысленно, замечание Лютика о том, что не очень-то он похож на искателя алмазов, искатель остроумно отвел, сказав, что как только найдет хоть один алмаз, то сразу же будет походить. Место пребывания друидов над озером Мондуирн он назвал конкретно и точно, без фантастических украшательств и дутой мифоманской манеры. Позволил себе спросить, чего это собеседники ищут у друидов, а когда ему ответило презрительное молчание, предупредил, что появление в друидских дубравах равносильно верной смерти, поскольку друиды взяли за правило пришельцев хватать, засовывать в куклу, именуемую Ивовой Бабой, и сжигать живьем под сопровождение молитв, пения и заклинаний. Из рассказа следовало, что безосновательные слухи и глупые суеверия постоянно сопровождали друидов, четко выдерживая дистанцию в полстае.

Дальнейшую беседу прервали девять вооруженных гизармами солдат в черной форме, со знаками солнца на нарукавниках.

– Вы есть, – спросил командовавший солдатами унтер-офицер, похлопывая себя по лодыжке дубовой палкой, – ведьмак по имени Геральт?

– Да, – после недолгого раздумья ответил Геральт. – Мы есть таковые.

– Посему соблаговоляйте проследовать за нами.

– Откуда такая уверенность, что я… соблаговоляю? Я что, арестован?

Унтер долго молча и, казалось, бесконечно глядел на него и глядел странно, как-то без всякого уважения. Было ясно, что восемь сопровождающих его солдат дают ему основание смотреть именно так.

– Нет, – ответил он наконец. – Вы не арестованы. Арестовывать приказа не было. Если б такой приказ был, я б вас по-другому спрашивал, глубокоуважаемый господин. Са-а-авсем по-другому.

Геральт поправил пояс, на котором висел меч. Поправил достаточно демонстративно и холодно ответил:

– А я по-другому бы отвечал.

– Ну-ну, господа, – решил вступить в разговор Лютик,

изобразив на лице нечто такое, что, по его мнению, было улыбкой опытнейшего дипломата. – К чему такой тон? Мы люди порядочные, опасаться властей нам нет резона, более того, мы с удовольствием содействуем властям. Всякий раз, как выпадает такая оказия, разумеется. Но, учитывая сказанное, хотелось бы и нам от власти видеть то же, не правда ли, господин военный? Хотя бы столь мизерную вещь, как разъяснение причины желания урезать наши и без того урезанные гражданские свободы.

– Война, господин, – ответил унтер, которого ничуть не смутил поток лютиковой речи. – Свободы, как следует из самого названия, существуют во время мира. А причины вам разъяснит господин префект. Я выполняю приказы, и давайте не будем вступать со мной в дискуссии.

– Что верно, то верно, – согласился ведьмак. – Давайте не будем. Ведите меня в префектуру, господин унтер-офицер. А ты, Лютик, возвращайся к нашим, скажи, что произошло. Делайте, что положено. Уж Регис знает, что именно.

– Так что же вы, господин ведьмак, делаете на Стоках? Чего ищете?

Вопрошавший был плечистым темноволосым мужчиной с лицом, покрытым шрамами и украшенным кожаным лоскутом, прикрывающим левый глаз. В темной улочке вид его циклопьего лица наверняка исторг бы крик ужаса из груди встречных, что послабее. И совершенно напрасно, поскольку это лицо принадлежало господину Фулько Артевельде, префекту Ридбруна, самому старшему рангом стражу законности и порядка во всей округе.

– Чего ищете на Стоках? – повторил самый старший по рангу страж законности и порядка во всей округе.

Геральт вздохнул, пожал плечами, изображая равнодушие.

– Вы же сами знаете ответ на свой вопрос, господин префект. Ведь о том, что я есть ведьмак, как выразился ваш унтер, вы могли узнать исключительно от бортников из Заречья, которые наняли меня для охраны. А поскольку я есть ведьмак, постольку на Стоках ли, где ли еще, я, как правило, ищу возможности заработать. Поэтому перемещаюсь в том направлении, которое указывают мне нанимающие меня хозяева.

– Логично, – кивнул Фулько Артевельде. – По крайней мере по форме. С бортниками вы расстались два дня тому назад. Но намереваетесь продолжать движение на юг в несколько странной компании. С какой целью?

Геральт не опустил глаз, выдержав горящий взгляд единственного ока префекта.

– Я арестован?

– Нет. Пока нет.

– Следовательно, цель и направление моего движения – мое личное дело. Как мне кажется.

– Однако я рекомендовал бы вам говорить честно и откровенно. Ну, хотя бы для того, чтобы доказать, что вы не чувствуете за собой никакой вины и не опасаетесь ни закона, ни стоящих на его страже властей. Попытаюсь повторить вопрос: какова цель вашего похода, ведьмак?

Геральт ненадолго задумался.

– Я пытаюсь добраться до друидов, которые когда-то проживали в Ангрене, а теперь, кажется, соблаговоляли, как опять же выразился бы ваш унтер-офицер, перебраться в эти районы. Это нетрудно будет узнать от бортников, которых я сопровождал.

– Кто-то нанял вас, опасаясь друидов? Неужто защитники природы спалили в Ивовой Бабе одним человеком больше, чем надо?

– Сказки, сплетни, суеверия довольно странно слышать от человека просвещенного. Мне нужна от друидов информация, а не их кровь. Но, честное слово, господин префект, сдается мне, что я уже был достаточно и даже излишне откровенен и показал, что не вижу за собой никакой вины.

– Не о вашей виновности идет речь, во всяком случае, не только о ней. Однако хотелось, чтобы в нашей беседе было больше благожелательности. Вопреки видимости цель этой беседы, в частности, – сохранение жизни вам и вашим спутникам.

– Вы, – не сразу ответил Геральт, – вызвали у меня колоссальное любопытство, господин префект. В частности. Я с искренним вниманием выслушаю ваши пояснения.

– Не сомневаюсь. Будут и пояснения. Но постепенно. Поэтапно. Слышали ли вы когда-либо, господин ведьмак, об институте главного, то есть коронного, свидетеля? Знаете, кто это такой?

– Знаю. Тот, кто, желая избежать ответственности, закапывает своих друзей.

– Ужасное упрощение, – не улыбнувшись, сказал Фулько Артевельде, – впрочем, вполне типичное для нордлинга. Вы часто пробелы в образовании прикрываете саркастическими либо карикатурными упрощениями, которые считаете шутками. Здесь, на Стоках, господин ведьмак, действует закон Империи. Точнее, здесь будет действовать закон Империи, когда мы окончательно выкорчуем широко распространившееся беззаконие. Самым лучшим средством борьбы с беззаконием и бандитизмом является эшафот, который вы, несомненно, видели на рынке. Но порой

себя оправдывает и институт коронного свидетеля.

Он выдержал эффектную паузу. Геральт не прерывал.

– Не так давно, – продолжил префект, – нам удалось поймать в ловушку шайку несовершеннолетних преступников. Бандиты сопротивлялись и погибли…

– Но не все, не так ли? – нагловато догадался Геральт, которому уже начинало надоедать красноречие префекта. – Одного взяли живьем и обещали помиловать, если он станет коронным свидетелем, иначе говоря – стукачом. То есть если он согласится заваливать других. И он завалил меня.

– Чего ради такой вывод? У вас были контакты со здешним преступным миром? Сейчас или раньше?

– Нет. Не было. Ни сейчас, ни раньше. Поэтому простите, господин префект, но все, что сейчас происходит, есть либо тотальное недоразумение, либо блеф. Либо нацеленная на меня провокация. В последнем случае я рекомендовал бы не терять напрасно времени, а перейти к сути дела.

– Мысль о нацеленной на вас провокации, похоже, вас не покидает, – заметил префект, сморщив изуродованную шрамом бровь. – Неужели у вас, несмотря на заверения, все же есть поводы опасаться закона?

– Нет. Зато есть основания опасаться, что борьба с преступностью осуществляется здесь быстро, масштабно и немелочно, без тщательного выяснения – виновен или не виновен. Ну что ж, возможно, это всего лишь карикатурное упрощенчество, типичное для тупого нордлинга. Смею заметить, что нордлинг по-прежнему не понимает, каким образом префект Ридбруна намерен сохранить ему жизнь.

Фулько Артевельде несколько секунд молча рассматривал Геральта. Потом хлопнул в ладоши.

– Ввести ее, – приказал он явившимся солдатам.

Геральт несколькими глубокими вздохами успокоил себя, поскольку неожиданно возникшая мысль заставила его вспотеть, отчаянно забилось сердце. Через секунду ему пришлось еще несколько раз глубоко вздохнуть, пришлось даже – что было уж совсем невероятно! – проделать Знак спрятанной под столом рукой. А результат – не менее невероятно – был нулевой. Его кинуло в жар. И в холод.

Потому что часовые втолкнули в помещение Цири.

– О, гляньте-ка, – сказала Цири, как только ее усадили на стул и сковали руки за спинкой. – Гляньте, что кот приволок!

Артевельде проделал короткое движение рукой. Один из солдат, огромный детина с лицом не очень смышленого ребенка, неторопливо размахнулся и треснул Цири по лицу так, что аж

стул покачнулся.

– Простите ее, милсдарь, – сказал солдат извиняющимся тоном и на удивление мягко. – Молодая, глупая. Дикая.

– Ангулема, – медленно и проникновенно проговорил Артевельде, – я обещал выслушать тебя. То есть выслушать твои ответы на мои вопросы. Твои шуточки я слушать не намерен. За них ты будешь наказана. Поняла?

– Да, дядечка.

Жест. Шлепок. Стул закачался.

– Молодая, – бухнул солдат, потирая руку о бедро. – Дикая…

Из курносого носа девушки – Геральт уже видел, что это не Цири, и не мог надивиться своей ошибке – вытекла тонкая струйка крови. Девушка сильно хлюпнула носом и хищно усмехнулась.

– Ангулема, – повторил префект. – Ты меня поняла?

– Так точно, господин Фулько.

– Кто это, Ангулема?

Девушка снова хлюпнула носом, наклонила голову, вытаращила на Геральта огромные глазищи. Карие, не зеленые. Потом покачала растрепанной гривой светлых волос, непослушными прядками падающими на брови.

– Никогда в жизни его не видела. – Она слизнула с губы кровь. – Но знаю, кто он такой. Впрочем, я вам уже говорила, господин Фулько. Дней десять тому, как он пересек Ярругу и направляется в сторону Туссента. Так иль нет, беловолосый дядечка?

– Молодая она… Дикая, – быстро сказал солдат, с некоторым беспокойством поглядывая на префекта. Но Фулько Артевельде только поморщился и покрутил головой.

– Ты и на эшафоте будешь дурь нести, Ангулема? Ну ладно, пошли дальше. С кем, по-твоему, этот ведьмак Геральт путешествует?

– И тоже я вам это уже говорила. С красавцем по имени Лютик, который трубадурит и лютню с собой таскает. С молодой женщиной, у которой темно-блондинистые волосы, отрезанные по шейку. Ее имени не знаю. И с мужчиной одним, без описания, имя тоже не называлось. Всего их четверо.

Геральт положил подбородок на фаланги пальцев, с любопытством разглядывая девушку. Ангулема не опустила глаз.

– Ну, у тебя и глазищи, – сказала она. – Не глаза – глазяры!

– Дальше, дальше, Ангулема, – поторопил, морщась, господин Фулько. – Кто еще входит в ведьмачью компанию.

– А никто. Я ж сказала – четверо их. Ушей нет, что ль, дядечка?

Жест. Шлепок. Потекло. Солдат помассировал руку о бедро, воздержавшись от замечания о дикости и молодости.

– Лжешь, Ангулема, – сказал префект. – Сколько их, второй раз спрашиваю?

– Как хотите, господин Фулько. Как хотите. Воля ваша. Двести! Триста! Шестьсот!

– Господин префект! – Геральт быстро и резко упредил приказ бить девушку. – Оставим это, если можно. Все, что она сказала, настолько точно, что речь может идти не о лжи, а скорее о недоинформированности. Но откуда у нее эти сведения? Она только что призналась, что видит меня впервые в жизни. Я тоже вижу ее впервые. Ручаюсь.

– Благодарю, – криво глянул на него Артевельде, – за помощь в расследовании. Невероятно ценную помощь. Как только я начну допрашивать вас, рассчитываю на то, что вы окажетесь столь же красноречивы. Ангулема, ты слышала, что сказал господин ведьмак? Говори. Не заставляй себя подгонять.

– Было сказано, – девушка слизнула текущую из носа кровь, – что если донести властям о каком-нито планируемом преступлении, если выдать, кто планирует какое-нито мошенничество, то будет проявлена милость. Ну, вот я и говорю. Или нет? Я знаю о готовящемся преступлении, хочу предотвратить плохой поступок. Слушайте, что я скажу: Соловей и его кодла ожидают в Бельхавене этого вот ведьмака и собираются его там прикончить. Такой контракт заключил с ним один полуэльф, чужой, черт его знает откуда прибывший. Никому не известный. Все сказал этот полуэльф: кто как выглядит, откуда и когда прибудет, в какой компании. Предупредил, что это будет ведьмак, и не какой-то там фраер, а тертый калач, и чтобы они не разыгрывали из себя целочек, а тыркнули его в спину, из самострела пальнули, а еще лучше – отравили, если в Бельхавене он станет чего-нито есть или пить. За это полуэльф дал Соловью деньги. Много денег. А после дела пообещал дать еще больше.

– После дела, – заметил Фулько Артевельде. – Значит, тот полуэльф все еще в Бельхавене? С бандой Соловья?

– Возможно. Этого я не знаю. Уже две недели, как я сбежала из соловьиной ганзы.

– Так вот почему ты их заваливаешь? – усмехнулся ведьмак. – Личные счеты?

Глаза девушки прищурились, припухшие губы презрительно скривились.

– Какое тебе дело до моих с кем-то счетов, дядечка? А тем, что я их закладываю, жизнь тебе спасаю. Разве нет? Надо бы поблагодарить!

– Благодарю. – Геральт снова опередил приказ бить. – Я только хотел заметить, что если это личные счеты, то достоверность твоих слов уменьшается, коронный свидетель. Люди выдают, чтобы спасти свою шкуру и жизнь, но когда хотят отомстить – лгут.

– У нашей Ангулемы нет никаких шансов спасти жизнь, – прервал Фулько Артевельде. – Но шкуру она действительно хочет спасти. Для меня это полностью оправданный мотив. Ну как, Ангулема? Ведь ты хочешь спасти свою шкуру, верно?

Девушка стиснула губы. И явно побледнела.

– Бандитская храбрость, – презрительно проговорил префект. – И дерьмовая… Нападать превышающим числом, грабить слабых, убивать безоружных. Это в вашем духе. А вот взглянуть смерти в лицо – это труднее. На это вы уже не способны.

– Еще посмотрим, – буркнула она.

– Посмотрим, – серьезно согласился Фулько. – И услышим. Все легкие вывернешь наизнанку на эшафоте, Ангулема.

– Ты обещал помилование.

– И сдержу обещание. Если то, что ты сказала, окажется правдой.

Ангулема дернулась на стуле, казалось, указывая на Геральта движением всего тела.

– А это, – взвизгнула она, – что? Не правда? Пусть скажет, что он не ведьмак и не Геральт! Ишь, будет тут шипеть, что мне веры нет! А пусть идет в Бельхавен, так увидит, что я не вру. Утром его труп в канаве найдете. И тогда скажете, что я, мол, не предупредила преступления, а значит, помилование – пшик? Да? Мошенники вы, вот кто! Мошенники – и все тут!

– Не бейте ее, – сказал Геральт. – Пожалуйста.

В его голосе было что-то такое, что на полпути остановило занесенные для удара руки префекта и солдата. Ангулема шмыгнула носом, проницательно глянула на него.

– Спасибо, дядечка. Но бить – невелико дело, коли хотят – пускай бьют. Меня с малолетства били, я уж привыкла. Если и впрямь хочешь быть добрым, то подтверди, что я правду говорю. Пусть сдержит слово. Пусть меня, курва их мать, повесят.

– Заберите ее, – приказал Фулько, жестом удерживая пытающегося протестовать Геральта.

– Она нам больше не нужна, – пояснил он, когда они остались вдвоем. – Я знаю все и поясню вам. А потом попрошу о взаимности.

– Вначале, – голос у ведьмака был холодным, – объясните, в чем суть столь шумного финала, закончившегося дикой просьбой

о повешении. Ведь как коронный свидетель девушка свое дело сделала.

– Еще не сделала.

– То есть?

– Гомер Стрэгген по прозвищу Соловей исключительно опасный разбойник. Жестокий и наглый. Его безнаказанность привлекает других. Я должен с ним покончить. Поэтому пошел на сговор с Ангулемой. Обещал ей, что если в результате ее показаний Соловей будет схвачен, а его шайка разбита, то Ангулема будет повешена.

– Не понял? – Ведьмак был крайне удивлен. – Вот, стало быть, как выглядит институт коронного свидетеля. Взамен за сотрудничество с властями виселица? А за отказ сотрудничать что?

– Кол. С предварительным выдавливанием глаз и вырыванием грудей раскаленными щипцами.

Ведьмак не произнес ни слова.

– Это называется «дать пример ужаса», – продолжал, немного помолчав, Фулько Артевельде. – Действие абсолютно необходимое в борьбе с бандитами. Почему вы сжимаете кулаки так, что слышно, как хрустят суставы? Быть может, вы сторонник гуманного убиения? Вы можете позволить себе такую роскошь, ведь вы в основном боретесь с существами, которые, как бы смешно это ни звучало, тоже убивают гуманно. Я себе такого позволить не могу. Я видел купеческие обозы и дома, ограбленные Соловьем и ему подобными. Я видел, что делали с людьми, добиваясь, чтобы те сказали, где хранятся ценности, либо выдали магические пароли шкатулок и касс. Я видел женщин, у которых Соловей с помощью ножа проверял, не укрыли ли они драгоценности ТАМ. Я видел людей, с которыми делали еще более ужасные вещи исключительно ради разбойничьей потехи. Ангулема, судьба которой так вас тронула, участвовала в таких забавах, это уж точно. Она достаточно долго была в банде. И если б не чистая случайность, если б не то, что она сбежала от них, никто не узнал бы о засаде в Бельхавене, а вы познакомились бы с ней при иных обстоятельствах. Возможно, именно она всадила бы вам в спину бельт из самострела.

– Я не люблю, как это называет один мой друг, сослагательного наклонения. Вам известно, почему она сбежала из шайки?

– Ее показания были туманны, а моих людей не очень-то это интересовало. Но все знают, что Соловей относится к тому разряду мужчин, которые низводят женщин до роли, я бы сказал, первично натуральной. Если иначе у него не получается, он

навязывает женщинам эту роль силой. Сюда, вероятно, прибавились возрастные конфликты. Соловей – мужчина зрелый, а последняя компания Ангулемы – сосунки того же возраста, что и она. Но все это в принципе мне безразлично. А позвольте спросить, почему не безразлично вам? Почему, сразу видно, Ангулема вызывает у вас столь явно выраженные эмоции?

– Странный вопрос. Девушка доносит о покушении на меня, которое по поручению какого-то полуэльфа готовит ее бывшая дружина. Факт уже сам по себе ошеломляющий, поскольку у меня нет никаких застарелых распрей ни с какими полуэльфами. Кроме того, она знает, в какой компании я путешествую. С такими подробностями, как то: что трубадура зовут Лютик, а у женщины отрезана коса. Именно коса-то заставляет меня видеть во всем либо ложь, либо провокацию. Не требуется особое искусство, чтобы поймать и допросить кого-либо из лесных бортников, с которыми я шел последнюю неделю. И быстренько инсценировать…

– Достаточно! – Артевельде саданул кулаком по столу. – Нечего рассусоливать! Получается, что я здесь спектакль устроил? И зачем же? Чтобы обмануть вас, поймать? Да кто вы такой, что так боитесь провокаций и ловушек? Только на воре шапка горит, милостивый государь ведьмак. Только на воре!

– Дайте другое объяснение.

– Нет, это вы мне дайте!

– Сожалею. У меня такового не имеется.

– Я мог бы кое-что подсказать, – саркастически усмехнулся префект. – Но зачем? Поставим вопрос прямо. Меня не интересует, кому и почему вы нужны мертвым. Мне безразлично, откуда у этого «кого-то» о вас такая полная информация до цвета и длины волос включительно. Скажу вам больше: я вообще мог бы не сообщать вам о покушении. Мог бы спокойно отнестись к вашей команде, как к ничего не ведающей приманке на Соловья. Следить, ждать, пока Соловей заглотит крючок, леску, грузило и поплавок. И тогда запросто взять его тепленьким. Потому что нужен мне он, а не вы. А то, что вы к тому времени уже грызли бы землю? Подумаешь! Неизбежное зло, издержки, так сказать, производства.

Он умолк. Геральт не комментировал.

– Видите ли, дражайший господин ведьмак, – продолжал префект, – я поклялся себе, что на этой территории воцарится закон. Любой ценой и любыми методами, *per fas et nefas.*[11] Ибо закон – не юриспруденция, не толстенная книга, забитая параграфами, не философские трактаты, не напыщенные бредни о справедливости, не истрепанная фразеология о морали и этике.

Закон – это безопасные дороги и тракты. Это городские закоулки, по которым можно прогуливаться даже после захода солнца. Это гостиницы и корчмы, из которых можно выйти в сортир, оставив кошелек на столе, а жену у стола. Закон – это спокойный сон людей, знающих, что разбудит их пение петуха, а не красный петух! А для тех, кто закон преступает, – виселица, топор, кол и каленое железо! Наказание, отпугивающее других. Тех, кто закон нарушает, следует хватать и карать. Всеми доступными средствами и методами… Эх, ведьмак, ведьмак! Неодобрение, которое я вижу на вашем лице, относится к цели или методам? Я думаю – к методам! Потому что методы критиковать легко, а в безопасном мире жить-то хочется, а? Ну, говорите.

– Не о чем говорить.

– Я думаю, есть о чем.

– Мне, господин Фулько, – спокойно сказал Геральт, – даже нравится мир вашей картинки и вашей идеи.

– Серьезно? Ваша мина свидетельствует о противном.

– Мир вашей картинки – это мир аккурат для ведьмака. В нем никогда не будет недостатка в работе. Кодексы, параграфы и напыщенную фразеологию о справедливости ваша идея заменяет беззаконием, анархией, самоволием и корыстолюбием принцев и самодуров, она предполагает сверхусердие карьеристов, стремящихся польстить покровителям, слепую мстительность фанатиков, жестокость палачей, реванш и садизм. Ваша картинка – это мир ужаса, мир, в котором люди опасаются выходить в сумерки, боясь не бандитов, а стражей закона, ибо как ни крути, но в результате крупных облав бандиты валом валят в ряды блюстителей порядка. Ваша картинка – это мир взяточничества, шантажа и провокаций, мир коронных и подставных свидетелей. Мир шпионства и признаний, полученных под пытками. Доносительства и страха перед доносом. И неизбежно наступит день, когда в вашем мире, господин префект, станут рвать клещами грудь не того человека, когда повесят либо посадят на кол невинного. Вот тогда-то как раз и наступит мир преступлений и преступников. Короче говоря, – докончил он, – мир, в котором ведьмак будет чувствовать себя как рыба в воде.

– Надо же! – после краткого молчания сказал Фулько Артевельде, потирая прикрытый кожаной нашлепкой глаз. – Идеалист! Ведьмак! Профессионал! Специалист по убийствам! И тем не менее – идеалист. И моралист. Опасное дело при ваших-то занятиях. Знак того, что вы начинаете вырастать из собственной профессии, как малыш из коротких штанишек. Придет день и вы задумаетесь: а стоит ли убивать упыриху, а вдруг это невинная упыриха? А вдруг да в вас заговорила слепая мстительность и

слепой фанатизм? Не желаю вам, чтобы до этого дошло. А если когда-нибудь и дойдет… все равно не желаю. Но ведь вполне возможно, что кто-нибудь самым жестоким и самым садистским образом обидит близкого вам человека, и тогда я с превеликой охотой возвращусь к нашей сегодняшней беседе, к проблематике наказания, соответствующего масштабам преступления. Как знать, сколь категорично отличались бы в тот момент наши взгляды? Но сегодня, здесь, сейчас это не будет предметом рассуждений или споров. Сегодня мы будем говорить о вещах конкретных. И конкретно – о вас.

Геральт слегка приподнял брови.

– Хоть вы иронически отнеслись к моим методам и моему видению мира законности, именно вы займетесь воплощением этой идеи, дорогой мой ведьмак. Повторяю: я поклялся, что те, кто нарушает закон, получат свое. Все. От малыша, который пользуется на рынке сбитым безменом, до мужика, который ограбил где-то на тракте обоз с луками и стрелами, предназначенными для армии. Разбойники, бандиты, воры, грабители, террористы из организации «Вольные Стоки», красиво именуемые бойцами за свободу. И Соловей. Прежде всего Соловей. Соловья должна постигнуть кара, метод – безразличен. Лишь бы скорее. Прежде чем объявят амнистию и он вывернется… Ведьмак, я много месяцев ожидаю чего-то такого, что позволит мне опередить его хоть нанемного. Позволит управлять им, сделать так, чтобы он совершил ошибку, ту единственную, решительную ошибку, которая его погубит. Продолжать, или вы уже угадали? А, ведьмак?

– Угадал. Но продолжайте.

– Таинственный полуэльф, якобы инициатор и подстрекатель покушения на вас, предостерегал Соловья, советовал ему быть осторожным, советовал отбросить беспечность, дурную наглость и фанфаронство. Я знаю – не без повода. Однако предостережение ничего не даст. Соловей совершит ошибку. Он нападет на ведьмака, предупрежденного и готового к обороне. Нападет на ведьмака, который нападения ждет. И это станет концом разбойника Соловья. Я хочу заключить с вами союз, Геральт. Вы будете моим коронным ведьмаком. Не прерывайте. Договор прост: каждая сторона обязуется, каждая выполнит обещание. Вы приканчиваете Соловья, я же взамен… – Он на мгновение умолк, хитро усмехнулся. – Не спрошу, кто вы такие, откуда пришли, куда и зачем направляетесь. Не спрошу, почему один из вас говорит с едва заметным нильфгаардским акцентом, а на другого иногда косятся собаки и лошади. Я не прикажу отнять у трубадура Лютика тубу с записками, не проверю, о чем в них

говорится. А имперскую разведку проинформирую о вас лишь после того, как Соловей будет мертв либо окажется у меня в узилище. Даже позже. Куда спешить? Я дам вам время и шансы.

– Шансы на что?

– Шансы добраться до Туссента. До того смешного сказочного княжества, границ которого даже нильфгаардская контрразведка не осмеливается нарушать. А потом многое может измениться. Будет амнистия. Возможно, будет заключено перемирие за Яругой. Может даже – прочный мир.

Ведьмак долго молчал. Покалеченное лицо префекта было неподвижно. Его единственный глаз пылал.

– Согласен, – сказал наконец Геральт.

– Не торгуясь? Без всяких условий?

– С двумя.

– Как же иначе-то. Слушаю.

– Сначала я должен на несколько дней съездить на запад. К озеру Мондуирн. К друидам, поскольку…

– Ты что, за идиота меня держишь? – прервал Фулько Артевельде, переходя на «ты». – Дурить меня взялся? Какой еще запад? Куда твоя дорога идет, известно каждому. И Соловью тоже. Именно на ней он и устраивает засаду. На юге, в Бельхавене, там, где долину Нэви пересекает долина Сансретур, ведущая к Туссенту.

– Значит ли это…

– …что друидов нет на Лок Мондуирне. Почти месяц. Они по долине Сансретур отправились в Туссент, под крылышко княгини Анарьеты из Боклера, у которой слабинка на разных чудаков, психов и чучел. Она охотно дает таковым прибежище в своем пряничном княжестве. Ты ведь об этом знаешь, ведьмак. Не делай из меня идиота. Не пытайся меня обмануть!

– Не буду, – медленно сказал Геральт. – Даю слово, не буду. Завтра отправлюсь в Бельхавен.

– Ты, случаем, ни о чем не забыл?

– Случаем – не забыл. Мое второе условие: я хочу получить Ангулему. Устроишь для нее персональную амнистию и выпустишь из темницы. Коронному ведьмаку нужен твой коронный свидетель. Ну, быстро, согласен или нет?

– Согласен, – почти тут же ответил Фулько Артевельде. – У меня нет выхода. Ангулема – твоя. Я ведь знаю, что ты согласился на сотрудничество со мной исключительно ради нее.

Ехавший рядом с Геральтом вампир слушал внимательно, не прерывал. Ведьмак не ошибся в его проницательности.

– Нас пятеро, а не четверо, – быстро подвел он итог, как

только Геральт окончил рассказ. – Мы путешествуем впятером с конца августа, впятером пересекли Яругу. А косу Мильва отрезала только в Заречье. Всего неделю назад. Твоя светловолосая протеже знает о косе Мильвы. Но не сумела досчитать до пяти. Странно.

– Неужто самое странное во всей этой странной истории?

– Отнюдь. Самое странное – Бельхавен. Городок, в котором якобы устроили на нас засаду. Городок, лежащий глубоко в горах, на пути по долине Нэви и перевалу Теодуль…

– Куда мы вовсе и не собирались, – докончил ведьмак, подгоняя начавшую было отставать Плотву. – Три недели назад, когда этот Соловей-разбойник принимал от какого-то полуэльфа заказ «умочить» меня, мы были в Ангрене, собирались в Каэд Дху, опасаясь болот Ийсгита. Мы даже не знали, что нам придется пересекать Яругу. Черт возьми, мы еще сегодня утром не знали…

– Знали, – прервал его вампир. – Мы знали, что ищем друидов. И сегодня, и три недели назад. Этот таинственный полуэльф организует засаду на дороге к друидам, уверенный, что именно по этой дороге мы поедем. Он просто…

– …лучше нас знает, куда эта дорога ведет, – подхватил Геральт. – Откуда он это знает?

– Надо его спросить. Поэтому ты и согласился на предложение префекта, верно?

– Верно. Надеюсь, мне удастся перекинуться парой слов с таинственным господином полуэльфом, – неприятно ухмыльнулся Геральт. – Однако, прежде чем это произойдет… Слушай, а тебе не приходили в голову какие-нибудь объяснения? Что-нибудь такое… вроде…

Вампир некоторое время молча глядел на него.

– Не нравится мне то, что ты говоришь, Геральт, – сказал он наконец. – Не нравится мне то, что ты думаешь. Я считаю эту мысль недостойной, поспешной, непродуманной, вытекающей из предубеждения и неприязни.

– Тогда чем же объяснить…

– Чем-нибудь другим. – Регис прервал его тоном, которого раньше Геральт у него не замечал. – Чем угодно, только не этим. К примеру, не думаешь ли ты, что твоя светловолосая протеже попросту лжет?

– Ну-ну, дядечка! – воскликнула Ангулема, ехавшая за ними на муле по имени Драакуль. – Не копай, коли не знаешь где!

– Я тебе не дядечка, милое дитя.

– А я тебе не милое дитя, дядечка!

– Ангулема, – повернулся в седле ведьмак. – Замолкни.

– Как прикажешь. – Ангулема мгновенно успокоилась. – Тебе

вольно приказывать. Ты меня выволок из дыры, вырвал из Фулькиных когтей. Тебя я слушаюсь, ты атаман, главарь ганзы…

– Замолчи, пожалуйста.

Ангулема заворчала себе под нос, перестала подгонять Драакуля и отстала, тем более что Регис и Геральт поехали быстрее, догоняя едущих в авангарде Лютика, Кагыра и Мильву.

Они направлялись к горам вдоль берега Нэви, быстро катящей по камням и порогам свои мутные и желто-коричневые после недавних дождей воды. Дорога не пустовала. Довольно часто они встречали или обгоняли эскадроны нильфгаардской кавалерии, одиноких всадников, телеги поселенцев и вереницы купеческих фур.

На юге все ближе и грозней вздымались горы Амелл. И остроконечная игла Горгоны, Горы Дьявола, тонущая в облаках, быстро заволакивающих небо.

– Когда ты им скажешь? – спросил вампир, взглядом указывая на едущую впереди тройку.

– На стоянке.

Лютик был первым, кто заговорил, когда Геральт кончил рассказывать.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сказал он. – Эта девушка, Ангулема, так охотно и беззаботно присоединившаяся к нашей команде, – бандитка. Чтобы спасти ее от наказания, к тому же заслуженного, ты согласился сотрудничать с нильфгаардцами. Позволил им нанять себя. И не себя одного, но всех нас сдал внаем. Все мы должны помочь нильфам схватить либо прикончить какого-то местного разбойника. Короче, ты, Геральт, стал нильфгаардским наемником, охотником за наградами, платным убийцей. А мы возвысились до уровня твоих пособников… Или прислужников…

– У тебя невероятный талант к упрощениям, Лютик, – буркнул Кагыр. – Или ты и впрямь не понимаешь, в чем дело? Или треплешь языком ради самой трепотни?

– Заткнись, нильфгаардец! Геральт, ну?

– Начнем с того, – ведьмак кинул в костер палочку, которой играл долгое время, – что никто не обязан мне помогать. Я вполне могу управиться один. Без пособников и прислужников.

– А ты бравый мужик, дядечка, – бросила Ангулема. – Но ганза Соловья – это двадцать и четыре добрых молодца, они даже ведьмака так просто не испугаются, а ежели разговор о мечах, то – если даже то, что о ведьмаках болтают, правда – никто в одиночку не устоит против двух дюжин. Ты спас мне жизнь, потому я и отплачу тебе тем же. Предостережением. И помощью.

– Ганза, ганза, что за штука, черт побери, эта ганза?

– Aen hanse, – пояснил Кагыр, – это на нашем языке вооруженный отряд, но такой, членов которого связывают узы дружбы…

– Компания?

– Вот именно. Слово, как я вижу, вошло в местный жаргон…

– Ганза – это ганза, – прервала Ангулема. – А по-нашему – вольница или орава. О чем тут говорить? Я предупреждаю серьезно: одному против всей ганзы не устоять. К тому же еще не зная ни Соловья, ни кого-нибудь другого в Бельхавене и округе. Ни врагов, ни друзей или соратников. Не зная дорог, ведущих к городу, а ведут туда различные пути. Я говорю так: в одиночку ведьмаку не управиться. Не знаю, какие у вас обычаи в моде, но я ведьмака одного не оставлю. Он меня, как сказал дядечка Лютик, охотно и беззаботно принял в вашу дружину, хоть я и бандитка. Хоть у меня все еще волосы тюрягой воняют, некогда было умываться… Ведьмак, и никто другой, меня из этой тюри вытащил на дневной свет. За это я ему благодарна. Поэтому одного его не оставлю. Провожу до Бельхавена, до Соловья и того полуэльфа. Вместе с ним иду.

– Я тоже, – тут же сказал Кагыр.

– И я тож, – кратко как отрезала бросила Мильва.

Лютик прижал к груди тубу с рукописями, с которой последнее время не расставался даже ненадолго. Опустил голову. Было видно, что он борется с собственными мыслями. И мысли берут верх.

– Не мучайся, поэт, – мягко сказал Регис. – Стыдиться тут нечего. К тому, чтобы участвовать в кровавом бое на мечах и ножах, ты пригоден еще меньше, чем я. Не учили нас калечить ближних своих железом. Кроме того… Кроме того, я… – Он поднял на ведьмака и Мильву блестящие глаза. – Трус. Если не заставят обстоятельства, я не хочу больше испытывать то, что мы испытали тогда на пароме и мосту. Никогда. Поэтому прошу исключить меня из боевой группы, идущей на Бельхавен.

– С того парома и моста, – глухо проговорила Мильва, – ты вытащил меня на закорках, когда у меня слабота ноги отняла. Был бы там заместо тебя какой-нито трус, то бросил бы меня и сбёг. Но там не оказалось труса. Зато был ты, Регис.

– Хорошо сказано, тетечка, – убежденно проворчала Ангулема. – Я не очень-то догадываюсь, в чем дело, но сказано здорово.

– Никакая я тебе не тетечка! – Глаза Мильвы зловеще сверкнули. – Гляди, девка! Еще раз так обзовешь, увидишь!

– Что увижу?

– Тихо! – как пролаял ведьмак. – Довольно, Ангулема. Да и вас всех, похоже, давно пора призвать к порядку. Кончилось время блужданий наугад к горизонту: мол, а вдруг да там, за горизонтом, что-нибудь есть. Пришел час конкретных действий. Час резать глотки. Потому что наконец-то есть кому резать. А кто до сих пор еще не понял, пусть поймет – наконец-то на расстоянии вытянутой руки перед нами конкретный враг. Полуэльф, который жаждет нашей смерти, а значит, является агентом враждебных нам сил. Благодаря Ангулеме мы предупреждены, а предупрежденный – это вооруженный, как гласит поговорка. Я должен добраться до этого полуэльфа и выжать из него, по чьему приказу он действует. Теперь-то ты наконец понял, Лютик?

– Похоже, – спокойно сказал поэт, – я понял гораздо больше и лучше, чем ты. Без всякого «добирательства» и «выжимательства» я догадался, что этот таинственный полуэльф действует по приказу Дийкстры, которого ты на моих глазах охроматил, прости за неологизм, раздолбав ему сустав в щиколотке. После доклада маршала Виссегерда Дийкстра, несомненно, считает нас нильфгаардскими шпионами. А после нашего бегства из корпуса лирийских партизан королева Мэва, конечно же, добавила несколько пунктов к перечню наших преступлений…

– Ошибаешься, Лютик, – тихо вставил Регис. – Не Дийкстра. И не Виссегерд. И не Мэва.

– Тогда кто же?

– Еще рано и преждевременно делать выводы.

– Точно, – холодно процедил ведьмак. – Поэтому ситуацию следует изучить на месте. А выводы сделать в результате личных наблюдений.

– А я, – не сдавался Лютик, – продолжаю считать, что твоя идея глупая и рискованная. Хорошо, что нас предупредили о засаде, что мы знаем о ней. А коли знаем, то давайте обойдем ее широкой дугой. Пусть их эльф или полуэльф ждет нас сколько его душе угодно, а мы поспешим своим путем…

– Нет! – прервал ведьмак. – Конец обсуждениям, дорогие мои. Конец анархии. Пришло время нашей… хм, ганзе получить наконец вожака.

Все, не исключая Ангулемы, смотрели на него в напряженном молчании.

– Я, Ангулема и Мильва, – сказал он, – едем в Бельхавен. Кагыр, Регис и Лютик сворачивают в долину Сансретур и едут в Туссент.

– Нет, – быстро среагировал Лютик, сильнее прижимая к груди свою тубу. – Ни за что. Я не могу…

– Заткнись. Это не диспут. Это приказ главаря ганзы! Вы едете в Туссент: ты, Регис и Кагыр. Там ожидаете нас.

– Туссент для меня смерть, – без всякой напыщенности проговорил трубадур. – Как только меня узнают в Боклере, в замке, со мной будет покончено. Должен вам признаться…

– Не должен, – грубо прервал ведьмак. – Слишком поздно. Ты мог выйти из игры, но не захотел. Ты остался в дружине. Чтобы спасти Цири. Не так?

– Так.

– Поэтому поедешь с Регисом и Кагыром в долину Сансретур. Подождете нас в горах, не переходя границы Туссента. Но если… в крайнем случае вам придется границу пересечь. Потому что в Туссенте, кажется, сидят друиды. Те, что из Каэд Дху, знакомые Региса. Так вот, в крайнем случае вы сами добудете у друидов информацию и отправитесь за Цири… одни.

– Что значит – одни? Ты предполагаешь…

– Я не предполагаю, а учитываю вероятность. Так называемый «крайний случай». Неожиданность, если тебе так больше нравится. Возможно, все пройдет гладко и у нас не будет нужды показываться в Туссенте. Но в случае чего… Важно, что в Туссент за нами не двинется нильфгаардская погоня.

– Верно, не двинется, – вклинилась Ангулема. – Очень даже странно, но Нильфгаард уважает рубежи Туссента. Я тоже однажды там от преследования укрывалась. Но тамошние рыцари не чище Черных. Изысканные, любезные на словах, но скорые на меч и копье. А границы патрулируют неустанно. Себя именуют Блуждающими, нет – Странствующими рыцарями. Ездят в одиночку, по двое или по трое. И изничтожают вольницу. То есть нас. Одно в твоих планах надо изменить, ведьмак.

– Именно?

– Если мы думаем двинуть к Бельхавену и схватиться с Соловьем, то со мной поедешь ты и господин Кагыр. А тетечка пусть едет с ними.

– Это почему же? – Геральт жестом сдержал Мильву.

– Для такой работы нужны парни. Ну, чего ты напузырилась, тетечка? Я знаю, что говорю! Если понадобится, возможно, придется больше действовать на испуг, чем одной силой. А никого из ганзы Соловья не испугаешь тройкой, в которой на одного мужика приходятся две бабы.

– С нами поедет Мильва. – Геральт стиснул плечо не на шутку разъяренной лучницы. – Мильва, а не Кагыр. С Кагыром я ехать не хочу.

– Это почему? – почти одновременно спросили Ангулема и Кагыр.

– Вот именно, – медленно проговорил Регис. – Почему?

– Потому что не доверяю ему, – кратко заявил ведьмак.

Наступившее молчание было неприятным, тяжелым, чуть ли не липким. От леса, на опушке которого расположились лагерем купеческий обоз и группа других путешествующих, долетали возбужденные голоса, крики и пение.

– Объясни, – выдавил наконец Кагыр.

– Кто-то нас предал, – сухо сказал ведьмак. – После разговора с префектом и откровений Ангулемы в этом сомневаться нельзя. А если как следует задуматься, то приходишь к выводу, что предатель находится среди нас. И для того, чтобы угадать, кто он, вовсе нет нужды долго задумываться.

– Сдается мне, – насупил брови Кагыр, – ты позволил себе намекнуть, что этот предатель – я?

– Не скрываю, – голос у ведьмака был холоден, – такая мысль мне действительно пришла в голову. Многое на это указывает. И это многое бы объяснило. Очень многое.

– А не кажется ли тебе, Геральт, – сказал Лютик, – что ты заходишь несколько далековато?

– Пусть говорит, – напыжился Кагыр. – Пусть говорит. Пусть не сдерживается.

– Нас удивляло, – Геральт прошелся взглядом по лицам спутников, – как можно было ошибиться в подсчетах. Вы знаете, о чем я. О том, что нас четверо, а не пятеро. Мы думали, что кто-то попросту обсчитался – таинственный полуэльф, Соловей-разбойник либо Ангулема. Ну а если отбросить версию ошибки? Тогда напрашивается следующая версия: дружина насчитывает пятерых человек, но Соловей должен убить только четверых. Потому что пятый – союзник бандитов. Тот, кто постоянно информирует их о перемещениях дружины. С самого начала, с того момента, когда, выхлебав известный нам всем рыбный суп, сформировалась группа, приняв в свой состав нильфгаардца. Того самого, который должен схватить Цири и отдать ее в руки императора Эмгыра, поскольку от этого зависят его жизнь и дальнейшая карьера…

– Выходит все же, я не ошибся, – медленно процедил Кагыр. – Все-таки предатель – я. Подлый, двуликий предатель.

– Геральт, – снова подал голос Регис. – Прости за откровенность, но твоя теория дырява как старое решето. А твоя мысль, я уже сказал тебе это, – нехороша.

– Я – предатель, – повторил Кагыр, словно не слыша слов вампира. – Однако, как я понимаю, доказательств моего предательства нет никаких. Есть лишь туманные улики и ведьмачьи домыслы. Как я понимаю, на меня возложена тяжесть

доказательства невиновности. Я должен доказать, что я не гуль. Так?

– Без пафоса, нильфгаардец, – буркнул Геральт, встав перед Кагыром и вперившись в него. – Если б у меня было доказательство твоей вины, я б не терял времени на болтовню, а распластал бы тебя на кусочки, как селедку! Ты знаешь принцип *cui bono?*[12] Так ответь мне – у кого, кроме тебя, был хоть бы малейший повод предать? Кто, кроме тебя, выгадал бы на предательстве? Хотя бы самую малость?

Со стороны купеческого лагеря донесся громкий и протяжный треск. На черном небе звездопадом рассыпался красно-золотой фейерверк, ракеты разлетелись роем золотых пчел, ливанули цветным дождем.

– Я не гуль, – сказал юный нильфгаардец звучным, сильным голосом. – К сожалению, доказать это не могу. Зато могу сделать кое-что другое. То, что мне подобает, что я сделать вынужден, когда меня оболгали и унизили, когда запятнали мою честь и нанесли удар моему достоинству.

Его движение было быстрым как молния, однако он не застал бы ведьмака врасплох, если б у того не болело колено. Вольт у Геральта не получился, и рука в перчатке врезалась ему в щеку с такой силой, что он отлетел и рухнул прямо в костер, подняв снопы искр. Он вскочил – и снова слишком медленно из-за боли в колене. Кагыр уже стоял над ним. И на этот раз ведьмак опять не успел даже уклониться, кулак угодил ему в висок, а в глазах разгорелись цветные фейерверки в сто раз более красивые, нежели те, что запускали купцы. Геральт грязно выругался и кинулся на Кагыра, обхватил его руками и повалил на землю, они покатились по гравию, нанося друг другу гулкие удары.

И все это в призрачном и неестественном свете разлетающихся по небу искусственных огней.

– Прекратите! – орал Лютик. – Прекратите, вы, кретинские идиоты!

Кагыр ловко выбил у пытающегося подняться Геральта землю из-под ног, ударил по зубам. И добавил так, что зазвенело. Геральт сжался, напружинился и ударил его ногой, но попал не в промежность, а в бедро. Они схватились снова, перевернулись и принялись колошматить друг друга куда попало, ослепнув от ударов и забивших глаза пыли и песка.

И неожиданно разлетелись и покатились в разные стороны, сутулясь и прикрывая головы от свистящих ударов.

Это Мильва, отстегнув с бедер толстый кожаный ремень, схватившись за пряжку и обмотав ремень вокруг запястья, подскочила к драчунам и принялась хлестать их от уха, изо всей

силы, не жалея ни ремня, ни руки. Ремень свистел и с сухим треском долбил по рукам, плечам, спинам и Геральта, и Кагыра. И хотя они уже разделились, Мильва продолжала прыгать от одного к другому, словно кузнечик, не прекращая пороть их и тщательно следя за тем, чтобы каждый получил свою порцию.

– Й-йех, глупцы глупецкие! – крикнула она, с треском охаживая Геральта по спине. – Дурни дурацкие! Я научу вас уму-разуму, обоих! Ну! – крикнула она еще громче, хлеща Кагыра по рукам, которыми он пытался заслонить голову. – Ну, очухались? Успокоились? Чумные!

– Все! – взвыл ведьмак. – Хватит!

– Хватит! – подхватил свернувшийся в клубок Кагыр. – Достаточно!

– Достаточно, – сказал вампир. – И правда, уже достаточно, Мильва.

Лучница тяжело дышала, обтирая лоб кулаком, все еще обернутым ремнем.

– Блеск! – проговорила Ангулема. – Блеск, тётечка! Шик!

Мильва развернулась на пятке и изо всей силы хлестанула ее ремнем по плечу. Ангулема вскрикнула, села на землю и разревелась.

– Сказала ж я, – выдохнула Мильва, – чтоб меня так не кликала! Говорила ж!

– У нас все в ажуре! – Лютик немного дрожащим голосом успокаивал купцов и путешественников, сбившихся вокруг них. – Просто небольшое дружеское недоразумение. Товарищеский спор. Уже все. Спор разрешен.

Ведьмак потрогал языком шатающийся зуб, сплюнул кровь, текущую из рассеченной губы. Он чувствовал, как на спине и плечах набухают валики, как распухает – пожалуй, до размеров кочана цветной капусты – ухо, которому досталось ремнем. Рядом неловко поднимался с земли Кагыр, держась за щеку. На его оголенном предплечье прямо на глазах вырастали и набухали широкие красные полосы.

На землю осыпался отдающий серой дождь, пепел последнего фейерверка.

Ангулема жалостливо всхлипывала, держась за плечо. Мильва отбросила ремень, после недолгого колебания опустилась рядом с ней на колени, обняла и, не говоря ни слова, крепко прижала.

– Я предлагаю вам, – холодно проговорил вампир, – подать друг другу руки. Предлагаю никогда, совершенно никогда больше не возвращаться к этому делу.

Неожиданно сорвался и зашумел слетевший с гор ветер, в котором, казалось, звучали какие-то жуткие крики, вой и стоны.

Мчащиеся по небу облака образовали фантастические фигуры. Серп луны сделался красным, как кровь.

Сумасшедший хор и хлопанье крыльев козодоев разбудили их перед рассветом.

Двинулись сразу, как только солнце слепящим огнем зажгло снега на вершинах гор, но прежде, чем оно успело выкатиться из-за гребня. Впрочем, опередив его появление, небо затянули облака.

Они ехали лесами, а дорога вела все выше и выше, и это можно было увидеть по изменениям в древостое. Дубы и грабы неожиданно кончились, они въехали в сумрак буковых лесов, выстланных опавшей листвой, пахнувших плесенью, паутиной и грибами. Грибов было невпроворот. Влажный конец лета просто разродился осенними грибами. Молодая поросль и почва местами совершенно скрывались под шляпками боровичков, рыжиков и мухоморов.

Лес был тихий, походило на то, что большинство певчих птиц уже улетели в теплые края. Только мокрые вороны каркали на опушках.

Потом буки кончились, пошли ели. Запахло смолой.

Все чаще попадались лысые пригорки и безлесья, среди которых их настигал ветер. Река Нэви бурлила на порогах и перекатах, ее воды, несмотря на дожди, стали здесь хрустально прозрачными.

На горизонте вздымалась Горгона. Она была все ближе.

Со скалистых склонов могучей горы спускались гигантские длинные ледники и снега, из-за чего Горгона казалась как бы оплетенной белыми шарфами. Вершину Дьявольской Горы, словно голову и шею таинственной невесты, все время окутывали вуали облаков. Время от времени Горгона, будто танцовщица, встряхивала своим белым нарядом – картина была прекрасной, но несла смерть: с обрывистых склонов сбегали лавины, сметая на своем пути все, докатываясь до осыпей у подножия и катясь дальше, до самых высоких елей над перевалом Теодуль, над долинами Нэви и Сансретура, над черными глазками горных озерков.

Солнце, которое, несмотря ни на что, все же ухитрилось пробиться сквозь облака, закатилось очень уж быстро – попросту скрылось за горами на западе, распалив их пурпурно-золотым заревом.

Прошла ночь. Взошло солнце.

И пришло время разделиться.

Геральт плотно обмотал голову шелковым платком Мильвы. Надел шапку Регис. В очередной раз проверил, как лежит сигилль на спине и оба кинжала в голенищах.

Рядом Кагыр точил свой длинный нильфгаардский меч. Ангулема перехватила лоб шерстяной ленточкой, сунула за голенище охотничий нож, презент от Мильвы. Лучница и Регис седлали им коней. Вампир отдал Ангулеме своего вороного, а сам пересел на Драакуля.

Они были готовы. Оставалось только одно.

– Идите сюда все, – бросил Геральт.

Подошли.

– Кагыр, сын Кеаллаха, – начал Геральт, стараясь не впадать в патетику. – Я обидел тебя несправедливым подозрением и вел себя в отношении тебя как последний подлец. Настоящим приношу извинения при всех, склонив голову. Приношу извинения и прошу тебя простить меня. Всех вас тоже прошу простить меня, ибо подло было заставлять вас смотреть на это и слушать.

Я разрядил на Кагыре и на вас свою злость, свой гнев и свою обиду. Кроющуюся в том, что я знаю, кто нас предал. Знаю, кто предал и похитил Цири, которую мы хотим спасти. Мой гнев объясняется тем, что речь идет об особе, которая некогда была мне очень дорога.

Где мы находимся, что намерены делать, куда идем… все это было обнаружено при помощи сканирующей магии. Не так уж сложно для магистра магии уловить и проследить на расстоянии особу, некогда хорошо знакомую и близкую, с которой сохранялся продолжительный психический контакт, позволяющий создать матрицу. Но чародейка и чародей, о которых я говорю, совершили ошибку. Они себя раскрыли и ошиблись, пересчитывая членов нашей дружины, и эта ошибка их выдала. Скажи им, Регис.

– Возможно, Геральт прав, – медленно проговорил Регис. – Как каждый вампир, я невидим для магического визионного зонда и сканирования, то есть улавливающих чар. Вампира можно выследить аналитической магией вблизи, но невозможно обнаружить на расстоянии при помощи магии сканирующей. Сканирующая магия вампира не покажет. В том месте, где находится вампир, волшебный сканер покажет пустоту, не обнаружит ничего. Значит, так ошибиться мог только чародей: просканировать четверых там, где в действительности находятся пятеро, то есть четыре человека и один вампир.

– Мы воспользуемся ошибкой чародеев, – снова заговорил ведьмак. – Я, Кагыр и Ангулема поедем в Бельхавен на встречу с полуэльфом, который нанимает против нас убийц. Мы спросим

полуэльфа не о том, по чьему приказу он действует, потому что это мы уже знаем. Мы спросим его, где находятся чародеи, приказы которых он выполняет. Когда узнаем, поедем туда. И отомстим.

Все молчали.

– Мы перестали считать дни, поэтому даже не заметили, что сегодня уже двадцать пятое сентября. Два дня назад было Равноночие. Эквинокций. Да, это была именно та ночь, о которой вы думаете. Я вижу ваше удручение, вижу, что светится в ваших глазах. Вы приняли сигнал тогда, в ту паскудную ночь, когда стоявшие рядом с нами лагерем купцы придавали себе храбрости и отваги сивухой и пускали фейерверки. Вероятно, вы ощущали предчувствие не так четко, как я и Кагыр, но ведь вы догадываетесь. Вы подозреваете. И боюсь, подозреваете справедливо.

Закаркали вороны, пролетавшие над безлесьем.

– Все говорит за то, что Цири мертва. Две ночи назад, во время Эквинокция, она погибла. Где-то далеко отсюда, одна среди враждебных и чужих людей.

А нам остается только мстить. Мстить кроваво и жестоко, так, чтобы и через сто лет об этом ходили сказания. Сказания, которые люди будут бояться слушать после захода солнца. А у тех, кто захочет повторить такое преступление, задрожат руки при одной только мысли о нашей мести. Мы покажем людям пример ужаса, отбивающего у любого охоту повторить преступление! Методом господина Фулько Артевельде. Мудрого господина Фулько Артевельде, который знает, как следует поступать с мерзавцами и негодяями. Мы покажем пример ужаса, который удивит даже его.

Так начнем же, и пусть демоны ада примут нас под свое крыло. Кагыр, Ангулема, по коням! Идем вверх по Нэви, к Бельхавену. Лютик, Мильва, Регис – вы направляетесь в Сансретур, к границам Туссента. Не заблудитесь, дорогу вам укажет Горгона. До встречи.

Цири поглаживала черного кота, который по обычаю всех котов мира вернулся в хату на болоте, когда тяга к свободе и безделью была перебита холодом, голодом и житейскими неудобствами. Теперь он лежал на коленях девушки и с мурлыканьем, свидетельствующим о глубочайшем наслаждении, подставлял шею ее руке.

То, о чем девушка рассказывала, коту было абсолютно неинтересно.

– Это был единственный раз, когда я видела во сне

Геральта, – начала Цири. – С того момента, как мы расстались на острове Танедд. После Башни Чайки я никогда не видела его во сне. Поэтому считала, что он мертв. И неожиданно всплыл этот сон, такой сон, какие я видела раньше и о которых Йеннифэр говорила, что это сны вещие, пророческие, что они показывают либо прошлое, либо будущее. Это было за день до Эквинокция. В городке, названия которого я не помню. В подвале, в котором меня запер Бонарт. После того, как истязаниями принудил меня признаться, кто я такая.

– Ты выдала ему, кто ты? – поднял голову Высогота. – Сказала всё?

– За трусость, – сглотнула она, – я заплатила унижением и презрением к самой себе.

– Расскажи о своем сне.

– Я видела гору, огромную, крутую, граненую как каменный нож. Видела Геральта. Слышала, что он говорил. Четко. Внятно. Каждое слово, так, будто была совсем рядом. Помню, я хотела крикнуть, что все совсем не так, что все это неправда, что он страшно ошибся… Ошибся во всем! Ведь еще вовсе не было Равноночия, поэтому если получится так, что в Равноночие я умру, то он не должен объявлять меня мертвой раньше срока, пока я еще жива. И он не должен обвинять Йеннифэр и говорить о ней так…

Цири замолчала на минуту, погладила кота, сильно шмыгнула носом.

– Но я не могла издать ни звука. Не могла даже дышать… Словно тонула. И проснулась. Последнее, что я видела, что помню, – это три наездника. Геральт и еще двое, во весь опор мчащиеся по ущелью, со склонов которого низвергаются горные водопады…

Высогота молчал.

Если б в ту ночь кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся стрехой и заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатушке седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, щека которой изуродована ужасающим шрамом.

Увидел бы черного кота, лежащего на коленях у девушки, лениво мурлыкающего, требующего, чтобы его гладили к вящей радости разгуливающих по комнате мышей.

Но никто не мог этого видеть. Хата с провалившейся стрехой, заросшей мхом, была хорошо укрыта туманом на бескрайних болотах Переплюта, куда никто не отваживался забредать.

Известно, что ведьмак, причиняя иным мучения, страдания и смерть, столь великое удовольствие и наслаждение испытывает, коих человек благочестивый и нормальный токмо тогда достигает, когда с женою своею законною общается, ibidum cum eiaculatio. Из поведанного ясно следует, что и в сей материи ведьмак являет себя противным природе творением, ненормальным и мерзопакостным вырожденцем со дна ада пренаичернейшего и наисмраднейшего родом, ибо от наносимых страданий и мук токмо дьявол сам, пожалуй, удовольствие получать может.

Аноним. «Монструм, или Ведьмака описание»

Глава шестая

Они свернули с большака, шедшего вдоль долины Нэви, и поехали, сокращая путь, через горы. Ехали быстро, насколько допускала тропа – узкая, крутая, прильнувшая к скалам с фантастическими формами, покрытым пятнами разноцветных мхов и лишайников. Ехали меж отвесных каменных обрывов, с которых низвергались рваные потоки водопадов и ручьев. Проезжали по ущельям и ярам, по раскачивающимся мостикам перебирались через пропасти, на дне которых белой пеной кипели потоки.

Граненый столб Горгоны, казалось, вздымался прямо у них над головами. Вершину Горы Дьявола они видеть не могли – она тонула в облаках и мгле, затягивающих небо. Погода – как это бывает в горах – испортилась через несколько часов, и полил дождь, нудный и малоприятный.

Ближе к сумеркам все уже нетерпеливо и нервно принялись выискивать глазами пастушеский шалаш, разрушенную овчарню или хотя бы пещеру. Что угодно, лишь бы укрыться от льющейся с неба воды.

– Кажется, дождь перестал, – с надеждой в голосе сказала Ангулема. – Капает только из щелей в крыше шалаша. Завтра, к счастью, мы уже будем у Бельхавена, а в пригороде всегда можно переночевать в каком-нибудь сарае или овине.

– В город не поедем?

– Ни в коем разе. Чужаки на лошадях бросаются в глаза, а у Соловья в городе куча доносчиков.

– Мы же собирались выставить себя в качестве приманки…

– Нет, – прервала она. – Так не пойдет. Наша тройка вызовет подозрение. Соловей – хитрый стервец, а весть о том, что меня поймали, уже наверняка разошлась. Если что-то насторожит Соловья, то и до полуэльфа дойдет.

– Что предлагаешь?

– Обойдем город стороной с востока, с устья долины Сансретур. Там рудники. В одном у меня есть знакомый. Наведаемся к нему. Как знать, может, пригодится. Если повезет.

– Можешь говорить яснее?

– Завтра скажу. На руднике. Чтоб не сглазить.

Кагыр подкинул в костер березовых веток. Дождь шел весь день, другое дерево гореть бы не стало. Но береза, даже и мокрая, только немного пошипела и тут же занялась высоким синеватым пламенем.

– Откуда ты родом, Ангулема?

– Из Цинтры, ведьмак. Есть такая страна у моря, при устье Яруги.

– Я знаю, где лежит Цинтра.

– Так зачем спрашиваешь, коли столько знаешь? Я так сильно тебя интересую?

– Скажем – немного есть.

Помолчали.

Потрескивал огонь.

– Моя мать, – наконец сказала Ангулема, глядя в пламя, – была в Цинтре дворянкой, к тому ж, кажется, высокого роду. У этого рода в гербе был морской котик, я б тебе показала, был у меня медальончик с этим их затраханным котом, от матери. Я его опосля в кости продула… Но этот кошкин род, разорви его морской пес, отказался от меня, потому что, вишь ты, мать моя вроде бы связалась с каким-то хамом, кажется, конюхом, а может, конюшим, и получилось, что я – бастард, срамота, позорище и пятно на кошачьей чести. Отдали меня на воспитание дальним родственникам, у тех, правда, в гербе не было ни кота, ни псины, ни какой другой живности, но отнеслись они ко мне неплохо. Послали в школу, в общем, и били мало… Хоть довольно часто напоминали, кто я такая есть, какой-то ублюдок, в крапиве зачатый и рожденный. Мать навестила меня раза три или четыре, когда я была еще маленькой. Потом перестала. Впрочем, мне на это было… ну…

– А как попала к бандитам?

– Ты выспрашиваешь прямо как следователь! – фыркнула она, поморщившись. – К бандитам, это ж надо! Ай-яй-яй! С добродетельного-то пути, ой-ей-ей!

Она поворчала, покопалась за пазухой, вытащила что-то, чего ведьмак толком не разглядел.

– Одноглазый Фулько, – проговорила она неразборчиво, яростно втирая себе что-то в десны и втягивая носом. – Нормальный хрен. Что забрал, то забрал, но порошок оставил. Возьмешь щепотку, ведьмак?

– Нет. Лучше бы и ты не брала.

– Это почему?

– Потому.

– Кагыр, а ты?

– Наркотик не употребляю.

– Ну и святоши мне попались, – покрутила она головой. – Никак сразу же приметесь морали читать. Мол, от порошка я ослепну, оглохну и облысею. Рожу ненормального ребенка.

– Прекрати, Ангулема, и докончи рассказ.

Девушка громко чихнула.

– Ладно, если хочешь. Так на чем я… Ага. Ну, началась, значит, война с Нильфгаардом, родственнички растеряли все имущество и вынуждены были бросить дом. Было у них несколько собственных детей, а я стала для них обузой, вот и отдали меня в приют. Содержали приют жрецы при каком-то храме. Веселенькое это было, как вскорости оказалось, местечко. Обычный бордель, ни прибавить, ни убавить, для таких, что любят незрелое яблочко, сечешь? Молоденьких девочек, да и мальчиков тоже. Я, когда туда попала, была уже слишком взрослой, переростком, на меня любители не находились…

Совершенно неожиданно она залилась румянцем, который был виден даже при свете костра.

– Ну, почти не находились, – добавила она сквозь зубы.

– Сколько тебе тогда было лет?

– Пятнадцать. Познакомилась я там с одной девчонкой и пятью мальчишками моего возраста и постарше. И мы быстренько нашли общий язык. Как ни говори, а знали мы легенды и предания. О Бешеном Дее, о Чернобородом, о братьях Кассини… Захотелось нам на большак, на свободу, на разбой! Это что же, сказали мы себе, только из-за того, что нас тут дважды в день кормят, мы должны каким-то старперам и отвратникам по первому зову задницы подставлять…

– Попридержи словотворчество, Ангулема. Сама знаешь, перебор хуже недобора…

Девушка протяжно отхаркнулась, сплюнула в костер.

– Ну и святоша! Ладно, перейду к делу, что-то мне болтать не хочется. В приютской кухне отыскались ножи, достаточно было их как следует на камне навострить и на пояс подвесить. Из точеных ножек дубового стула получились шикарные колья. Нужны были только лошади и деньги, ну, дождались мы приезда двух развратников, постоянных бывальцев, стариков, тьфу, почти сорокалетних. Приехали они, винцо потягивают, ждут, когда им попы по обычаю привяжут выбранную малолетку к такой специальной удобной штуковине… Но в тот день им поиграть не удалось!

– Ангулема!

– Ладно, ладно. Короче: прирезали мы и забили обоих развратных старцев, трех попов и пажа, единственного, который не сбежал и коней ихних сторожил. Храмового эконома, который не хотел дать ключей от сундучка с деньгами, мы огнем припекали до тех пор, пока не дал, но жизнь ему сохранили, потому как милый был старичок, всегда доброжелательный и покладистый. И пошли на грабеж, на тракты и большаки. Разные

колеи оказались у наших судеб, то на возу, то под возом, то мы дрались, то нас избивали. То было сыро, то холодно. Ха, холодно-то чаще. Из того, что ползает, я ела в жизни все, что удавалось, мать их так, поймать. А из того, что летает, однажды сожрала даже воздушного змея, потому как он был склеен мучным клеем.

Она умолкла, яростно почесала голову, заросшую светлыми, как солома, волосами.

– Да уж, что было, то было. Вот что я тебе скажу: из тех, что со мной в приюте сидели, уж никого в живых не осталось. Двух последних, Овена и Абеля, прикончили несколько дней тому кнехты господина Фулько. Абель сдался, как и я, но его все равно зарубили, хоть он меч бросил. Меня пощадили. Не думай, что по доброте душевной. Нет, меня на плацу уже крестом раскладывали, но тут примчался офицер и не допустил потехи. Ну а от эшафота ты меня упас…

Она на минуту замолчала.

– Ведьмак?

– Слушаю.

– Я знаю, как отблагодарить. Если только захочешь…

– Ну?

– Пойду взгляну, как там с лошадьми, – быстро сказал Кагыр и встал, заворачиваясь в плащ. – Прогуляюсь немного… по округе…

Девушка чихнула, потянула носом, кашлянула.

– Ни слова больше, Ангулема, – опередил ее по-настоящему злой, по-настоящему устыдившийся, по-настоящему смутившийся Геральт. – Ни слова!

Она снова кашлянула.

– Ты действительно не хочешь меня? Ни капельки?

– От Мильвы ты уже получила ремнем, соплячка. Если немедленно не замолкнешь, получишь добавку от меня.

– Все, молчу.

– Послушная девочка.

В склоне горы, поросшем худосочными и кривыми сосенками, зияли дыры и ямы, прикрытые или обшитые досками, соединенные мостками, лесенками и лесами. Из дыр торчали опирающиеся на скрещивающиеся столбы помосты. По некоторым бегали люди, толкающие тележки и тачки. Содержимое тележек и тачек – которое на первый взгляд казалось грязной, перемешанной с камнями землей – сваливали с помостов в большое четырехугольное корыто, вернее, в набор постепенно уменьшающихся, перегороженных досками корыт. По корытам постоянно и шумно текла вода, подводимая с лесистой

возвышенности по опирающимся на невысокие крестовины деревянным желобам. И таким же образом выводимая вниз, к обрыву.

Ангулема слезла с лошади, дала знак Геральту и Кагыру сделать то же. Оставив лошадей у изгороди, они направились к постройкам, увязая в грязи, скопившейся вдоль неплотно сбитых желобов и труб.

– Промывка железной руды, – сказала Ангулема, указывая на приспособления. – Вот оттуда, из шахт рудника, вывозят добычу, выгружают в корыта и смачивают водой, которую берут из ручья. Руда оседает на поддонах, оттуда ее выбирают. Вокруг Бельхавена множество рудников и таких промывочных. А руду везут в долину, в Маг Тургу, там расположены печи и плавильни, потому как там больше лесов, а для выплавки нужны дрова.

– Благодарю за лекцию, – кисло прервал Геральт. – Мне доводилось в жизни видеть несколько рудников, и я знаю, что именно необходимо для выплавки. Когда ты наконец скажешь, зачем мы сюда приехали?

– Чтобы поговорить с одним моим знакомцем. Здешним штайгером. Пошли за мной. Ха, да вот он! У столярной мастерской. Пошли.

– Краснолюд?

– Ага. Его зовут Голян Дроздек. Он, как я сказала…

– …здешний штайгер. Это-то ты сказала, а вот о чем собираешься с ним поболтать, сказать забыла.

– Гляньте на свои сапоги.

Геральт и Кагыр послушно глянули на обувь, испачканную шламом странно красного цвета.

– У полуэльфа, которого мы ищем, – опередила вопрос Ангулема, – во время разговора с Соловьем была точно такая же грязюка на гамашах. Улавливаете?

– Теперь да. А краснолюд что?

– Не заговаривайте с ним вообще. Переговоры я беру на себя. А вас он должен считать теми, которые не болтают, а работают мечами. Сделайте грозные мины.

Делать грозные мины не понадобилось. Одни из присматривавшихся к ним горняков быстро отводили глаза, другие замирали, раскрыв рты. Оказавшиеся у них на пути спешили уступить дорогу. Геральт догадывался почему. На лице Кагыра и его собственном все еще были видны синяки, кровоподтеки, царапины и припухлости – красочные следы драки и порки, которую учинила им Мильва. Так что выглядели они людьми, обожающими давать по зубам друг другу, а уж чтобы дать по морде третьему, их долго упрашивать не было нужды.

Краснолюд, знакомец Ангулемы, стоял у домика с табличкой «Столярная мастерская» и выводил что-то на щите, сколоченном из двух оструганных досок. Увидев приближающихся, он отложил кисть, отставил банку с краской, глянул исподлобья. На его физиономии, которую украшала заляпанная краской борода, возникло удивление.

– Ангулема?

– Как дела, Дроздек?

– Это ты? – Краснолюд разззявил скрывающийся под бородой рот. – Это, что ль, верно ты?

– Нет. Не я. Воскресший пророк Лебеда! Ну, спроси еще о чем-нибудь, Голян. Что-нибудь другое. Поумней. Для разнообразия.

– Не шути, Светлая. Я уж тебя увидеть не ожидал больше. Был тут пяток дней тому Мулица, говорил, сцапали тебя и на кол насадили в Ридбруне. Клялся, что не врет.

– Все ж какая-никакая, а выгода, – пожала плечами девушка. – Ежели теперь станет Мулица у тебя под свою честность деньги просить и клясться, что вернет, так ты будешь знать, чего его клятвы стоят.

– Я это и без того давно знал, – ответил краснолюд, быстро моргая и шевеля носом совсем как кролик. – Я б ему и шелонга ломаного не одолжил, хоть он усрись и землю жри. Но тому, что ты жива и цела, рад, рад. Эй, а может, по такому случаю и ты мне долг отдашь?

– Не исключено. Вполне даже может быть.

– А кто ж это с тобою, Светлая?

– Добрые други.

– Ну, морды… А куда ж боги ведут?

– Как обычно, куда глаза глядят. – Ангулема проигнорировала испепеляющие взгляды ведьмака, втянула носом щепотку порошка, остальное втерла в десну. – Нюхнешь, Голян?

– Пожалуй. – Краснолюд подставил руку, втянул носом подаренную щепоть наркотика.

– Если по правде, – продолжала девушка, – то думаю в Бельхавен податься. Не знаешь, Соловей с ганзой не там ли, к случаю, залег?

Голян Дроздек наклонил голову.

– Тебе, Светлая, надобно Соловья избегать. Разозленный он, говорят, на тебя, как та еще росомаха, когда ее в зимнюю пору разбудить.

– Жуть! А если до него весть дошла, что меня на острый кол парой лошадок натянули, у него сердце не помягчало? Не

пожалел? Слезинки не обронил, бороденки не обсопливил?

– Никак нет. Говорят, сказал, получила, мол, Ангулема то, что ей давным-давно полагалось: палку в жопу.

– Ох, грубиян. Вульгарь, хамское рыло. Господин префект Фулько сказал бы культурненько: общественные низы. Я же скажу, дно выгребной ямы!

– Тебе, Светлая, лучше такие речи ему за глаза говорить. И возле Бельхавена не отирайся, стороной его обходи. А ежели в город намылилась, тогда лучше б переодеться…

– Ты, Голян, не учи ученого.

– Да разве ж я посмею!

– Слушай, краснолюдина, – Ангулема поставила сапог на приступочек столярки, – вопрос тебе поставлю. С ответом не спеши. Для начала подумай как следует.

– Спрашивай.

– Полуэльф некий тебе на глаза, случаем, не попадался? Чужой, нездешний?

Голян Дроздек втянул воздух, могуче чихнул, отер нос запястьем.

– Полуэльф, говоришь? Что за полуэльф?

– Не прикидывайся идиотом, Дроздек. Тот, который Соловья для одной работы нанял. На мокрое дело. На ведьмака одного…

– Ведьмака? – расхохотался Голян Дроздек, поднимая с земли доску. – Вот те раз! Тоже, понимаешь ли, интересно! Это мы как раз ведьмака ищем, объявления малюем и развешиваем по округе. Глянь: «Нужен ведьмак, плата добрая, к тому пропитание и жилье, подробности в правлении рудника “Маленькая Бабетта”»… Кстати, как правильно писать: «подробности» или «поддробности»?

– Напиши «детали». А на кой вам хрен на рудник ведьмак?

– Во, вопросик! На кой, если не на чудищ?

– На каких?

– На стучаков и барбегазов. Жуть как обнаглели в нижних горизонтах.

Ангулема кинула взгляд на Геральта, который кивком подтвердил, что знает, о чем речь. А многозначительным покашливанием дал понять, что пора бы поскорее вернуться к теме.

– Итак, – с ходу поняла девушка, – что тебе известно об этом полуэльфе?

– Неизвестно мне ни о каком полуэльфе. Ничего.

– Я ж сказала, чтобы ты как следует подумал.

– А я и подумал. – Голян Дроздек неожиданно состроил хитрую мину. – И надумал, что лучше уж ничего об этом деле не

знать.

– То есть?

– То есть неспокойно тут. Район неспокойный, и время неспокойное. Банды, нильфы, партизаны из «Вольных Стоков»… И разные чуждые элементы, полуэльфы всякие… И у каждого аж в заднице свербит, чтобы какую-никакую неприятность учинить.

– То есть?

– А то есть, что ты мне деньги должна, Светлая. А заместо того, чтобы отдать, новых долгов хочешь наделать. Серьезных долгов, потому как за то, о чем ты спрашиваешь, можно по кумполу отхватить, да не голой рукой, а топориком. Какой мне с того профит? Какая мне корысть с того, если я чего-нито буду о полуэльфе знать? Иль получу чего? Потому как один только риск, а добытку никакого…

Геральт не выдержал. Утомил его разговор, раздражали жаргон и манеры краснолюда. Молниеносным движением он схватил бородача за его расцвеченную краской бороду, дернул и толкнул. Голян Дроздек споткнулся о ведро с краской и упал. Ведьмак подскочил, уперся коленом ему в грудь и приставил нож к глазу.

– Добытком, – проворчал он, – можешь считать то, что живым уйдешь. Говори.

Глаза Голяна, казалось, вот-вот выскочат из орбит и пойдут гулять по округе.

– Говори, – повторил Геральт. – Говори, что знаешь. Иначе так тебе кадык резану, что скорее захлебнешься, чем кровью изойдешь…

– «Риальто»… – пробормотал краснолюд. – На руднике «Риальто»…

Рудник «Риальто» мало чем отличался от рудника «Маленькая Бабетта», как, впрочем, и от других шахт и карьеров, которые Ангулема, Геральт и Кагыр миновали по дороге и которые носили звучные названия «Осенний манифест», «Старый рудник», «Новый рудник», «Рудник Юлька», «Целестинка», «Общее дело» и «Счастливая дыра». На всех кипела работа, на всех вывозимую из забоев грязную землю вываливали в корыта и промывали на поддонах. На всех сверхдостаточно было красной грязи.

«Риальто» был рудником большим, расположенным почти на вершине горы. Сама вершина была срезана и образовывала карьер, то есть открытую разработку. Промывочная находилась на выработанной в склоне горы террасе. Здесь, у отвесной стены, в которой зияли отверстия шурфов и штолен, стояли корыта,

поддоны, лотки и прочие причиндалы горного промысла. Здесь же примостился горняцкий поселок, состоящий из деревянных домишек, будок, шалашей и крытых корой хат.

– Здесь у меня знакомых нет, – сказала девушка, подвязывая поводья к ограде. – Попытаюсь поговорить с управляющим. Геральт, если можешь, не хватай его с ходу за глотку и не размахивай железякой. Сначала поговорим…

– Не учи ученого, Ангулема.

Поговорить они не успели. Не успели даже подойти к домику, в котором, как предполагали, размещался управитель. На площадке, на которой руду загружали на телеги, они наткнулись на пятерку конников.

– А, черт! – сказала Ангулема. – А, черт и дьявол! Гляньте, кого тот кот принес!

– В чем дело?

– Это люди Соловья. Приехали собирать дань. Меня уже увидели и узнали… Мать твою так-растак… Ну и влипли же мы…

– Сумеешь отбрехаться?

– Не думаю.

– Что так?

– Я ж обворовала Соловья, сбегая из ганзы. Этого они мне не простят. Но попытаюсь. Вы помалкивайте. Держите ушки на макушке и будьте готовы. Ко всему.

Конники приблизились. Впереди ехали двое – длинноволосый седой тип в волчьей дохе и молодой верзила с бородой, несомненно, отпущенной, чтобы скрыть безобразившие его прыщи. Они прикидывались равнодушными, но Геральт заметил тщетно скрываемые искорки ненависти во взглядах, которыми они дарили Ангулему.

– Светлая!

– Новосад, Йиррель! Здравствуйте. Хороший нынче денек. Жаль только, дождь идет.

Седой слез, вернее, соскочил с лошади, размашисто перекинув правую ногу над конской головой. Остальные тоже слезли. Седой передал поводья дылде с бородой, которого Ангулема назвала Йиррелем.

– Как вам нравится? – сказал он. – Наша сорока болтливая. Получается, ты жива и здорова?

– И ногами дрыгаю.

– Соплячка языкастая! Шел слух, что и верно, дрыгаешь, да на коле. Шел слух, подергал тебя крепко Фулько одноглазый. Шел слух, пела ты на пытках горлицей, все выдала, о чем спрашивали!

– Шел слух, – фыркнула Ангулема, – что твоя матушка, Новосад, требовала от клиентов всего-то четыре тынфа,[13] а ей

никто и больше двух-то не давал.

Разбойник сплюнул ей под ноги с презрительной миной. Ангулема снова фыркнула, совсем как кошка.

– Новосад, – сказала она нахально, взявшись под бока. – У меня к Соловью дело есть.

– Интересно. Потому как у него к тебе тоже.

– Заткнись и слушай, пока мне говорить не расхотелось. Два дня тому в миле за Ридбруном я и эти вот други мои зарубили того ведьмака, что был у Соловья на мокром контракте. Усек?

Новосад многозначительно глянул на спутников, потом подтянул рукавицу, оценил взглядом Геральта и Кагыра.

– Твои новые други, – протяжно повторил он. – Ха, по мордам видать, не попы. Ведьмака рубанули, говоришь? А как? Кинжалом в спину? Или во сне?

– Это не важная подробность. – Ангулема состроила обезьянью мордочку. – А важная подробность та, что названный ведьмак землю грызет. Послушай, Новосад. Я с Соловьем тягаться не собираюсь и наперехлест ему идти. Но дело есть дело. Полуэльф дал нам аванс на уговор, о нем я молчу, это ваши монеты на расходы и за хлопоты. А второй взнос, который полуэльф пообещал после работы, по закону – мой.

– По закону?

– Именно что! – Ангулема не обратила внимания на саркастический тон Новосада. – Потому как мы контракт выполнили, ведьмака пришили, доказательства чему можем тому полуэльфу показать. Значит, возьму я, что мне полагается, и пойду в синюю туманную даль. С Соловьем, как я сказала, конкурировать не хочу, потому как для меня и для него на Стоках слишком тесно. Так ему и передай, Новосад.

– Только-то и всего? – снова съязвил Новосад.

– И поцелуй, – прыснула Ангулема. – А еще можешь ему вместо меня задницу подставить *per procura.*[14]

– У меня появилась мысль получше, – сообщил Новосад, зыркнув на спутников. – Я ему твою задницу в оригинале доставлю, Ангулема. Я ему тебя, Ангулема, в путах доставлю, а уж он тогда с тобой все обсудит и обо всем договорится. И урегулирует. Все. Спор о том, кому полагаются деньги за контракт полуэльфа Ширри. Да и плата за то, что украла. Ну и то, что Стоки для вас слишком тесны. Все таким манером уладите. В подробностях, как ты выражаешься.

– Есть одно «но», – опустила Ангулема руки. – Как ты собираешься меня к Соловью доставлять, а, Новосад?

– А вот как! – Бандит протянул руку. – За загривок!

Геральт мгновенно вытянул сигилль и подсунул Новосаду

под нос.

– Не советую.

Новосад отскочил, вытащил меч. Йиррель с шипением выхватил из ножен за спиной кривую саблю. Остальные последовали их примеру.

– Не советую, – повторил ведьмак.

Новосад выругался. Глянул на дружков. Он не был силен в арифметике, но у него все же получилось, что пятеро – гораздо больше, чем трое.

– Бей! – рявкнул он, кидаясь на Геральта. – Бей-убивай!

Ведьмак полуоборотом ушел от удара и рубанул Новосада наотмашь в висок. Еще прежде чем тот упал, Ангулема наклонилась в коротком замахе, нож свистнул в воздухе, нападавший Йиррель покачнулся – из-под подбородка у него торчала костяная рукоять. Разбойник выпустил саблю, обеими руками выдернул нож из шеи, из раны хлынула кровь, а Ангулема в подскоке ткнула его ногой в грудь и повалила на землю. В это время Геральт рассек другого бандита, Кагыр зарубил следующего, под могучим ударом нильфгаардского меча от черепа разбойника отвалилось что-то вроде куска арбуза. Последний бандит ретировался, прыгнул к коню. Кагыр подбросил меч, схватил его за клинок и кинул на манер копья, попав бандиту точно между лопаток. Конь заржал и дернул головой, присел, забил ногами, таща по красной грязи труп с запутавшейся в ремень повода рукой.

На все пришлось не больше пяти ударов сердца.

– Лю-ю-юди! – крикнул кто-то между домушками. – Лю-у-уди-и-и! На помощь! Убивают, убивают, убивают!!!

– Армию! Армию вызвать! – крикнул другой горняк, отгоняя детей, которые по извечной привычке всех детей мира явились неведомо откуда, чтобы глазеть и путаться под ногами.

– Кто-нибудь бегите за армией!

Ангулема подняла свой нож, вытерла и сунула за голенище.

– А пусть его бежит, пожалуйста! – крикнула она в ответ, оглядываясь. – Вы что, подзёмы, слепые иль как? Это ж была самооборона! На нас напали, сволота! А вы будто их не знаете? Мало вам плохого наделали? Мало от вас дани набрали?

Она крепко чихнула. Потом сорвала у Новосада кошель с веревочки, наклонилась над Йиррелем.

– Ангулема!

– Чего?

– Оставь.

– Это почему же? Добыча ведь! У тебя что, денег куры не клюют?

– Ангулема…

– Эй, ты, – вдруг раздался звучный голос. – Поди-ка сюда!

В раскрытых дверях барака, который служил складом инструментов, стояли трое мужчин. Два – коротко остриженные здоровяки с низкими лбами и, несомненно, низкой смекалкой. Третий – тот, что их окликнул, – был необычно высокий, темноволосый, представительный мужчина.

– Я невольно слышал разговор, который предварял происшествие, – сказал мужчина. – Не очень-то мне хотелось верить в смерть ведьмака, я думал, это пустая похвала. Теперь уже так не думаю. Войдите сюда, в барак.

Ангулема громко втянула воздух. Взглянула на ведьмака и едва заметно кивнула.

Мужчина был полуэльфом.

Полуэльф Ширру был высок – заметно больше шести футов росту. Длинные темные волосы носил перехваченными на затылке в падающий на спину конский хвост. Смешанную кровь выдавали глаза – большие, миндалевидные, желто-зеленые, как у кошки.

– Итак, вы убили ведьмака, – повторил он, недобро усмехаясь. – Опередив Гомера Страггена по прозвищу Соловей? Интересно, интересно. Одним словом, именно вам я должен уплатить пятьдесят флоренов. Второй взнос. Выходит, Стрегген получил свои полсотни за здорово живешь. Ведь не думаете же вы, что он их добровольно отдаст?

– Как я с Соловьем полажу, это уж мое дело, – сказала Ангулема, сидя на ящике и болтая ногами. – А договор относительно ведьмака касается дела. И мы это дело сделали. Мы, а не Соловей. Ведьмак в земле. Его дружки, все трое, в земле. Получается – контракт выполнен.

– Во всяком случае, так утверждаете вы. Ну и как же это происходило?

Ангулема не перестала болтать ногами.

– Под старость, – известила она свойственным ей наглым тоном, – запишу историю моей жизни. Опишу в ней, как происходило то, да сё, да это. А пока наберитесь терпения, господин Ширру.

– Неужто так уж неловко об этом говорить? – холодно бросил метис. – Стало быть, так паршиво и предательски все было сработано?

– Вам это мешает? – спросил Геральт.

Ширру внимательно взглянул на него и, немного помолчав, ответил.

– Нет. Ведьмак Геральт из Ривии не заслужил лучшей судьбы. Это был тип наивный и глупый. Если б его постигла более красивая, приличная честная смерть, возникли бы легенды. А он легенд не заслужил.

– Смерть всегда одинакова.

– Не всегда, – покрутил головой полуэльф, все еще пытаясь заглянуть в прикрытые тенью капюшона глаза Геральта. – Уверяю вас, не всегда. Догадываюсь, что именно ты нанес смертельный удар.

Геральт не ответил. Его терзало невыносимое желание схватить метиса за конский хвост, повалить на пол и выдавить из него все, что тот знает, по одному выбивая ему зубы головкой меча. Однако он сдержался. Рассудок подсказывал, что затеянная Ангулемой мистификация могла дать лучшие результаты.

– Ваше дело, – сказал Ширру, но дождавшись ответа. – Не буду настаивать на изложении хода событий. Скорее всего вам почему-то не хочется говорить об этом. Вероятно, нечем особенно хвалиться. Если, конечно, ваше молчание не вызвано чем-то другим… Например, тем, что вообще ничего-то вы не сделали. Может быть, сумеете представить какие-то доказательства истинности своих слов?

– Мы отрубили у убитого правую кисть, – равнодушно бросила Ангулема. – Но потом ее спер и сожрал енот-полоскун.

– Поэтому у нас осталось только это – Геральт медленно расстегнул рубаху и извлек медальон с волчьей головой. – Это было у ведьмака на шее.

– А ну, покажи.

Геральт не колебался ни минуты. Полуэльф подбросил медальон на ладони.

– Теперь верю, – сказал он медленно. – Безделушка сильно эманирует магией. Такая штука могла быть только у ведьмака.

– А ведьмак, – докончила Ангулема, – не дал бы ее с себя снять, если б еще дышал. Значит, доказательство железное. Давай выкладывай деньгу на стол!

Ширру заботливо спрятал медальон, вынул из-за пазухи листок бумаги, положил на стол и расправил ладонью.

– Милости прошу. Расписочку.

Ангулема соскочила с ящика, подошла, обезьянничая и вертя бедрами. Наклонилась над столом. А Ширру мгновенно вцепился ей в волосы, повалил на столешницу и приставил нож к горлу. Девушка не успела даже крикнуть.

У Геральта с Кагыром уже были мечи в руках. Но слишком поздно.

Пособники полуэльфа, крепыши с низкими лбами, держали в

руках металлические крюки. Но подходить не спешили.

– Мечи на пол, – буркнул Ширру. – Оба. Мечи на пол. Иначе я расширю девке улыбку.

– Не слушай… – начала Ангулема и окончила криком, потому что полуэльф крутанул впившейся ей в волосы рукой. И тут же надрезал кожу кинжалом. По шее девушки потекла блестящая красная змейка.

– Мечи на землю! Я не шучу!

– А может, договоримся как-нибудь? – Геральт, несмотря на кипящую в нем злость, решил тянуть время. – Как культурные люди?

Полуэльф ядовито рассмеялся.

– Договориться? С тобой, ведьмак? Меня прислали не балакать с тобой, а прикончить. Да-да, выродок. Ты тут комедию ломал, дитятей невинным прикидывался, а я узнал тебя с первого взгляда, сразу же. Мне тебя точно описали. Догадываешься, кто мне тебя так точно описал? Кто дал мне четкие указания, где и в какой компании я тебя найду? О, наверняка догадываешься.

– Отпусти девушку.

– Но я тебя знаю не только по описанию, – продолжал Ширру и не думая отпускать Ангулему. – Я тебя уже видел. Я за тобой даже когда-то следил. В Темерии. В июле. Я ехал за тобой аж до города Дорьян. До дома юристов Кодрингера и Фэнна. Улавливаешь?

Геральт повернул меч так, что солнечный зайчик от клинка ослепил полуэльфа.

– Интересно, – холодно сказал он, – как ты намерен выпутаться из патовой ситуации, Ширру? Я вижу два выхода. Первый: ты немедленно отпускаешь девушку. Второй: ты убьешь девушку… А через секунду твоя кровь изящно разукрасит стены и потолок.

– Ваше оружие, – Ширру грубо рванул Ангулему за волосы, – должно лежать на полу, прежде чем я досчитаю до трех. Потом я начну девку кроить.

– Поглядим, много ли успеешь накроить. Я думаю, не очень.

– Раз!

– Два! – начал собственный отсчет Геральт, выкручивая в воздухе сигиллем шипящую мельницу.

Снаружи послышались стук копыт, ржание и фырканье лошадей, крики.

– И что теперь? – засмеялся Ширру. – Этого я и ждал. Это уже не пат, а мат! Прибыли мои друзья.

– Серьезно? – сказал Кагыр, выглядывая в окно. – Я вижу форму императорской легкой кавалерии.

– Значит, это и верно мат, но только для тебя, – сказал Геральт. – Ты проиграл, Ширру. Отпусти девушку.

– Как же, жди!

Дверь распахнулась под ударами ног, в барак ворвались несколько человек, почти все – в черном. Вел их светловолосый бородач с серебряным медведем на наплечнике.

– Que aen suecc's? – спросил он грозно. – Что тут происходит? Кто отвечает за дебош? За трупы на дворе? А ну, отвечайте немедленно!

– Господин командир…

– Glaeddyvan vort! Бросай мечи!

Они послушались. Потому что на них были направлены арбалеты и луки. Ширру отпустил Ангулему, та хотела вскочить, но неожиданно оказалась в объятиях крепкого, ярко одетого дылды с вылупленными как у лягушки глазами. Хотела крикнуть, но дылда зажал ей рот затянутой в перчатку рукой.

– Предлагаю воздержаться от применения силы, – холодно предложил Геральт командиру с медведем на наплечнике. – Мы не преступники.

– Это ж надо!

– Мы действуем с ведома и согласия господина Фулько Артевельде, префекта из Ридбруна.

– Это ж надо! – повторил Медведь, подав знак солдатам, чтобы те подняли и забрали мечи Геральта и Кагыра. – С ведома и согласия? Господина Фулько Артевельде? Очень важного господина Артевельде. Фулько, значится. Слышали, ребяты?

Его люди – и черные, и пестроцветные – захохотали в один голос.

Ангулема дергалась в объятиях лягушачьеглазого, тщетно пытаясь кричать. Геральт уже понял. Понял еще прежде, чем ухмыляющийся Ширру принялся пожимать поданную ему правую руку. Прежде, чем четыре черных нильфгаардца схватили Кагыра, а трое других направили арбалеты прямо ему в лицо.

Лягушатник толкнул Ангулему к дружкам. Девушка повисла в их руках тряпичной куклой, даже не пытаясь сопротивляться.

Медведь медленно подошел к Геральту и неожиданно саданул в промежность кулаком в железной перчатке. Геральт согнулся, но не упал. На ногах его удержала холодная ярость.

– Может, тебя порадует известие, – сказал Медведь, – что вы не первые идиоты, которых Одноглазый Фулько использовал в своих целях. У него бревном в глазу сидят дела, которые я здесь проталкиваю на пару с господином Гомером Страггеном, которого некоторые зовут Соловьем. Фулько искать не перестает, зная, что ради этих делишек я принял на государственную службу

Гомера Страггена и назначил его командиром добровольного отряда по охране горного производства. Поэтому, не имея возможности мстить официально, он нанимает разных сволочей.

– И ведьмаков, – ядовито усмехнулся Ширру.

– Снаружи, – громко сказал нильфгаардец, – мокнут под дождем пять трупов. Вы прикончили людей, находящихся на императорской службе! Нарушили работу на рудниках! У меня нет ни малейших сомнений: вы шпионы, диверсанты и террористы. На этой территории действует закон военного времени. Во исполнение его незамедлительно приговариваю вас к смертной казни на месте.

Лягушатник захохотал. Подошел к удерживаемой бандитами Ангулеме, быстро схватил ее за грудь. И сильно стиснул.

– Ну и как, Светлая? – проскрипел он, а голос, оказалось, у него был еще более лягушачий, нежели глаза. Бандитская кличка, которую он сам себе дал, доказывала наличие юмора. Если же это был простой камуфляж, то он себя оправдывал на все сто.

– А ведь встретились мы снова-то, – проскрипел лягушачий Соловей, снова ущипнув Ангулему в грудь. – Ты довольна?

Девушка болезненно ойкнула.

– Ну, курва, где жемчуга и камни, которые ты у меня сперла?

– Их взял на хранение Одноглазый Фулько, – взвизгнула Ангулема, пытаясь прикинуться, будто не боится. – Обратись к нему за получением!

Соловей заскрипел и вылупил зенки – теперь он выглядел как самая настоящая жаба, того и гляди примется языком мух ловить. Он еще сильнее ущипнул Ангулему, которая начала вырываться и вскрикнула еще громче. Из-за красного тумана ярости, застившего глаза Геральту, девушка опять напомнила ему Цири.

– Взять! – приказал вышедший из терпения Медведь. – Во двор их.

– Это ведьмак, – неуверенно сказал бандит из Соловьиной ганзы по охране горных выработок. – Тот еще тип. Как его голыми руками брать? Он запросто могёт нас каким-никаким заговором зачаровать или чем-нито другим…

– Нечего бояться. – Улыбающийся Ширру похлопал себя по карману. – Без ведьмачьего амулета он не сумеет чаровать, а амулет у меня. Берите смело.

* * *

Во дворе ожидали остальные вооруженные нильфгаардцы в черных накидках и пестрая Соловьиная орда. Собралась группа

горняков. Крутились вездесущие дети и собаки.

Соловей вдруг потерял самообладание. В него прямо-таки дьявол вселился. Яростно скрипя, он ударил Ангулему кулаком, а когда она упала, несколько раз ударил ногой. Геральт вырвался из рук бандитов и тут же получил по шее чем-то твердым.

– Говорили, – скрипел Соловей, прыгая над Ангулемой не хуже свихнувшейся жабы, – будто в Ридбруне тебя насадили задницей на кол, стерва малолетняя! Эй, парни, подыщите-ка какой-нибудь шест и заострите получше. Да живо!

– Господин Стрaгген, – поморщился Медведь. – Не вижу повода заниматься столь трудоемкой и зверской экзекуцией. Пленных надо просто повесить…

Он замолчал под злым взглядом лягушачьих глаз.

– Заткнитесь, капитан, – скрипнул бандит. – Я достаточно много плачу вам, чтобы вы делали мне дурные замечания. Я поклялся злую смерть Ангулеме учинить и теперь с ней поиграю. Ежели желаете, можете повесить тех двоих. Мне они до свечки.

– Но мне нет, – вмешался Ширру. – Мне необходимы оба. Особенно ведьмак. Да, он в особенности. А поскольку насаживание девушки на кол немного затянется, постольку этим временем воспользуюсь и я.

Он подошел, уставился на Геральта кошачьими глазами.

– Тебе неплохо бы знать, выродок, – сказал он, – что твоего дружка Кодрингера в Дорьяне прикончил я. И сделал это по приказу моего господина, магистра Вильгефорца, которому служу многие годы с огромным удовольствием.

– Старый прохвост Кодрингер, – продолжал эльф, не дождавшись реакции, – имел наглость сунуть нос в дела магистра Вильгефорца. Я вспорол его ножом. А его мерзопакостного уродца Фэнна поджег среди его же бумаг и зажарил живьем. Я мог его просто зарезать, но решил пожертвовать некоторым временем, чтобы послушать, как он воет и визжит. А выл он и визжал, скажу тебе, как резаный поросенок. Ничего, ну, ничего человеческого не было в его визге. Абсолютно.

Знаешь, почему я обо всем этом говорю? Потому что и тебя я мог бы просто-напросто зарезать сам либо приказать кому-нибудь сделать это. Но я пожертвую ради тебя временем. Послушаю, как ты будешь выть. Ты говорил, что смерть всегда одинакова. Сейчас ты увидишь, что не всегда. Подожгите, парни, смолу в мазнице. И принесите какую-нибудь цепь.

Что-то с грохотом разбилось об угол барака и тут же со страшным гулом полыхнуло огнем.

Второй сосуд с каменным маслом – Геральт распознал запах нефти – попал прямо в мазницу, третий разорвался совсем рядом

с бандитами, державшими коней. Громыхнуло, взвилось пламя, кони взбесились. Закипело, из кипени вывалился пылающий и воющий пес. Один из бандитов Соловья вдруг раскинул руки и шлепнулся в грязь со стрелой в спине.

– Да здравствуют Вольные Стоки!

На вершине горы, на лесах и помостах замаячили фигуры в серых плащах и меховых шапках. В людей, лошадей и на рудничные бараки полетели новые зажигательные снаряды, словно фейерверки, тянущие за собой косы огня и дыма. Два попали в мастерскую, на пол, устланный стружкой и опилками.

– Да здравствуют Вольные Стоки! Смерть нильфгаардским оккупантам!

Запели перья стрел и бельтов.

Рухнул под лошадь один из черных нильфгаардцев, свалился с рассеченным горлом один из соловьиных бандитов, упал с бельтом в груди один из стриженых силачей. Повалился с ужасающим стоном Медведь. Стрела угодила ему в грудь, под дых, пониже ринграфа. Это была – хоть никто знать и не мог – стрела, украденная из армейского транспорта, стандартное вооружение императорской армии, немного переделанное. Широкий двухвостый наконечник, подпиленный в нескольких местах так, чтобы получить эффект разбрызга.

Наконечник отлично выполнил свою роль – разбрызгался во внутренностях Медведя.

– Долой тирана Эмгыра! Вольные Стоки!

Соловей захрипел и схватился за плечо, в которое угодил бельт.

Захромал в красной грязи один из ребятишек, прошитый навылет стрелой плохо прицелившегося борца за свободу. Упал один из тех, что держали Геральта. Свалился один из державших Ангулему. Девушка вырвалась из рук второго, молниеносно выхватила из-за голенища нож, рубанула в широком замахе. Целилась в горло, но из-за горячности промахнулась и почти до зубов распорола ему щеку. Соловей заскрипел еще скрипучее, чем обычно, а глаза вылупил еще вылупястее. Упал на колени, пропуская кровь между пальцами рук, которыми схватился за лицо. Ангулема дико взвыла, подскочила, чтобы довершить дело, но не сумела, потому что между ней и Соловьем взорвалась очередная бомба, исходя огнем и клубами вонючего дыма.

Вокруг гудел и полыхал огненный ад. Бесились, ржали и рвались лошади. Бандиты и нильфгаардцы орали. Горняки впали в панику – одни убегали, другие пытались гасить пылающие домишки.

Геральт уже успел поднять упущенный Медведем сигилль.

Коротко срезал высокую женщину в кольчуге, замахнувшуюся на Ангулему шестопером. Черному нильфгаардцу, налетевшему со шпонтоном,[15] рассек бедро. Следующему, который просто оказался на пути, пробил горло.

Тут же рядом безумствующий, обожженный, мчащийся напролом конь повалил и истоптал еще одного ребенка.

– Лови коня! Лови коня! – Рядом с ним оказался Кагыр, расчищая проход размашистыми ударами меча. Геральт не слушал, не смотрел. Зарубил следующего нильфгаардца. Поискал глазами Ширру.

Ангулема на коленях с расстояния в три шага выстрелила из поднятого с земли арбалета, вбивая бельт в гениталии идущего на нее бандита из команды охраны горных выработок. Потом вскочила и схватила за уздечку бегущего мимо коня.

– Лови какого-нибудь! – крикнул Кагыр. – И – прочь отсюда!

Ведьмак ударом сверху располовинил от грудины до бедра очередного нильфгаардца. Резко мотнул головой, чтобы стряхнуть кровь с бровей и ресниц.

– Ширру! Где ты, паскуда вонючая?!

Удар. Крик. Теплые капли на лице.

– Смилостивься! – взвыл ползающий в грязи парень в черной форме.

Ведьмак заколебался.

– Опамятуйся! – рявкнул Кагыр, хватая его за плечо и крепко тряхнув. – Опамятуйся! Приди в себя! Ты впадаешь в бешенство!

Галопом возвращалась Ангулема, держа на поводу другого коня. За ней гнались двое конных. Один упал, получив стрелу бойца за Вольные Стоки. Другого смел с коня меч Кагыра.

Геральт вскочил в седло. И тут в свете пожара увидел Ширру, созывавшего к себе паникующих нильфгаардцев. Рядом с полуэльфом скрипел и выкрикивал ругательства Соловей, похожий с раскровавленной мордой на настоящего тролля-людоеда.

Геральт взревел, развернул коня, закрутил мечом. Оказавшийся рядом Кагыр покачнулся в седле, кровь из лба моментально залила ему глаза и лицо.

– Геральт! Помоги!

Ширру собрал наконец вокруг себя группу, орал, приказывал стрелять из арбалетов. Геральт ударил коня плашмя по крупу, готовый к самоубийственной атаке. Ширру должен был умереть. Остальное не имело значения. Не имела значения Ангулема. Не имел значения Кагыр.

– Геральт! – взвизгнула Ангулема. – Помоги Кагыру!

Он опомнился. И устыдился.

Поддержал Кагыра, подпер плечом. Кагыр вытер глаза рукавом, но кровь тут же снова залила их.

– Ерунда, царапина… – Голос у него дрожал. – На коней, ведьмак… Галопом за Ангулемой. Галопом!

От подножия горы разрастался крик, оттуда мчалась вооруженная кирками, кайлами, топорами толпа. Это на помощь друзьям и кумовьям из рудника «Риальто» спешили горняки из соседней шахты – из «Счастливой дыры» либо «Общего дела». Или из какой-то другой. Кто мог это знать?

Геральт ударил коня пятками. Они пошли галопом, сумасшедшим *ventre a terre*.[16]

Гнали не оглядываясь, прижавшись к конским шеям. Самый лучший конь достался Ангулеме, маленький, но прыткий бандитский бахмач. Конь Геральта, гнедой в нильфгаардской сбруе, уже начинал храпеть и посвистывать, ему трудно было держать голову. Конь Кагыра, тоже армейский, был сильнее и выносливее, да что толку, если наездник еле удерживался в седле, машинально стискивая бедра и с трудом сдерживая хлещущую на гриву и шею лошади кровь.

Но они гнали дальше. Вырвавшаяся вперед Ангулема ждала их на повороте, в том месте, откуда дорога шла вниз, извиваясь среди скал.

– Погоня… – выдохнула она, размазывая грязь по лицу. – За нами будут гнаться, не простят… Горняки видели, куда мы бежим. Нельзя оставаться на тракте… Надо заскочить в леса, на бездорожья… Потерять их.

– Нет, – возразил ведьмак, с беспокойством слушая вырывающиеся из груди коня звуки. – Надо по тракту… Самой кратчайшей и прямой дорогой в Сансретур…

– Почему?

– Сейчас не до болтовни… Вперед! Выжмите из лошадей все, что можно.

Пошли в карьер. Гнедой ведьмака храпел.

Гнедой не годился для дальнейшей езды. Он едва шел на одеревеневших словно колья ногах, сильно ходил боками, воздух вырывался из него с хрипом. Наконец он повалился на бок, дернул задними ногами. В его помутневших глазах застыл укор.

Конь Кагыра был в несколько лучшем состоянии: сам же Кагыр явно в худшем. С седла он просто свалился, сумел встать на четвереньки, его начало рвать, хоть и нечем было.

Когда Геральт и Ангулема попытались дотронуться до его окровавленной головы, он закричал.

– Чертовская мать, – сказала девушка. – Ну, фризурку ему

устроили.

Кожа надо лбом и висками молодого нильфгаардца вместе с волосами на значительной площади отделилась от кости черепа. Если б не то, что кровь уже образовала клейкую массу, срубленный лоскут, вероятно, сполз бы на ухо. Вид был чудовищный.

– Как это случилось?

– Бросили мне прямо в лоб топорик. И как бы смеха ради это был не Черный и не из соловьиной банды, а кто-то из горняков.

– Какое значение, кто бросил? – Ведьмак плотно обвязал голову Кагыра оторванным от рубахи рукавом. – По счастью, это был никуда не годный метатель. Он только оскальпировал тебя, а ведь мог череп разрубить. Но и черепу тоже крепенько досталось. Да и мозг это почувствовал. Он не удержится в седле, если даже конь его выдержит.

– Так что же делать? Твой конь подох, его почти подох, а с моего аж капает… А за нами погоня. Нам нельзя здесь оставаться…

– Мы должны здесь остаться. Я и Кагыр. И конь Кагыра. Ты поезжай дальше. Быстро. У тебя конь крепкий, выдержит галоп. А если даже придется его загнать… Ангулема, где-то в долине Сансретур нас ждут Регис, Мильва и Лютик. Они ни о чем не знают и могут попасть Ширру в лапы. Ты должна их отыскать и упредить, а потом все четверо что есть сил в конях жмите в Туссент. Там вас искать не станут. Надеюсь.

– А вы с Кагыром? – Ангулема закусила губу. – Что будет с вами? Соловей не дурак, когда увидит полусдохшего запасного, перероет все ямы в округе! А ты с Кагыром на руках далеко не уйдешь.

– Ширру, а за нами гонится он, поедет вслед за тобой.

– Ты думаешь?

– Уверен. Поезжай.

– Что тетечка скажет, когда я без вас появлюсь?

– Объяснишь. Не Мильве, а Регису. Регис знает, что делать. А мы… Когда у Кагыра чуб немного прирастет к черепу, отправимся к Туссенту. Там как-нибудь разыщем друг друга. Ну, не тяни, девка. На коня и вперед! Не дай погоне приближаться. Не позволяй им увидеть себя.

Он не стал сильно удаляться от дороги. Не мог отказать себе в удовольствии глянуть на преследователей. В принципе он не ожидал каких-либо действий с их стороны, знал, что они, не теряя времени, последуют за Ангулемой.

И не ошибся.

Правда, всадники, вылетевшие на перевал меньше чем через четверть часа, остановились около лежащего коня, но почти тут же возобновили погоню по дороге. Они, несомненно, решили, что из трех беглецов двое сейчас едут на одной лошади, и если не терять времени, их можно будет быстро нагнать. Геральт заметил, что кони под некоторыми из преследователей тоже не в лучшем состоянии.

Совсем не многие конники были в черных плащах нильфгаардской легкой кавалерии. Преобладали пестроцветные разбойники Соловья. Геральт не разобрал, участвует ли в погоне сам Соловей, или же главарь банды остался и сейчас залечивает рассеченную физиономию.

Когда топот копыт утих, Геральт вышел из укрытия в папоротниках, поднял и поддержал стонущего и охающего Кагыра.

– Конь слишком слаб, чтобы тебя нести. Сможешь идти сам?

Нильфгаардец издал звук, который с равным успехом мог быть и подтверждением, и отрицанием, а то и чем-то другим. Но ноги переставлял, а это было сейчас самым главным.

Они спустились в яр, к руслу реки. Последние несколько футов скользкого откоса Кагыр преодолел довольно неловко – просто съехал на ягодицах. Дополз до воды, пил, обильно смачивая водой повязку на голове. Ведьмак не торопил – сам дышал тяжело, собираясь с силами.

Он шел вверх по течению, поддерживая Кагыра и ведя коня, брел по колено в воде, спотыкался на окатышах и поваленных стволах. Спустя некоторое время Кагыр уже не мог переставлять непослушные ноги, вообще не мог ими шевелить, ведьмак просто тащил его силой. Дальше идти было нельзя, тем более что русло речки перегородили пороги и водопады. Геральт крякнул, взвалил раненого на спину. Конь, которого он вел в поводу, тоже жизни не облегчал. Когда же они наконец выбрались из яра, ведьмак просто повалился на мокрый грунт и лежал, тяжело дыша, совершенно измученный, рядом со стонущим Кагыром. Лежал долго. Колено снова начало чертовски болеть.

Наконец Кагыр подал признаки жизни, а вскоре – о, диво! – встал, ругаясь и держась за голову. Они пошли. Вначале Кагыр шел неплохо. Потом пошел медленнее. Потом упал.

Геральт снова взвалил его на спину и тащил, постанывая, оскользаясь на камнях. Колено разрывала боль, в глазах мельтешили черные и огненные пчелы.

– Еще месяц назад… – застонал у него за спиной Кагыр, – кто бы мог подумать, что ты потащишь на хребте…

– Заткнись, нильфгаардец… Когда ты ораторствуешь, то

делаешься еще тяжелее…

Когда они наконец добрались до скал и каменных стен, уже почти совсем стемнело. Ведьмак не искал пещеру, да и не нашел ее – он просто без сил свалился у первой же попавшейся дыры.

На почве валялись человечьи черепа, тазовые и бедренные кости, ребра. Но – что важнее всего – были здесь и сухие ветки.

У Кагыра поднялась температура, его била дрожь. Пришивание куска кожи с помощью дратвы и кривой иглы он переносил мужественно и сознания не терял. Кризис наступил позже. Ночью Геральт распалил в пещере костер, махнув рукой на соображения безопасности. Впрочем, снаружи накрапывал дождь и подвывал ветер, так что вряд ли кто-нибудь мотался по окрестности и высматривал отблески огня. А Кагыру необходимо было согреться.

Лихорадило его всю ночь. Он дрожал, стонал, бредил. Геральт не засыпал, подпитывал огонь. А колено болело как тысяча чертей.

Молодой и сильный парень, Кагыр утром пришел в себя. Он был бледен и весь в поту, от него веяло жаром. Зубы отчаянно клацали. Но, несмотря на лязг зубов, можно было понять, что он говорит. А говорил он вполне осознанно. Жаловался на головную боль – явление вполне нормальное для человека, у которого топором скосили с черепа волосы вместе с кожей.

Геральт делил время между беспокойной дремой и ловлей стекающей со скал дождевой воды в сооруженные из березовой коры туески. И его, и Кагыра мучила жажда.

– Геральт?

– Да?

Кагыр поправил ветки в костре с помощью найденной тут же берцовой кости.

– На руднике, где мы бились… Я испугался, знаешь?

– Знаю.

– На мгновение мне показалось, что тобою овладело безумие убийства. Что для тебя уже все потеряло смысл… Кроме убийства…

– Знаю.

– Я боялся, – докончил Кагыр спокойно, – что в исступлении ты засечешь того Ширру. А ведь от убитого уже не получишь никакой информации.

Геральт кашлянул. Молодой нильфгаардец нравился ему все больше. Он был не только мужественным, но и рассудительным.

– Ты правильно сделал, отослав Ангулему, – продолжал Кагыр, все еще легонько постукивая зубами. – Такое не для девушек… Даже таких, как она. Мы докончим это сами, вдвоем. Поедем вслед за погоней. Но не для того, чтобы убивать в берсеркерском бешенстве. То, что ты тогда говорил о мести… Геральт, даже в мести должен быть какой-то метод. Мы доберемся до полуэльфа… Заставим его сказать, где находится Цири.

– Цири умерла.

– Неправда. Я не верю в ее смерть… И ты тоже не веришь. Признайся.

– Я не хочу верить.

Снаружи свистел ветер, шумел дождь. В пещере было уютно.

– Геральт?

– Ну?

– Цири жива. Я опять видел сон… Верно, что-то случилось во время Эквинокция, что-то фатальное… Да, несомненно, я тоже это чувствовал и видел… Но она жива… Жива наверняка. Поспешим… Но не ради мести и убийства. А к ней.

– Да. Да, Кагыр. Ты прав.

– А ты? Уже не видишь снов?

– Вижу, – сказал он с горечью. – Но после пересечения Яруги очень редко. И вообще, проснувшись, их не помню. Что-то во мне оборвалось, Кагыр. Что-то прогорело. Что-то во мне кончилось…

– Это не страшно, Геральт. Я буду видеть сны за нас обоих.

На рассвете отправились дальше. Дождь перестал, казалось даже, что солнце пытается отыскать какую-нибудь щелочку в затягивающей небо серости.

Ехали медленно, вдвоем на одной лошади в нильфгаардской военной сбруе.

Животное шлепало по гальке и голышам, бредя по берегу Сансретура, речушки, ведущей к Туссенту. Геральт знал дорогу. Он когда-то бывал здесь. Очень давно. С того времени многое изменилось. Но не изменилась долина и речка Сансретур, которая чем дальше, тем больше из речки превращалась в реку. Не изменились горы Амелл и вздымающийся над ними обелиск Горгоны. Горы Дьявола.

Некоторые вещи имеют свойство вообще не изменяться.

– Солдат приказов не обсуждает, – говорил Кагыр, ощупывая повязку на голове. – Не анализирует, не раздумывает над ними, не ждет, чтобы ему раскрывали их смысл. Это первое, чему у нас учат солдата. Поэтому легко понять, что я ни минуты не сомневался в законности отданного мне приказа. Вопрос, почему

именно я должен поймать цинтрийскую королевну или княжну, даже в голову мне не приходил. Приказ есть приказ. Зол я был, это верно, потому что хотел прославиться, вступая в бой с рыцарством, с регулярной армией… Но работа на разведку у нас тоже считается почетной. Правда, если б речь шла о каком-то более трудном задании, о каком-то важном пленнике… Но девчонка?

Геральт бросил в огонь хребет форели. К вечеру они поймали во впадающем в Сансретур ручье достаточно рыбы, чтобы наесться. Форель шла на нерест, и схватить ее было проще простого.

Он слушал рассказ Кагыра, и любопытство боролось в нем с чувством глубокой досады.

– В общем, это была случайность, – продолжал Кагыр, глядя на огонь. – Чистейшая случайность. Как я позже узнал, у нас при цинтрийском дворе был шпион, камер-юнкер. Когда мы захватили город и пытались окружить замок, этот шпион выскользнул и дал нам знать, что цинтрийцы попытаются вывести княжну из города. Было создано несколько таких групп, как моя. По случайности именно на мою группу налетел тот, кто вез Цири.

Началась погоня по улицам, полыхающим огнем. Это был сущий ад. Ничего больше, только рев пламени, стены огня. Кони не хотели идти, а люди… да что тут говорить, люди тоже не спешили их подгонять. Мои подчиненные, у меня их было четверо, принялись молиться, кричать, что я спятил, что веду их на погибель… Мне едва удалось восстановить порядок…

Мы продолжали преследовать беглецов в этом огненном котле и догнали. Неожиданно на нас налетели пятеро конных цинтрийцев. И началась сеча, я не успел даже крикнуть, чтобы мои солдаты следили за девочкой. Впрочем, она сразу же оказалась на земле, тот, кто ее вез на луке седла, погиб первым. Один из моих подхватил ее и затащил на лошадь, но далеко не уехал, кто-то из цинтрийцев рубанул его со спины. Я видел, как острие прошло в дюйме от головы Цири, которая снова упала в грязь. От страха она была в полуобморочном состоянии, я видел, как она прижимается к убитому, как пытается подползти под него… Словно котенок рядом с убитой кошкой…

Он замолчал, громко сглотнул.

– Она даже не знала, что прижимается к врагу. К ненавистному нильфгаардцу. Мы остались вдвоем, – продолжил Кагыр после недолгого молчания, – я и она, среди трупов и огня. Цири ползала в грязи, а вода и кровь уже начинали сильно парить. Рядом с нами завалился дом, я уже мало что видел сквозь искры и дым. Конь ни в какую не хотел туда подходить. Я кричал

ее, звал к себе, охрип, пытаясь перекричать гул пожара. Она видела меня и слышала, но не реагировала. Конь не хотел идти, и я не мог его заставить. Пришлось спешиться. Я никак не мог поднять ее одной рукой, а другая была занята поводьями, конь вырывался, чуть не повалил меня. Когда я наконец поднял ее, она принялась кричать. Потом потеряла сознание. Я накрыл ее плащом, который намочил в луже, в грязи, навозе и крови. И мы поехали. Прямо сквозь огонь.

Сам не знаю, каким чудом нам удалось выбраться оттуда. Но неожиданно открылся пролом в стене, и мы выскочили к реке. Неудачно, в том месте, которое как раз выбрали отступающие нордлинги. Я скинул офицерский шлем, потому что по шлему, хоть крылья и подгорели, меня распознали бы тотчас. Остальная одежда была настолько покрыта копотью, что не могла меня выдать. Однако если б девушка была в сознании, если б стала кричать, меня разделали бы мечами. Мне повезло.

Я ехал с отступающими около двух больших стае, потом отстал и укрылся в кустарнике над рекой, по которой несло трупы.

Кагыр замолчал, закашлялся, обеими руками пощупал обернутую тряпкой голову. И покраснел. А может, это был всего лишь отблеск пламени?

– Цири была вся в грязи. Пришлось ее раздеть… Она не сопротивлялась, не кричала. Только дрожала, не открывая глаз. Всякий раз, когда я к ней прикасался, чтобы омыть или вытереть, она напрягалась и замирала… Я знаю, с ней надо было говорить, успокаивать… Но я вдруг растерял все слова вашего языка… Языка моей матери, который знаю с детства. Не в состоянии отыскать слов, я хотел успокоить ее прикосновением, нежностью. Но она замирала и пищала… Как птенец…

– Это преследовало ее в кошмарах, – шепнул Геральт.

– Знаю. Меня тоже.

– Что было дальше?

– Она уснула. И я тоже. От усталости. А когда проснулся, ее рядом не было. Ее не было нигде. Остального я не помню. Те, кто меня отыскал, утверждают, что я бегал по кругу и выл волком. Они вынуждены были меня связать. Когда я успокоился, за меня взялись люди из разведки, подчиненные Ваттье де Ридо. Их интересовала Цирилла. Где она, куда и когда убежала. Разъяренный, я что-то ляпнул об императоре, не хуже ястреба охотящемся за маленькой девчонкой. За это я больше года просидел в цитадели. А потом его милость вернулась, потому что я был ему нужен. На Танедде был необходим человек, который знал всеобщий язык и знал, как выглядит Цири. Император

потребовал, чтобы я поехал на Танедд. И чтобы на этот раз не ошибся. Чтобы привез ему Цири.

Кагыр ненадолго замолчал.

– Эмгыр дал мне возможность реабилитироваться. Я мог отказаться, но это означало бы абсолютную, окончательную, до конца жизни немилость. Но все же отказаться я мог, если б хотел. Но я не отказался. Потому что, видишь ли, Геральт… Я не мог о ней забыть.

Не стану тебя обманывать. Я ее беспрерывно видел в снах. И не только худенькую девочку, какой она была у реки, когда я ее раздел и обмывал. Я видел ее… И продолжаю видеть как женщину, прекрасную, все понимающую, будоражащую… С такими подробностями, как пунцовая роза, вытатуированная в паху…

– О чем ты?

– Не знаю. Сам не знаю… Но так было и так продолжается. Я ее по-прежнему вижу в снах, точно так же, как в снах видел ее тогда… Именно поэтому я согласился ехать на Танедд. Поэтому позже хотел присоединиться к вам. Я… Я хочу ее еще раз… увидеть. Хочу еще раз коснуться ее волос, заглянуть ей в глаза… Хочу на нее смотреть. Убей меня, твоя воля. Но я не буду больше прикидываться. Я думаю… Я думаю, что я ее люблю. Прошу тебя, пожалуйста, не смейся.

– Мне вовсе не до смеха.

– Именно поэтому я еду с вами. Понимаешь?

– Она нужна тебе для себя или для твоего императора?

– Я реалист, – прошептал Кагыр. – Ведь меня она не захочет. А как супругу императора я мог бы ее хоть иногда видеть.

– Как реалисту, – фыркнул Геральт, – тебе следовало бы понять, что для начала ее надо отыскать и спасти. Предположим, твои сны не лгут и Цири действительно еще жива.

– Я знаю это. А когда мы ее найдем, что тогда?

– Посмотрим. Посмотрим, Кагыр.

– Не лукавь, Геральт. Будь честным. Ведь ты не позволишь мне ее забрать.

Ведьмак не ответил. Кагыр вопроса не повторил.

– До этого времени мы можем оставаться друзьями? – спросил он холодно.

– Можем, Кагыр. Еще раз прости меня. Не знаю, какой бес в меня вселился. По правде говоря, я никогда всерьез не подозревал тебя в измене или двуличии.

– Я – не предатель. Я тебе никогда не изменю и не предам, ведьмак.

Они ехали по глубокому ущелью, проторенному среди гор быстрой и уже широкой рекой Сансретур. Ехали на восток, к границе княжества Туссент. Над ними вздымалась Гора Дьявола, Горгона. Чтобы взглянуть на ее вершину, приходилось задирать голову.

Но они не задирали.

Вначале они почуяли дым, спустя минуту увидели костер, а на нем вертела, на которых запекались выпотрошенные форели. Увидели сидящего у костра одинокого человека.

Еще совсем недавно Геральт высмеял бы, безжалостно высмеял и счел полнейшим идиотом любого, кто осмелился бы утверждать, будто он, ведьмак, так обрадуется, увидев вампира.

– Так, – спокойно сказал Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой, – поправляя вертела. – Так! Гляньте-ка, что кот-то принес.

СТУЧАК, он же кнакер, гоблинай, полтердук, шеенос, рубезааль, скарбоник, либо пустельник, – есть разновидность кобольда, коего все же размероростом и силою значительно превосходит. Обычно С. носят бородищи преогромадные, кои кобольды носить не обвыкли. Обитает С. в штольнях, шахтах, развалинах, пропастях, темных ямах разновеликих, внутри скал, во всяческих гротах, пещерах и каменных пустовинах. Там, где он обретается, наверняка в земле богатства сокрыты, каковые: золото самородное, руды, меловина, соль либо каменное масло, сиречь нефть. Потому ж С. зачастую в выработках встретить можно, особливо покинутых, но и в действующих любит он показываться. Злостный шкодник, проклятие и истинная кара Господня для подземных рудокопов, коих распоясавшийся С. водит за нос, постукиванием по камню манит и пугает, ходки заваливает, горняцкое имущество и всяческий скот крадет и

портит, да и частенько из-за угла в лоб палкою дать может.

Однако же подкупить его можно, дабы не безобразничал сверх меры, положивши где-нито на ходке темном либо в шахте хлеб с маслом, сырок козий, кусок копченой вепрятины. Но лучше всего шклянку первача, ибо на таковой С. до чрезвычайности лаком и падок.

Physiologus

Глава седьмая

– Они в безопасности, – заверил вампир, подхлестывая мула Драакуля. – Все трое, Мильва, Лютик и, разумеется, Ангулема, которая своевременно добралась до нас в долине Сансретур и обо всем поведала, не жалея весьма красочных слов. Я никогда не мог понять, почему у вас, людей, большинство ругательств и обидных выражений связано с эротической сферой? Ведь секс сам по себе прекрасен и ассоциируется с прекрасным, радостным, приятным. Как можно название полового органа применять в качестве вульгарного синонима…

– Придерживайся темы, Регис, – прервал Геральт.

– Конечно, конечно, прости. Предупрежденные Ангулемой о надвигающихся бандитах, мы незамедлительно пересекли рубеж Туссента. Правда, Мильва не была в восторге, пыталась вернуться и идти вам обоим на выручку. Однако я сумел ее отговорить. А Лютик – о, диво! – вместо того чтобы радоваться предоставившемуся убежищу, каковое дают границы княжества, был явно готов в любую минуту сбежать. Чего он так боится в Туссенте, ты, случайно, не знаешь?

– Не знаю, но догадываюсь, – кисло ответил Геральт. – Потому что это далеко не первый город, где наш друг нашкодничал. Теперь-то он малость остепенился, поскольку пребывает в приличном обществе, но в юности для него не было ничего святого. Я бы сказал, что при виде него чувствовать себя в безопасности могли разве что ежи да те женщины, которым удавалось влезть на самую макушку высокого дерева. А мужья женщин частенько обижались на трубадура неведомо почему. В Туссенте наверняка проживает чей-нибудь муж, которому лицезрение Лютика может оживить воспоминания… Но к сути дела это отношения не имеет. Вернемся к конкретным вопросам. Как там с преследователями? Надеюсь, что…

– Не думаю, – усмехнулся Регис, – чтобы они перешли за нами в Туссент. Граница кишмя кишит странствующими рыцарями, которые скучают невероятно и только и ждут оказии с кем-нибудь сразиться. Кроме того, мы вместе с группой встреченных на границе пилигримов сразу же попали в священную рощу Мырквид. А место это нагоняет страх. Даже пилигримы и больные, которые из самых дальних краев направляются в Мырквид на излечение, останавливаются в поселке неподалеку от края леса, не смея заходить вглубь. Ибо ходят слухи, будто тот, кто отважится пройти к священным дубам, окончит жизнь на медленном огне в Ивовой Бабе.

Геральт глубоко вздохнул.

– Неужели…

– Конечно. – Вампир снова не дал ему докончить. – В роще Мырквид проживают друиды. Те, которые раньше обитали в Ангрене, в Каэд Дху, потом перебрались к озеру Мондуирн и, наконец, в Мырквид в Туссенте. Нам было предназначено попасть к ним. Не помню, говорил ли я, что это нам предназначено?

Геральт глубоко вздохнул. Сидящий у него за спиной Кагыр тоже.

– Среди тех друидов есть твой знакомый?

Вампир снова улыбнулся.

– Не знакомый, а знакомая, – пояснил он. – Да, она там. И даже возвысилась. Руководит всем Кругом.

– Иерофантка?

– Фламиника. Так называется высший друидский титул, если его носит женщина. Иерофантами бывают только мужчины.

– Да, верно, забыл. Я так понимаю, что Мильва и остальные…

– Сейчас находятся под покровительством фламиники и Круга. – Вампир по своему обыкновению ответил на вопрос, не дослушав его до конца, затем незамедлительно приступил к ответу на вопросы, вообще еще не заданные. – Я же поспешил вам навстречу. Поскольку произошло нечто загадочное. Фламиника, которой я начал было излагать наше дело, не дала мне докончить. Сказала, что знает обо всем. Что уже с какого-то времени ожидала нашего прибытия…

– Что-что-о?

– Я тоже не мог сдержать удивления. – Вампир придержал мула, поднялся на стременах, осмотрелся.

– Ищешь кого-то или что-то? – спросил Кагыр.

– Уже не ищу. Нашел. Слезаем.

– Я хотел бы как можно скорее.

– Слезаем. Я все объясню.

Чтобы расслышать друг друга в шуме падающего с большой высоты по отвесной скале водного потока, им приходилось говорить громко. Внизу, там, где водопад выдолбил солидное озерко, в скале зияло отверстие пещеры.

– Да, именно там. – Регис подтвердил догадку ведьмака. – Я выехал тебе навстречу, поскольку мне посоветовали направить тебя сюда. Тебе придется войти в пещеру. Дело в том, что друиды знали о тебе, о Цири, о нашей миссии. А узнали они это от особы, которая, понимаешь ли, обитает именно здесь. Особа эта, если верить друидке, жаждет с тобой пообщаться.

– Если верить друидке… – едко повторил Геральт. – Я бывал в здешних местах. Знаю, кто обитает в глубоких пещерах под Горой

Дьявола. Многие там… обитают. Но в подавляющем большинстве с ними пообщаться не удается. Разве что с помощью меча. Что еще поведала твоя знакомая друидка? Во что мне еще следует поверить?

– Она совершенно явно, – вампир уставился на Геральта антрацитовыми глазами, – дала мне понять, что не очень-то жалует субъектов, уничтожающих и убивающих живую природу. То есть никого из них, а уж ведьмаков тем более. Я пояснил, что в данный момент ты ведьмак, так сказать, в основном по названию. Что ты абсолютно не досаждаешь в данный момент живой природе, ежели только вышеупомянутая природа не досаждает тебе. Фламиника, надобно тебе знать, женщина невероятно проницательная, сразу же заметила, что от ведьмачества ты отказался не в результате перемен в мировоззрении, но будучи принужден к тому обстоятельствами. «Я точно знаю, – сказала она, – что с близкой ведьмаку особой приключилось несчастье. Ведьмак вынужден был бросить ведьмачьи занятия и поспешить ей на помощь…»

Геральт не комментировал, но его взгляд был столь многозначительным, что вампир поспешил дать разъяснения.

– Она сказала, цитирую: «Отказавшись от ведьмачества, ведьмак доказывает тем самым, что он способен на смирение и самопожертвование. Пусть он войдет в мрачное чрево земли. Безоружный. Оставив снаружи все оружие, все острое железо. Всякие острые мысли. Всякую агрессивность, гнев, злость, дерзость. Войдет смиренно. И тогда там, во чреве земли, смиренный не-ведьмак найдет ответы на мучающие его вопросы. На многие вопросы. Но если ведьмак останется ведьмаком, он не найдет ничего», – конец цитаты.

Геральт плюнул в сторону водопада и пещеры.

– Обычная игра, – отметил он. – Забава! Фокусы! Ясновидение, самопожертвование, таинственные встречи в гротах, ответы на вопросы… Такие заигранные приемчики можно встретить только у бродячих дедов-сказителей. Кто-то здесь издевается надо мной. В лучшем случае. А если это не издевка…

– Издевкой я бы это не назвал ни в коем случае, – решительно сказал Регис. – Ни в коем, Геральт из Ривии.

– Тогда что же? Одно из широко известных друидских чудачеств?

– Мы не узнаем ничего, – бросил Кагыр, – пока не убедимся. Пошли, Геральт, войдем туда вместе…

– Нет, – покачал головой вампир. – В этом фламиника была совершенно категорична. Ведьмак должен войти один. Без оружия. Дай сюда свой меч. Я присмотрю за ним во время твоего

отсутствия.

– Чтоб меня черти… – начал было Геральт, но Регис быстро прервал его словоизвержение.

– Давай сюда меч, – протянул он руку. – А если есть и еще какое-то оружие, то и его оставь мне. Помни о словах фламиники. Никакой агрессивности. Самоотречение. Покорность. Самоотверженность.

– Ты-то хоть знаешь, кого я там встречу? Кто… или что ожидает меня в пещере?

– Не знаю. Самые различнейшие существа заселяют подземные коридоры под Горгоной.

– Чтоб меня черти забрали, – все-таки докончил Геральт.

Вампир тихо кашлянул.

– И этого исключить нельзя, – серьезно сказал он. – Но ты должен рискнуть. И я знаю, что рискнешь.

Геральт не ошибся. Да, как он и ожидал, вход в пещеру был завален внушительной кучей черепов, ребер, берцовых и прочих костей. Однако запаха тлена на ощущалось. Бренные останки были явно многовековыми и исполняли роль декорации, отваживающей возможных посетителей.

Во всяком случае, так ему подумалось.

Он ступил во тьму, под ногами захрустели кости.

Глаза быстро привыкли к темноте.

Он находился в гигантской пещере, каменной каверне, размеры которой глаз охватить был не в состоянии, поскольку пропорции нарушались и пропадали в кружеве сталактитов, свешивающихся с купола красочными фестонами. Из почвы, блестящей влагой и играющей разноцветным щебнем, вырастали белые и розовые сталагмиты, толстые и приземистые у основания, истончающиеся кверху. Некоторые вздымались гораздо выше головы ведьмака. Другие соединялись наверху со сталактитами, образуя колоннообразные сталагнаты. Никто его не окликнул. Единственным звуком, который удавалось услышать, было звонкое эхо плещущейся и капающей воды.

Он медленно шел, углубляясь в густеющий между колоннами сталагнатов мрак. Он знал, что за ним наблюдают.

Отсутствие меча за спиной ощущалось сильно, навязчиво и отчетливо – как отсутствие недавно выкрошившегося зуба.

Он пошел медленнее.

То, что еще секунду назад он принимал за лежащие у основания сталагмитов округлые камни, теперь таращилось на него огромными горящими глазищами. В плотной массе серо-бурых, покрытых пылью патлов раскрывались огромные пасти и

сверкали конусовидные зубы.

Барбегазы.

Он шел медленно, ступал осторожно – барбегазы были повсюду, большие, средние и маленькие, они лежали на его пути и не думали уступать дорогу. Пока что они вели себя на удивление спокойно, однако он не мог знать, что случится, если на кого-нибудь из них наступить.

Сталагмиты росли как лес. Невозможно было идти прямо, приходилось петлять. Сверху, с ощетинившегося иглами натеков купола, капала вода.

Барбегазы – их становилось все больше – сопровождали его, двигаясь следом и перекатываясь по почве. Он слышал их монотонную болтовню и сопение. Чувствовал их резкий кислый запах.

Необходимо было остановиться. Между двумя сталагмитами, в том месте, которое он обойти не мог, лежал крупный эхинопс, ощетинившийся массой длинных колючек. Геральт сглотнул. Он слишком хорошо знал, что эхинопсы могут выстреливать своими колючками на расстояние до десяти футов. У колючек было особое свойство – воткнувшись в тело, они обламывались, а острые концы проникали вглубь и блуждали там до тех пор, пока не достигали какого-нибудь чувствительного органа.

– Ведьмак дурак, – услышал он из тьмы. – Ведьмак трус! Он боится, ха-ха!

Голос звучал необычно и чуждо, но Геральту уже не раз доводилось слышать такие голоса. Так говорили существа, не привыкшие общаться с помощью членораздельной речи и поэтому странно акцентировавшие и неестественно растягивавшие слоги.

– Ведьмак дурак! Ведьмак дурак!

Он удержался от ответа. Закусил губу и осторожно прошел рядом с эхинопсом. Колючки существа заколебались на манер щупалец актинии. Но это длилось всего лишь мгновение, потом эхинопс замер и снова превратился в огромную кучу болотной травы.

Два гигантских барбегаза пересекли ему дорогу, что-то бормоча и ворча. Сверху, из-под купола, долетало хлопанье перепончатых крыльев и шипящий хохот, безошибочно сигнализирующий о присутствии листоносов и веспертылей.

– Он пришел сюда, убивец, уничтожник! Ведьмак! – раздался во мраке тот же голос, который он слышал раньше. – Влез сюда! Осмелился! Но он без меча, уничтожник! Так как же он собирается убивать? Взглядом? Ха-ха!

– А может, – раздался другой голос, с еще менее естественной артикуляцией, – это мы его будем убивать? Ха-а-а?

Бормотание барбегазов слилось в громкий хор. Один, размером в зрелую тыкву, подкатился очень близко и щелкнул зубами у самой ноги Геральта. Ведьмак сдержал так и рвущееся наружу ругательство. Пошел дальше. Со сталактитов капала вода, будя серебристое эхо.

Что-то вцепилось ему в ногу. Он сдержался, чтобы не отбросить сразу.

Твореньице было небольшое, не больше собачки-пекинеса. Да и немного пекинеса напоминало. Мордочкой. Остальным было похоже на обезьянку. Геральт понятия не имел, что это такое. В жизни не видел ничего подобного.

– Ведь-мак! – визгливо, но вполне четко выговорил пекинесик, спазматически вцепившийся в сапог Геральта. – Ведьмак! Ведь-мат! Сукин брат!

– Отцепись, – процедил ведьмак сквозь стиснутые зубы. – Отцепись от сапога или получишь под зад.

Барбегазы забормотали громче, резче и грознее. В темноте что-то зарычало. Геральт не знал, что это было, звук напоминал коровье мычание, но он мог побиться об заклад, что коровой это не было.

– Ведь-мат, сукин брат!

– Отпусти сапог, – повторил Геральт, с трудом сдерживаясь. – Я пришел сюда безоружный, с миром. Ты мне мешаешь…

Он осекся и задохнулся волной отвратительной вони, от которой глаза слезились, а волосы завивались в кудряшки.

Вцепившееся в лодыжку пекино-обезьянье творение вытаращило глаза и испражнилось прямо ему на сапог. Отвратительную вонь сопровождали еще более отвратительные звуки.

Он выругался соответственно ситуации и отпихнул ногой нахальное твореньице. Гораздо деликатнее, чем следовало. Но все равно произошло то, что он и ожидал.

– Он пнул малыша! – зарычало что-то в темноте, перекрывая прямо-таки ураганный рев и вой барбегазов. – Он пнул малыша! Он обидел маленького!

Ближайшие барбегазы подкатились к самым его ногам. Он почувствовал, как их сучковатые и твердые как камни лапищи хватают его и не дают пошевелиться. О мех самого большого и самого агрессивного он вытер обгаженный сапог. Они тянули его за одежду. Он сел.

Что-то большое спустилось по сталагнату, соскочило на землю. Он с первого же мгновения знал, что это такое. Стучак. Кряжистый, пузатый, косматый, кривоногий, шириной в плечах, пожалуй, с сажень, с рыжей бородой, которая была еще шире.

Приближение стучака сопровождало сотрясение почвы, словно приближался не стучак, а першерон. Ороговевшие широкие ступни чудища были по полтора фута длиной каждая.

Стучак наклонился над ним и пыхнул водкой. «Шельмы гонят здесь самогон», – машинально подумал Геральт.

– Ты ударил меньшого, ведьмак, – провонял ему в лицо стучак. – Без основания напал и обидел маленькое, нежное, невинное существо. Мы знали, что тебе нельзя доверять. Ты агрессивен. У тебя инстинкт убийцы. Сколько наших ты убил, мерзавец?

Геральт не счел нужным отвечать.

– О-о-о-о-о! – Стучак еще крепче дыхнул на него водочным перегаром. – С детства мечтал об этом! С детства! Наконец-то исполнилась моя мечта. Глянь влево.

Геральт словно дурак какой глянул. И тут же получил зуботычину правым кулаком. Да так, что увидел яркий свет.

– О-о-о-о-о! – Стучак выставил из путаницы вонючей бороды огромные кривые зубищи. – С детства об этом мечтал. А ну, глянь вправо.

– Довольно! – раздался где-то в глубине пещеры громкий и звучный приказ. – Довольно игр и шуточек. Отпустите его.

Геральт сплюнул кровь с рассеченной губы. Обмыл сапог в струйке стекающей по камню воды. Скунс с мордой пекинеса насмешливо, но с безопасного расстояния щерился на него. Стучак тоже лыбился, массируя ладонь.

– Иди, ведьмак, – проворчал он. – Иди к нему, коли тебя вызывают. Я погодю. Потому как ты по этой дорожке вертаться будешь.

Пещера, в которую он вошел – о, диво! – была наполнена светом. Через пролом в ощетинившемся сталактитовыми сосульками куполе проникали перекрещивающиеся столбы света, вырывающие из камня и натеков феерию розблесков и красок. Кроме того, в воздухе висел горящий огнем магический шар, свет которого усиливался бликами кварца в стенах. Несмотря на всю эту иллюминацию, противоположная стена пещеры тонула во мраке, а где-то в конце колоннады сталагнатов затаилась черная тьма.

На стене, которую природа как бы специально подготовила для этого, возникала огромная наскальная картина. Художником оказался высокий светловолосый эльф в испачканной краской епанче. В волшебно-естественном свете его голову, казалось, охватывал сияющий ореол.

– Присядь. – Эльф, не отрываясь от картины, движением

кисти указал Геральту на камень. – Они не обидели тебя?

– Нет. Пожалуй, нет.

– Ты должен их простить.

– Конечно. Должен.

– Они немного похожи на детей. Страшно обрадовались твоему приходу.

– Я это заметил.

Только теперь эльф взглянул на него.

– Присядь, – повторил он. – Еще немного, и я – в твоем распоряжении. Я уже заканчиваю.

То, что заканчивал изображать эльф, оказалось стилизованным животным, скорее всего бизоном. Однако пока что готов был лишь его контур – от внушительных рогов до не менее изумительного хвоста. Геральт присел на предложенный камень и поклялся себе быть терпеливым и смирным – по мере возможности.

Эльф, тоненько посвистывая через сжатые зубы, погрузил кисточку в плошку с краской и быстрыми движениями выкрасил своего бизона в фиолетовый цвет. После недолгого раздумья намалевал на боку тигриные полосы.

Геральт молча смотрел.

Наконец эльф отступил на шаг, рассматривая наскальную фреску, уже полностью изображавшую охотничью сцену. Фиолетово-полосатого бизона дикими прыжками преследовали тощие, нанесенные неряшливыми мазками кисти фигурки людей с луками и копьями.

– И что это должно изображать? – не выдержал Геральт.

Эльф мимолетно глянул на него, сунув чистый конец кисточки в зубы.

– Это, – известил он, – доисторическая картина, выполненная первобытными людьми, обитавшими в сей пещере тысячи лет назад и занимавшимися в основном охотой на теперь уже давно вымерших фиолетовых бизонов. Некоторые из доисторических ловчих были художниками, ощущали необоримую потребность адекватного отображения действительности. Увековечения того, что у них в душах играло. В меру сил и способностей, конечно.

– Захватывающее зрелище.

– Именно что так, – согласился эльф. – Ваши ученые годами ползают по пещерам в поисках следов первобытного человека. И всякий раз, когда находят таковые, аж прыгают от восторга, поскольку находят доказательство тому, что на этой земле и в этом мире вы никакие не приблуды. Доказательство тому, что ваши предки якобы обитали здесь от начала времен, а стало быть, этот мир принадлежит их наследникам, то бишь вам. Ну что ж,

каждая раса имеет право на какие-нибудь корни. Даже ваша, человеческая, корни которой, что бы кто ни говорил, искать следует на верхушках деревьев. Хо, смешной каламбур, не считаешь? Достоин быть эпиграммой. Ты любишь легкую поэзию? Как думаешь, что бы тут еще дорисовать?

– Дорисуй прачеловеческим ловцам большие торчащие фаллосы.

– Это мысль. – Эльф обмакнул кисточку в краску. – Фаллический культ был типичен для примитивных цивилизаций. Это тоже может послужить возникновению теории, что человеческая раса подверглась фаллической, прости, физической деградации. У предков фаллосы были как палицы, у потомков остались смешные, зародышевые хреновинки… Благодарю, ведьмак.

– Не за что. Так, понимаешь, заиграло в душе. Краска выглядит очень свежей для доисторической-то.

– Через три, четыре дня цвета поблекнут под влиянием соли, выделяемой стеной, и картина сделается такой доисторической, что хоть стой, хоть падай. Ваши ученые описаются от радости, когда ее увидят. Ни один, даю голову на отсечение, не разберется в моей проделке.

– Разберется.

– Это как же?

– Ты же не удержишься, чтобы не подписать свой шедевр?

Эльф сухо рассмеялся.

– Это уж верно! Ты расколол меня с ходу. О огонь тщеславия, как же трудно артисту погасить в себе его пламя. Я уже подписал картину. Вот здесь.

– А разве это не стрекоза?

– Нет. Идеограмма, означающая мое имя. Меня зовут Crevan Espane aep Caomhan Macha. Для удобства я пользуюсь другим, сокращенным именем Аваллак'х. Так и можешь обращаться ко мне.

– Не премину.

– Ты – Геральт из Ривии. Ведьмак. Однако в данный момент ты не преследуешь чудовищ и чудищ, будучи занят поисками затерявшихся девиц.

– Поразительно быстро расходятся вести. Поразительно далеко. И поразительно глубоко. Похоже, ты предвидел, что я сюда явлюсь. Получается, что ты умеешь предсказывать будущее, насколько я понимаю?

– Предсказывать будущее, – Аваллак'х протер руки тряпочкой, – может каждый. Может и предсказывает, ибо это очень даже просто. Нет ничего особенного в том, чтобы

предсказывать. Искусство в том, чтобы предсказывать точно.

– Вывод изящный и достойный быть эпиграммой. Ты, естественно, умеешь предсказывать точно.

– И очень даже часто. Я, дорогой Геральт, умею многое и знаю немало. Впрочем, на это указывает, как сказали бы вы, люди, мое ученое звание. В полном звучании: Aen Saevherne.

– Ведун. Знающий.

– Верно.

– Надеюсь, ведун поделится своими знаниями будущего с ведьмаком?

Аваллак'х помолчал.

– Поделиться? – наконец протянул он. – Поделиться с тобой? Знание, дорогой мой, это привилегия, а привилегиями делятся только с равными себе. И чего бы ради мне, эльфу, Ведуну, члену элиты, делиться чем бы то ни было с потомком существа, которое появилось во вселенной едва пять миллионов лет назад, эволюционировав из обезьяны, крысы, шакала или другого млекопитающего? Существа, которому потребовалось около миллиона лет на то, чтобы открыть, что с помощью двух мохнатых лап можно производить какие-то действия, использовав обглоданную кость? После чего это существо засунуло себе оную кость в задницу и завизжало от радости.

Эльф замолчал, отвернулся и уставился на свою картину.

– На основании чего, – повторил он, – ты осмелился подумать, будто я поделюсь с тобой каким бы то ни было знанием, человек? Ну, скажи мне?

Геральт очистил сапог от остатков экскрементов.

– Может, на основании того, – ответил он сухо, – что это неизбежно?

Эльф резко повернулся.

– Что? – спросил он сухо. – Что неизбежно?

– Может, то, – Геральту не хотелось повышать голоса, – что пройдет еще какое-то количество лет и люди просто заберут себе любое знание, независимо от желания или нежелания тех, кто им владеет, делиться с ними, разве не так? В том числе и знание того, что ты, эльф и Ведун, ловко прячешь за наскальными фресками, думая, будто люди не пожелают раздолбать кирками стену, закрашенную ложным доказательством дочеловеческого существования? Ну? Ответь, дорогой ты мой огонь тщеславия?

Эльф фыркнул. Вполне весело.

– О да, – сказал он, – тщеславием, доведенным до глупости, было бы считать, что вы чего-нибудь не раздолбаете! Вы раздолбаете все! Ну и что? Ну и что, человек?

– Не знаю. Скажи мне. А если не считаешь нужным, так я

пойду. Желательно другим выходом, потому что при том, которым я вошел, меня ожидают твои своевольные дружки, жаждущие поломать мне ребра.

– Изволь. – Эльф резким движением раскинул руки, а каменная стена раскрылась со скрежетом и треском, грубо разделив фиолетового бизона пополам. – Выйди здесь. Иди на свет. В переносном или буквальном смысле слова – это, как правило, верный путь.

– Жаль немного, – буркнул Геральт. – Я имею в виду фреску.

– Да ты, никак, шуткуешь, – сказал после недолгого молчания эльф, поразительно мягко и дружелюбно. – С фреской ничего не случится, таким же заклинанием я закрою скалу, даже следа от щели не останется. Иди. Я выйду за тобой, провожу. Я решил, что мне все-таки есть что сказать тебе. И показать.

Кругом стояла тьма, но ведьмак сразу понял, что пещера огромна. Это стало ясно по температуре и движению воздуха. Щебень, по которому они шли, был влажным.

Аваллак'х вычаровал свет – по эльфьей моде одним только жестом, не произнеся вслух заклинания. Светящийся шар взлетел к куполу, друзы горного хрусталя в стенах пещеры разгорелись мириадами розблесков, заплясали тени. Ведьмак невольно вздохнул.

Не впервой он видел эльфьи барельефы и статуи, но всякий раз ощущения были одинаковыми: застывшие на полудвижении, на полувздохе фигуры эльфов и эльфок, выполненные не резцом и долотом скульптора, а возникшие в результате могущественного волшебства, способного превратить живую ткань в белый амеллский мрамор.

Ближайшая статуя изображала эльфку, сидящую, подогнув ноги, на базальтовой плите. Эльфка повернула голову так, словно ее встревожил шорох приближающихся шагов. На ней не было ничего. Белый, отполированный до млечного блеска мрамор заставлял прямо-таки почувствовать излучаемое статуей тепло.

Аваллак'х остановился и оперся об одну из колонн, ограничивающих проход вдоль аллей скульптур.

– Второй раз, – тихо проговорил он, – ты меня раскрываешь, Геральт. Ты был прав, изображение бизоньей охоты на скале – камуфляж. Его цель – отбить желание разрушать стену. Защитить все это от разграбления и разорения. Любая раса, эльфья тоже, имеет право на свои корни. Двигайся, пожалуйста, осторожнее. По сути дела, это – кладбище.

Пляшущие на гранях горного хрусталя блики выхватывали из мрака очередные детали – за аллеей статуй проступали колоннады, ступени, амфитеатры галерей, аркад и перистилей.

Все из белого мрамора.

– Я хочу, – заговорил Аваллак'х, останавливаясь и обводя вокруг себя рукой, – чтобы это сохранилось. Даже когда мы уйдем, когда весь континент со всем здешним миром покроется многомильным слоем льда и снега, Tir na Bea Arainne сохранится. Мы отсюда уйдем, но когда-нибудь возвратимся. Мы, эльфы. Так предсказывает Aen Ithlinnespeath, пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien.

– И вы действительно верите в предсказание? Настолько глубок ваш фанатизм?

– Все было предсказано и напророчено. – Эльф смотрел не на него, а на мраморные колонны, покрытые тонкими, как паутинка, барельефами. – Ваше прибытие на континент, войны, потоки эльфьей и человечьей крови. Возвышение вашей расы, упадок нашей. Борьба владык Севера и Юга. «И поднимется король Юга против королей Севера, и зальет их земли могучим потоком; и будут они разбиты, а народы их уничтожены… И так начнется гибель мира». Помнишь текст Итлины, ведьмак? «Кто далеко – умрет от болезни, кто близко – падет от меча, кто останется, умрет с голоду, кто выживет, того погубит мороз… Ибо наступит Tedd Deireadh, Час Конца, Век Меча и Топора, Час Презрения, Час Белого Хлада и Волчьей Пурги…»

– Поэзия.

– Желаешь не столь поэтично? Пожалуйста. Изменится угол падения солнечных лучей, значительно сместится граница вечной мерзлоты. Надвигающиеся с севера ледники сомнут и сдвинут далеко к югу эти горы. Все заметет белым снегом слоем толщиной более мили. И наступят жесточайшие морозы.

– Ну что ж, станем носить кальсоны на меху, – без всяких эмоций пообещал Геральт. – Кожухи. И меховые шапки.

– Ну, прямо мои слова. Слово в слово, – спокойно согласился эльф. – И в этих теплых подштанниках и шапках вы пересидите катастрофу, чтобы в один прекрасный день вернуться сюда копать ямы и буйствовать в этих пещерах, уничтожать и разворовывать. Пророчество Итлины об этом не говорит, но я знаю. Людей, как и тараканов, полностью уничтожить невозможно, всегда хоть парочка да останется. Что касается эльфов, то Итлина тут более категорична: уцелеют лишь те, что пойдут за Ласточкой. Ласточка – символ весны, избавительница. Она отворит запретные двери, укажет путь спасения. И возвестит возрождение мира. Ласточка, Дитя Старшей Крови.

– То есть Цири? – не выдержал Геральт. – Либо ребенок Цири? Как? Каким образом? И почему?

Аваллак'х, казалось, не расслышал.

– Ласточка принадлежит Старшей Крови, – повторил он. – Ее крови. Иди и взгляни.

Даже среди других, совершенно реалистичных, пойманных в движении изваяний выделялось то, на которое указал Аваллак'х. Белая мраморная эльфка, полулежащая на плите, выглядела так, словно – разбуженная – вот-вот поднимется и сядет. Лицо ее было обращено к пустому месту рядом, а поднятая рука, казалось, прикасается там к чему-то невидимому.

Лицо эльфки выражало покой и счастье.

Много времени прошло, прежде чем Аваллак'х прервал тишину.

– Это Лара Доррен аэп Шиадаль. Разумеется, здесь не могила, а лишь кенотаф. Тебя удивляет поза статуи? Ну что ж, большинство не поддержало предложения изваять в мраморе обоих легендарных любовников: Лару и Крегеннана из Лёда. Крегеннан был человеком, и решили, что было бы святотатством тратить амеллский мрамор на его статую. Кощунством – помещать изваяние человека здесь, в Tir na Bea Arainne. С другой стороны, не менее преступно было бы умышленно и преднамеренно предавать забвению память об их чувствах. Поэтому выбрали золотую середину. Формально… Крегеннана здесь нет. И все же он есть. Во взгляде и позе Лары. Любовники – вместе. Ничто не смогло их разлучить. Ни смерть, ни забвение… Ни ненависть.

Ведьмаку показалось, что бесцветный голос эльфа на мгновение изменился. Но, пожалуй, это было не так.

Аваллак'х подошел к статуе, осторожным, мягким движением погладил мраморную руку. Потом отвернулся, а на его треугольном лице снова застыла привычная, немного насмешливая улыбка.

– Знаешь ли ты, ведьмак, что есть самый большой минус долголетия?

– Нет.

– Секс.

– Что?

– Ты правильно расслышал. Секс. Проходят неполных сто лет, и он становится скучным. В нем уже нет ничего, что могло бы увлечь и возбуждать, несло бы в себе призывную прелесть новизны. Все уже было… Так или иначе, но было. И тут вдруг происходит сопряжение сфер и появляетесь вы, сюда проникает горстка людей, прибывших из иного мира, из вашего древнего мира, который вам удалось-таки тотально уничтожить своими же собственными, все еще мохнатыми руками. Уничтожить спустя едва пять миллионов лет после вашего становления как вида. Вас

горстка, средняя продолжительность жизни у вас до смешного мизерна, поэтому ваше выживание зависит от темпа рождаемости, потому-то неуемная похоть никогда вас не покидает, секс управляет вами тотально, это влечение сильнее даже, чем инстинкт самосохранения. Умереть? А почему бы и нет, если предварительно удастся, прости, но я выражусь по-вашему, оттрахать. Вот в сжатом ракурсе вся ваша философия.

Геральт не прерывал и не комментировал, хоть желание было огромное.

– И что же вдруг оказалось? – продолжал Аваллак'х. – Эльфы, пресытившись пресыщенными эльфками, берут в жены всегда готовых к этому человеческих женщин, а пресытившихся эльфок извращенное любопытство толкает ко всегда полным пыла и темперамента человеческим самцам. И происходит нечто такое, что объяснить не может никто: эльфки, у которых нормально овуляция случается один раз в десять—двадцать лет, сочетаясь с людьми, начинают овулировать при каждом сильном оргазме. Пробуждается какой-то скрытый доселе гормон, может быть, комбинация гормонов. Эльфки понимают, что практически могут иметь детей только с людьми. Именно эльфки повинны в том, что мы не уничтожили вас, когда мы еще были сильнее. А потом уже сильнее стали вы и тут же принялись уничтожать нас. Но в лице эльфок вы все время имели союзников. Именно они были заступницами сожительства, сотрудничества и сосуществования. И не хотели признаться, что по сути дела речь шла о совместной постели.

– Что у всего этого, – кашлянул Геральт, – общего со мной?

– С тобой? Абсолютно ничего. Но с Цири – многое. Ведь Цири – потомок Лары Доррен аэп Шиадаль, а Лара Доррен была сторонницей сосуществования с людьми. В основном – с одним человеком. С Крегеннаном из Лёда… Человеческим чародеем. Лара Доррен сосуществовала с этим Крегеннаном часто и эффективно. Говоря проще – забеременела.

Ведьмак и на этот раз хранил молчание.

– Проблема состояла в том, что Лара Доррен не была обычной эльфкой. Она была генетическим зарядом. Специально препарированным. Плодом многолетних трудов. В соединении с другим зарядом, эльфьим, разумеется, ей предстояло родить еще более специализированного ребенка. Начиная с семени человека она похоронила эту возможность, свела на нет результаты сотен лет планирования и подготовки. Так по крайней мере думали тогда. Никто не предполагал, что рожденный Крегеннаном метис мог унаследовать от полноценной матери что-либо положительное. Нет, такой мезальянс не мог дать ничего

хорошего.

– И поэтому, – вставил Геральт, – он был сурово наказан.

– Но не так, как ты думаешь. – Аваллак'х быстро глянул на него. – Хотя связь Лары и Крегеннана принесла неисчислимые беды эльфам, а людям могла обернуться только добром, однако именно люди, а не эльфы прикончили Крегеннана. Люди, а не эльфы погубили Лару. Именно так и случилось, несмотря на то что у многих эльфов были причины ненавидеть любовников. В том числе и личные.

Геральта уже второй раз заставило задуматься незначительное изменение в голосе эльфа.

– Так или иначе, – продолжал Аваллак'х, – сосуществование лопнуло как мыльный пузырь, две расы кинулись перегрызать друг другу глотки. Началась война, которая длится до сих пор. А тем временем генетический материал Лары… продолжал существовать, как ты уже, несомненно, догадываешься. И даже развиваться. К сожалению, он мутировал. Да, да. Твоя Цири – мутант.

И на этот раз эльф не дождался комментария.

– Разумеется, к этому руку приложили ваши чародеи, хитроумно соединяя выращиваемых индивидуумов в пары, но и у них это тоже вышло из-под контроля. Мало кто догадывается, каким чудом генетический материал Лары Доррен так мощно возродился в Цири. Что послужило толчком. Я думаю, это знает Вильгефорц, тот самый, что на Танедде пересчитал тебе косточки. Чародеи, экспериментировавшие с потомками Лары и Рианнон, какое-то время осуществлявшие регулярное выращивание потомства, не дождались ожидаемых результатов, устали и пустили дело на самотек. Но эксперимент продолжался, правда, теперь уже самостоятельно. Цири, дочь Паветты, внучка Калантэ, прапраправнучка Рианнон, была истинным потомком Лары Доррен. Вильгефорц узнал об этом скорее всего случайно. Знает об этом также Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда.

– И ты.

– Я знаю даже больше, чем они оба, вместе взятые. Но это не имеет значения. Жернова предназначения действуют, мельница судьбы работает… Предначертанному суждено сбыться.

– А что должно сбыться?

– Что было предопределено свыше, в переносном смысле, разумеется. То, что предопределено действием безотказно функционирующего механизма, в основе которого лежат Цель, План и Результат.

– Все это либо поэзия, либо метафизика. Либо и то и другое, ибо порой их трудно разграничить. Возможно ли привести хоть

что-либо конкретное? Пусть минимальное? Я охотно подискутировал бы с тобой о том о сем, но так получилось, что у меня срочное дело.

Аваллак'х долго смотрел на него.

– И куда ты так спешишь? Ах, прости… Ты, мне кажется, ничего не понял из сказанного. Так скажу прямо: твой великий спасательный поход уже лишен смысла. Потерял его полностью. Причин тут несколько, – продолжал эльф, глядя на каменное лицо ведьмака. – Во-первых, уже слишком поздно: основное зло совершилось, ты не в состоянии уберечь ее. Во-вторых, сейчас, уже ступив на соответствующий путь, Ласточка прекрасно управится сама, слишком большую силу она носит в себе, чтобы опасаться чего-либо. Твоя помощь ей не нужна. А в-третьих, хм…

– Я слушаю тебя, Аваллак'х. Все время. Внимательно.

– В-третьих… В-третьих, теперь ей поможет кто-то другой. Полагаю, ты не настолько нахален, чтобы думать, будто эту девушку предназначение связало только и исключительно с тобой.

– Это все?

– Да.

– Тогда до свидания.

– Подожди.

– Я же сказал: я спешу.

– Предположим на минутку, – спокойно сказал эльф, – что я действительно знаю, что случится, что я вижу будущее. Ежели я скажу тебе, что то, чему суждено случиться, произойдет независимо от твоих усилий? От твоих шагов и решений? Если сообщу, что ты мог бы подыскать себе какое-нибудь спокойное место на земле и сидеть там, ничего не делая, а только ожидая неизбежных последствий хода событий, решишься ли ты на что-нибудь подобное?

– Нет.

– А если я скажу, что твоя активность, свидетельствующая о неверии в непоколебимые механизмы Цели, Плана и Результата, может, хотя вероятность этого исчезающе мала, все же действительно кое-что изменить, но исключительно в худшую сторону? Продумаешь ли ты эту проблему заново? Ах, я уже вижу по выражению твоего лица, что нет. Тогда спрошу напрямую: почему нет?

– Ты действительно хочешь знать?

– Да.

– Потому что просто-напросто не верю в твои метафизические баналы о целях, планах и идущих откуда-то сверху замыслах творцов. Не верю также в ваше знаменитое предсказание Итлины

и другие пророчества. Я считаю их, представь себе, точно такой же ерундой и мистификацией, как твоя наскальная картина. Фиолетовый бизон, Аваллак'х. Ничего больше. Не знаю, то ли ты не можешь, то ли не хочешь мне помочь. Однако я на тебя не в обиде…

– Говоришь, не могу или не хочу помочь? А как можно это сделать?

Геральт на мгновение задумался, прекрасно понимая, что от соответствующей формулировки вопроса зависит многое.

– Я найду Цири?

Ответ был дан незамедлительно.

– Найдешь, но только для того, чтобы тут же потерять. Насовсем, безвозвратно. Одного из своих спутников ты потеряешь в ближайшие же недели, возможно, дни. Может быть, даже часы.

– Благодарю.

– Я еще не кончил. Непосредственным и скорым результатом твоего вмешательства в перемалывающие жернова Цели и Плана будет смерть нескольких десятков тысяч людей. Что, впрочем, не имеет особого значения, поскольку вскоре после этого с жизнью расстанутся десятки миллионов человек. Мир, каким ты его знаешь, просто исчезнет, перестанет существовать, чтобы после определенного времени возродиться в совершенно ином виде. Но на этот-то раз никто не имеет и не будет иметь никакого влияния, никто не в состоянии этого предотвратить или повернуть пути свершений. Ни ты, ни я, ни чародеи, ни Знающие, Ведуны. Ни даже Цири. Никто. Что скажешь на это?

– Фиолетовый бизон. Тем не менее благодарю тебя, Аваллак'х.

– Однако же, – пожал плечами эльф, – меня интересует, что может сделать камушек, попадающий в жернова… Могу ли я еще что-то для тебя сделать?

– Пожалуй, нет. Ведь показать мне Цири, думается, ты не можешь?

– Кто тебе сказал?

Геральт затаил дыхание.

Аваллак'х быстро направился к стене пещеры, дав знак ведьмаку следовать за ним.

– Стены Tir na Bea Arainne, – указал он на искрящиеся друзы горного хрусталя, – обладают особыми свойствами. А я, без ложной скромности, обладаю особым искусством. Положи сюда руку. Вглядись. Думай интенсивно. О том, как сильно ты сейчас ей нужен. И прояви, я так скажу, максимальное желание помочь. Думай о том, что хочешь мчаться ей на выручку, быть рядом, что-то в этом роде. Изображение должно возникнуть само. И быть

четким. Смотри, но воздержись от бурных реакций. И ничего не говори. Это будет изображение, а не связь.

Геральт так и сделал.

Первые картинки, вопреки заверению, не были четкими. Они были размытыми, но при этом столь неожиданными, что он невольно отпрянул. Отрубленная рука на крышке стола… Кровь, разбрызганная по стеклянной плите… Скелеты людей на скелетах лошадей… Йеннифэр, закованная в цепи.

Башня. Черная Башня. А за ней, в глубине… Полярное сияние?

И вдруг, совершенно неожиданно, без предупреждения изображение стало четким, даже слишком четким.

– Лютик! Мильва! – крикнул Геральт. – Ангулема!

– Что? – заинтересовался Аваллак'х. – Ах, да. Сдается мне, ты все испортил.

Геральт отскочил от стены. Чуть не перевернулся, задев за базальтовый постамент.

– Не важно, черт побери! – крикнул он. – Слушай, Аваллак'х, мне необходимо как можно скорее добраться до друидского леса…

– Каэд Мырквида?

– Кажется, так! Моим друзьям грозит смертельная опасность! Они борются за жизнь! Под угрозой и другие люди… Как можно скорее. Ах, дьявольщина! Я возвращаюсь за мечом и конем…

– Ни один конь, – спокойно прервал эльф, – не сумеет донести тебя до леса Мырквид до наступления сумерек…

– Но я…

– Я еще не докончил. Иди за своим знаменитым мечом, а я тем временем подыщу тебе носителя. Прекрасного носителя по горным тропам. Это будет носитель, я бы сказал, немного нетипичный… Но благодаря ему ты будешь в Каэд Мырквиде через неполных полчаса.

От стучака несло лошадью – но на этом и кончалось подобие. Геральт когда-то присутствовал в Махакаме на краснолюдских состязаниях по объездке горных муфлонов, и это показалось ему тогда совершенно изумительным спортом. Но лишь теперь, сидя на спине мчащегося как ветер стучака, он понимал, что такое истинная изумительность!

Чтобы не свалиться, он конвульсивно впивался пальцами в жесткие патлы и стискивал бедрами косматые бока чудища. Стучак вонял конским потом, мочой и водочным перегаром. Гнал, как сумасшедший, от ударов его гигантских ступней земля гудела так, словно подошвы у стучака были из бронзы. Чуть-чуть

притормаживая, он взмывал на склоны, а спускался с них так быстро, что воздух завывал в ушах. Мчался по граням, крутым горным тропинкам и полкам таким узким, что Геральт зажмуривался, чтобы не глядеть вниз. Он перелетал через водопады, каскады, пропасти и расщелины, через которые не перепрыгнул бы муфлон, а каждый удачный прыжок сопровождался диким оглушительным ревом. То есть еще более диким и еще более оглушительным, чем обычно – потому что практически стучак ревел беспрерывно.

– Не гони так! – Встречный ветер вогнал слова ведьмаку обратно в глотку.

– Почему ж?

– Ты же пил!

– Уууууаааахаааа!

Дикая гонка продолжалась. В ушах свистело.

Стучак вонял.

Грохот огромных стоп о камень оборвался, загудели пролысины и щебень. Потом грунт сделался не таким каменистым, мигнуло что-то зеленым, это могли быть горные сосны. Потом мелькнуло зеленым и коричневым – это стучак в смертоубийственных прыжках мчался сквозь еловый лес. Запах смолы перемешивался с вонью чудища, создавая неповторимый букет.

– Ууаааахааа!

Кончились ели, зашумела опавшая листва. Теперь кругом было красно, бордово, охрово и желто.

– Мееедлееенееей!

– Уаааахахахахха!

Стучак длинным прыжком перелетел через груду поваленных деревьев. Геральт чуть было не откусил себе язык.

Дикая скачка окончилась так же бесцеремонно, как и началась. Стучак врылся ступнями в землю, зарычал и скинул ведьмака на устланную листьями почву. Геральт какое-то время лежал, не в состоянии даже выругаться. Потом встал, шипя, и принялся массировать колено, в котором снова заговорила боль.

– Глянь-ка, ты так и не свалился, – удивленно отметил факт стучак. – Ну, ну.

Геральт промолчал.

– А ведь мы на месте. – Стучак указал косматой лапой. – Вот Каэд Мырквид.

Внизу, под ними, раскинулась котловина, плотно забитая туманом, сквозь который просвечивали верхушки больших деревьев.

– Этот туман, – опередил вопрос стучак, принюхиваясь, – не естественный. Кроме того, оттуда несет дымом. На твоем месте я б поспешил. Ийэ-э-эх, пошел бы я с тобой. Меня аж мутит, так хочется подраться! Я уж с дитячьих времен мечтал напасть на людей, да еще с ведьмаком на хребте! Но Аваллак'х запретил мне показываться. Тут дело в безопасности всего нашего общества.

– Знаю.

– Не обижайся, что я дал тебе по зубам.

– А я и не обижаюсь.

– Ты мужик что надо.

– Спасибо. За то, что подвез, – тоже.

Стучак выдвинул зубы из рыжей бороды и дохнул водочным перегаром. Раз, но крепко.

– За то, что ехал на мне, – тоже благодарствую.

Туман, затягивающий лес Мырквид, был плотным и имел неправильную форму, напоминавшую грудку взбитой сметаны, которую наляпала на торт полудурная кухарка. Этот туман напомнил Геральту Брокилон – лес дриад частенько затягивало таким же плотным защитным и камуфлирующим магическим испарением. Наподобие брокилонской была и благородная и грозная атмосфера пущи, здесь, на опушке, состоящей в основном из ольхи и буков.

И совсем уж как в Брокилоне, на опушке леса, на устланной листьями дороге, Геральт почти споткнулся о трупы.

Зверски изрубленные люди были не друидами, не нильфгаардцами, наверняка не входили в банду Соловья и Ширру. Еще прежде чем Геральт рассмотрел в тумане контуры телег, он вспомнил, что Регис упоминал о пилигримах. Получалось, что для некоторых из них паломничество окончилось не очень счастливо.

Все ощутимее становился запах дыма и гари, неприятный во влажном воздухе. Он указывал путь. Вскоре к нему присоединились и голоса. Окрики. И фальшивая мяукающая музыка гуслей.

Геральт пошел быстрее.

На раскисшей от дождей дороге стоял воз. Рядом с колесами валялись очередные трупы.

В телеге шерудил один из бандитов, вываливая на дорогу груз и инструменты. Другой держал выпряженных лошадей, третий сдирал с убитого пилигрима шубу из чернобурки. Четвертый перепиливал смычком найденные, видимо, среди трупов гусли. Ему никак не удавалось извлечь из инструмента

хотя бы один чистый звук.

Какофония помогла – приглушила шаги Геральта.

Музыка оборвалась резко, струны гуслей душераздирающе застонали, разбойник рухнул на листья и оросил их кровью. Державший лошадей бандит не смог даже крикнуть, сигилль перерезал ему горло. Третий не успел спрыгнуть с воза, повалился рыча, с рассеченной бедренной артерией. Последний сумел выхватить меч из ножен. Но поднять его уже не успел.

Геральт стряхнул большим пальцем кровь со щеки.

– Да, сынки, – бросил он в сторону леса и запаха дыма. – Неумно вы поступили. Не надо было слушать Соловья и Ширру. Надо было оставаться дома.

Вскоре он наткнулся на новые телеги и новых убитых. Среди множества порубленных и зарезанных пилигримов лежали друиды в заляпанных кровью белых одеяниях. Дым уже недалекого пожара стлался низко над землей.

На сей раз разбойники были бдительнее. Ему удалось захватить врасплох только одного, занятого стягиванием дешевеньких колечек и браслетов с окровавленных рук убитой женщины. Геральт не раздумывая рубанул бандита. Тотчас зарычали остальные – разбойники и нильфгаардцы – и с криком кинулись на него.

Он отскочил к лесу, под ближайшее дерево, так, чтобы ствол защищал спину. Однако не успели разбойники подбежать, как загудели копыта, и из кустов и мглы выдвинулся огромный конь, покрытый попоной в красно-золотые шашечки, расположенные по диагонали. Конь нес наездника в полном вооружении, снежно-белом плаще и шлеме с клювообразным решетчатым забралом. Прежде чем бандиты успели остыть, рыцарь уже рубил мечом налево и направо. Кровь лилась фонтанами. Зрелище было изумительное.

Однако Геральту некогда было любоваться роскошными картинками, у него у самого на шее сидели двое – разбойник в вишневой куртке и черный нильфгаардец. Разбойника, который приоткрылся при выпаде, он хлобыстнул по морде. Нильфгаардец, увидев, как у напарника вылетели зубы, взял, как говорится, ноги в руки и скрылся в тумане.

Геральта чуть было не истоптал конь в клетчатой попоне, бегущий без седока.

Он немедленно кинулся к тому месту, откуда доносились крики, ругань и грохот.

Три бандита стащили рыцаря в белом плаще с седла и теперь пытались прикончить. Один, расставив ноги на ширину плеч,

дубасил топором, второй рубил мечом, третий, маленький и рыжий, зайцем скакал вокруг, поджидая возможности отыскать незащищенное место, в которое можно было бы всадить рогатину. Поваленный на землю рыцарь что-то нечленораздельно гудел внутри шлема и отбивал удары щитом, который держал обеими руками. После каждого удара топора щит опускался все ниже. Было ясно: еще один-два таких удара – и рыцарские внутренности полезут из всех щелей лат.

Геральт тремя прыжками пробился внутрь клубка дерущихся, ткнул в шею подпрыгивающего рыжика с рогатиной, широко хлестнул по брюху бандюгу, орудующего топором. Рыцарь, несмотря на явно мешающие ему латы, изловчился и треснул третьего разбойника по колену краем щита, потом трижды съездил по лицу так, что кровь забрызгала щит. Кое-как поднялся на колени и принялся шарить по папоротникам в поисках меча, гудя при этом не хуже гигантского жестяного трутня. Вдруг увидел Геральта и замер.

– В чьих же я руках? – прогудел он из глубин шлема.

– Ни в чьих. Все, кто здесь лежит, – это и мои враги.

– Ага… – Рыцарь пытался поднять забрало, но металл был погнут и шарниры заблокировало. – Слово чести! Стократно благодарю за помощь.

– Что вы, что вы? Как можно? Ведь именно вы пришли на помощь мне.

– Серьезно? И когда же?

«Он ничего не видел, – подумал Геральт. – Он меня даже не заметил сквозь дырки в своем железном горшке».

– Как ваше имя? – спросил рыцарь.

– Геральт. Из Ривии.

– Ваш герб?

– Сейчас не время для геральдики, милсдарь рыцарь.

– Слово чести, вы правы, мужественный кавалер Геральт. – Рыцарь наконец отыскал свой меч и встал. Его погнутый щит, как и попона лошади, был украшен красно-золотыми шашечками. По полям щит обрамляли попеременно расположенные буквы *А* и *Г*.

– Это не мой родовой герб, – загудел он, поясняя. – Это инициалы моей сюзеренки, княгини госпожи Анны-Генриетты. Меня зовут Рыцарем Шахматной Доски… Я – странствующий рыцарь. Имени своего и герба я не могу открывать. Я дал рыцарский обет. Слово чести, еще раз благодарю за помощь, кавалер.

– Полная взаимность. Полнейшая, Рыцарь без имени и герба!

Один из поваленных бандитов застонал и зашебуршился в листве. Шашечно-шахматный рыцарь подскочил и мощным

тычком пригвоздил его к земле. Разбойник задергал руками и ногами как приколотый булавкой паук.

– Поспешим, – сказал рыцарь. – Банда все еще здесь свирепствует. Слово чести, еще не время отдыхать!

– Верно, – согласился Геральт. – Банда буйствует в лесу, убивает пилигримов и друидов. Мои друзья в опасности…

– Простите, – перебил рыцарь. – Я отвлекусь на минуточку.

Другой разбойник еще подавал признаки жизни. И тоже был с размаху пригвожден, а задранными кверху ногами выкручивал такие кренделя, что у него даже сапоги слетели.

– Слово чести. – Шашечный рыцарь вытер меч куском меха. – Тяжко этим сволочам расставаться с жизнью! Не удивляйтесь, кавалер, что я раненых добиваю. Слово чести, давно так не поступал. Но эти мерзавцы приходят в себя так быстро, что порядочный человек только позавидовать может. С тех пор, как с одной такой шельмой мне довелось иметь дело три раза подряд, я взял за правило приканчивать их тщательнее. В смысле – так, чтобы уж наглухо.

– Понимаю, понимаю.

– Я, видите ли, рыцарь странствующий. Но, слово чести, не странный! О, вот и моя лошадь. Иди сюда, Буцефал!

Лес сделался просторнее и светлее. Основное место в нем стали занимать огромные дубы с раскидистыми, но редкими кронами. Геральт и рыцарь уже издалека почувствовали дым и вонь пожара. А через минуту и увидели.

Горели крытые камышом хаты, из которых состоял весь небольшой поселок. Горели тенты телег. Между телегами валялись трупы – многие в издалека заметных белых друидских одеждах.

Бандиты и нильфгаардцы, придавая себе храбрости ревом и скрываясь за телегами, которые толкали перед собой, атаковали большой, стоящий на сваях дом, привалившийся к стволу гигантского дуба. Дом был сложен из толстых бревен и крыт крутым гонтом, по которому без вреда для дома скатывались забрасываемые бандитами факелы. Осажденный дом защищался и успешно огрызался – на глазах Геральта один из бандитов неосторожно высунулся из-за телеги и рухнул, словно громом пораженный, со стрелой в черепе.

– Твои друзья, – проявил сообразительность шахматно-шашечный рыцарь, – должны быть в этом доме! Слово чести, крепко их осадили! Вперед, поспешим на помощь!

Геральт услышал скрипящие выкрики и приказы, узнал разбойника Соловья с перевязанной харей. Какое-то мгновение

видел и полуэльфа Ширру, прячущегося за спины нильфгаардцев в черных плащах.

Неожиданно взревели рога, да так, что листья посыпались с дубов. Загудели копыта боевых коней, заблестели латы и мечи атакующего рыцарства. Бандиты с криками разбежались в разные стороны.

– Клянусь честью! – рявкнул Шахматный Рыцарь, подгоняя коня. – Это мои друзья! Нас опередили! Вперед, чтобы и нам немного хвалы досталось! Бей-убивай!

Пустив Буцефала в галоп, Шахматный Рыцарь налетел на разбегающихся бандитов первым, мгновенно зарубил двоих, остальных разогнал не хуже, чем ястреб воробьев. Двое свернули в сторону подбежавшего Геральта, ведьмак тут же расправился с ними.

А третий выстрелил в него из «гавриила». Миниатюрные самострелы изобрел и запатентовал некий Гавриил, ремесленник из Вердэна. Рекламировал он их словами: «Защити себя сам. Вокруг тебя махровым цветом цветут бандитизм и насилие. Закон бессилен и неповоротлив. Защити себя сам! Не выходи из дома без карманного самострела марки „Гавриил“. Гавриил – твой защитник. Гавриил защитит тебя и твоих близких».

Распродавались мини-самострелы в рекордных количествах. Вскоре исключительно удобными при нападении «гавриилами» вооружились все бандиты.

Геральт был ведьмаком, умел уклоняться от стрелы. Но он забыл о больном колене, вольт запоздал на дюйм, листовидный наконечник разорвал ему ухо. Боль ослепила, но всего лишь на мгновение. Бандит не успел натянуть тетиву и «защитить себя сам». Разъяренный Геральт рубанул его по рукам, а потом выпустил из него кишки широким ударом сигилля.

Он даже не успел стереть кровь с уха и шеи, когда на него налетел маленький и шустрый как ласка типус с неестественно пылающим взором, вооруженный кривой зерриканской саблей, которую он крутил с поразительной ловкостью. Он уже парировал два удара Геральта. Отменная сталь клинков звенела, рассыпая искры.

Ласкотипус был быстр и внимателен – моментально заметил, что ведьмак прихрамывает, и тут же начал обходить его и нападать с удобной для себя стороны. Да, он был невероятно быстр, острие саберры прямо-таки выло при взмахах, выполняемых очень опасными перекрестными движениями. Геральту все труднее было уходить от ударов. И он все сильнее припадал на больную ногу, вынужденный опираться на нее.

Неожиданно Ласка пригнулся, прыгнул, проделал ловкий

финт и ударил с размаху. От уха. Геральт парировал наискось и отбил. Бандит ловко вывернулся и уже шел согнувшись, чтобы ударить снизу, очень опасно, но тут вдруг выпучил глаза, могуче чихнул и пустил сопли, на мгновение ослабив защиту. Ведьмак молниеносно секанул его по шее. Острие дошло до позвонков.

– Ну и пусть кто-нибудь скажет, – тяжело вздохнул он, глядя на дергающийся труп, – что пользоваться фисштехом не вредно.

Налетевший на него с поднятой палицей бандит споткнулся и рухнул носом в грязь. Из затылка у него торчала стрела.

– Я иду, ведьм! – крикнула Мильва. – Иду! Держись!

Геральт обернулся, но рубить уже было некого. Мильва застрелила единственного оставшегося рядом бандита. Остальные сбежали в лес, преследуемые разномастным рыцарством. Нескольких гонял на Буцефале Рыцарь Шахматной Доски. Видимо, догнал, потому что было слышно, как зверски он сквернословит в лесу.

Один из черных нильфгаардцев, не до конца убитый, вдруг вскочил и кинулся бежать. Мильва мгновенно подняла и натянула лук, завыли перья, нильфгаардец ткнулся лицом в опавшую листву. Между лопаток торчала стрела.

Лучница тяжело вздохнула.

– Повесят.

– Чего ради?

– Нильфгаардец же. А здесь Нильфгаард. И я уж второй месяц как стреляю в основном в имперских.

– Туссент здесь, а не Нильфгаард. – Геральт пощупал голову, отнял руку. Вся в крови.

– Черт! Глянь-ка, Мильва, что там такое?

Лучница глянула внимательно и критически, потом сказала:

– Просто тебе ухо оторвало. Ничего страшного.

– Тебе легко говорить. Я, понимаешь ли, любил это ухо. Помоги чем-нибудь обмотать, а то кровь за ворот течет. Где Лютик и Ангулема?

– В халупе, с пилигримами… А, зараза…

Затопали копыта, из тумана галопом вынеслись три наездника на боевых конях. Развевались плащи, трепыхались флажки на пиках. Еще не умолк их боевой клич, а Геральт уже ухватил Мильву за руку и затащил под телегу. Не следует шутить с теми, кто нападает, вооруженный четырнадцатифутовыми копьями, позволяющими эффективно поражать противника в десяти футах перед головой коня.

– Вылазь! – Кони рыцарей рыли подковами землю рядом с телегой. – Бросай оружие и вылезай!

– Повесят! – буркнула Мильва. И вполне могла быть права.

– Эй, голодранцы! – звонко рыкнул один из рыцарей, у которого на щите была нарисована черная бычья голова на серебряном поле. – Эй, шелупонь, повесим, слово чести!

– Слово чести, – подхватил юношеским голосом другой, вооруженный одноцветным голубым щитом. – На месте иссечем!

– Эге-гей! Хватит! Стоять!

Из тумана возник на Буцефале Рыцарь Шахматной Доски. Ему наконец-то удалось поднять искореженное забрало шлема, из-за которого теперь торчали буйные светлые усы.

– Освободить их, да поживее! – крикнул он. – Это не грабители, а честные и порядочные люди! Девушка мужественно встала на защиту пилигримов, а этот кавалер – прекрасный рыцарь!

– Прекрасный рыцарь? – Бычья Голова поднял забрало шлема, весьма недоверчиво пригляделся к Геральту. – Слово чести! Быть не может!

– Слово чести! – Шахматный Рыцарь ударил себя кулаком по нагруднику лат. – Быть может! Даю слово! Этот мужественный кавалер жизнь мне спас, когда я оказался в тяжелейшем положении, поваленный на землю бандюгами. Его зовут Геральт из Ривии.

– Герб?

– Я не могу выдавать, – проворчал ведьмак. – Ни настоящего имени, ни герба. Дал рыцарский обет. Я – странствующий Геральт.

– О-о-о-о! – завопил вдруг знакомый нахальный голос. – Гляньте-ка, кого кот принес! Ну, говорила ж я тебе, тетечка, что ведьмак наверняка придет нам на помощь!

– И в самую пору! – крикнул подходящий с Ангулемой и группой перепуганных пилигримов Лютик, несущий лютню и свою неразлучную тубу. – Ни на секунду раньше! У тебя изумительное чувство драматизма, Геральт. Ты должен писать пьесы для театров!

Он вдруг умолк. Бычья Голова наклонился в седле, глаза у него загорелись.

– Виконт Юлиан?

– Барон де Пейрак-Пейран?

Из-за дубов выехали еще два рыцаря. Один, в горшкообразном шлеме, украшенном очень удачно выполненным чучелом белого лебедя с раскинутыми крыльями, вел на аркане двух пленных. Второй рыцарь, странствующий, но практичный, готовил веревки и подыскивал соответствующий сук.

– И не Соловей. – Ангулема заметила взгляд ведьмака. – И не Ширру. Жаль.

– Угу, – согласился Геральт. – Но попытаемся исправить дело. Милсдарь рыцарь…

Но Бычья Голова – он же барон де Пейрак-Пейран – не обращал на него внимания. Видел он, казалось, одного только Лютика.

– Слово чести, – протянул он. – Да уж не подводит ли меня зрение? Это ж милостивый государь виконт Юлиан собственной персоной! Хо! Ну, вот государыня-то княгиня обрадуется!

– Что еще за виконт Юлиан? Кто таков? – полюбопытствовал ведьмак.

– Это я, – вполголоса сказал Лютик. – Не вмешивайся, Геральт.

– Да уж, вот обрадуется госпожа Анарьетта, – повторил барон де Пейрак-Пейран. – О, уж да. Слово чести! Всех вас забираем в замок Боклер. Только без отговорок, виконт, никакие отговорки и слушать не стану!

– Часть разбойников сбежала. – Геральт позволил себе довольно холодный тон. – Для начала предлагаю их выловить. Потом подумаем, как продолжить столь увлекательно начавшийся день. Как вы на это, милостивый государь барон?

– Слово чести, – сказал Бычья Голова. – Ничего из этого не получится. Погоня невозможна. Преступники сбежали за ручей, а нам за ручей даже ногой ступить нельзя, даже краешком копыта. Тамошняя часть леса Мырквид – неприкосновенное святилище, святая святых в соответствии с компактатами,[17] заключенными с друидами милостиво правящей в Туссенте ее высочеством княгиней Анной-Генриеттой…

– Но туда сбежали разбойники, черт побери, – в бешенстве прервал Геральт, – и теперь начнут в этой святая святых людей мордовать и убивать! А мы тут о каких-то компактатах чушь несем…

– Мы дали рыцарское слово! – Похоже, барону де Пейрак-Пейрану подходила бы на щите не бычья, а баранья голова. – Нельзя никак! Компактаты! Ни шагу на друидскую территорию!

– Кому нельзя, тому не можно, – фыркнула Ангулема, таща за трензеля двух бандитских лошадей. – Кончай пустой треп, ведьмак. Едем. У меня еще не закончены расчеты с Соловьем, а ты, если не ошибаюсь, хотел бы малость потолковать с полуэльфом.

– Я с вами! – сказала Мильва. – Подыщу только какую-нибудь кобылу.

– Я тоже, – пробормотал Лютик. – Я тоже с вами…

– О, что нет, то уж нет! – воскликнул бычьеголовый барон. – Слово чести, милсдарь виконт Юлиан поедет с нами в замок

Боклер. Княгиня не простит нам, если мы его встретим, да не привезем. Вас не задерживаем, вы свободны в своих планах и свершениях. Как друзей виконта Юлиана ее высочество госпожа Анарьетта с удовольствием достойно приняла бы в замке и знатно угостила, но ничего не поделаешь, если вы брезгуете приглашением…

– Мы не брезгуем, – прервал Геральт, грозным взглядом удерживая Ангулему, которая за спиной барона выделывала согнутой в локте рукой всяческие паскудные и обидные жесты. – Мы далеки от того, чтобы брезговать. Мы не преминем поклониться княгине и воздать ей соответствующие почести. Однако вначале докончим то, что докончить обязаны. Мы тоже дали слово, можно даже сказать, тоже заключили кое с кем компактаты. Как только мы с ними разделаемся, незамедлительно направимся в замок Боклер. Прибудем туда тотчас и в обязательном порядке.

– Хотя бы только ради того, – добавил он многозначительно и с нажимом, – чтобы присмотреть, дабы никакой вред и неуважение не были нанесены там нашему другу Лютику. То бишь, тьфу ты, Юлиану. Виконту, значит.

– Слово чести! – рассмеялся вдруг барон. – Никакого вреда или неуважения не будет проявлено виконту Юлиану, готов поклясться! О, кстати, совсем забыл сказать, виконт: князь-то Раймунд скончался два года назад от апоплексического удара. Увы нам!

– Хо-хо! – воскликнул Лютик, бурно расцветая. – Князек-то чебурахнулся, стало быть! Вот так шикарная и радостная новость… То есть, я хотел сказать, какая жалость и печаль, какое несчастье и утрата… Пусть ему земля будет прахом, в смысле – пухом… Однако, если все обстоит именно так, то едемте в Боклер поскорее, господа рыцари! Геральт, Мильва, Ангулема – до встречи в замке!

Они перешли вброд ручей, загнали лошадей в лес, меж раскидистых дубов, в доходящие до стремян папоротники. Мильва запросто нашла след убегающей шайки. Поехали с максимально возможной скоростью. Геральт опасался за друидов. Боялся, что остатки недобитой банды, почувствовав себя в безопасности, решат отыграться на друидах за разгром, учиненный им странствующим рыцарем из Туссента.

– Ну, лафа Лютику, – неожиданно сказала Ангулема. – Когда нас соловьи окружили в халупе, он признался мне, чего боится в Туссенте. Повезло поэту.

– Я догадывался, – отозвался ведьмак. – Только не думал, что

он так высоко нацелился. Госпожа княгиня, ничего себе!

– Это было несколько лет назад, а князь Раймунд, тот, что чебурахнулся, вроде бы поклялся вырвать у поэта сердце, запечь его и подать неверной благоверной княгине на ужин. И заставить съесть. Подфартило нашему цветику, что не попал он князю в лапы, когда тот еще в силе был. Нам тоже повезло…

– Это еще бабка надвое сказала.

– Лютик утверждает, что княгиня Анарьетта влюблена в него до умопомрачения.

– Обычное Лютиково бахвальство.

– Заткнитесь, – буркнула Мильва, натягивая поводья и взявшись за лук.

Перебегая от дуба к дубу, в их сторону мчался разбойник, без шапки, без оружия. Ничего не видя и не замечая вокруг, он бежал и падал, вставал, снова бежал и снова падал. И при этом орал. Тонко, пронзительно, жутко.

– В чем дело? Что такое? – удивилась Ангулема.

Мильва молча натянула лук. Но стрелять не стала, ждала, пока бандит приблизится, а тот бежал прямо на них, словно их не видя. Пробежал между конями ведьмака и Ангулемы. Они видели его лицо, белое как сметана и искривленное ужасом, видели выпученные глаза.

– Какого черта? – повторила Ангулема.

Мильва отряхнулась от оцепенения, повернулась в седле и послала стрелу беглецу в крестец. Разбойник зарычал и рухнул в папоротники.

Земля содрогнулась. С ближнего дуба посыпались желуди.

– Интересно, – сказала Ангулема, – от чего он так драпал…

Земля задрожала снова. Зашелестели кусты, затрещали ветви.

– Да что ж это такое-то? – чуть не простонала Мильва. поднимаясь на стременах. – Что, говорю, такое, ведьмак?

Геральт поднял глаза, увидел и громко вздохнул. Ангулема тоже увидела. И побледнела.

– А, курва…

Конь Мильвы тоже увидел, панически заржал, поднялся на дыбы, а потом поддал крупом. Лучница вылетела из седла и тяжело повалилась на землю. Конь помчался в лес. Кобыла ведьмака, не раздумывая, бросилась за ним следом, неудачно выбрав дорогу под низко свисающей веткой дуба. Ветка смела ведьмака с седла. От удара и боли в колене он едва не потерял сознание.

Ангулеме дольше других удавалось удерживать разбушевавшегося коня, но в конце концов и она оказалась на земле, а конь сбежал, чуть не растоптав поднимающуюся с земли

Мильву.

И тогда они четко увидели то, что на них надвигалось. И совершенно, то есть абсолютно, перестали удивляться панике животных.

Существо напоминало гигантское дерево, раскидистый вековой дуб, а может, оно и было дубом. Но очень уж дубом нетипичным. Вместо того чтобы позволять бегать по себе белочкам и гадить на себя коноплянкам, этот дуб резво вышагивал по лесу, мерно топал толстенными корнями и размахивал ветвями. Толстый ствол – или туловище? – чудища на глаз был саженей двух в диаметре, а зияющее в нем дупло было, пожалуй, не дуплом, а пастью, потому что чавкало со звуком, напоминающим хлопанье тяжелых дверей.

Хоть под его гигантским весом земля дрожала так, что было трудно удержать равновесие, существо мчалось по выбоинам и колдобинам удивительно ловко. И делало это не без цели.

На их глазах оно замахало ветками, свистнуло веточками и выловило из ямы спрятавшегося бандита так же ловко, как аист вылавливает из травы притаившуюся там лягушку. Оплетенный ветвями мерзавец повис в кроне, воя так пронзительно, что аж зубы ныли. Геральт увидел, что в кроне чудовища уже висят три таким же образом схваченных разбойника. И один нильфгаардец.

– Бегите… – прошептал он, тщетно пытаясь встать. Ощущение было такое, будто в колено кто-то ритмично вколачивал раскаленный добела гвоздь. – Мильва, Ангулема… Бегите…

– Мы тебя не оставим!

Дубочуд услышал, радостно притопнул корнями и направился в их сторону. Ангулема, напрасно пытаясь поднять Геральта, выругалась особо цветисто и мерзопакостно. Мильва дрожащими руками пробовала поставить стрелу на тетиву. Это было бессмысленно и глупо.

– Бегите!

Поздно. Дубочуд был уже рядом. Парализованные ужасом, они теперь отчетливо видели его добычу – четырех разбойников, висящих в оплетающих их ветках. Двое были явно живы, потому что издавали хриплые стоны и дрыгали ногами. Третий, кажется, потерявший сознание, висел безвольно. Чудовище явно старалось хватать их живыми. Но с четвертым пойманным ему не повезло, вероятно, по невнимательности оно слишком сильно его сдавило, что было видно по вытаращенным глазам жертвы и языку, вывалившемуся далеко, аж на испачканный кровью и рвотой подбородок.

В следующую секунду они тоже висели в воздухе, оплетенные ветками, и все трое орали во весь голос.

– Вылавливай, – услышали они снизу, со стороны корней, – Деревушко, вылавливай.

За дубочудом, легонько подгоняя его прутиком, бежала молодая друидка в белой одежке и веночке из цветов.

– Не обижай их, Деревушко, не стискивай. Нежненько. Вылавливай…

– Мы не бандиты… – простонал сверху Геральт, едва выжимая голос из стиснутой ветками груди. – Вели ему нас отпустить. Мы ни в чем не виноваты…

– Все так говорят. – Друидка отогнала бабочку, кружащую у нее над бровью. – Вылавливай, вылавливай, вылавливай, Деревушко…

– Я обоссалась… – застонала Ангулема. – Хрен вас побери, обоссалась.

Мильва только закашлялась. Голова упала у нее на грудь. Геральт грязно выругался. Это было единственное, что он мог сделать.

Подгоняемый друидкой дубочуд резво бежал по лесу. Все – кто еще был в сознании – щелкали зубами в ритм подскокам существа. Так что аж эхо разливалось.

Спустя немного они оказались на просторной поляне. Геральт увидел группу одетых в белое друидов, а рядом второго дубочуда. У этого улов был пожиже – с его веток свисали всего три бандита, из них в живых был, пожалуй, только один.

– Преступники, разбойники, бесчестные, подлые, низкие людишки, – проговорил снизу один из друидов, старец, опирающийся на длинный посох. – Присмотритесь к ним как следует. Посмотрите, какое наказание ждет в лесу Мырквид преступников и негодяев. Посмотрите и запомните. Мы отпустим вас, чтобы обо всем сейчас увиденном вы смогли рассказать другим. Как предостережение.

В самом центре поляны вздымалась огромная куча бревен и хвороста, а на куче, подпертая слегами, стояла сплетенная из ивовых прутьев клетка в форме огромной неуклюжей куклы. Клетка была забита орущими и дергающимися людьми. Ведьмак четко слышал лягушачьи вопли, хриплые, скрипучие стоны Соловья-разбойника. Видел белое как полотно, искривленное паническим страхом лицо полуэльфа Ширру, прижатое к ивовой плетенке.

– Друиды! – заорал Геральт, вкладывая в крик все силы. – Госпожа фламиника! Я – ведьмак Геральт!

– Не поняла, – отозвалась снизу высокая худощавая женщина с прихваченными на лбу венком из омелы волосами цвета серой стали, ниспадающими на спину.

– Я Геральт… Ведьмак… Друг Эмиеля Регриса…

– Повтори, я не расслышала.

– Гера-а-а-альт! Друг вампира!

– Ах! Ну, так и надо было сразу же!

По данному стальноволосой друидкой знаку дубочуд опустил их на землю. Не очень нежно. Они упали, не в силах подняться. Мильва была без сознания, кровь текла у нее из носа. Геральт с трудом встал на колени, наклонился к ней.

Стальноволосая фламиника, стоявшая рядом, кашлянула. Лицо у нее было очень худощавое и даже костлявое. Неприятно напоминавшее череп, обтянутый кожей. Ее васильковые глаза смотрели добро и мягко.

– У нее, кажется, сломаны ребра, – сказала она, глядя на Мильву. – Но мы сейчас это подправим. Наши целители незамедлительно окажут ей помощь. Я сожалею о случившемся. Но откуда было знать, кто вы такие? Я не приглашала вас в Caer Myrkvid и не давала согласия войти в наши владения. Правда, Эмиель Регис поручился за вас, но присутствие в нашем лесу ведьмака, платного убийцы живых созданий…

– Я немедленно уйду, уважаемая фламиника, – заверил Геральт, – как только…

Он осекся, видя друидов с горящими лучинами, подходящих к костру и забитой людьми ивовой кукле.

– Нет! – крикнул он, сжимая кулаки. – Стойте!

– Эта клетка, – сказала фламиника, словно и не слыша его, – должна была служить зимней кормушкой для голодающих животных и стоять в лесу, заполненная сеном. Но когда мы схватили этих мерзавцев, я вспомнила о гнусных сплетнях и наветах, которые распространяют о нас люди. Хорошо, подумала я, вы получите вашу Ивовую Бабу. Вы сами придумали этот вызывающий ужас кошмар, ну, так я вам его обеспечу…

– Прикажи им остановиться, – выдохнул ведьмак, – почтенная фламиника… Не поджигайте… У одного из бандитов есть важные для меня сведения…

Фламиника скрестила руки на груди. Ее васильковые глаза по-прежнему были мягкими и добрыми.

– О нет, – сказала она сухо. – Нет и нет. Я не верю в институт коронного свидетеля. Избежать кары – ненормально.

– Стойте! – рявкнул ведьмак. – Не подкладывайте огонь. Стой…

Фламиника сделала рукой короткий жест, а дубочуд, все еще стоявший поблизости, затопал корнями и положил ведьмаку ветку на плечо. Геральт с размаху сел.

– Подкладывайте огонь! – приказала фламиника. – Досадно,

ведьмак, но так должно быть. Мы, друиды, ценим и почитаем жизнь в любом ее проявлении. Но даровать жизнь преступникам – обычная глупость. Преступников отпугивает только ужас. Поэтому я покажу им пример ужаса. Очень надеюсь на то, что мне не придется этот пример повторять.

Хворост занялся мгновенно, костер вспыхнул, забился пламенем. Вырывающиеся из Ивовой Бабы рев и вопли поднимали волосы на голове. Разумеется, это невозможно было услышать в усиливающемся треске огня и какофонии, но Геральту почудилось, что он различает отчаянный хрип Соловья и высокие, полные боли крики полуэльфа Ширру.

«Он был прав, – подумал ведьмак, – смерть не всегда бывает одинаковой».

А потом – далеко не сразу – костер и Ивовая Баба наконец милостиво вспыхнули адом гудящего огня, в котором не могло выжить ничто.

– Твой медальон, Геральт, – сказала стоявшая рядом с Геральтом Ангулема.

– Не расслышал, – откашлялся он, прочищая стиснутое кошмаром горло. – Что ты сказала?

– Твой серебряный медальон с волком. Он был у Ширру. Теперь ты его потерял насовсем. Он расплавился в этом жару.

– Что делать, – ответил ведьмак после короткого молчания, глядя в васильковые глаза фламиники. – Я больше не ведьмак. Я перестал быть ведьмаком. На Танедде, в Башне Чайки, в Брокилоне, на мосту через Яругу. В пещере под Горгоной. И здесь, в лесу Мырквид… Нет, теперь я уже не ведьмак. Придется, видно, обходиться без ведьмачьего медальона.

Король безгранично любил свою супругу, а она всем сердцем любила его. Такая любовь просто не могла не окончиться трагически.

Флоуренс Деланной. «Сказки и предания»

ДЕЛАННОЙ, Флоуренс, языковед и историк, родился в 1432 году в Виковаро, в 1460–1475 годах – секретарь и библиотекарь при императорском дворе. Неутомимый исследователь народных легенд и сказаний, автор множества трактатов, считающихся

памятниками древнего языка и литературы северных регионов Империи. Из его произведений самыми значительными являются: «Мифы и легенды народов Севера», «Сказки и предания», «Неожиданность, или Миф Старшей Крови», «Сага о ведьмаке», а также «Ведьмак и ведьмачка, или Неустанные поиски». С 1476 года – профессор академии в Кастелль Граупиане, где скончался в 1510 году.

Эффенберг и Тальбот. Encyclopedia Maxima Mundi, том IV

Глава восьмая

С моря дул сильный ветер, хлопал парусами; мелкий дождь, будто мелкий град, колол лицо. Вода в Большом Канале была свинцовая, изморщенная ветром, исклеванная оспинками дождя.

– Сюда, милсдарь. Извольте сюда. Лодка ждет.

Дийкстра тяжело вздохнул. Он уже по горлышко был сыт морским переходом, облегчение принесли те несколько минут, когда он чувствовал под ногами твердый и неколебимый камень набережной, и теперь ему делалось дурно при одной только мысли о необходимости снова подниматься на покачивающуюся палубу. Но делать было нечего – Лан Эксетер, зимняя столица Ковира, принципиально отличалась от других столиц мира. В порту Лан Эксетера прибывшие морем путешественники высаживались с кораблей на каменные набережные только для того, чтобы тут же пересесть на очередное плавсредство – изящную многовесельную лодку с высоко задранным носом и лишь чуть менее задранной кормой. Лан Эксетер стоял на воде в широком устье реки Танго. Роль улиц здесь выполняли каналы, и все городское сообщение осуществлялось на лодках.

Он вошел в лодку, поздоровавшись с реданским послом, ожидавшим у трапа. Отвалили от набережной, весла размеренно ударили по воде, лодка двинулась, набрала скорость. Реданский посол молчал.

«Посол, – машинально подумал Дийкстра. – Уж сколько лет Редания посылает в Ковир послов? Сто двадцать, не меньше. Уже сто двадцать лет Ковир и Повисс считаются в Редании зарубежьем. А ведь так было не всегда».

Территории, лежащие к северу, вдоль залива Пракседы, Редания издавна считала своими ленами. Ковир и Повисс были – как говорили при третогорском дворе – апанажем[18] в коронной оправе. Очередные правящие там апанаж-графы именовались Тройденидами, поскольку вели свое происхождение – или же утверждали, что вели – от общего предка, Тройдена. Означенный принц Тройден был родным братом короля Редании Радовида Первого, того, которого впоследствии прозвали Великим. Уже в юности этот Тройден был типом сластолюбивым и исключительно вредным. Страшно было подумать, во что с годами он разовьется. Король Радовид – который в этом случае не был исключением – брата ненавидел как моровую язву. Поэтому, чтобы отделаться, отодвинуть его как можно дальше от себя, назначил апанаж-графом Ковира. Однако отодвинуть дальше Ковира не удалось.

Апанаж-граф Тройден формально считался вассалом Редании, но вассалом нетипичным: не имел никаких ленных обязанностей и тягот. Да что там, ему не надо было даже приносить чисто церемониальной ленной присяги, от него требовали только так называемого обязательства не вредить. Одни утверждали, что Радовид просто-напросто смилостивился, зная, что ковирского «камня в коронной оправе» не хватит ни на дань, ни на сервитуты. Другие же полагали, что Радовид просто-напросто на дух не переносил апанаж-графа и его начинало тошнить при одной только мысли, что братец может лично явиться в Третогор за деньгами либо военной помощью. Как было в действительности, не знал никто. Но как оно было, так и осталось. Долгие годы после смерти Радовида Первого в Редании по-прежнему действовал закон, введенный во времена великого короля. Во-первых, графство Ковир является вассалом, но не обязано ни платить дани, ни служить. Во-вторых, ковирский апанаж является выморочным поместьем и наследование идет исключительно по линии дома Тройденидов. В-третьих, Третогор не вмешивается в дела дома Тройденидов. В-четвертых, членов дома Тройденидов не приглашают в Третогор на торжества, связанные с проведением государственных праздников. В-пятых – и на другие празднования тоже.

О том, что творится на Севере, в принципе мало кто знал, да и мало кого это интересовало. До Редании доходили – в основном окольными путями, через Каэдвен – сведения о конфликтах ковирского графства с северными владыками рангом поменьше. О перемириях и войнах – с Хенгфорсом, Маллеорой, Крейденом, Тальгаром и другими государствишками с трудно запоминающимися названиями. Кто-то там кого-то покорил и поглотил, вот-вот с кем-то объединится в результате династических союзов, кто-то кого-то раздолбал и изничтожил – в общем-то не шибко было известно кто, кого, когда и почему.

Однако просачивающиеся известия о войнах и драчках привлекали на Север массу всяческих забияк, авантюристов, любителей приключений и других беспокойных духом людей, мотающихся по свету в поисках добычи и возможности выжить. Таковые тянулись со всех сторон света, даже из столь удаленных, казалось бы, стран, как Цинтра или Ривия. Однако в основном шли обитатели Редании и Каэдвена. И прежде всего именно из Каэдвена двигались в Ковир конные отряды, правда, без обозов – разнесся даже слух, что во главе одного отряда ехала знаменитейшая Аидеен, взбунтовавшаяся против отца внебрачная дочь каэдвенского монарха. В Редании поговаривали, что при дворе в Ард Каррайге вынашивают замыслы аннексии северного

графства и отделения его от королевства Реданского. Кто-то даже начал вещать о необходимости вооруженной интервенции.

Однако Третогор демонстративно известил, что Север его нисколько не интересует. Как заявили королевские юристы, существует принцип взаимности: у ковирского апанажа нет никаких обязанностей и повинностей перед короной, а посему корона не уделяет помощи Ковиру. Тем более что Ковир ни о какой помощи никогда и не просил.

Тем временем из ведущихся на Севере войн Ковир и Повисс выходили все более сильными и могущественными. Мало кто в то время об этом знал. Самым очевидным сигналом растущего могущества Севера был все более интенсивный экспорт.

О Ковире десятки лет говорили, что единственное его богатство – песок и морская вода. Шуточку вспомнили, когда ковирские фабрики и солеварни фактически монополизировали всемирный рынок стекла и соли.

Но хоть сотни людей пили из стаканов со знаками ковирских фабрик и солили супы повисской солью, в человеческом сознании эта страна оставалась невероятно далекой, недоступной, суровой и недружественной. А прежде всего – иной.

В Редании и Каэдвене вместо «иди ты ко всем чертям» говорили «отправляйся в Повисс». «Если вам у нас не нравится, – говаривал мастер своим строптивым челядникам, – можете проваливать в Ковир». «Здесь вы ковирских порядков не дождетесь!» – кричал профессор разболтавшимся жакам. «Иди в Повисс умничать!» – орал кмет на сына, критикующего прадедовское орало и подсечно-огневую систему земледелия.

Короче: тот, кому не нравятся теперешние порядки, может отправляться в Ковир.

Адресаты таких высказываний мало-помалу начали задумываться и вскоре заметили, что ведь и верно, дорогу в Ковир и Повисс никто, то есть совершенно никто и ничто, не заграждает. На Север двинулась вторая волна эмиграции. Как и предыдущая, эта в основном состояла из недовольных чудаков, которые отличались от других и желали другого. Но на сей раз это были уже не разругавшиеся с жизнью и ни к чему не пригодные авантюристы. Во всяком случае, не только они одни.

На Север потянулись ученые, которые верили в свои теории, хотя «люди здравомыслящие» объявляли эти теории вздорными, сумасшедшими и нереальными. Техники и конструкторы, убежденные, что вопреки всеобщему мнению все же возможно построить придуманные ими машины и устройства. Чародеи, для которых применение магии для установки волноломов не было святотатственным преступлением. Купцы, которым перспектива

развития оборота способна была распахнуть жесткие, статичные и близорукие границы риска. Землепашцы и животноводы, убежденные, что даже самые отвратительные почвы возможно превратить в урожайные поля, что путем селекции всегда можно вырастить такие разновидности животных, для которых данный климат будет родным.

На Север потянулись горняки и геологи, для которых суровость диких гор и скал Ковира была безошибочным сигналом, что если поверх земли раскинулась такая скудость, то, значит, под землей должно скрываться богатство. Ибо природа обожает равновесие.

Да, под землей были богатства.

Прошло четверть века, и Ковир добывал столько полезных ископаемых, сколько Редания, Аэдирн и Каэдвен, вместе взятые. Добычей и переработкой железных руд Ковир уступал только Махакаму, но в Махакам шли из Ковира металлы, используемые для изготовления сплавов. На Ковир и Повисс приходилась четверть всемирной добычи руд серебра, никеля, олова, свинца и цинка, половина добычи медной руды и самородной меди, три четверти добычи марганцевой руды, хрома, титана и вольфрама, столько же добычи металлов, выступающих только в самородной форме: платины, самородного феррита, криобелита, двимерита.

И свыше восьмидесяти процентов мировой добычи золота.

Того самого золота, на которое Ковир и Повисс закупали то, что на Севере не росло и не выращивалось. И то, чего Ковир и Повисс не изготовляли. Не потому, что не могли или не умели. Просто это было невыгодно. Ремесленник из Ковира или Повисса, сын либо внук прибывшего с мешком на спине эмигранта, зарабатывал теперь в четыре раза больше, чем его собрат в Редании или Темерии.

Ковир хотел бы торговать со всем миром все шире и шире. Но не мог.

Королем Редании стал Радовид Третий, которого с Радовидом Великим, его прадедом, объединяло имя, а также хитрость и скупость. Король сей, которого прихвостни и агиографы нарекли Смелым, а все остальные – Рыжим, заметил то, чего до него никто как-то замечать не хотел. Почему от гигантской торговли, которую ведет Ковир, Редания не имеет ни шелонга? Ведь Ковир – это ж всего-навсего ничего не значащее графство, всего лишь незначительная драгоценность в реданской короне. Пришла пора ковирскому вассалу начать служить сюзерену.

Приключилась к тому соответствующая оказия – у Редании был пограничный спор с Аэдирном. Речь, как всегда, шла о долине Понтара. Радовид Третий решился на вооруженное

выступление и начал к нему готовиться. Ввел специальный налог на военные цели, который назвал «Понтарской десятиной». Налог обязан был платить каждый подданный и вассал. То есть все. Ковирский апанаж тоже. Рыжий потирал руки: десять процентов с доходов Ковира – это было что-то!

В Понт Ванис, который слыл незначительным городишкой с деревянным частоколом, отправились реданские послы. Вернувшись, принесли Рыжему потрясающее известие: Понт Ванис никакой не городишко. Это гигантский город, летняя столица королевства Ковир, владыка которого король Гедовиус настоящим шлет королю Радовиду нижеприведенный ответ.

Королевство Ковир не является ничьим вассалом. Все претензии и притязания Третогора безосновательны и исходят из мертвой буквы закона, коий никогда не имел силы. Короли Третогора никогда не были суверенами властителей Ковира, ибо властители Ковира – что легко проверить в анналах – никогда не платили Третогору дани, никогда не несли воинской повинности и – что самое главное – никогда не приглашались на торжества, связанные с проведением государственных праздников. И на другие торжества – тоже.

Гедовиус, король Ковира, передали послы, сожалеет, но не может признать короля Радовида своим сеньором и сюзереном… и уж тем более не намерен выплачивать ему десятину. Не может этого проделать также никто из ковирских вассалов или арьервассалов, подпадающих исключительно под ковирский сеньорат.

Одним словом: пусть Третогор бережет собственный нос и не сует его в дела Ковира, независимого королевства.

Рыжий вскипел хладным гневом. Что такое? Независимое королевство? Зарубежье? Дальнее? Хорошо! Поступим с Ковиром как с зарубежным королевством!

Редания и наущенные Рыжим Каэдвен и Темерия применили к Ковиру реторсионные пошлины и абсолютный закон склада. Купец из Ковира, направляющийся на юг, должен был, хошь не хошь, весь свой товар выставлять на продажу в одном из реданских городов и продать его либо возвратиться. То же самое принуждение встречало купца с дальнего Севера, направлявшегося в Ковир.

С товаров, которые Ковир транспортировал транзитом, не заворачивая в реданские либо темерские порты, Редания потребовала грабительских пошлин. Ковирские корабли, само собой, платить не хотели – платили только те, которым не

удавалось сбежать. В начавшейся на море игре в кошки-мышки очень скоро дело дошло до инцидентов. Реданский патруль попытался арестовать ковирского купца, тогда явились два ковирских фрегата, и патрульный корабль сгорел. Были жертвы.

Чаша переполнилась. Смелый Радовид Рыжий решил приструнить непослушного «вассала». Сорокатысячная армия Редании форсировала реку Браа, а экспедиционный корпус из Каэдвена вступил в Каингорн.

Спустя неделю две тысячи уцелевших реданцев форсировали Браа в обратном направлении, а жалкие остатки каэдвенского корпуса тащились домой по перевалам Пустульских гор. Выявилась еще одна цель, коей служило золото северных гор. Регулярная армия Ковира состояла из двадцати пяти тысяч закаленных в боях – и разбоях! – профессионалов, привлеченных из самых дальних уголков света кондотьеров, беспредельно верных ковирской короне за небывало щедрую плату и гарантированную контрактом пенсию. Готовых на любой риск ради невероятно щедрых наград, выплачиваемых за каждый боевой поход. Таких богатых солдат вели в бой опытнейшие, способнейшие – и в данный момент еще более богатые – командиры, которых Рыжий и король Каэдвена Бенда прекрасно знали: они-то и были теми, что не так давно служили в их собственных армиях, но неожиданно ушли на заслуженный отдых и выехали за границу.

Рыжий не был идиотом и умел учиться на ошибках. Он утихомирил спесивых генералов, настаивавших на крестовом походе, не стал слушаться купцов, требовавших голодной блокады, обласкал Бенду из Каэдвена, жаждущего крови и мести за гибель своего элитного подразделения. Рыжий предложил переговоры. Его не сдержало даже унижение – горькая пилюля, которую пришлось заглотить: Ковир соглашался на переговоры, но у себя в Лан Эксетере. Голод не тетка, захочешь есть – придешь!

«И поплыли они в Лан Эксетер как просители, – подумал Дийкстра, укутываясь плащом. – Как униженные. И челобитчики. Совсем так, как я сейчас».

Реданская эскадра вошла в залив Пракседы и направилась к ковирскому берегу. С борта флагманского корабля «Алата» Радовид Рыжий, Бенда Каэдвенский и сопровождавший их в роли посредника иерарх Нограда с изумлением рассматривали уходящий далеко в море волнолом, за которым возвышались стены и крепкие бастионы крепости, стерегущей доступ в город Понт Ванис. А плывя от Понт Ваниса на север, в сторону устья реки Танго, короли видели ряды причалов, ряды верфей, ряды

пристаней. Видели лес мачт, режущую глаза белизну парусов. У Ковира, оказывается, было уже припасено лекарство против блокады, реторсий и таможенной войны. Ковир был явно готов стать владыкой морей.

«Алата» вошла в широкое устье Танго и бросила якорь в каменных челюстях аванпортов. Но королей, к их изумлению, еще ожидал долгий путь водой. В городе Лан Эксетере вместо улиц были каналы. Причем основную артерию и ось метрополии образовывал Большой Канал, который вел от порта прямо и непосредственно к резиденции монарха. Короли пересели на галеру, украшенную пурпурно-золотыми гирляндами и гербом, на котором Рыжий и Бенда с изумлением распознавали реданского орла и каэдвенского единорога.

Плывя по Большому Каналу, короли и их свита присматривались и хранили молчание. Вернее, следовало бы сказать – просто онемели. Они ошибались, думая, будто знают, что есть богатство и роскошь, полагая, что их не удивишь проявлениями достатка и какой-либо демонстрацией роскоши.

Они плыли по Большому Каналу, мимо величественного здания Адмиралтейства и резиденции Купеческой гильдии. Плыли вдоль променадов, заполненных ярко и богато одетой толпой. Плыли сквозь строй изумительных магнатских дворцов и купеческих каменных домов, отражающихся в водах Канала радугой роскошных, но непривычно узких фасадов. В Лан Эксетере платили налог за ширину дома – чем шире фасад, тем налог прогрессивно выше.

На спускающихся к самой воде ступенях дворца Энсенада, монаршей зимней резиденции, единственного здания с широким фасадом, их уже ожидали торжественный караул и королевская чета: Гедовиус, властитель Ковира, и его супруга, Гемма. Чета приветствовала прибывших учтиво и с достоинством. И… нетипично. «Дорогой дядюшка», – обратился Гедовиус к Радовиду. «Милый дедушка», – улыбнулась Бенде Гемма. Как-никак Гедовиус был Тройденидом, Гемма же, как оказалось, вела свой род от сбежавшей в Каэдвен взбунтовавшейся Аидеены, в жилах которой текла кровь королей из Ард Каррайга.

Подтвержденное родство улучшило настроение и возбудило симпатии, но переговорам не помогло. В принципе то, что произошло, было никакими не переговорами. «Дети» кратко изложили, чего они желают. «Деды» выслушали. И подписали документ, который потомки окрестили «Первым Эксетерским Трактатом». Чтобы отличить его от заключенных позже. Первый Трактат еще носил название, соответствующее первым словам его преамбулы: Mare Liberum Apertum.[19]

Море свободно и открыто. Торговля – свободна. Прибыль – священна. Полюби торговлю и прибыль ближнего своего, как свои собственные. Усложнение кому бы то ни было торговли и получения дохода есть нарушение законов природы. А Ковир – ничей не вассал. Он – независимое, самоуправляемое и нейтральное королевство.

Никто не ожидал, что Гедовиус и Гемма сделают – просто из вежливости – хотя бы минимальную уступку. Нечто такое, что спасло бы честь Радовида и Бенды. Однако они это сделали. Они согласились на то, чтобы Радовид Рыжий пожизнено использовал в официальных документах титул короля Ковира и Повисса, а Бенда – пожизненно же – титул короля Каингорна и Маллеоры.

Разумеется, с условием *de non preiudicando.*[20]

Гедовиус и Гемма царствовали двадцать пять лет; на их сыне, Герарде, оборвалась королевская линия Тройденидов. На ковирский престол взошел Эстериль Тиссен. Основатель дома Тиссенидов.

Соединившиеся вскоре кровными узами почти со всеми остальными династиями мира, короли Ковира неотступно следовали Эксетерским Трактатам. Никогда не вмешивались в дела соседей. Никогда не поднимали вопросов совместного владения – хотя не раз повороты истории приводили к тому, что ковирский принц имел достаточно оснований считать себя законным наследником престола Редании, Аэдирна, Каэдвена, Цидариса либо даже Вердэна или Ривии. Никогда могущественный Ковир не предпринимал территориальных аннексий либо завоеваний, не направлял вооруженных катапультами или баллистами канонерок в чужие территориальные воды. Никогда не узурпировал в свою пользу привилегии «править морями». Ковиру вполне хватало «Mare Liberum Apertum», моря вольного и открытого для торговли. Ковир признавал святость торговли и доходов. В смысле – барыша.

И абсолютного, ненарушаемого нейтралитета!

Дийкстра поднял бобровый воротник плаща, прикрывая шею от ветра и секущих капель дождя. Осмотрелся, вырванный из раздумий. Вода в Большом Канале казалась черной. В слякоти и тумане даже гордость Лан Эксетера Адмиралтейство походило на казарму. Даже купеческие дома утратили свою обычную роскошь – их узкие фасады казались еще уже, чем обычно. «А может, и верно, черт побери, – подумал Дийкстра, – они стали уже: если король Эстерад повысил налог, хитрецы владельцы могли и заузить дома».

– И давно у вас такая чумная погода, ваше

превосходительство? – спросил он, лишь бы прервать нервозную тишину.

– Такая неприятная погода, граф, у нас стоит с середины сентября, – ответил посол. – С новолуния. Зима обещает быть ранней. В Тальгаре уже выпал снег.

– Я думал, – сказал Дийкстра, – что в Тальгаре снега вообще никогда не тают.

Посол взглянул на него, будто удостоверяясь, что это шутка, а не проявление невежества.

– В Тальгаре, – решил пошутить и он, – зима начинается в сентябре, а кончается в мае. Остальные времена года – весна и осень. Есть, правда, еще и лето… обычно оно приходится на первый вторник после августовского новолуния. И длится аж до утра среды.

Дийкстра не засмеялся.

– Но даже там, – насупился посол, – снег в конце октября является событием.

Посол, как и большинство реданской аристократии, терпеть не мог Дийкстры. Необходимость принимать архишпиона он рассматривал как личное оскорбление, а тот факт, что Регентский Совет поручил переговоры с Ковиром Дийкстре, а не ему, считал смертельной обидой. Его корежило то, что он, де Руйтер, из славнейшей ветви рода де Руйтеров, графов в девяти поколениях, вынужден именовать графом этого хама и парвеню. Но, будучи идеальным дипломатом, он мастерски скрывал свою неприязнь.

Весла поднимались и мерно опускались, лодка быстро двигалась по Каналу. Они как раз миновали небольшой, но весьма изысканный дворец Культуры и Искусства.

– Мы плывем в Энсенаду?

– Да, граф, – подтвердил посол. – Министр иностранных дел однозначно дал понять, что желает увидеться с вами тотчас по прибытии, поэтому я сопровождаю вас прямо до Энсенады. Вечером же пришлю ко дворцу лодку, поскольку желал бы пригласить вас на ужин…

– Ваше превосходительство соизволит простить меня, – прервал Дийкстра, – но обязанности не позволяют мне воспользоваться приглашением. У меня масса ждущих решения вопросов, времени мало, приходится заниматься делами в ущерб удовольствиям. Поужинаем как-нибудь в другой раз. В более счастливые, более спокойные времена.

Посол поклонился и украдкой облегченно вздохнул.

В Энсенаду они, конечно же, прошли задним входом. Чему Дийкстра был весьма рад. К парадному входу монаршей

резиденции, к изумительному, опирающемуся на стройные колонны фронтону прямо от Большого Канала вела широкая, но дьявольски длинная лестница из белого мрамора. Лестница, ведущая к одному из многочисленных задних входов, была несравнимо менее эффектна, но и более доступна для преодоления. Несмотря на это, Дийкстра, шагая, кусал губы и втихую ругался под нос, так, чтобы не слышали эскортирующие его гвардейцы, лакеи и мажордом.

Во дворце его ожидали новые лестницы и новый подъем. Дийкстра снова выругался вполголоса. Вероятно, влажность, холод и неудобное положение в лодке привели к тому, что нога в поломанной и магически вылеченной щиколотке начала напоминать о себе тупой, злостной болью. И скверными воспоминаниями. Дийкстра скрежетнул зубами. Он знал, что виновному в его страданиях ведьмаку тоже поломали кости. И глубоко надеялся, что ведьмака тоже дерет, и желал ему от всей души, чтобы драло и рвало как можно дольше и как можно чувствительнее.

Снаружи уже опускались сумерки, коридоры Энсенады были темны. Дорогу, по которой Дийкстра шел за молчаливым мажордомом, освещал редкий ряд светильников в руках лакеев, расставленных вдоль коридоров. А перед дверьми комнаты, в которую его провел мажордом, по стойке «смирно» стояли гвардейцы с алебардами, такие прямые и неподвижные, словно им в зады воткнули дополнительные ратовища. Лакеи со светильниками стояли здесь погуще, свет прямо-таки резал глаза. Дийкстра несколько удивился помпе, с которой его встречали.

Войдя в комнату, он мгновенно перестал удивляться. И низко поклонился.

– Приветствую тебя, Дийкстра, – сказал Эстерад Тиссен, король Ковира, Повисса, Нарока, Вельгада и Тальгара. – Не стой в дверях, изволь подойти ближе. Отбросим этикет, это аудиенция неофициальная.

– Светлейшая госпожа.

Супруга Эстерада, королева Зулейка, несколько рассеянным кивком ответила на почтеннейший поклон Дийкстры, ни на мгновение не бросая вязания.

Кроме королевской четы, в огромном покое не было ни души.

– Именно, именно. – Эстерад заметил взгляд. – Поболтаем в четыре, прошу прощения, в шесть глаз. Что-то мне, понимаешь ли, кажется – так будет лучше.

Дийкстра присел на указанном карле напротив Эстерада. На короле была кармазиновая, отороченная горностаями мантия, на голове, в тон мантии, бархатная шапо. Как все мужчины клана

Тиссенидов, он был высок, могуче сложен и бандитски красив. Выглядел всегда крепким и здоровым; словно моряк, только что вернувшийся с моря, он прямо-таки излучал аромат морской воды и соленого ветра. Как у всех Тиссенидов, точный возраст короля определить было трудно. Судя по волосам, коже и рукам – местам, наиболее ярко свидетельствующим о возрасте, Эстераду можно было дать сорок пять лет. Дийкстра знал, что королю пятьдесят шесть.

– Зулейка, – наклонился король к жене. – Взгляни на него. Если б ты не знала, что это шпион, ты б поверила?

Королева Зулейка была невысока ростом, скорее полновата, нежели худощава, и симпатично неуклюжа. Одевалась она характерным для женщин такого типа образом, заключающимся в таком подборе элементов одежды, чтобы никто не мог угадать, что она не собственная бабушка. Такого эффекта Зулейка достигала свободным, не выделяющимся покроем выдержанных в серо-коричневых тонах платьев. На волосы надевала унаследованный от предков чепец. Не пользовалась никакой косметикой и не носила никаких украшений.

– Хорошая Книга, – проговорила она тихим, мелодичным голоском, – учит нас быть сдержанными в оценке ближних наших. Ибо, говорит она, и вас тоже когда-то оценят. И хорошо бы, если не по внешности.

Эстерад Тиссен одарил супругу теплым взглядом. Повсюду было ведомо, что любил он ее безгранично, любовью, которая за двадцать девять лет супружества нисколько не остыла, а, наоборот, горела все ярче и горячее. Эстерад, как утверждали, ни разу не изменил Зулейке. Дийкстра не очень-то верил в нечто столь неправдоподобное. Он сам трижды пытался подставлять – а точнее, подкладывать – королю эффектных агенток, кандидаток в фаворитки, незаменимые источники информации. Ничего не получалось. И все же…

– Не люблю ходить вокруг да около, – сказал король, – поэтому сразу же поясню тебе, Дийкстра, почему я решил поговорить с тобою лично, а не доверять это министрам. Причин тому несколько. Во-первых, я знаю, что ты не прочь подкупать людей. В принципе я уверен в своих чиновниках, но к чему подвергать их тяжким испытаниям, вводить в искушение? Какую взятку ты намеревался предложить министру иностранных дел?

– Тысячу новиградских крон, – глазом не моргнув ответил шпик. – А если б он заартачился, то дошел бы до полутора.

– Вот за это я тебя и люблю, – после краткого молчания сказал Эстерад Тиссен. – Кошмарный же ты сукин сын, милостивый государь Дийкстра. Ты напоминаешь мне меня в

юности. Гляжу я на тебя и вижу себя в этом возрасте.

Дийкстра поблагодарил поклоном. Он был моложе короля всего на восемь лет. И был уверен, что Эстерад прекрасно это знает.

– Да, кошмарный ты сукин сын, – повторил король, посерьезнев. – Сукин сын. Но порядочный и с хорошими манерами. А это большая редкость в наше паршивое время.

Дийкстра снова поклонился.

– Понимаешь, – продолжал Эстерад, – в любом государстве найдутся люди, которых можно назвать слепыми фанатиками идеи общественного согласия. Преданные этой идее, они ради нее готовы на все. На преступление тоже, поскольку цель, по их мнению, оправдывает средства и изменяет соотношения и значимости понятий. Они не убивают, нет, они спасают порядок. Они не истязают, не шантажируют – они обеспечивают интересы государства и дерутся за эти интересы. Жизнь единицы, если единица нарушает догму установленного порядка, для таких людей шелонга ломаного не стоит. А того, что общество, которому они служат, состоит именно из единиц, такие люди во внимание не принимают. Такие люди обладают так называемыми широкими взглядами… а широкие взгляды – это вернейший способ не замечать других людей.

– Никодемус де Боот, – не выдержал Дийкстра.

– Близко, но не точно. – Король Ковира продемонстрировал алебастрово-белые зубы. – Это Высогота из Корво. Менее известный, но тоже хороший этик и философ. Почитай, советую. Возможно, у вас осталась еще какая-нибудь его книга, может, не все спалили? Но к делу, к делу. Ты, Дийкстра, тоже без зазрения совести пользуешься интригами, подкупами, шантажом и пытками. Ты и глазом не моргнешь, посылая кого-либо на смерть или приказывая убить тайно. То, что все это ты творишь, исходя из блага королевства, которому служишь, не оправдывает тебя и не делает в моих глазах более симпатичным. Отнюдь. Знай об этом.

Шпион кивнул в знак того, что знает.

– Однако ты, – продолжал Эстерад, – представляешь собою, как уже сказано, сукина сына благородного характера. И поэтому я тебя люблю и уважаю, поэтому даю тебе приватную аудиенцию. Потому что ты, Дийкстра, имея к тому миллион возможностей, ни разу в жизни не сделал ничего для себя лично и не украл из государственной казны. Даже полшелонга. Зулейка, взгляни! Он покраснел или мне только показалось?

Королева подняла глаза, не отрываясь от вязанья.

– По скромности их познаете правоту их, – процитировала

она стих из Хорошей Книги, хоть не могла не видеть, что на лице шпиона не проступило даже следа румянца.

– Хорошо, – сказал Эстерад. – Ближе к делу. Время перейти к государственным проблемам. Он, Зулейка, пересек море, движимый патриотическим долгом. Редания, его отчизна, под угрозой. После трагической смерти короля Визимира там царит хаос. Реданией правит банда аристократических идиотов, именующих себя Регентским Советом. Эта банда, моя Зулейка, не сделает для Редании ничего. Почуяв угрозу, сбежит или же примется по-собачьи ласткться к обшитым жемчугами туфлям нильфгаардского императора.

Эта банда презирает Дийкстру, потому что он – шпион, убийца, парвеню и хам. Но именно Дийкстра переплыл море, чтобы спасти Реданию. Продемонстрировав тем самым, кто действительно болеет за Реданию.

Эстерад Тиссен замолчал, засопел, утомленный долгой речью, поправил кармазиново-горностаевую шапо, которая слегка сползла ему на нос.

– Ну, Дийкстра, – продолжил он. – Чем больно твое королевство? Кроме отсутствия денег, разумеется?

– Если не считать отсутствия денег, – лицо шпиона было словно высечено из камня, – благодарствую, ваше величество, все здоровы.

– Ага, – кивнул король и при этом шапо снова сползла ему на нос и ее снова пришлось поправлять. – Ага. Так. Понимаю. Я понимаю, – продолжал он. – И аплодирую идее. Когда имеешь деньги, можешь прикупить себе лекарство от любого другого недомогания. Секрет в том, чтобы эти деньги иметь. У вас их нет. Если б они были, то здесь не было бы тебя. Я рассуждаю логично?

– Несомненно.

– И сколько же вам надо, любопытно было бы узнать?

– Немного. Миллион бизантов.

– Немного? – Эстерад Тиссен преувеличенным жестом схватился обеими руками за шапо… – И это ты называешь – «немного»? Ай-яй-яй.

– Для вашего королевского величества… – проворчал шпион, – такая сумма – явная мелочь…

– Мелочь? – Король отпустил шапо и воздел руки к плафону. – Ай-яй! Миллион бизантов – это мелочь, ты слышишь, Зулейка, что он говорит? А знаешь ли ты, Дийкстра, что иметь миллион и не иметь миллиона – это вместе два миллиона? Я понимаю и чувствую, что ты и Филиппа Эйльхарт бурно и лихорадочно ищете средство для защиты от Нильфгаарда, но что вы хотите – весь Нильфгаард закупить или как?

Дийкстра не ответил.

Зулейка ожесточенно вязала. Эстерад несколько мгновений делал вид, что любуется обнаженными нимфами на плафоне.

– Иди сюда. – Он неожиданно встал, подозвал шпика.

Они подошли к огромной картине, изображающей короля Гедовиуса на сивом коне, скипетром указующего армии нечто, на полотне не уместившееся, – вероятно, нужное направление. Эстерад извлек из кармана малюсенькую позолоченную палочку, коснулся ею рамы картины, вполголоса проговорил заклинание. Гедовиус и сивый конь исчезли, появилась рельефная карта известного мира. Король коснулся палочкой серебряной кнопочки в углу картины и магически изменил масштаб, сводя видимую часть мира до границ долины Яруги и Четырех Королевств.

– Голубое – Нильфгаард, – пояснил он. – Красное – вы. Куда ты глазеешь? Смотри сюда!

Дийкстра оторвал взгляд от других изображений – в основном морских битв и сцен. Задумался, которая из них была волшебным камуфляжем для другой знаменитой карты Эстерада, той, что изображала военную и торговую разведку Ковира, полную сеть перекупленных информаторов и шантажируемых людей, секретных сотрудников, оперативных контактов, диверсантов, наемных убийц, «спящих» шпионов и действующих резидентов. Он знал, что такая картина существует, и давно, и столь же безуспешно пытался до нее добраться.

– Красное – вы, – повторил Эстерад Тиссен. – Скверно это выглядит, верно?

«Скверно», – мысленно согласился Дийкстра. Последнее время он беспрерывно рассматривал стратегические карты, но сейчас, на рельефной карте Эстерада, положение представлялось еще хуже. Голубые квадраты складывались в жуткие драконьи челюсти, готовые в любой момент сцапать и раздробить зубищами несчастные красные квадратики.

Эстерад Тиссен поискал что-нибудь такое, что можно было бы использовать в качестве указки, наконец вытянул изящную рапиру из ножен, украшавших наряду с другим оружием настенный ковер.

– Нильфгаард, – начал он лекцию, указывая рапирой соответствующее место на карте, – напал на Лирию и Аэдирн, использовав в качестве casus belle[21] нападение на пограничный форт Глевицинген. Сейчас не важно, кто и в кого переодетый в действительности напал на Глевицинген. Я считаю совершенно бессмысленными также любого рода домыслы относительно того, на сколько дней или часов вооруженные действия Эмгыра опередили аналогичные действия Аэдирна и Темерии.

Предоставляю это делать историкам. Меня гораздо больше интересует нынешняя ситуация и то, что случится завтра. В данный момент Нильфгаард стоит в Доль Ангре и Аэдирне; прикрытый буфером в виде эльфьего доминиона в Доль Блатанна, граничащего с той частью Аэдирна, которую король Хенсельт из Каэдвина, образно выражаясь, вырвал из пасти Эмгыра и сожрал сам.

Дийкстра не комментировал.

– Моральную оценку акций короля Хенсельта я также оставляю историкам, – продолжал Эстерад. – Но одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть: аннексировав Северную Мархию, Хенсельт загородил Эмгыру путь к долине Понтара. Оградил темерские фланги. А также ваши и реданские. Вам следовало бы его поблагодарить.

– Я поблагодарил, – проворчал Дийкстра. – Но втихую. Мы в Третогоре принимаем короля Демавенда из Аэдирна. А Демавенд дал достаточно точную моральную оценку поступку Хенсельта. Он взял за правило выражать ее кратко и звучно.

– Догадываюсь, – кивнул король Ковира. – Временно оставим это, взглянем на юг, за реку Яругу. Ведя наступление в Доль Ангра, Эмгыр одновременно прикрыл фланги, заключив сепаратное соглашение с Фольтестом из Темерии. Но как только окончились боевые действия в Аэдирне, император беспардонно нарушил пакт и ударил на Бругге и Содден. Своими трусоватыми переговорами Фольтест выгадал две недели мира. Точнее – шестнадцать дней. А сегодня у нас двадцать шестое октября.

– Именно.

– Положение же на двадцать шестое октября видится следующим: Бругге и Содден заняты. Крепости Разван и Майена пали. Армия Темерии разбита в боях под Марибором, отогнана на север, Марибор осажден. Сегодня утром он еще держался. Но сейчас уже поздний вечер, Дийкстра.

– Марибор устоит. Нильфгаардцы не сумели замкнуть вокруг него кольцо.

– Это верно. Они зашли слишком далеко, чрезмерно растянули коммуникации, опасно приоткрыв фланги. К зиме они прекратят осаду, отступят к близкой Яруге, сократят фронт. Но что будет весной, Дийкстра? Что будет, когда травка выглянет из-под снега? Подойди, глянь на карту.

Дийкстра глядел.

– Глянь на карту, – повторил король. – Я скажу тебе, что сделает Эмгыр вар Эмрейс весной.

– Весной начнется наступление невероятных масштабов, –

сообщила Картия ван Кантен, поправляя перед зеркалом свои золотистые локоны. – Знаю, знаю, в этой информации как таковой нет ничего сенсационного, у каждого городского колодца бабы разнообразят себе стирку болтовней о весеннем наступлении.

Ассирэ вар Анагыд, сегодня исключительно раздражительная и нетерпеливая, сумела, однако, удержаться от вопроса, почему же в таком случае ей забивают голову столь нелюбопытными сообщениями. Но она знала Кантареллу. Если Кантарелла начинала о чем-то говорить, значит, у нее была к тому причина. А все сказанное она, как правило, завершала выводами.

– Однако я знаю немного больше, чем все остальное общество, – сказала Кантарелла. – Ваттье рассказал мне все, раскрыл весь ход совещания у императора. К тому же приволок целую кипу карт, а когда уснул, я их просмотрела… Продолжать?

– А как же, – прищурилась Ассирэ. – Обязательно, милая.

– Направление главного удара – разумеется, Темерия. Рубеж реки Понтар, линия Новиград—Вызима—Элландер. Наступает группа войск «Центр» под командованием Мэнно Коегоорна. Фланги прикрывает группа войск «Восток», наступающая из Аэдирна на долину Понтара и Каэдвен…

– Каэдвен? – подняла брови Ассирэ. – Получается: конец хрупкому миру, заключенному при дележе добычи?

– Каэдвен угрожает правому флангу. – Картия ван Кантен слегка надула полные губки. Ее кукольная мордашка страшно контрастировала изрекаемым премудростям стратегии. – Наступление имеет превентивный характер. Перед отборными частями группы войск «Восход» поставлена задача связать армию короля Хенсельта и выбить у него из головы мысли о предполагаемой помощи Темерии.

– На западе, – продолжала блондинка, – ударит специальная оперативная группа «Вердэн», которая должна захватить Цидарис и плотно замкнуть кольцо осады Новиграда, Горс Велена и Вызимы. Генеральный штаб считает необходимым блокировать эти три крепости.

– Ты не назвала имен командующих обеих групп войск.

– Группа «Восток» – Ардаль аэп Даги, – слегка улыбнулась Кантарелла. – Группа «Вердэн» – Йоахим де Ветт.

Ассирэ высоко подняла брови.

– Любопытно. Два князя, оскорбленные тем, что их дочерей вычеркнули из матримониальных планов Эмгыра. Наш император либо очень уж наивен, либо чертовски хитер.

– Если Эмгыр что-то и знает о заговоре князей, – сказала Кантарелла, – то не от Ваттье. Ваттье ему ничего не сказал.

– Продолжай.

– Наступление будет иметь невиданные до сих пор масштабы. В сумме, считая линейные подразделения, резервы, вспомогательные и тыловые службы, в операции примет участие свыше трехсот тысяч человек. И эльфов, разумеется.

– Дата начала?

– Не установлена. Все упирается в снабжение, снабжение же – в проходимость дорог, а никто не в состоянии сказать, когда окончится зима.

– О чем еще поведал Ваттье?

– Плакался, бедняжка, – сверкнула зубками Кантарелла. – Император опять его облаял и изругал. Принародно. Причиной опять было таинственное исчезновение Стефана Скеллена и его отряда. Эмгыр публично обозвал Ваттье недотепой, начальником служб, которые вместо того, чтобы беззвучно и бесследно изымать людей, сами оказываются захваченными врасплох такими исчезновениями. При этом он произнес какой-то ехидный каламбур, который, однако, Ваттье не сумел точно повторить. Потом император шутливо спросил Ваттье, а не означает ли это, что возникла какая-то другая секретная организация, укрытая даже от него? Умен наш император. Почти по цели бьет.

– Почти, – проворчала Ассирэ. – Что еще, Картия?

– Агента, которого Ваттье держал в отряде Скеллена и который тоже исчез, звали Нератин Цека. Ваттье его, видимо, очень ценил, потому что сильно удручен его исчезновением.

«Я тоже, – подумала Ассирэ, – удручена исчезновением Йедии Мекессера. Но в отличие от Ваттье де Ридо я скоро буду знать, что случилось».

– А Риенс? Ваттье больше с ним не встречался?

– Нет. Не говорил.

Обе долго молчали. Кот на коленях Ассирэ громко мурлыкал.

– Госпожа Ассирэ?

– Да, Картия?

– И долго мне еще играть роль глупой любовницы? Хотелось бы вернуться к занятиям. Посвятить себя научной работе…

– Недолго, – прервала Ассирэ. – Но еще и не очень скоро. Держись, дитя мое.

Кантарелла вздохнула.

Они окончили беседу и попрощались. Ассирэ вар Анагыд согнала кота с коленей, еще раз прочитала письмо Фрингильи Виго, отдыхавшей в Туссенте, и задумалась, поскольку письмо беспокоило. Между строк в нем угадывались какие-то мысли, которые Ассирэ улавливала, но не понимала. Уже миновала полночь, когда Ассирэ вар Анагыд, нильфгаардская чародейка, привела в действие мегаскоп и установила телесвязь с замком

Монтекальво в Редании.

На Филиппе Эйльхарт была коротюсенькая ночная рубашечка на тонюсеньких бретелечках, а на щеках и в вырезе декольте – следы губной помады. Ассирэ величайшим усилием воли сдержала гримасу отвращения. «Никогда-приникогда я не смогу этого понять, – подумала она, – и понимать не хочу. Этого».

– Мы можем говорить свободно?

Филиппа сделала рукой широкий жест, укрывая себя магической сферой тайны.

– Теперь да.

– У меня есть сведения, – сухо начала Ассирэ. – Сами по себе они ничего сенсационного не представляют, об этом болтают даже бабы у колодцев. Тем не менее…

– Редания, – сказал Эстерад Тиссен, глядя на карту, – в данный момент может выставить пять тысяч линейных бойцов, из них четыре тысячи – тяжелой конницы. Округляя, разумеется.

Дийкстра кивнул. Подсчет был абсолютно точным.

– У Демавенда и Мэвы была такая же армия. Эмгыр разгромил ее за двадцать шесть дней. То же случится и с войсками Редании и Темерии, если вы их не укрепите. Я поддерживаю вашу идею, Дийкстра, твою и Филиппы Эйльхарт. Вам нужны войска. Вам необходима боевая, хорошо обученная и прекрасно экипированная конница. И такую конницу вы хотите получить за какой-то жалкий миллион бизантов.

Шпион наклоном головы подтвердил, что и против такого расчета ему возразить нечего.

– Однако, как тебе, несомненно, известно, – сухо продолжал король, – Ковир всегда был, есть и будет нейтральным. С Нильфгаардской империей нас связывает трактат, подписанный еще моим дедом, Эстерилем Тиссеном, и императором Фергусом вар Эмрейсом. Буква данного трактата не разрешает Ковиру поддерживать врагов Нильфгаарда военной силой. Либо деньгами на… военную силу.

– Когда Эмгыр вар Эмрейс задушит Темерию и Реданию, – откашлялся Дийкстра, – тогда он обратит взор свой на Север. Эмгыр никогда не насытится. Может статься, что ваш трактат мгновенно перестанет стоить чего-либо. Только что мы говорили о Фольтесте Темерийском, который договорами с Нильфгаардом сумел купить себе всего-навсего шестнадцать дней мира…

– О, дорогой мой, – отмахнулся Эстерад. – Это, знаешь ли, не аргумент. С договорами о мире дела обстоят так же, как с супружескими пактами – их не заключают с мыслью об измене, а коли уж заключают, то не подозревают в измене противную

сторону. А кому это не нравится, тот пусть не женится. Ибо нельзя стать рогачом, не будучи женатым, но, согласись, страх перед рогами – обидное и довольно смешное оправдание вынужденного целибата. А рога в семейной жизни не должны быть темой для рассуждений типа «что было б, если бы?». До тех пор, пока рога не выросли, и говорить не о чем… Кстати, о рогах: как чувствует себя супруг прелестной Мари, маркизы де Мерсей, реданский министр финансов?

– Ваше королевское величество, – натянуто поклонился Дийкстра, – располагает достойными зависти информаторами.

– А и верно, располагаю, – согласился король. – Ты удивился бы, узнав, сколькими и сколь хорошими. Но и тебе нечего стыдиться своих. Тех, которые отираются при моих дворах здесь и в Понт Ванисе. О, слово даю, любой из них достоин высочайшей похвалы.

Дийкстра даже бровью не повел.

– Эмгыр вар Эмрейс тоже не испытывает недостатка в хороших и удачно пристроенных агентах. Поэтому повторяю: государственные интересы Ковира – нейтралитет и принцип *pacta sunt servanda.*[22] Ковир не нарушает заключенных договоров. Ковир не нарушает договоров даже ради того, чтобы опередить нарушение договоров противной стороной.

– Осмелюсь заметить, – сказал Дийкстра, – что Редания не предлагает Ковиру нарушать пакты. Редания ни в коей мере не стремится заключить союз либо заполучить военную помощь Ковира против Нильфгаарда. Редания хотела бы… одолжить небольшую сумму, которую мы вернем…

– Мне известно, – прервал король, – как вы возвращаете. Но все это чисто академические рассуждения, ибо я не одолжу вам ни шелонга. А дурной казуистикой меня потчевать незачем, Дийкстра, поскольку она идет тебе, как волку слюнявчик. Есть у тебя какие-нибудь другие, более серьезные, умные и удачные аргументы?

– Нет.

– Твое счастье, – после недолгого молчания сказал Эстерад Тиссен, – что ты стал шпионом. В торговле б ты не преуспел.

Испокон веков у всех коронованных пар были раздельные опочивальни. Короли – с весьма различной регулярностью – посещали спальни королев, случалось и королевам наносить неожиданные визиты королям. Затем супруги расходились по собственным комнатам и ложам.

Монаршья чета Ковира и в этом отношении была исключением. Эстерад Тиссен и Зулейка всегда почивали вместе –

в одной спальне, на одном гигантском ложе под огромным балдахином.

Перед тем как уснуть, Зулейка, нацепив очки, в которых стыдилась показываться подданным, обычно почитывала свою Хорошую Книгу. Эстерад Тиссен обычно болтал.

В ту ночь тоже все было как обычно. Эстерад натянул ночной колпак и взял в руки скипетр. Он обожал держать скипетр и поигрывать им, но не делал этого на людях, ибо опасался, как бы подданные не сочли его претенциозным.

– Знаешь, Зулейка, – болтал он, – преудивительнейшие меня последнее время посещают сны. Уж которую ночь кряду мне снится та ведьма, моя матушка. Встанет надо мной и долдонит: «Есть у меня жена для Танкреда, есть жена для Танкреда». И показывает симпатичную, но очень уж юную девочку. И знаешь, Зулейка, что это за девочка? Цири, внучка Калантэ. Ты помнишь Калантэ, Зулейка?

– Помню, супруг мой.

– Цири, – продолжал Эстерад, поигрывая скипетром, – это та, на которой якобы хочет жениться Эмгыр вар Эмрейс. Странный марьяж, поразительный… Так каким же, черт побери, образом она может стать женой Танкреда?

– Танкреду, – голос у Зулейки немного изменился, как всегда, когда она говорила о сыне, – не помешала бы жена. Может, остепенится…

– Возможно, – вздохнул Эстерад. – Хоть сомневаюсь, но возможно… Во всяком случае, супружество дает какой-то шанс. Хм-м-м… Интересно! Цири… Ковир и Цинтра… Устье Яруги! Недурно звучит, недурно. Удачный был бы союз… Удачное родство… Однако если эту малышку присмотрел для себя Эмгыр… Только вот чего ради именно она является мне в снах? И почему, черт побери, мне вообще снится такая ересь? Во время Эквинокция, помнишь, когда я тебя тоже разбудил… Бр-р-р, какой же это был кошмар, чертовски рад, что не могу вспомнить подробностей… Хм-м-м… А может, призвать какого-нибудь астролога? Ворожея? Медиума?

– Сейчас в Лан Эксетере пребывает госпожа Шеала де Танкарвилль.

– Нет, – поморщился король. – Этой чародейки я не хочу. Она слишком уж мудра. У меня под боком вырастает вторая Филиппа Эйльхарт. Мудрых баб слишком влечет аромат власти, их нельзя раззадоривать ласками и доверием.

– Ты, дорогой супруг, как всегда, прав.

– Хм-м-м… Но эти сны…

– Хорошая Книга, – Зулейка перелистнула несколько

страниц, – говорит, что, когда человек засыпает, боги открывают ему уши и говорят к нему… А вот пророк Лебеда учит, что, видя сон, видишь либо великую мудрость, либо великую глупость… Искусство состоит в том, чтобы распознать, что именно.

– Женитьбу Танкреда на возможной невесте Эмгыра вряд ли можно считать великой мудростью! – вздохнул Эстерад. – А если уж говорить о мудрости, то я б хотел, чтобы таковая снизошла на меня во сне. Речь о деле, с которым сюда прибыл Дийкстра. Очень сложное дело. Потому что, видишь ли, дражайшая моя Зулейка, рассудок не позволяет мне ликовать, когда Нильфгаард безостановочно прет на север и в любой момент может занять Новиград, ибо из Новиграда все, в том числе и наш нейтралитет, выглядит иначе, нежели с дальнего юга. Так что хорошо было бы, если б Редания и Темерия остановили натиск Нильфгаарда и прогнали агрессора вновь за Яругу. Но будет ли хорошо, ежели они сделают это за наши деньги? Ты слушаешь меня, о любимая супруга?

– Я слушаю тебя, любезный супруг мой.

– И что ты на это скажешь?

– Всяческую мудрость вмещает в себя Хорошая Книга.

– А не говорит ли твоя Хорошая Книга, что делать, когда приходит этакий Дийкстра и домогается от тебя миллиона?

– Книга, – заморгала поверх очков Зулейка, – ничего не говорит о бесчестных деньгах. Но в одном из стихов сказано: давать есть большее счастье, нежели брать, а поддерживать убогого милостыней есть благородство. Сказано: раздай все, и это облагородит душу твою.

– Ну да, а мешок и брюхо – выпотрошит, – проворчал Эстерад Тиссен. – А что, Зулейка, кроме стихов о благородном одарении и раздаче милостыни, не содержит ли Книга каких-либо мудростей, касающихся интереса? К примеру, что Книга говорит об эквивалентном обмене?

Королева поправила очки и принялась быстро листать инкунабулу.

– Как Иаков богам, так и боги Иакову, – прочитала она.

Эстерад долго молчал, наконец медленно проговорил:

– А еще что-нибудь?

Зулейка снова принялась терзать Книгу.

– Нашла, – наконец сказала она, – кое-что в премудрости пророка Лебеды. Прочесть?

– Сделай милость.

– Пророк Лебеда учит: воистину убогого подаянием поддержи. Но вместо того чтобы дать убогому целый арбуз, дай ему пол-арбуза, ибо иначе убогий может свихнуться от счастья.

– Пол-арбуза, – фыркнул Эстерад Тиссен. – Стало быть, полмиллиона бизантов? А ведомо ли тебе, Зулейка, что иметь полмиллиона и не иметь полмиллиона – это в сумме получается целый миллион?

– Ты не дал мне докончить, – окинула Зулейка супруга сердитым взглядом поверх очков. – Далее пророк говорит: еще лучше дать убогому четверть арбуза. И вовсе уж хорошо сделать так, чтобы кто-то другой дал убогому арбуз. Поскольку, истинно говорю вам, всегда отыщется тот, у кого есть арбуз и кто склонен им одарить убогого, ежели не из благородства чувств своих, то по расчету либо иному поводу.

– У! – хватанул король Ковира скипетром по ночному столику. – А ведь и верно, головастый был мужик этот твой пророк Лебеда! Вместо того чтобы дать, постараться заставить это сделать другого? Это мне нравится, вот они, слова истинно медоточивые. Нет, ты поищи-ка еще в премудростях твоего пророка, любезная моя Зулейка. Уверен, обнаружишь там что-нибудь такое, что позволит мне без ущерба решить проблему Редании и армии, которую Редания намерена создать за мои деньги.

Зулейка долго-долго листала Книгу, прежде чем принялась читать.

– Сказал однажды пророку Лебеде ученик его: «Научи меня, учитель, как мне поступить? Возжелал, понимаешь ли, ближний мой моего любимого пса. Если отдам любезное мне животное, сердце мое разорвется от жалости. Если же не отдам, буду несчастлив, ибо обижу ближнего своего отказом. Что делать?» «А нет ли у тебя, – спросил пророк, – чего-нибудь такого, что бы ты любил менее, нежели любимого своего пса?» «Есть, учитель, – ответствовал ученик, – кот озорной, шкодник неуемный. И я вообще его не люблю». И сказал тогда пророк Лебеда: «Возьми оного кота – шкодника неуемного, озорника – и подари его ближнему твоему. Тем самым ощутишь ты двойное счастье – отделаешься от кота и ближнего порадуешь. Поскольку чаще всего ближний не подарка самого жаждет, но просто быть одаренным желает».

Эстерад какое-то время молчал, наморщив лоб. Наконец спросил:

– Зулейка? А это что же, один и тот же пророк-то был?

– Возьми оного кота – шкодника неуемного, озорника…

– Слышал уже, слышал! – воскликнул король, но тут же помягчал: – Прости, возлюбленнейшая. Дело в том, что я никак в толк не возьму, какая связь у кота с…

Он замолчал. И надолго задумался.

Спустя восемьдесят пять лет, когда ситуация изменилась настолько, что о некоторых проблемах и людях уже можно было говорить без опаски, заговорил Гвискар Вермуллен, герцог Крейденский, внук Эстерада Тиссена, сын его старшей дочери Гудемунды. Герцог Гвискар к тому времени уже был ветхим годами старцем, но события, свидетелем которых ему довелось быть, помнил хорошо. Именно герцог Гвискар раскрыл, откуда взялся миллион бизантов, с помощью которых Редания экипировала конную армию для войны с Нильфгаардом. Миллион этот был взят, как предполагали, не из казны Ковира, а из богатств Новиграда. Эстерад Тиссен, выдал тайну Гвискар, получил новиградские деньги за участие в создании компаний по заморской торговле. Парадоксально то, что компании эти создавались при активном участии нильфгаардских купцов. Из откровений престарелого герцога следовало, значит, что сам Нильфгаард – в определенной степени – оплатил организацию враждебной себе реданской армии.

– Дедушка, – вспомнил Гвискар Вермуллен, – говорил что-то об арбузах и при этом шельмовски улыбался. Говорил, что всегда отыщется такой, кто пожелает одарить бедного, хотя бы и по расчету. Говорил также, что коли сам Нильфгаард присовокупляется к увеличению силы и боеспособности реданского войска, то не может за то же самое иметь претензий к другим.

– А потом, – продолжал старец, – дедушка призвал к себе моего отца, который в то время руководил разведкой, и министра внутренних дел. Те, узнав, какие приказы им предстоит выполнять, впали в панику. Ибо речь шла о том, чтобы выпустить из тюрем и вернуть из ссылки свыше трех тысяч человек. Больше чем сотне предстояло отменить домашние аресты.

Нет, речь шла не только о бандитах, обычных преступниках и наемных кондотьерах. Помилованию подлежали прежде всего диссиденты. Среди помилованных оказались и сторонники сверженного короля Рыда, и люди узурпатора Иди, их преданнейшие партизаны. К тому же не только такие, которые поддерживали словами: большинство сидели за диверсии, покушения, вооруженные бунты. Министр внутренних дел был в шоке, папаша сильно обеспокоен.

– Дедушка же, – рассказывал герцог, – смеялся так, словно это была лучшая шутка из лучших. А потом сказал, помню каждое слово: «Величайшее ваше упущение, господа, состоит в том, что вы не читаете на ночь Хорошую Книгу. Если б читали, то понимали бы идеи своего монарха. А так – будете выполнять

приказы, не понимая их. Но не отчаивайтесь напрасно и про запас, ваш монарх знает, что делает. А теперь идите и выпустите всех моих проказников, котов – шкодников неуемных».

Именно так он и сказал: проказников, котов – шкодников неуемных. А речь-то шла – о чем тогда никто и подумать не мог – о будущих героях, командирах, покрывших себя честью и славой. Этими дедушкиными «котами» были известные позже кондотьеры: Адам «Адью» Пангратт, Лоренцо Молла, Хуан «Фронтино» Гуттьерес… и Джулия Абатемарко, которая прослыла в Редании как «Сладкая Ветреница»… Вы, молодые, этого не помните, но в мои времена, когда мы играли в войну, любой парень хотел быть «Адью» Панграттом, а каждая девчонка – Джулией «Сладкой Ветреницей»… А для дедушки все они были «котами-шкодниками», хе-хе…

Позже же, – мямлил Гвискар Вермуллен, – дедушка взял меня за руку и вывел на террасу, с которой бабушка Зулейка кормила чаек. Дедушка сказал ей… он ей сказал…

Старик медленно и с огромным напряжением пытался вспомнить слова, которые тогда, восемьдесят пять лет назад, король Эстерад Тиссен сказал жене, королеве Зулейке, на нависшей над Большим Каналом террасе дворца Энсенада.

– …сказал, – вспомнил наконец герцог: – «Знаешь ли ты, любимейшая моя супруга, что я обнаружил еще одну премудрость среди множества премудростей пророка Лебеды? Такую, которая даст мне еще одну выгоду при одарении Редании котами-шкодниками? Коты, дорогая моя Зулейка, возвращаются домой. Коты всегда возвращаются домой. Ну а когда мои коты вернутся, когда принесут добычу, свое жалованье, богатства… Вот тогда я обложу этих котов налогами…»

Последний раз король Эстерад Тиссен беседовал с Дийкстрой один на один, даже без Зулейки. Правда, на полу гигантского зала играл десятилетний мальчик, но на него не обращали внимания, да кроме того он был так занят своими оловянными солдатиками, что совершенно не интересовался разговорами взрослых.

– Это Гвискар, – пояснил Эстерад, указывая на мальчика головой. – Мой внук, сын моей Гудемунды и того шалопая, князя Вермуллена. Но этот малыш, Гвискар, единственная надежда Ковира, если Танкред Тиссен вдруг окажется… Ну, если с Танкредом что-нибудь приключится…

Дийкстре была не чужда проблема Ковира. И лично проблема Эстерада. Он знал, что с Танкредом уже кое-что приключилось. У парня если и были вообще данные стать королем, то только

королем очень скверным.

– Твой вопрос, – проговорил Эстерад, – в принципе уже решен, ты можешь начинать думать, как наиболее эффективно использовать миллион бизантов, который вскоре окажется в третогорской казне.

Он наклонился и украдкой поднял одного из оловянных солдатиков Гвискара, кавалериста с занесенным палашом.

– Возьми и как следует спрячь. Тот, кто покажет второго такого же воина, будет моим посланцем. Учти это, даже если он будет выглядеть так, что ты не поверишь, будто это мой человек, знающий проблемы нашего миллиона. Любой другой будет провокатором, и отнесись к нему соответственно.

– Редания, – поклонился Дийкстра, – не забудет этого вашему королевскому величеству. Я же от собственного имени хочу заверить ваше королевское величество в моей личной благодарности.

– Не заверяй, а давай сюда ту тысячу, с помощью которой намеревался завоевать благосклонность моего министра. Что ж, по-твоему, благосклонность короля не заслуживает взятки?

– И ваше королевское величество снизойдет…

– Снизойдет, снизойдет. Давай деньги, Дийкстра. Иметь тысячу и не иметь тысячи…

– Это в сумме дает две тысячи. Знаю.

В дальнем крыле Энсенады, в комнате значительно меньших размеров, чародейка Шеала де Танкарвилль сосредоточенно и серьезно выслушала сообщение королевы Зулейки.

– Прелестно, – кивнула она. – Прелестно, ваше королевское величество.

– Я сделала все так, как ты посоветовала, госпожа Шеала.

– Благодарю. И еще раз уверяю вас – мы действуем в общих интересах. Ради блага страны. И династии.

Королева Зулейка кашлянула, голос у нее слегка изменился.

– А… А Танкред, госпожа Шеала?

– Я дала слово, – холодно сказала Шеала де Танкарвилль. – Я дала свое слово, что за помощь отплачу помощью. Ваше королевское величество может спать спокойно.

– Очень бы хотелось, – вздохнула Зулейка. – Очень. Кстати, коли уж разговор зашел о снах… Король начинает что-то подозревать. Эти сны удивляют его, а король, когда его что-то удивляет, становится подозрительным.

– Значит, на некоторое время я перестану насылать на короля сны, – пообещала чародейка. – Относительно же сна вашего величества повторяю, вы можете спать спокойно. Принц Танкред

расстанется с дурным обществом. Перестанет посещать замок барона Суркратасса, бывать у госпожи де Байсемур. И у жены реданского посла тоже.

– Он никогда не станет бывать у этих персон? Никогда?

– Персоны, о которых идет речь, – в темных глазах Шеалы де Танкарвилль вспыхнул странный огонек, – уже не отважатся приглашать и совращать с праведного пути принца Танкреда. Не отважатся никогда. Ибо будут знать о последствиях таких шагов. Я ручаюсь за то, что говорю. Ручаюсь также за то, что принц Танкред возобновит учебу и будет прилежным учеником, серьезным и уравновешенным юношей, перестанет гоняться за юбками. Успокоится… до того момента, когда мы представим ему Цириллу, княжну Цинтры.

– Ах, если б я могла в это поверить! – Зулейка заломила руки, возвела очи горе. – Если б могла поверить!

– В могущество магии, – Шеала де Танкарвилль улыбнулась даже неожиданно для себя самой, – порой трудно поверить, ваше королевское величество. Впрочем, так оно и должно быть.

Филиппа Эйльхарт поправила тонюсенькие как паутинка бретельки прозрачной ночной рубашки, стерла последние следы губной помады. «Такая умная женщина, – недовольно подумала Шеала де Танкарвилль, – а не может удержать свои гормоны в узде».

– Можно говорить?

Филиппа окружила себя сферой секретности.

– Теперь да.

– В Ковире все сделано. Положительно.

– Благодарю. Дийкстра уже уехал?

– Еще нет.

– В чем задержка?

– Он ведет переговоры с Эстерадом Тиссеном, – скривила губы Шеала же Танкарвилль. – Как-то странно они пришлись друг другу по вкусу, король и шпион.

– Ты знаешь шуточки о нашей погоде, Дийкстра? О том, что в Ковире есть только две поры года…

– Зима и осень. Знаю.

– А знаешь ли ты признаки, позволяющие установить, что в Ковире уже наступило лето?

– Нет. Какие?

– Дождь становится чуточку теплее.

– Ха-ха!

– Шутки шутками, – серьезно сказал Эстерад Тиссен, – но все

более ранние и долгие зимы меня немного беспокоят. Это было предсказано. Ты, полагаю, читал пророчества Итлины? Там говорится, что настанут десятки лет непрекращающегося холода. Некоторые утверждают, что это не более чем аллегория, но я немного побаиваюсь. В Ковире однажды уже случились четыре года подряд холода, непогоды и неурожая. Если б не мощный поток продуктов питания из Нильфгаарда, люди начали бы массами умирать от голода… Ты представляешь себе это?

– Честно говоря, нет.

– А я – да. Охлаждение климата может всех нас погубить. Голод – это враг, с которым чертовски трудно бороться.

Шпик задумчиво кивнул.

– Дийкстра?

– Ваше королевское величество?

– У тебя в стране уже наступил мир и покой?

– Не вполне. Но я стараюсь… установить…

– Знаю. Об этом говорят громко. Из тех, что совершили предательство на Танедде, в живых остался только Вильгефорц.

– После смерти Йеннифэр – да. Знаешь, король, что Йеннифэр скончалась? Погибла в последний день августа при загадочных обстоятельствах на пресловутой Седниной Бездне между Островами Скеллиге и полуостровом Пейкс де Мар.

– Йеннифэр из Венгерберга, – медленно проговорил Эстерад, – не была предательницей. Она не была сообщницей Вильгефорца. Если хочешь, я представлю тебе доказательства.

– Не хочу, – после недолгого молчания ответил Дийкстра. – А может, захочу, но не теперь. Сейчас мне удобнее видеть в ней предательницу.

– Понимаю. Не доверяй чародейкам, Дийкстра. Особенно Филиппе.

– Я никогда ей не доверял. Но мы вынуждены сотрудничать. Без нее Редания погрязнет в хаосе и погибнет.

– Это верно. Но если позволишь тебе посоветовать – отпусти немного поводья. Ты знаешь, о чем я. Эшафоты и пыточные дома по всей стране, изуверства, чинимые на эльфах… И этот страшный форт Дракенборг. Я знаю, тобою руководит чувство патриотизма. Но ты оставляешь после себя скверную легенду, в которой выглядишь оборотнем, лакающим невинно пролитую кровь.

– Кто-то должен это делать.

– И на ком-то это должно отыграться. Я знаю, ты пытаешься быть справедливым, но ведь ошибок не избежать, ибо избежать их невозможно. Невозможно также остаться чистым, валяясь в крови. Знаю, ты ни разу не обидел никого ради собственного

удовольствия, но кто в это поверит? В тот день, когда удача от тебя отвернется, тебе припишут небескорыстное умерщвление невинных. А ложь липнет к человеку как смола.

– Знаю.

– Тебе не дадут возможности защищаться. Таким, как ты, никогда не дают шансов обелиться. Тебя вываляют в смоле… позже. Постфактум. Стерегись, Дийкстра.

– Стерегусь. Они меня не получат.

– Они получили твоего короля, Визимира. Я слышал – стилет в бок по самую гарду…

– В короля легче попасть, чем в шпиона. Меня не достанут. Никогда не достанут меня.

– И не должны. А знаешь почему, Дийкстра? Потому что должна же быть, язви ее, хоть какая-то справедливость на этом свете.

И пришел день, когда они вспомнили этот разговор. Оба. Король и шпион. Дийкстра вспомнил слова Эстерада в Третогоре, когда прислушивался к шагам убийц, приближающихся со всех сторон, по всем коридорам замка. Эстерад вспомнил слова Дийкстры на широких ступенях мраморной лестницы, ведущей из Энсенады к Большому Каналу.

– Он мог бороться. – Затуманившиеся, невидящие глаза Гвискара Вермуллена глядели в бездну воспоминаний. – Убийц было только трое, дедушка был мужчиной сильным. Он мог бороться, защищаться до того момента, пока не подоспела бы стража. Он мог просто-напросто убежать. Но там была бабушка Зулейка. Дедушка прикрывал и защищал Зулейку, только Зулейку, о себе он не думал. Когда наконец подоспела помощь, на Зулейке не было даже царапины. Эстерад получил больше двадцати ударов. Он умер через три часа, не приходя в сознание.

– Ты когда-нибудь читал Хорошую Книгу, Дийкстра?

– Нет, ваше королевское величество. Но знаю, что в ней написано.

– Представь себе, я вчера наугад раскрыл ее. И натолкнулся на такую вот фразу: «На пути к вечности каждый будет идти по своим собственным ступеням, неся свое собственное бремя». Что ты об этом думаешь?

– Мне пора, король Эстерад. Пришел час нести собственное бремя.

– Ну что ж, будь здоров, шпион.

– Будь здоров, король.

От града древнего и зело славного Ассенгарда удалилися мы не менее как на шесть сотен стае к югу, аж до краю, Стоозерьем именуемого. Ежели в споверху на край оный глянуть, узреть можно неисчислимое множество озер, воистину искусною рукою в фигуры разнообразнейшие уложенных. Всредь фигур тех провожатый наш, эльф Аваллак'х, повелел таковую выискивать, коя листу трифолии подобна есть. И истинно, таковая выискалася. При том казалось, что не троица, а четверица озер там раскинулася, ибо одно, продолговатое, с полудня на полночь тянущееся, суть якобы оного листу ножица. Озерцо это, Тарн Мира именуемое, лесом черным околено, а у полуночного его конца башня оная таинственная вздыматься должна была якобы, Башнею Ласточки именуемая, в эльфьей же речи – Tor Zireael. Однако ж поначалу не зрели мы ничего, окромя мглы единой. Уж способился я о той башенке эльфа Аваллак'ха запытать, однако ж сам оный эльф Аваллак'х таковы слова рек: «Надо ждать и надеяться. Надежда вернется со светом и с добрыми чарами. Вглядитесь в безмер вод, там увидите посланников доброй вести.

Буйвид Бэкуйзен.

«Странствования по тропам и местам магическим»

Книга эта от первой до последней страницы есть блеф и надувательство. Руины у озера Тарн Мира исследовались неоднократно.

Развалины эти, вопреки декларации Б. Бэкуйзена, никакой магии в себе не содержат, а следовательно, не могут быть развалинами легендарной Башни Ласточки.

Ars Magica, изд. XIV

Глава девятая

– Плывут! Плывут!

Йеннифэр, обеими руками придерживая волосы, которые трепал насыщенный влагой ветер, остановилась у перил лестницы, отстранив с пути сбегающих на набережную женщин. Прибой, которому вдобавок помогал западный ветер, с грохотом разбивал о берег волны, из расщелин между скалами то и дело взметались белые султаны пены.

– Плывут! Плывут!

С верхних террас цитадели Каэр Трольда, главной твердыни Ард Скеллиге, был виден почти весь архипелаг. Прямо за тесниной лежала Ан Скеллиг, плоская и низкая с южной стороны, обрывистая и изрезанная фиордами с невидимой северной. Далеко слева острыми клыками рифов разрезала волны высокая и зеленая Спикероога, горы и вершины которой тонули в облаках. Справа были видны крутые обрывы острова Ундвик, кишащие чайками, глупышами, бакланами и олушами. Из-за Ундвика выглядывал лесистый конус Хиндарсфьялла, самого маленького островка архипелага. Если же подняться на вершину одной из башен Каэр Трольда и посмотреть на юг, то можно было увидеть одинокий, как бы отброшенный от остальных остров Фаро, торчащий из воды словно спина огромной рыбины, для которой океан слишком мелок.

Йеннифэр спустилась террасой ниже и остановилась около группы женщин, которым гордость и общественное положение не позволяли со всех ног помчаться на набережную и смешаться с взбудораженной толпой. Внизу, под террасой, раскинулся портовый город, черный и бесформенный, будто выброшенное волнами на берег огромное морское ракообразное.

Из теснины между Ан Скеллиг и Спикероогой один за другим выплывали драккары. Паруса загорелись на солнце белым и красным, засверкали бронзой умбоны висящих по бортам щитов.

– «Рингхорн» идет первым, – сказала одна из женщин. – За ним «Фенрис»…

– «Тригля», – возбужденно выкрикнула другая. – Следом «Драк»… Позади них «Хавфруя»…

– «Анигра»… «Тамара»… «Дария»… Нет, это «Скорпена»… Нет «Дарии». «Дарии» нет…

Молодая женщина с толстой светлой косой, поддерживавшая руками уже довольно большой животик, глухо охнула, побледнела и потеряла сознание, опустившись на плиты террасы, словно сорванный с колец занавес. Йеннифэр тут же подскочила к

ней, бросилась на колени, уперлась пальцами в живот женщины и выкрикнула заклинание, прерывая спазмы и сильно и уверенно связывая грозящую разорваться связь матки с детским местом. Для надежности бросила еще успокаивающее и защитное заклинание на дитя, движения которого чувствовала рукой.

Женщину, чтобы не терять напрасно магической энергии, она привела в чувство шлепком по щеке.

– Заберите ее, осторожнее.

– Глупышка… – сказала одна из пожилых женщин. – Еще бы немного…

– Запаниковала… Может, ее Нильс жив, может, он на другом драккаре…

– Благодарим вас за помощь, госпожа магичка.

– Заберите ее, – повторила Йеннифэр, поднимаясь и проглотив ругательство: платье, когда она опускалась на колени, разошлось по шву.

Она спустилась еще на одну террасу. Даккары по одному подходили к берегу, воины спускались на набережную. Бородатые, увешанные оружием берсеркеры со Скеллиге. Многие выделялись белизной повязок. Многие идти самостоятельно не могли и вынуждены были воспользоваться помощью товарищей. Некоторых приходилось нести.

Столпившиеся на набережной женщины со Скеллиге узнавали своих мужей, кричали и плакали от счастья – если счастье им улыбалось. Если ж нет – теряли сознание. Либо отходили, медленно, тихо, не произнося ни слова жалобы. Иногда оглядывались, надеясь, что в проливе блеснет белым и красным парус «Дарии».

«Дарии» не было.

Йеннифэр заметила возвышающуюся над другими рыжую шевелюру Краха ан Крайта, ярла Скеллиге, одним из последних спускавшегося с палубы «Рингхорна». Ярл выкрикивал приказы, отдавал распоряжения, проверял, заботился. Две не отрывавшие от него глаз женщины, одна светловолосая, вторая темная, плакали. От счастья. Ярл, удостоверившись наконец, что обо всем позаботился и ничего не упустил, подошел к женщинам, обхватил обеих медвежьим объятием, расцеловал. А потом поднял голову и увидел Йеннифэр. Его глаза вспыхнули, загорелое лицо застыло как камень рифа, как бронзовый умбон щита.

«Знает, – подумала чародейка. – Вести расходятся быстро. Ярл знал еще в плавании о том, что позавчера меня выловили сетью в зунде за Спикероогой. Знал, что застанет меня в Каэд Трольде. Магия или почтовые голуби?»

Он не спеша подошел к ней. Он весь пропах морем, солью,

силой, усталостью. Она глянула в его светлые глаза, и тут же у нее в ушах загремели боевые кличи берсеркеров, грохот щитов, звон мечей и топоров, вопли убиваемых, крики людей, прыгающих в море с пылающей «Дарии».

– Йеннифэр из Венгерберга.

– Крах ан Крайт, ярл Скеллиге. – Она слегка наклонила голову.

Он поклоном не ответил. «Плохо», – подумала она.

Он тут же заметил синяк, памятку от удара веслом, его лицо снова застыло, губы дрогнули, на мгновение приоткрыв зубы.

– Тот, кто тебя бил, ответит за это.

– Никто меня не бил. Я споткнулась на ступенях.

Он внимательно глянул на нее, пожал плечами.

– Не хочешь жаловаться, воля твоя. Мне расследованиями заниматься некогда. А теперь послушай, что я тебе скажу. Послушай внимательно, потому что это будут единственные слова, которые ты от меня услышишь.

– Слушаю.

– Завтра тебя посадят на драккар и отвезут в Новиград. Там передадут городским властям, а потом – темерским или реданским в зависимости от того, кто обратится первым. А я знаю, что и те, и другие одинаково хотели бы тебя заполучить.

– Это все?

– Почти. Еще небольшое пояснение. Достаточно часто случалось, что Острова Скеллиге давали укрытие людям, преследуемым законом. Нет у нас и недостатка возможностей искупить вину тяжелой работой, мужеством, самопожертвованием, кровью. Но не для тебя, Йеннифэр. Тебе я убежища не предоставлю. Если ты на это рассчитывала, то просчиталась. Я ненавижу таких, как ты, ненавижу людей, которые ради власти бунтуют, ставят личное выше общественного, вступают в сговор с врагом и предают тех, кому обязаны не только послушанием, но и благодарностью. Я ненавижу тебя, Йеннифэр, потому что именно в то время, когда ты вместе со своими дружками-бунтарями по нильфгаардскому наущению подняла мятеж на Танедде, мои драккары были под Аттре, мои парни шли на помощь тамошним повстанцам. Триста моих парней встали против двух тысяч Черных! Должна же быть какая-то награда за мужество и верность, должна же быть кара за подлость и предательство! Чем я могу наградить павших? Кенотафами? Надписями, выбитыми на обелисках? Нет! Награды и почести павшим будут иными. За их кровь, впитавшуюся в дюны Аттре, твоя кровь, Йеннифэр, потечет сквозь щели в досках эшафота.

– Я не виновна. Я не участвовала в заговоре Вильгефорца.

– Доказательства тому ты представишь судьям. Я тебя судить не стану.

– Ты не только не станешь судить, ты уже вынес приговор.

– Довольно болтовни! Я сказал, завтра на восходе солнца ты в кандалах отправишься в Новиград, чтобы предстать перед королевским судом, который определит тебе должное и справедливое наказание. А сейчас дай мне слово, что не попытаешься воспользоваться магией.

– А если не дам?

– Марквар, наш чародей, погиб на Танедде, сейчас здесь нет магика, который мог бы взять тебя под контроль. Но знай, что ты будешь находиться под неусыпным надзором самых лучших лучников Скеллиге. Если ты хотя бы пальцем шевельнешь подозрительно, ты будешь немедленно застрелена.

– Ясно, – кивнула она. – Значит, даю слово.

– Прекрасно. Благодарю. Прощай, Йеннифэр. Я не стану тебя завтра провожать.

– Крах.

Он развернулся на пятках.

– Слушаю.

– У меня нет ни малейшего желания садиться на корабль, плывущий в Новиград. У меня нет времени доказывать Дийкстре свою невиновность. Я не могу рисковать тем, что вскоре после ареста умру от внезапного кровоизлияния в мозг или же каким-нибудь эффектным образом покончу в камере самоубийством. Я не могу терять времени и идти на такой риск. Я не могу объяснить тебе, почему для меня это так рискованно. Я не намерена и не поплыву в Новиград.

Он долго смотрел на нее.

– Не поплывешь? Что, интересно, позволяет тебе так думать? Неужто то, что некогда нас связывали любовные сопереживания? На это не рассчитывай, Йеннифэр. Что было, то быльем поросло.

– Знаю и не рассчитываю. Но я не поплыву в Новиград, ярл, потому, что мне необходимо срочно отправиться на помощь особе, которую я поклялась никогда не оставлять одну и без помощи. А ты, Крах ан Крайт, ярл Скеллиге, поможешь мне в этом. Потому что и ты дал такую же клятву. Десять лет назад, ровно на том месте, где мы сейчас стоим, на этой набережной. Той же самой особе, Цири, внучке Калантэ, Львенку из Цинтры. Я, Йеннифэр из Венгерберга, считаю Цири своей дочерью. Поэтому от ее имени требую, чтобы ты сдержал свою клятву. Сдержи ее, Крах ан Крайт, ярл Скеллиге.

– Серьезно? – еще раз удостоверился Крах ан Крайт. – Даже не отведаешь? Ни одного из этих яств?

– Серьезно.

Ярл не настаивал, сам снял с тарелки омара, положил на доску, сильным и точным ударом тесака разрубил вдоль. Обильно окропив лимоном и чесночным соусом, принялся выковыривать мясо из панциря. Пальцами.

Йеннифэр ела благовоспитанно, серебряным ножом и вилкой, а ела она баранью отбивную со шпинатом, специально для нее приготовленную изумленным и, кажется, немного обиженным поваром. Ибо чародейка не пожелала ни устриц, ни мули, ни маринованного в собственном соку лосося, ни супа из триглей и раковин-сердцовок, ни тушеного хвоста морской лягушки, ни запеченной меч-рыбы, ни жареной мурены, ни осьминогов, ни крабов, ни омаров, ни морских ежей. Ни – тем более – свежих водорослей.

Все, что хоть чуточку отдавало морем, ассоциировалось у нее с Фрингильей Виго и Филиппой Эйльхарт, с дьявольски рискованной телепортацией, падением в волны морские, морской водой, которую приходилось глотать против воли, и с накинутой на нее сетью, к которой, кстати, прицепились водоросли, причем ни дать ни взять – точно такие, какие расположились на тарелке. Водоросли, которые у нее на голове и спине превращали в кашицу парализующими волю болезненными ударами соснового весла скеллиговские рыбачки.

– Итак, – продолжал беседу Крах, высасывая мясо из переламываемых в суставах лапок омара, – я решил поверить тебе, Йеннифэр. Однако знай, делаю это не ради тебя. Блоэдгеас, клятва на крови, которой я поклялся Калантэ, действительно связывает мне руки. Поэтому, если твое намерение помочь Цири не ложно и искренне – а я исхожу из того, что так оно и есть, – то у меня нет выхода: я должен помочь тебе исполнить твое намерение…

– Благодарю. Но, пожалуйста, отбрось патетический тон. Повторяю, я не принимала участия в заговоре на Танедде. Поверь.

– Так ли уж важно, – отмахнулся он, – во что верю я? Скорее бы уж следовало начать с королей, с Дийкстры, агенты которого разыскивают тебя по всему свету. С Филиппы Эйльхарт и верных королям чародеев, от которых, как ты призналась сама, ты сбежала сюда, на Скеллиге. Это им надо представить доказательства…

– У меня нет доказательств, – прервала она, пытаясь подхватить вилкой кочанчик брюссельской капусты, которую изумленный повар подал к бараньей отбивной. – А если б и были,

мне не позволят их представить. Я не могу тебе этого объяснить, я связана словом. И все же поверь мне, Крах. Пожалуйста.

– Я же сказал…

– Сказал, – прервала она. – Ты пообещал помочь. Благодарю. Но ты по-прежнему не веришь в мою невиновность. Так поверь же.

Крах отбросил высосанные скорлупки омара, пододвинул к себе тарелку мулей. Долго с грохотом копался, отыскивая ту, что покрупнее, наконец сказал, вытирая руки о скатерть:

– Согласен. Верю. Ибо верить хочу. Но убежища и укрытия тебе не дам. Не могу. Однако ты можешь покинуть Скеллиге, когда пожелаешь, и отправиться, куда хочешь. Я советовал бы поспешить. Ты прибыла, я бы так сказал, на крыльях магии. Другие тоже могут последовать за тобой. Им тоже известны заклинания.

– Я не ищу убежища или безопасного укрытия, ярл. Я должна идти спасать Цири.

– Цири, – повторил он задумчиво. – Львенок… Странный это был ребенок.

– Был?

– А. – Он снова махнул рукой. – Я неверно выразился. Был, потому что теперь она уже не ребенок. Это я имел в виду. Только это. Цирилла, Львенок из Цинтры… она проводила на Скеллиге лета и зимы. Иногда такое накуролесит, что ого-го! Чертенок это был, а не Львенок… А, черт, уже второй раз сказал «был»… Йеннифэр, разные слухи доходят до нас с материка… Одни говорят, что Цири в Нильфгаарде…

– Нет ее в Нильфгаарде.

– Другие утверждают, что девочка умерла.

Йеннифэр молча кусала губы.

– Но второй слух, – твердо сказал ярл, – отрицаю я. Цири жива. В этом я уверен. Не было никаких знамений… Она жива!

Йеннифэр подняла брови. Но ничего не спросила. Они молчали долго, вслушиваясь в рев волн, обрушивающихся на скалы Ард Скеллиг.

– Йеннифэр, – сказал наконец Крах. – Дошли до меня с континента еще и другие вести. Мне известно, что твой ведьмак, который после драчки на Танедде скрывался в Брокилоне, вышел оттуда, намереваясь добраться до Нильфгаарда и высвободить Цири.

– Повторяю, Цири нет в Нильфгаарде. Что намерен делать мой, как ты пожелал это назвать, ведьмак, я не знаю. Но он… Крах, ни для кого не секрет, что я… симпатизирую ему. Но знаю, что он Цири не спасет, не добьется ничего. Я его знаю. Он расхнычется, растеряется, начнет философствовать и сокрушаться

над своей судьбиной. Потом разрядит гнев, размахивая мечом налево и направо, разя что и кого попало. Потом, в порядке искупления содеянного, совершит что-нибудь благородное, но бессмысленное. А в конце концов будет убит по-дурному, без толку, скорее всего ударом в спину…

– Говорят, – быстро вставил Крах, испуганный зловеще изменившимся, странно вибрирующим голосом чародейки. – Говорят, что Цири ему предназначена. Я сам видел, тогда, в Цинтре, во время обручения Паветты…

– Предназначение, – резко оборвала Йеннифэр, – можно интерпретировать очень по-разному. Очень. Впрочем, жаль терять время на рассуждения. Повторяю, я не знаю, что намерен делать Геральт и намерен ли что-либо делать вообще. Я же намерена приняться за дело лично. Своими методами. И активно, Крах, активно. Я не привыкла сидеть и нюни распускать, ухватившись обеими руками за голову. Я действую!

Ярл поднял брови, но ничего не сказал.

– Я буду действовать, – повторила чародейка. – План уже продуман. А ты, Крах, поможешь мне, выполняя данную тобою клятву.

– Я готов, – твердо заявил Крах. – На все. Драккары стоят в порту. Приказывай, Йеннифэр.

Она не удержалась от смеха.

– Ты всегда одинаков. Нет, Крах, не надо никаких доказательств мужества и мужественности. Не понадобится плыть в Нильфгаард и дубасить топором по запорам врат Города Золотых Башен. Мне нужна менее эффектная помощь. Но более эффективная… Как у тебя дела с финансами?

– Не понял?

– Ярл Крах ан Крайт! Помощь, которая мне нужна, пересчитывается на валюту.

Началось через день, с рассвета. В отданных в распоряжение Йеннифэр покоях воцарился дикий хаос, с которым с величайшим трудом управлялся приданный чародейке сенешаль Гутлаф.

Йеннифэр сидела за столом, почти не поднимая головы от бумаг. Считала, подводила итоги, проделывала расчеты, с которыми тут же гонцы мчались к министру финансов и в островной филиал банка Чианфанелли. Рисовала и чертила. Рисунки и чертежи немедленно попадали в руки мастеров – алхимиков, золотильщиков, стекольщиков, ювелиров.

Некоторое время все шло как по маслу, потом начались сложности.

– Сожалею, милсдарыня чародейка, – процедил сенешаль Гутлаф, – но чего нет, того нет. Мы дали все, что имели. Чудеса и чары творить не научены! А позволю себе заметить, то, что лежит перед вами, это бриллианты общей стоимостью…

– Мне чихать на их общую стоимость! – фыркнула Йеннифэр. – Мне нужен один, но соответствующих размеров. Какой величины, мэтр?

Шлифовальщик камней еще раз глянул на рисунок.

– Чтобы исполнить такой шлиф и такие фасетки? Минимум тридцать каратов.

– Такого камня, – категорично заявил Гутлаф, – нет во всем Скеллиге.

– Неправда, – возразил ювелир. – Есть.

– Как ты себе это представляешь, Йеннифэр? – насупил брови Крах ан Крайт. – Послать солдат, чтобы они штурмом взяли и ограбили храм? Пригрозить монахиням своим гневом, если они не выдадут бриллиант? Так не пройдет! Не то чтобы я был слишком уж религиозен, но храм есть храм, а жрицы – это жрицы. Я могу лишь вежливо просить. Дать им понять, насколько это для меня важно и сколь велика будет моя благодарность. Но в любом случае это может быть только просьба.

– В которой можно отказать?

– Именно. Но – попытка не пытка. Чем мы рискуем? Сплаваем вдвоем на Хиндарсфьялл, выскажем свою просьбу. Я разъясню жрицам положение вещей, дальше – все в твоих руках. Договаривайся. Аргументируй. Пытайся подкупить. Жми на амбиции. Обращайся к высшим силам. Заламывай руки, плачь, дергайся в конвульсиях, бери их на жалость. Дьяволы морские, да неужто мне тебя учить, Йеннифэр?

– Все это впустую, Крах. Чародейка никогда не договорится со жрицами. Слишком велики различия в наших… мировоззрениях. А уж чтобы позволить чародейке воспользоваться «священной» реликвией или артефактом…

– Зачем тебе, собственно, нужен такой бриллиант?

– Чтобы создать «окно», то есть телекоммуникационный мегаскоп. Мне необходимо связаться с несколькими людьми.

– Магически? На расстоянии?

– Если б достаточно было подняться на вершину Каэр Трольда и орать оттуда, я бы не забивала тебе голову.

Кричали кружащие над водой чайки и глупыши. Пронзительно пищали гнездившиеся на отвесных скалах и рифах Хиндарсфьялла красноклювые устричники, хрипло скрипели и

гоготали желтоголовые олуши. Черные чубатые морские бакланы внимательно наблюдали за проплывающим баркасом своими отдающими в зелень глазами.

– Вон та нависшая над водой скала, – указал опирающийся о релинг Крах ан Крайт, – это Каэр Хеймдалль, Страж Хеймдалль. Хеймдалль – наш мифологический герой. Легенда гласит, что, когда наступит Tedd Deireadh, Час Конца, Час Белого Хлада и Волчьей Пурги, Хеймдалль встанет против злых сил из страны Морхёгг, против демонов и призраков Хаоса. Он встанет на Радужном Мосту и затрубит в рог, подавая знак, что время браться за оружие и строиться в ряды. Для Rad nar Roog, Последней Битвы, в которой решится, опустится ли ночь или настанет рассвет.

Баркас ловко проскочил по волне, выплыв на спокойные воды залива между Стражем и другой скалой со столь же фантастическими формами.

– Скала поменьше – Камби, – пояснил ярл. – В наших мифах имя Камби носит волшебный золотой петух, который своим пением предупредит Хеймдалля, что приближается Нагльфар, драккар ада, везущий воинство Тьмы – демонов и призраков из Морхёгга. Нагльфар построен из ногтей трупов. Ты не поверишь, Йеннифэр, но на Скеллиге все еще есть люди, которые, прежде чем предать покойников земле, обстригают им ногти, чтобы не поставлять призракам и упырям Морхёгга строительного материала.

– Поверю. Я знаю силу легенд и мифов.

Фиорд немного заслонил их от ветра, парус захлопал.

– Трубите в рог, – приказал экипажу Крах. – Подходим к берегу, надо упредить благочестивых дамочек, что мы прибываем в гости.

Возведенное на вершине длинной каменной лестницы здание напоминало гигантского ежа – так сильно оно обросло мхом, плющем и кустарником. Йеннифэр заметила, что на его крыше растут не только кусты, но даже небольшие деревца.

– Вот и храм, – сказал Крах. – Окружающая его рощица называется Гиндар и тоже является местом отправления культа. Отсюда берут священную омелу, а на Скеллиге, как ты знаешь, омелой украшают все, от колыбели и до гроба. Осторожнее, ступени скользкие… Религия, хе-хе, сильно обрастает мхом… Позволь взять тебя под руку… Все те же духи… Йенна…

– Крах, прошу тебя… Пожалуйста. Что было – то быльем поросло…

– Прости. Идем.

Перед храмом ожидали несколько молодых и молчаливых жриц. Ярл вежливо поздоровался и выразил желание поговорить с Верховной Жрицей, которую называл Модрон Сигрдрифа. Вошли в помещение, внутрь здания, освещенного столбами света, падающими из высоко расположенных витражей. Один из таких столбов освещал алтарь.

– Сто морских дьяволов! – буркнул Крах ан Крайт. – Совершенно забыл, какой он огромный, этот Брисингамен. Не бывал тут с детства. За то, что тут есть, можно бы скупить все верфи в Цидарисе. Вместе с рабочими и годовой продукцией.

Ярл преувеличивал. Но не сильно.

Над огромным мраморным алтарем, над изваяниями котов и соколов, над каменной чашей для благодарственных подношений возвышалась статуя Модрон Фрейи, Великой Матери, в привычно материнском воплощении – женщина в свободных одеждах, выдающих нарочито подчеркнутую беременность. Голова опущена, лицо скрыто покрывалом. Над сложенными на груди руками богини сверкал бриллиант, элемент золотого ожерелья. Отдающий в голубизну. Чистейшей воды. Огромный.

На глаз – около ста пятидесяти каратов.

– Его даже не пришлось бы резать, – шепнула Йеннифэр. – У него шлиф в розетку, точно такой, какой нужен. Аккуратные фаски для дифракции света…

– Значит, нам повезло.

– Сомневаюсь. Сейчас явятся жрицы, а я, как безбожница, буду оскорблена и с позором выдворена отсюда.

– Преувеличиваешь.

– Нисколько.

– Приветствую тебя, ярл, в храме Матери. Приветствую и тебя, уважаемая Йеннифэр из Венгерберга.

Крах ан Крайт поклонился.

– Будь благословенна, почтенная мать Сигрдрифа.

Жрица была высокая, почти с Краха ростом, а значит – на голову выше Йеннифэр. У нее были светлые волосы и глаза, продолговатое, не очень красивое и не очень женственное лицо.

«Где-то я ее уже видела, – подумала Йеннифэр. – Недавно. Где?»

– На лестнице Каэр Трольда, ведущей к порту, – с улыбкой напомнила жрица. – Когда драккары выходили из пролива. Я стояла выше тебя, когда ты оказывала помощь уже начинавшей рожать беременной женщине, не заботясь о платье из очень дорогого камлота. Я это видела. И уже никогда не поверю байкам о бесчувственных и расчетливых чародейках.

Йеннифэр откашлялась, наклонила голову в поклоне.

– Ты стоишь пред алтарем Матери, Йеннифэр. Да снизойдет на тебя милость ее.

– Почтенная, я… Я хотела смиренно просить…

– Молчи. Ярл, у тебя наверняка достаточно много дел. Оставь нас одних здесь, на Хиндарсфьялле. Мы сумеем понять друг друга. Мы – женщины. Не важно, чем мы занимаемся, не важно – кто мы; мы всегда служим той, которая одновременно и Дева, и Матерь, и Старуха. Опустись рядом со мной на колени, Йеннифэр. Склони голову пред Матерью.

– Снять у богини с шеи Брисингамен? – повторила Сигрдрифа, и в ее голосе было больше недоверия, чем праведного гнева. – Нет, Йеннифэр. Это просто невозможно. Дело даже не в том, что я не осмелюсь. Даже если б я отважилась, Брисингамен снять невозможно. У ожерелья нет застежки. Оно намертво сплавлено с изваянием.

Йеннифэр долго молчала, спокойно изучая жрицу.

– Если б я знала, – сказала она наконец холодно, – я сразу же отплыла бы с ярлом на Ард Скеллиг. Нет-нет, я вовсе не считаю потерянным время, проведенное в беседе с тобой. Но у меня его очень мало. Поверь мне, очень. Признаюсь, меня обманули твои доброжелательность и сердечность…

– Я доброжелательна, – спокойно сказала Сигрдрифа. – Твоим планам я тоже сочувствую всем сердцем. Я знала Цири, я любила эту девочку, меня волнует ее судьба. Я восхищаюсь тобой и той решительностью, с которой ты собираешься идти на помощь ребенку. Я выполню любое твое желание. Но не Брисингамен, Йеннифэр. Не Брисингамен. Об этом не проси.

– Сигрдрифа, чтобы отправиться на помощь Цири, мне необходимо получить некоторые сведения. Кой-какую информацию. Без этого я бессильна. Знания и информацию я могу получить только путем телекоммуникации. Чтобы связываться на расстоянии, мне нужно построить при помощи магии магический артефакт – мегаскоп.

– Устройство вроде вашего знаменитого хрустального шара?

– Гораздо более сложное. Шар обеспечивает телесвязь исключительно с другим, сочетающимся с ним шаром. Даже у местного краснолюдского банка есть такой шар, используемый им для связи с центральным банком. У мегаскопа намного большие возможности… Впрочем, к чему теоретизировать. Без бриллианта все равно ничего не получится. Ну что ж, давай прощаться…

– Не спеши так…

Сигрдрифа встала, прошла через неф, остановилась перед алтарем и изваянием Модрон Фрейи.

– Богиня, – сказала она, – покровительствует также вещуньям, ясновидящим, телепаткам. Это символизируют ее священные животные: кот, который слышит и видит укрытое, и сокол, который видит сверху. Это символизирует драгоценность богини – Брисингамен, ожерелье ясновидения. Зачем строить какие-то видящие и слышащие приборы, Йеннифэр? Не проще ли обратиться за помощью к богине?

В последний момент Йеннифэр удержалась, чтобы не выругаться. Как ни говори, а это было место культа.

– Подходит время вечерней молитвы, – продолжила Сигрдрифа. – Вместе с другими жрицами я посвящу себя медитации. Буду просить богиню помочь Цири. Той Цири, которая не раз бывала здесь, в храме, не раз глядела на Брисингамен на шее Великой Матери. Пожертвуй еще часом или двумя твоего бесценного времени, Йеннифэр. Останься здесь, с нами, на время молитвы. Поддержи меня, когда я буду молиться. Поддержи мыслью и присутствием.

– Сигрдрифа…

– Я прошу. Сделай это для меня. И для Цири.

Драгоценность Брисингамен. На шее богини.

Йеннифэр сдержала зевоту.

«Хоть какое-нибудь бы пение, – подумала она, – какие-нибудь заклинания, какие-нибудь мистерии… Какой-нибудь мистический фольклор… Было б не так нудно, не так бы клонило в сон. Но они просто стоят на коленях, склонив головы. Неподвижные, молчаливые…

А однако могут, когда хотят, оперировать Силой, и порой – не хуже нас, чародеек. И по-прежнему остается загадкой, как они это делают. Никакой подготовки, никакого обучения, никаких занятий… Только медитация и молитва. Вдохновение? Разновидность самогипноза? Так утверждала Тиссая де Врие… Они черпают энергию бессознательно, в трансе, и в трансе обретают способность ее преобразовывать подобно тому, как делаем мы нашими заклинаниями. Трансформируют энергию, трактуя это как дар и милость божества. Вера дает им силу.

Почему нам, чародейкам, никогда не удавалось ничего подобного?

А что, если попытаться? Воспользоваться атмосферой и аурой этого места? Ведь я могла бы сама погрузить себя в транс… Ну, вот хотя бы глядя на этот бриллиант… Брисингамен… Интенсивно размышляя о том, как изумительно он выполнял бы свою роль в моем мегаскопе…

Брисингамен… Он горит, как утренняя звезда там, во мраке,

в дыме кадил и коптящих свечей…»

– Йеннифэр!

Она подняла голову.

В храме было темно. Сильно пахло дымом.

– Я уснула? Прости…

– Прощать нечего. Иди за мной.

Снаружи ночное небо горело мерцающим, меняющимся как в калейдоскопе светом. Полярное сияние? Йеннифэр протерла глаза, пораженная увиденным. *Aurora borealis?*[23] В августе?

– Чем ты можешь пожертвовать, Йеннифэр?

– Не поняла.

– Готова ли ты пожертвовать собой? Своей бесценной магией?

– Сигрдрифа, – зло ответила она. – Не испытывай на мне свои вдохновенные штучки. Мне девяносто четыре года. Но прими это как тайну исповеди. Я открываюсь тебе только для того, чтобы ты поняла, что нельзя относиться ко мне, как к ребенку.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– И не собираюсь. Ибо это мистицизм, который я не принимаю. Я уснула во время вашего моления. Меня оно утомило. Потому что я не верю в твою богиню.

Сигрдрифа отвернулась, а Йеннифэр помимо воли вздохнула. Очень глубоко.

– Не скажу, что твое неверие мне льстит, – сказала женщина с глазами, заполненными расплавленным золотом. – Но разве твое неверие что-нибудь изменит?

Единственное, что Йеннифэр была в состоянии сделать, это выдохнуть.

– Придет время, – сказала златоглазая женщина, – когда абсолютно никто, включая детей, не будет верить в чародеек. Я говорю тебе это намеренно зло. В виде реванша. Пошли.

– Нет. – Йеннифэр наконец удалось переломить пассивные вдохи и выдохи. – Нет! Никуда я не пойду! Довольно! Это наговор или гипноз. Иллюзия! Транс! У меня выработаны защитные механизмы… Все это я могу развеять одним-единственным заклинанием, вот так! А, дьявол…

Златоглазая подошла ближе. Бриллиант в ее ожерелье горел как утренняя звезда.

– Ваша речь постепенно перестает служить взаимопониманию, – сказала она. – Она превращается в искусство ради искусства, чем менее она понятна, тем считается более глубокой и мудрой. А ведь я призывала вас уже тогда, когда вы только и умели, что «Э-э-э-э» да «Гу-гу». Идем.

– Это иллюзия, транс… Никуда я не пойду!

– Я не собираюсь тебя принуждать. Это было бы позорно. Ведь

ты разумная и гордая девушка. С характером.

Равнина. Море трав. Вересковые заросли. Камень, выступающий из вересков, будто спина притаившегося хищника.

– Ты возжелала обладать драгоценностью, Йеннифэр. Я не могу ее тебе дать, предварительно не уверившись кое в чем. Я хочу проверить, что в тебе сокрыто. Поэтому я привела тебя сюда, на то место, которое с незапамятных времен было и осталось местом Силы и Могущества. Утверждают, что твоя бесценная магия действует всюду. Кажется, стоит протянуть руку. Ты не боишься ее протянуть?

У Йеннифэр пресеклось дыхание. Она молчала, не в состоянии произнести ни единого слова.

– Сила, способная преобразовывать мир, – сказала женщина, которую нельзя было называть по имени, – есть, по-твоему, Хаос, искусство и наука? Проклятие, благословение и прогресс. А случайно, не есть ли она Вера? Любовь? Жертвенность?

Слышишь? Поет петух Камби. Волна бьет о берег. Волна, которую разрезает нос Нагльфара. Поет рог Хеймдалля, стоящего лицом к врагу на радужной дуге Бифроста. Подступает Белый Хлад, надвигаются Вьюга и Пурга… Земля дрожит от содроганий Змея…

Волк пожирает Солнце. Луна чернеет. Есть только холод и тьма. Ненависть, месть и кровь…

На чью сторону ты встанешь, Йеннифэр? Где ты будешь – на восточном или же на западном краю Бифроста? Будешь с Хеймдаллем или против него?

Поет петух Камби.

Решай, Йеннифэр. Выбирай. Ибо только для того вернули тебе некогда жизнь, чтобы ты в нужный момент могла свершить выбор.

Свет или Тьма?

– Добро и Зло, Свет и Тьма, Порядок и Хаос? Все это лишь символы, в действительности такой полярности не существует! Свет и Тьма есть в каждом, немного того, немного другого. Это бессмысленный разговор. Бессмысленный. Я не принимаю мистицизм. Ты и Сигрдрифа считаете, что Волк пожирает Солнце. Я же знаю, что это – затмение. И пусть так оно и останется.

Останется? Что?

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног, как какая-то чудовищная сила выкручивает ей руки, ломает суставы в плечах и локтях, натягивает позвонки, словно при пытке страппадо. Она крикнула от боли, рванулась, открыла глаза. Нет, это не был сон. Это не мог быть сон. Она висела на дереве, распятая на ветвях огромного ясеня. Высоко над ней кружил сокол, под ней, внизу,

во мраке, слышалось шипение змея, шелест трущихся одна о другую чешуек.

Что-то пошевелилось рядом. По ее напряженному, измученному болью плечу пробежала белочка.

– Ты готова? – спросила белочка. – Готова ли ты к самопожертвованию? Чем ты готова пожертвовать?

– У меня нет ничего! – Боль ослепляла и парализовывала. – И даже если б было, я не верю в смысл такого самопожертвования! Я не хочу страдать ни за какие миллионы! Я не хочу страдать вообще! Ни за кого и ни ради кого!

– Страдать не хочет никто. А ведь это – удел каждого. Просто некоторые страдают сильнее. Не обязательно по собственному выбору. Дело не в том, что ты терпишь страдания. Дело в том, как ты их терпишь.

Янка! Яночка!

Забери от меня это горбатое уродище! Я не хочу ее видеть!

Это твоя дочка, точно так же, как и моя.

Да? Мои дети – нормальные!

Как ты смеешь… Как ты смеешь намекать…

Это в твоей эльфьей родне были чаровницы. Это ты прервала первую беременность. Вот все из-за чего. У тебя порченая эльфья кровь и лоно, женщина. Поэтому ты рожаешь уродов.

Это несчастное дитя… Такова была воля богов! Это твоя дочь, точно так же, как и моя! Что мне было делать? Удушить ее? Не перевязывать пуповину? Что мне делать теперь? Вывезти ее в лес и оставить там? Чего ты, о боги, от меня хочешь?

Папа! Мама!

Вон, чудовище!

Как ты смеешь! Как ты смеешь бить ребенка! Стой! Куда ты? Куда? К ней, да? К ней?

Да, женщина. Я – мужчина, мне вольно удовлетворять желание, где хочу и когда хочу. Это мое естественное право. А ты мне отвратительна. Ты и плод твоей вырожденной матки. Не жди меня к ужину. Я не приду ночевать.

Мама…

Почему ты плачешь?

Зачем ты бьешь меня и отталкиваешь? Ведь я была послушной.

Мама! Мамочка!

– Способна ли ты прощать?

– Я уже давно простила.

– Насытившись первой местью?

– Да.

– Ты сожалеешь?

– Нет.

Боль. Чудовищная боль истязаемых рук и пальцев.

– Да, я виновна! Ты это хотела услышать? Признание и раскаяние? Ты хотела увидеть, как Йеннифэр из Венгерберга кается и бьет себя в грудь? Нет, такого удовольствия я тебе не доставлю. Вину признаю и жду кары. Но моего раскаяния ты не дождешься!

Боль доходит до предела.

– Ты перечисляешь мне преданных, обманутых, использованных, ты обвиняешь меня от имени тех, кто умер от моей ли руки, или из-за меня покончивших с собой? То, что когда-то я подняла руку на самое себя? Значит, были основания! И я не жалею ни о чем! Даже если б могла повернуть время вспять… Я не жалею ни о чем.

На ее плечо опустился сокол.

Башня Ласточки. Башня Ласточки. Спеши к Башне Ласточки. Доченька.

Поет петух Камби.

Цири мчится галопом на вороной кобыле, пепельные волосы разметал ветер. С лица льется и брызжет кровь, яркая, живая… Вороная кобыла взвивается птицей, гладко перемахивает над воротами. Цири качается в седле, но не падает…

Цири среди ночи, в каменисто-песчаной пустыне, с поднятой рукой, из руки вырывается светящийся шар… Единорог, разгребающий копытом щебень… Много единорогов… Огонь… Огонь…

Геральт на мосту. В битве. В огне. Пламя отражается в острие меча.

Фрингилья Виго, ее зеленые глаза широко раскрыты от удовольствия, ее темная стриженая головка лежит на раскрытой книге, на фронтисписе… Видна часть заглавия: «Заметки о смерти неминуемой»…

В глазах Фрингильи отражаются глаза Геральта.

Бездна. Дым. Лестница, ведущая вниз. Лестница, по которой надо пройти. Что-то кончается. Надвигается Tedd Deireadh, Час Конца…

Тьма. Сырость. Пронизывающий холод каменных стен. Холод на запястьях, на щиколотках. Боль, пульсирующая в

изуродованных руках, разрывающая размозженные пальцы…

Цири держит ее за руку. Длинный, темный коридор, каменные колонны, а может, статуи… Мрак. В нем шепоты, тихие, как шум ветра.

Двери. Бесконечное множество дверей с гигантскими тяжелыми створками беззвучно отворяются перед ними. А на конце, в непроглядной тьме, те, которые не откроются сами. Которых открывать нельзя.

Если боишься, вернись.

Эти двери отворять нельзя. Об этом ты знаешь.

Знаю.

И все-таки ведешь меня туда.

Если боишься – вернись. Еще не поздно. Есть еще время возвратиться.

А ты?

Мне – поздно.

Поет петух Камби.

ПришелTedd Deireadh.

Aurora borealis.

Рассвет.

* * *

– Йеннифэр, проснись.

Она подняла голову. Посмотрела на руки. Обе на месте. Целые.

– Сигрдрифа? Я уснула…

– Идем.

– Куда? – шепнула она. – Куда теперь?

– Я тебя не понимаю. Идем. Ты должна это увидеть. Случилось нечто… Нечто поразительное… Никто из нас не знает, как и чем это объяснить. Но я догадываюсь. Милостью… Снизошла на тебя милость богини, Йеннифэр.

– О чем ты, Сигрдрифа?

– Взгляни.

Она взглянула. И громко вздохнула.

Брисингамен, священная драгоценность Модрон Фрейи, уже не висел на шее богини. Он лежал у ее ног.

– Я верно понял? – удостоверился Крах ан Крайт. – Ты отправляешься с этим магическим устройством на Хиндарсфьялл? Жрицы отдают тебе священный бриллиант? Позволяют использовать в твоей адской машине?

– Да.

– Ну-ну, Йеннифэр. Уж не обратили ли тебя жрицы в свою веру? Что там произошло, на острове?

– Не важно. Я возвращаюсь в храм, вот и все.

– А финансовая поддержка, о которой ты просила? Понадобится?

– Вероятно, да.

– Сенешаль Гутлаф выполнил все твои поручения. Но, Йеннифэр, потрать деньги побыстрее. Я получил новые сведения. Поспеши.

– Чертовщина! Этого я и опасалась. Они уже знают, где я?

– Пока еще нет. Однако меня предупредили, что ты можешь появиться на Скеллиге, и, если это случится, посоветовали немедленно арестовать. Велено также брать во время экспедиций пленных и выжимать из них информацию или хотя бы обрывки касающихся тебя сведений. О твоем пребывании в Нильфгаарде либо в провинциях. Йеннифэр, поспеши. Если они тебя выследят и доберутся сюда, на Скеллиге, я окажусь в несколько щекотливом положении.

– Сделаю все, что в моих силах. Постараюсь тебя не скомпрометировать. Не бойся.

Крах оскалился.

– Я сказал: «в несколько». Я не боюсь. Ни королей, ни чародеев. Они ничего не могут мне сделать, ибо я им нужен. А оказывать тебе помощь я обязан в силу ленной присяги. Да, да, ты верно поняла. Формально я остаюсь вассалом короны Цинтры. А Цирилла имеет формальные права на эту корону. Представляя Цириллу в качестве ее единственного опекуна, ты имеешь формальное право приказывать мне, требуя послушания и сервитутов.

– Казуистические софизмы.

– Конечно, – фыркнул он. – Я сам заявлю об этом во весь голос, если, несмотря ни на что, окажется, что Эмгыр вар Эмрейс принудил девушку к замужеству. А также в том случае, если с помощью каких-либо юридических выкрутасов и крючкотворства Цири лишили права на престол и возвели на него кого-нибудь другого, например, балбеса Виссегерда. Тогда я незамедлительно отрекусь от послушания и ленной присяги.

– А если, – прищурилась Йеннифэр, – несмотря ни на что, окажется, что Цири… мертва?

– Она жива, – твердо заявил Крах. – Я знаю это наверняка.

– Откуда бы?

– Ты не захочешь поверить.

– А ты попробуй.

– Королевская кровь Цинтры, – начал Крах, – удивительнейшим образом связана с морем. Когда умирает кто-либо из женщин этой крови, море начинает безумствовать. Тогда люди говорят, что Ард Скеллиг оплакивает дочерей Рианнон. Потому что в этих случаях шторм бывает таким зловещим, что бьющие с запада волны продираются сквозь расщелины и пещеры на восточную сторону острова и из скал неожиданно вырываются соленые потоки. А весь остров дрожит. Простой народ говорит: это рыдает Ард Скеллиг. Опять кто-то умер. Умерла кровь Рианнон. Старшая Кровь.

Йеннифэр молчала.

– И это не сказки, – продолжал Крах. – Я видел сам, собственными глазами. Трижды. После смерти Адалии Ворожейки, после смерти Калантэ… И после смерти Паветты, матери Цири.

– Паветта, – заметила Йеннифэр, – погибла именно из-за шторма, так что трудно говорить о…

– Паветта, – прервал Крах, по-прежнему задумчиво, – не погибла из-за шторма. Шторм разыгрался после ее смерти, море, как всегда, отреагировало на гибель представительницы цинтрийской королевской крови. Я достаточно долго изучал это явление. И уверен в своем.

– Интересно б знать, в чем именно?

– Корабль, на котором плыли Паветта и Дани, пропал на знаменитой Седниной Бездне. Это был не первый корабль, исчезнувший там. Ты наверняка знаешь.

– Сказки. Корабли терпят крушения, дело вполне естественное…

– На Скеллиге, – резко прервал Крах, – мы достаточно много знаем о кораблях и мореходстве, чтобы уметь отличить естественные катастрофы от противоестественных. На Седниной Бездне корабли погибают неестественно. И не случайно. То же относится и к кораблю, на котором плыли Паветта и Дани.

– Не стану спорить, – вздохнула чародейка. – Да и какое это имеет значение? Спустя без малого пятнадцать-то лет?

– Для меня имеет, – стиснул зубы ярл. – Я объясню. Все упирается во время. Но я докопаюсь… Я найду объяснение. Найду объяснение всем этим загадкам. И той, во время цинтрийской бойни…

– Что еще за очередная загадка?

– Когда нильфгаардцы ворвались в Цинтру, – проворчал он, глядя в окно, – Калантэ приказала тайно вывезти Цири из города. Дело в том, что город уже горел. Черные были повсюду, шансы выбраться из окружения были минимальными. Королеву

отговаривали от рискованного мероприятия. Советовали Цири формально сдаться гетману Нильфгаарда и тем самым спасти жизнь себе и самостоятельность Цинтре. А на пылающих улицах она неизбежно и бессмысленно погибла бы от рук солдатни. Но Львица… Знаешь ли ты, что, по словам очевидцев, она ответила?

– Нет.

– «Уж лучше пусть кровь девочки прольется на брусчатку Цинтры, чем подвергнется осквернению». Осквернению чем?

– Супружеством с императором Эмгыром. Мерзким и скверным нильфгаардцем, ярл. Уже поздно. Завтра на заре я начинаю… Я буду держать тебя в курсе…

– Надеюсь. Спокойной ночи, Йенна… Хм-м…

– Что еще, Крах?

– А у тебя нет, хм-м-м, желания…

– Нет, ярл. Что было, то было да быльем поросло. Спокойной ночи.

– Это ж надо! – Крах ан Крайт поглядел на гостью, наклонив голову. – Трисс Меригольд собственной персоной. Ах, какое прелестное платье. А шубка… Шиншилла, не так ли? Я б спросил, что привело тебя на Скеллиге… Если б не знал что. Но знаю.

– Ну и прелестно. – Трисс обольстительно улыбнулась, поправила изумительные каштановые волосы. – Как славно, что знаешь, ярл. Это избавит нас от вступлений и предварительных выяснений и позволит сразу же перейти к делам.

– К каким делам? – Крах скрестил руки на груди и окинул чародейку холодным взглядом. – Что именно нам надо было бы предварять вступлениями, на какие пояснения ты рассчитываешь? Кого ты представляешь, Трисс? По чьему поручению прибыла? Король Фольтест, которому ты служила верой и правдой, отблагодарил тебя за службу изгнанием. Хоть ты ни в чем не провинилась. Тебя выгнали из Темерии. Я слышал – тебя взяла под крыло Филиппа Эйльхарт, в данное время фактически правящая в Редании на пару с Дийкстрой. Похоже, ты отрабатываешь право на убежище со всяческим старанием. Не колеблешься даже взять на себя роль тайного агента, чтобы следить за своей бывшей подругой.

– Ошибаешься, ярл.

– Смиренно извиняюсь. Если ошибся. А я ошибся?

Они долго молчали, недоверчиво разглядывая друг друга. Наконец Трисс махнула рукой, выругалась, топнула каблучком.

– А, к чертям собачьим! Хватит водить друг друга за нос! Какое теперь имеет значение, кто кому служит, кто за кого держится, кто кому верит и почему? Йеннифэр мертва. По-

прежнему не известно, где и в чьей власти находится Цири… Какой смысл играть в прятки? Я приплыла сюда не как шпион, Крах. Я прибыла по собственной воле как частное лицо. Гонимая заботой о Цири.

– Все только и знают, что заботятся о Цири. Везет девочке.

У Трисс заблестели глаза.

– Я б не стала смеяться. На твоем месте – особенно.

– Прости.

Они помолчали, глядя в окно на красный шар солнца, заходящего за лесистые вершины Спикерооги.

– Трисс Меригольд…

– Слушаю тебя, ярл.

– Приглашаю отужинать. Да, повар велел спросить, все ли чародейки брезгуют хорошо приготовленными дарами моря?

Трисс не брезговала дарами моря. Совсем наоборот – съела их в два раза больше, чем собиралась, и теперь серьезно опасалась за талию – за те двадцать два дюйма, которыми так гордилась. Решила вспомоществовать пищеварительному процессу белым вином, знаменитым эст-эст из Туссента. Как и Крах, она пила его из рога.

– Значит, так, – заговорила она, осушив рог. – Йеннифэр явилась сюда девятнадцатого августа, эффектно сверзившись с неба в рыбацкие сети. Ты как верный ленник Цинтры предоставил ей убежище. Помог построить мегаскоп… С кем и о чем она разговаривала, ты, разумеется, не знаешь.

– Не знаю, – хитро усмехнулся Крах. – Ну, разумеется, не знаю. Откуда мне, бедному и простому моряку, что-то знать о действиях могущественных чародеек?

Сигрдрифа, жрица Модрон Фрейи, низко опустила голову, словно вопрос Краха ан Крайта придавил ее тысячефунтовым грузом.

– Она мне доверилась, ярл, – еле слышно прошептала жрица. – Нет, не требовала, чтобы я поклялась молчать, ей просто нужно было сохранить все в тайне. Я, поверь, не знаю…

– Модрон Сигрдрифа, – серьезно прервал Крах ан Крайт. – То, о чем я тебя прошу, – не доносительство. Как и ты, я симпатизирую Йеннифэр, как и ты, я хочу, чтобы она отыскала и защитила Цири. Больше того, я дал клятву блоэдгеас, клятву крови! Так что по отношению к Йеннифэр мною руководит забота о ней. Это невероятно гордая женщина. Даже идя на очень большой риск, она не унизится до просьб. Поэтому я не исключаю, что придется прийти ей на помощь непрошеными. Но

для этого мне нужна информация.

Сигрдрифа откашлялась, и хоть лицо у нее было словно вырезанное из камня, голос, когда она заговорила, слегка дрожал.

– Она построила свою машину… Вообще-то никакая это не машина, там нет ни одного механизма, ни одной подвижной части, просто два зеркала, черная бархатная занавеска, ящик, две линзы, четыре светильника, ну и, конечно, Брисингамен… Когда она произносит заклинание, свет от двух светильников падает…

– Оставим в стороне детали. С кем она связывалась?

– С несколькими людьми. С чародеями… Ярл, я не уловила всего, но то, что слышала… Среди них были люди действительно мерзостные. Никто не хотел помогать бескорыстно… Требовал денег… Все требовали денег…

– Знаю, – проворчал Крах. – Банк сообщил мне об отправленных переводах. В солидную, ох, солидную суммочку обходится мне моя клятва! Но деньги – дело наживное. То, что я потерял на Йеннифэр и Цири, возьму с нильфгаардских провинций. Но продолжай, мать Сигрдрифа.

– Некоторых, – жрица опустила голову, – она откровенно шантажировала. Давала им понять, что обладает компрометирующими сведениями и в случае отказа сотрудничать откроет их всему миру… Ярл… Это мудрая и вообще-то добрая женщина… Но моральных принципов у нее нет и в помине… Она беспощадна. И жестока.

– Это-то как раз я прекрасно знаю. А вот подробности шантажа знать не хочу, да и тебе советую поскорее забыть. Слишком опасные знания. С таким огнем посторонним играть не следует.

– Знаю, ярл. Я обязана быть послушной тебе… И верю, что твои цели оправдывают средства. Никто другой не узнает от меня ничего. Ни друзья за дружеской беседой, ни враги на пытках.

– Хорошо, Модрон Сигрдрифа. Очень хорошо… Чего касались вопросы Йеннифэр, помнишь?

– Не всегда и не все я понимала, ярл. Они пользовались жаргоном, который трудно уразуметь… Часто речь шла о каком-то Вильгефорце…

– А как же иначе-то! – Крах громко скрежетнул зубами. Жрица испуганно взглянула на него.

– Много говорилось также об эльфах и ведунах, – продолжала она. – И о магических порталах. Шла речь даже о Бездне Седны… Однако, как мне кажется, в основном о башнях.

– Башнях?

– Да. О двух. Башне Чайки и Башне Ласточки.

– Так я и думала, – сказала Трисс. – Йеннифэр начала с того, что раздобыла секретный доклад комиссии Радклиффа, изучавшей события на Танедде. Не знаю, какие сведения об этой афере дошли сюда, на Скеллиге… Ты слышал о телепорте Башни Чайки? И о комиссии Радклиффа?

Крах ан Крайт подозрительно глянул на чародейку.

– К нам, на острова, – поморщился он, – не доходят ни политика, ни культура. Мы таки здорово поотстали.

– Комиссия Радклиффа, – Трисс решила, что лучше не обращать внимания ни на его тон, ни на его мину, – особенно детально изучала ведущие с Танедда телепортные следы. Расположенный на острове портал, Тор Лара, пока существовал, сводил на нет любые попытки телепортационной магии на значительном расстоянии от себя. Но, как ты, несомненно, знаешь, Башня Чайки взорвалась и развалилась, разблокировав тем самым телепортацию. Большинство участников событий на Танедде выбрались с острова при помощи открывшихся порталов.

– Верно, – улыбнулся ярл. – К примеру, ты, Трисс, полетела прямиком в Брокилон. С ведьмаком на загривке.

– Ну вот, извольте, – взглянула ему в глаза Трисс. – Политика не доходит, культура не доходит, а сплетни, видите ли, доходят. Но временно оставим это в покое, вернемся к комиссии Радклиффа. Комиссия намеревалась установить точно, кто и куда телепортировался с Танедда. Использовали так называемые синопсы, чары, способные восстановить картину прошлых событий и сопоставить обнаруженные телепортационные следы с их направлениями. И в результате привязать к конкретным особам, открывшим порталы. Это удалось практически во всех случаях. Кроме одного. Один телепортал не вел никуда. Точнее – в море. На Бездну Седны.

– Кто-то, – с ходу догадался ярл, – телепортировался на ожидавший в условленном месте корабль. Интересно только, зачем так далеко? И в место с такой дурной славой? Но, когда топор висит над головой…

– Именно. Комиссия тоже так рассудила. И сделала вывод: сам Вильгефорц, схватив Цири и не имея иного выхода, воспользовался резервным путем – вместе с девушкой телепортировался на Бездну Седны, где его ожидал нильфгаардский корабль. По мнению комиссии, так можно объяснить тот факт, что Цири была представлена императорскому двору в Лок Криме уже десятого июля, то есть всего лишь через десять дней после событий на Танедде.

– Ну да, – прищурился ярл. – Это многое объясняет. Разумеется, при условии, что комиссия не ошиблась.

– Конечно. – Чародейка выдержала взгляд и даже позволила себе насмешливо улыбнуться. – В Лок Криме, надо понимать, мог с таким же успехом быть представлен двойник, а не истинная Цири. И это тоже может многое объяснить. Однако не объясняет еще одного факта, установленного комиссией Радклиффа. Факта столь удивительного, что в первом варианте доклада его упустили как слишком уж неправдоподобный. Однако во втором, строго секретном варианте доклада этот факт привели. В качестве гипотезы.

– Я уже давно сгораю от нетерпения, Трисс.

– Гипотеза комиссии такова: телепорт Башни Чайки сработал, через него кто-то прошел, причем энергия прохода была столь велика, что после этого телепорт взорвался и развалился.

– Йеннифэр, – помолчав, добавила Трисс, – стало известно то, что комиссия Радклиффа вначале скрыла, а затем упомянула в секретном докладе. Имеется возможность… Тень возможности… Что Цири удалось безопасно пройти порталом Тор Лара. Что она сбежала от Нильфгаарда и Вильгефорца…

– Тогда где же она находится?

– Я б тоже хотела знать.

Было чертовски темно, скрывающийся за тучами месяц вообще не давал света. Однако по сравнению с предыдущей ночь была исключительно безветренна и благодаря этому не так холодна. Лодчонка лишь слабо покачивалась на водной ряби. Пахло болотом. Прелыми листьями. И угорьей слизью.

Где-то у берега бобер шлепнул хвостом по воде, да так, что оба они подскочили. Цири была уверена, что Высогота задремал, а бобер его разбудил.

– Продолжай, – сказала она, утирая нос чистой, еще не покрывшейся слизью частью рукава. – Не спи. Когда ты засыпаешь, у меня глаза тоже начинают слипаться, того и гляди течение снесет нас и проснемся мы в открытом море! Рассказывай дальше, что там, с порталами этими?

– Сбегая с Танедда, – начал старик, – ты прошла через портал Башни Чайки, Tor Lara. А Джеоффрей Монк, автор труда «Магия Старшего Народа», представляющего собой Opus magnum[24] знаний об эльфьих телепортах, пишет, что портал Tor Lara ведет к Башне Ласточки…

– Телепорт из Танедда действовал искаженно, – прервала Цири. – Может, раньше, прежде чем испортиться, он и вел к какой-то ласточке. Но теперь ведет в пустыню. Это называется: «хаотический портал». Я учила.

– Представь себе, я тоже, – хмыкнул старик. – Многое из того,

что изучал, помню. Именно поэтому меня так поразил твой рассказ… Некоторые его фрагменты. Именно те, которые касаются телепортации…

– Ты можешь говорить яснее?

– Могу, Цири. Могу. Но сейчас уже самая пора вытаскивать вентерь. Он наверняка полон угрей. Готова?

– Готова. – Цири поплевала на руки и ухватилась за багор. Высогота уцепился за уходящую в воду веревку.

– Тянем. Раз, два, три! И в лодку! Лови их, Цири, лови! В корзину, иначе сбегут!

Уже вторую ночь они выплывали на долбленке на болотистый разлив реки, ставили вентеря и верши на угрей, которые массой тянулись к морю. Возвращались в хату далеко за полночь, учуханные слизью с головы до ног, мокрые и умученные как дьяволы.

Но сразу же спать не укладывались. Улов, предназначенный для бартера, надо было поместить в корзины и как следует прикрыть – отыщи угорь малейшую щелочку, и утром в корзине не останется ни одного. После работы Высогота сдирал кожу с двух либо трех самых толстых угрей, резал их на кружочки, обваливал в муке и жарил на огромной сковороде. Потом они ели и разговаривали.

– Понимаешь, Цири, мне все время не дает покоя одна штука. Я не могу забыть, как сразу после твоего выздоровления мы не могли никак сговориться относительно дат, при этом рана на твоей щеке была точнейшим из возможных календарей. Этой ране не могло быть больше десяти часов, а ты упорно твердила, что тебя ранили четыре дня назад. Хоть я и был уверен, что это обычная ошибка, но думать об этом не переставал, все время спрашивал себя – куда подевались потерянные четыре дня?

– Ну и что? Куда они, по-твоему, завалились?

– Не знаю.

– Изумительно!

Кот проделал рекордный прыжок в длину, схваченная когтями мышь тоненько пискнула. Котяра неспешно перегрыз ей шею, выпотрошил и принялся с аппетитом ужинать. Цири безразлично смотрела на него.

– Телепорт Башни Чайки, – снова затянул Высогота, – ведет к Башне Ласточки. А Башня Ласточки…

Кот докончил мышь. Хвост оставил на десерт.

– Телепорт Tor Lara, – сказала Цири, зевая во весь рот, – нарушен и ведет в пустыню. Я тебе уже говорила сто раз.

– Не о том речь, а о том, что существует связь между двумя

этими телепорталами. Портал Tor Lara был искажен, согласен. Но существует еще телепортал Tor Zireael. Если б ты добралась до Башни Ласточки, то могла бы телепортироваться обратно на остров Танедд. Оказалась бы далеко от грозящей тебе опасности, вне досягаемости твоих врагов.

– Ха! Это б меня устроило. Однако есть один пустячок: я не знаю, где находится Башня Ласточки.

– Против этого мы, пожалуй, найдем средство. Знаешь, Цири, что дает человеку университетское образование?

– Нет. Что?

– Умение пользоваться источниками.

– Я знал, – гордо заявил Высогота, – что найду. Я искал, искал и… А, черт побери…

Кипа тяжеленных книг вырвалась у него из рук, инкунабулы рухнули на глинобитный пол, листы вылетели из истлевших корочек и рассыпались в беспорядке.

– Что ты нашел? – Цири приткнулась рядом, помогая ему собрать разлетевшиеся страницы.

– Башню Ласточки! – Отшельник отогнал кота, который нахально уселся на одной из страниц. – Tor Zireael. Помоги мне.

– Господи, все заросло пылью! Аж липнет! Высогота! Что это? Здесь, на картинке? Человек, висящий на дереве?

– Это? – Высогота присмотрелся к выскользнувшей странице. – Сцена из легенды о Хеймдалле. Герой Хеймдалль девять дней и девять ночей провисел на Мировом Ясене, чтобы через боль и самопожертвование обрести знание и силу.

– Мне, – потерла лоб Цири, – несколько раз снилось нечто подобное. Человек, висящий на дереве…

– Гравюра вылетела из той вон книги. Если хочешь, можешь посмотреть. Однако сейчас важнее… О, вот оно, нашел. «Странствования по тропам и магическим местам» Буйвида Бэкуйзена, книга, которую многие считают апокрифом…

– То есть ерундистикой?

– Более или менее. Но были и такие, что книгу оценили… Вот послушай… Дьявол, как тут темно…

– Света вполне достаточно, это ты от старости слепнешь, – сказала Цири со свойственной молодости беспощадной жестокостью. – Дай я сама почитаю. Откуда?

– Отсюда. – Он указал костлявым пальцем. – Читай вслух.

– Странным языком писал твой Буйвид. Если не ошибаюсь, Ассенгард был вроде бы какой-то замок. А что за страна «Стоозерье»? Никогда о такой не слышала. И что такое

трифолиум?

– Клевер. А об Ассенгарде и Стоозерье я тебе расскажу после, когда кончишь читать.

«Живенько же, едва эльф Аваллак'х оные слова произнес, выбегли из-под вод озерных пташулечки малые и чернявые, кои на дне пучины цельную зиму от хлада хоронилися. Ибо ласточка, как то ученым людям ведомо, по обычаю иных птицев во теплые краины не летит и по весне не возворачивается, но, коготками в зело большие клубки со другими сцепившися, на дно вод западает и токмо по весне из-под вод *de profundis*[25] вылетает. Однако ж птах сей не токмо весны и надежды символом является, но и чистоты идеальной образчиком, поелику на землю никогда не опускается и с земною грязию и мерзостию столкновенности никоей не имеет.

Возвернемся, однако ж, к озеру нашему: кружащие пташки, я бы сказал, крылышками своими распрошили туман, ибо *tandem*[26] нежданно возникнула из мглы башенка прерасчудесная, чернокнижнецкая, мы же единым изумления гласом выдохнули, ибо была та башенка как бы из опаров соткана, на туман, яко на *fundamentum,*[27] опирающаяся, а при вершине блеском зари увенчана, чернокнижнецкой *aurora borealis.* Истинно могущественным магическим кунштом[28] могла быть оная башенка воздвигнута, свыше разумения человеческого.

Оборотил внимание на наше восхищение эльф Аваллак'х и говорил такие слова: «Вот Tor Zireael, Башня Ласточки. Вот Врата Миров и Врата Времен. Натешь, человече, очи свои видом сим, ибо не каждому и не всегда бывает он дан!»

Будучи вопрошаем, можно ли приблизиться и из близи на оную Башню взглянуть, либо *propria manu*[29] коснуться, рассмеялся Аваллак'х. «Tor Zireael, – сказал он, – это для вас видение сонное, а коснуться видения никакой возможности нет. И сие есть благо, – добавил он, – ибо Башня лишь Ведунам служит и немногим Избранным, для коих Врата Времен суть врата надежды и возрождения. А для непосвященных это врата кошмара».

Едва он сии слова произнес, опустились вновь туманы и лепоты оной оглядеть нашим очам не дозволили…»

– Страна Стоозерье, – пояснил Высогота, – теперь называется Миль Трахта. Это довольно обширный, перерезанный рекой Йеленой озерный край в южной части Метинны, близ границы с Назаиром и Мак Тургой. Буйвид Бэкуйзен пишет, что они шли к озеру с юга, со стороны Ассенгарда… Сегодня уже Ассенгарда нет, остались одни развалины, самый ближний город – Нойнройт.

Буйвид насчитал от Ассенгарда шестьсот стае. Разные стае были в употреблении, но в данном случае примем самый популярный счет, в соответствии с которым шестьсот стае дают около пятидесяти миль. Счет шел на юг от Ассенгарда, который от нас, то есть от Переплюта, удален примерно на триста пятьдесят миль. Иначе говоря, от нас до Башни Ласточки около трехсот миль. На твоей Кэльпи это что-то порядка двух недель пути, разумеется, весной. Не сейчас, когда через день-другой могут ударить морозы.

– От Ассенгарда, о котором я читала, – буркнула Цири, задумчиво морща нос, – от тех времен остались руины. А я собственными глазами видела эльфий город Шаэрраведд в Каэдвене, я там была. Поручусь, что от вашей Башни Ласточки тоже остались одни камни, причем только те, что покрупнее, потому как маленькие наверняка растащили. А если вдобавок там был портал…

– Tor Zireael была башней магической. Не всем дано было ее видеть. А телепорты вообще всегда невидимы.

– Верно, – согласилась она и задумалась. – Тот, что на Танедде, виден не был. Он неожиданно открылся на голой стене… Впрочем, случилось это точно как по заказу, потому что чаровник, который за мной гнался, уже был близко… Я его уже слышала. И тут-то появился портал.

– Уверен, – тихо сказал Высогота, – что, если ты попадешь к Tor Zireael, тамошний телепорт тоже тебе откроется. Даже в руинах, среди голых камней. Убежден, что тебе удалось бы его активировать. А он, несомненно, послушался бы твоего приказа. Потому что, я думаю, Цири, ты – Избранная.

– Твои волосы, Трисс, как огонь при пламени свечей. Твои глаза, как ляпис-лазурь. Губы твои, как кораллы…

– Прекрати, Крах. Ты что, упился? Налей мне еще вина. И рассказывай.

– Это о чем же?

– Не прикидывайся дурнем. О том, как Йеннифэр решила плыть на Бездну Седны.

– Как идут дела, Йеннифэр? Расскажи.

– Нет, сначала ты ответь мне: кто такие те две женщины, которых я постоянно встречаю, когда иду к тебе? И которые смотрят на меня так, как обычно смотрят на наваленное на ковре кошачье дерьмо? Кто они такие?

– Тебя интересует формально-юридический или фактический аспект?

– Второй.

– В таком случае – это мои жены.

– Понимаю. Тогда при случае разъясни им, что то, что было между нами, быльем поросло. И к тому же давно.

– Уже пояснял. Но бабы есть бабы. Давай не будем об этом. Рассказывай, Йеннифэр. Меня интересует, как идет твоя работа.

– Увы. – Чародейка закусила губу. – Еле-еле. А время бежит.

– Бежит, – кивнул ярл. – И постоянно приносит новые неожиданности. Я получил известия с континента, они должны тебя заинтересовать. Источник – в корпусе Виссегерда. Надеюсь, ты знаешь, кто такой Виссегерд?

– Генерал из Цинтры?

– Маршал. Командует корпусом цинтрийских эмигрантов и волонтеров, входящим в состав темерской армии. Там служит довольно много добровольцев с островов, поэтому сведения я получаю из первых рук.

– И что же ты получил?

– Ты попала к нам, на Скеллиге, девятнадцатого августа, через два дня после полнолуния. В тот же день, девятнадцатого, значит, корпус Виссегерда во время боя у Ины захватил группу беженцев, среди которых оказались Геральт и его знакомый трубадур.

– Лютик?

– Именно. Виссегерд обвинил обоих в шпионаже, арестовал и, кажется, намеревался казнить, но они сбежали и навели на Виссегерда нильфгаардцев, с которыми якобы были в сговоре.

– Брехня.

– По-моему, тоже. Но что-то мнится мне, что ведьмак, вопреки тому, что об этом думаешь ты, реализует какой-то хитрый план. Чтобы спасти Цири, он вкручивается в милость к Нильфгаарду…

– Цири нет в Нильфгаарде. А Геральт не реализует никакого плана. Планирование – не самая сильная сторона его натуры. Кончим с этим. Важно, что у нас сегодня двадцать шестое августа, а я по-прежнему знаю слишком мало. Слишком мало, чтобы начать действовать… Разве что…

Она умолкла, уставившись в окно и поигрывая пришпиленной к черной бархотке обсидиановой звездой.

– Что «разве»? – не выдержал Крах ан Крайт.

– Вместо того чтобы посмеиваться над Геральтом, использовать его методы.

– Не понимаю.

– Похоже, готовность к самопожертвованию может принести проценты, дать хорошие результаты… Хотя бы в виде

благосклонности богини, которая любит и ценит жертвующих собою и страдающих во имя правого дела.

– Все еще не понимаю, – нахмурился ярл. – Но то, что ты говоришь, мне не нравится.

– Знаю. Мне тоже. Однако я и без того зашла слишком далеко… Волк мог услышать блеяние козленка…

– Этого я и опасалась, – шепнула Трисс. – Именно этого…

– Следовательно, я тогда верно понял. – Желваки на скулах Краха ан Крайта заходили сильнее. – Йеннифэр знала, что либо кто-то подслушивает разговоры, которые она вела при помощи своей изумительной машины, либо же кто-то из собеседников подло предал ее…

– Либо и то, и другое.

– Она знала, – скрежетнул зубами Крах. – И продолжала делать свое. Потому что это должно было сыграть роль приманки? Она сама должна была стать приманкой? Чтобы спровоцировать врагов? Она прикидывалась, будто знает больше, чем знала в действительности. И поплыла на Седнину Бездну…

– Бросив вызов. Провоцируя. Она страшно рисковала, Крах.

– Знаю. Она не хотела подвергать риску никого из нас. Кроме добровольцев. Поэтому просила дать ей два драккара.

– Ты просила два драккара. Они готовы. «Алкиона» и «Тамара». Разумеется, с экипажами. «Алкионой» будет командовать Гутлаф, сын Свена, он просил оказать ему такую честь, ты пришлась ему по душе, Йеннифэр. «Тамарой» командует Аса Тъязи, капитан, которому я доверяю абсолютно. Да, чуть не забыл. В экипаже «Тамары» будет мой сын, Яльмар Кривоустый.

– Твой сын? Сколько же ему лет?

– Девятнадцать!

– Рановато ты начинал!

– Чья бы корова мычала, а твоя б… Яльмар просил включить его в команду из личных соображений. Я не мог отказать.

– Личных?

– Ты что, действительно не знаешь этой истории?

– Нет. Расскажи.

Крах ан Крайт опрокинул рог, улыбнулся своим воспоминаниям.

– Ребятишки с Ард Скеллиг, – начал он, – любят зимой кататься на коньках, дождаться не могут морозов. Первыми вылезают на лед, едва скует озеро, на такой тонкий лед, что взрослых не удержит. Конечно, самая лучшая игра – гонки. Разогнаться и… вперед, что есть сил, от одного берега озера до

другого. А мальчишки обожали соревноваться в так называемом «прыжке лосося». Надо на коньках перескакивать через прибрежные камни, торчащие изо льда на манер акульих зубов. То есть прыгать, как лосось, когда он перелетает через пороги водопадов. Выбираешь соответственно длинный ряд таких камней, разгоняешься… Ха, я и сам прыгал так, еще сопляком…

Крах ан Крайт задумался, чуть улыбнулся.

– Конечно, такие состязания выигрывал, а потом распускал павлином хвост тот, кто перепрыгивал через самый длинный ряд камней. В свое время, Йеннифер, такая честь частенько доставалась твоему покорному слуге и теперешнему собеседнику, хе-хе. В те времена, которые нас больше интересуют, чемпионом бывал мой сын, Яльмар. Он перепрыгивал через такие камни, через которые ни один из мальчишек прыгать не решался. И ходил, задрав нос, призывая всех попробовать его, как он любил говорить, «перепрыгнуть». И его вызов приняли. Цири, дочка Паветты из Цинтры. Даже не островитянка, хоть и считала себя таковой, поскольку проводила здесь больше времени, чем в Цинтре.

– Даже после несчастного случая с Паветтой? Я думала, Калантэ запретила ей бывать здесь.

– И ты знаешь об этом? – быстро глянул он на нее. – Ну да, ты многое знаешь, Йеннифер. Многое. Гнева и запретов Калантэ хватило на полгода, потом Цири снова начала проводить здесь лета и зимы… На коньках носилась как черт, но чтобы прыгать «лососем» на соревновании с мальчишками? И вызвать Яльмара? Это в голове не укладывалось!

– Ясно. Прыгнула, – догадалась чародейка.

– Прыгнула. Этот маленький цинтрийский полудьяволенок прыгнул. Истинный Львенок Львиной крови. А Яльмар, чтобы не вызвать насмешек, вынужден был рискнуть, прыгнув через еще более длинный ряд камней. И он рискнул. Сломал ногу, руку, четыре ребра и разорвал лицо. До конца жизни у него останется шрам. Яльмар Кривоустый! И его знаменитая невеста! Хе-хе!

– Невеста?

– А ты об этом не знала? Столько всего знаешь, а этого – нет? Она приходила к нему, когда после «великолепного» прыжка он лежал и лечился. Читала ему, рассказывала сказки, держала за ручку… А стоило кому-нибудь войти в комнату, оба краснели как два мака. Ну и наконец Яльмар известил меня, что они обручились. Меня чуть удар не хватил. Я тебе, сопляку, отвечаю, покажу обручение, ага, плетью из сыромятной кожи. Но, честное слово, я немного испугался, поверь, потому что понимал, что у Львенка горячая кровь, что ей все трын-трава, потому как она

бесстрашная, чтобы не сказать – психованная… К счастью, Яльмар весь был в лубках и перевязках, так что глупостей они наделать не успели, да и не могли…

– Сколько же им тогда было лет?

– Ему пятнадцать, ей – неполных двенадцать.

– Пожалуй, ты малость переусердствовал со своими опасениями.

– Разве что самую малость. Именно. Но Калантэ, которой я вынужден был обо всем рассказать, не отмахнулась от проблемы. Я знаю, что у нее были матримониальные планы касательно Цири, кажется, имелся в виду Танкред Тиссен из Ковира, а может, реданский Радовид, точно не знаю. Но слухи могли нарушить проекты марьяжа, даже слухи о невинных поцелуйчиках или полуневинных ласках. Калантэ незамедлительно забрала Цири в Цинтру. Девочка скандалила, кричала, захлебывалась соплями, но все впустую. С Львицей из Цинтры не спорят. Яльмар потом два дня лежал, отвернувшись лицом к стене, и не произносил ни слова. А как только выздоровел, вознамерился украсть скиф и в одиночку плыть в Цинтру. Получил ремнем и успокоился. А потом…

Крах ан Крайт замолчал. Задумался.

– Потом наступило лето, затем осень, и уже вся нильфгаардская рать пёрла на Цинтру с южной стороны, через Марнадальские ступени. А Яльмар нашел другую оказию стать мужчиной. В Марнадале, под Цинтрой, под Содденом он мужественно кидался на Черных. Потом тоже, когда драккары ходили к нильфгаардским берегам, Яльмар с мечом в руках мстил за якобы невесту, о которой тогда ходили слухи, будто она погибла. Я не верил, потому что не было феноменов, о которых я тебе рассказывал… Ну а теперь, когда Яльмар узнал о возможной спасательной экспедиции, он вызвался добровольцем.

– Спасибо за рассказ, Крах. Я передохнула, слушая тебя. И забыла о… заботах.

– Когда отправляешься, Йеннифэр?

– В ближайшие дни. Возможно, завтра. Осталась еще одна последняя телесвязь.

Глаза Краха ан Крайта были словно глаза ястреба. Свербили глубоко, до самого дна.

– А ты случаем не знаешь, Трисс Меригольд, с кем беседовала Йеннифэр в последний раз, перед тем как размонтировать дьявольскую машину? В ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое августа? С кем? И о чем?

Трисс прикрыла глаза ресницами.

Преломленный бриллиантом луч света оживил розблеском поверхность зеркала. Йеннифэр протянула обе руки, произнесла заклинание. Ослепительная вспышка превратилась в клубящийся туман, туман стал быстро сгущаться. Появилось изображение комнаты с затянутыми яркими тканями стенами.

Движение в окне. И неспокойный голос:

– Кто? Кто там?

– Трисс, это я.

– Йеннифэр? Ты? О боги! Откуда… Где ты?

– Не имеет значения, не блокируй, изображение неустойчивое. И убери светильник, он слепит.

– Готово. Конечно.

Хотя пора была поздняя, Трисс Меригольд была не в неглиже, но и не в рабочем костюме. На ней было выходное платье. Как обычно, застегнутое до самого верха.

– Мы можем разговаривать свободно?

– Конечно.

– Ты одна?

– Да.

– Лжешь.

– Йеннифэр…

– Меня не обманешь, девчонка. Я знаю твою улыбочку, насмотрелась… У тебя такая была, когда ты взялась у меня за спиной спать с Геральтом. Тогда ты тоже натягивала маску невинности, как и теперь. И сейчас она означает то же самое, что и тогда!

Трисс покраснела. А рядом с ней в окне появилась Филиппа Эйльхарт в темно-синем мужском вамсе с серебряным шитьем.

– Браво, – сказала она. – Ты, как всегда, проницательна, как всегда, мудра. Как всегда, тебя трудно понять. Рада видеть тебя в здравии, Йеннифэр. Рада, что безумная телепортация из Монтекальво не окончилась трагически.

– Ладно, предположим, что тебя это действительно радует, – скривилась Йеннифэр. – Хотя это слишком уж смелое предположение. Но бог с ним. Кто меня предал?

– А разве это важно? – пожала плечами Филиппа. – Уже четыре дня, как ты контактируешь с предателями. С такими, для которых продажность и предательство – вторая натура. И с такими, которых ты сама принудила к предательству. Один из них предал тебя. Нормальное дело. Не говори, что ты этого не ожидала.

– Конечно, ожидала, – фыркнула Йеннифэр. – Лучшее тому доказательство, что я контактирую с вами. А ведь не следовало

бы.

– Не следовало. Но раз контактируешь, значит, тебе это необходимо.

– Браво. Как всегда, мудра, как всегда, проницательна. Я связалась с вами, чтобы подтвердить, что тайна вашей ложи, если говорить обо мне, вне опасности. Я вас не предам.

Филиппа глядела на нее из-под опущенных ресниц.

– Если ты рассчитывала, – сказала она наконец, – что таким образом купишь себе время, покой и безопасность, то просчиталась. К чему обманывать себя, Йеннифэр? Убегая из Монтекальво, ты сделала выбор, поставила себя по определенную сторону баррикады. Кто не с ложей, тот против ложи. Сейчас ты пытаешься опередить нас в поисках Цири, а мотивы, которыми ты руководствуешься, противоположны нашим. Ты действуешь против нас. Не хочешь допустить, чтобы мы использовали Цири в наших политических целях. Так знай: мы сделаем все, чтобы ты не успела воспользоваться ею в своих – сентиментальных.

– Значит, война?

– Состязание, – ядовито усмехнулась Филиппа. – Только состязание, Йеннифэр.

– Честное и благородное?

– Ты шутишь!

– Ага. Ясно. Тем не менее определенную проблему я хотела бы поставить честно и однозначно. Впрочем, надеюсь кое-что получить взамен.

– Ставь.

– В течение ближайших дней, возможно, даже завтра, произойдут события, последствия которых я не в состоянии предсказать. Может случиться, что наше состязание и соперничество вдруг потеряет смысл. По простой причине. Не будет состязающегося.

Филиппа Эйльхарт прищурила подведенные голубыми тенями глаза.

– Понимаю.

– Постарайтесь тогда восстановить мою репутацию и доброе имя. Посмертно. Чтобы меня не считали предательницей и сообщницей Вильгефорца. Я прошу об этом ложу. Прошу лично тебя.

Филиппа молчала.

– Просьбу отклоняю, – сказала она наконец. – Прискорбно, но твоя реабилитация не в интересах ложи. Если ты умрешь, то умрешь как предательница. Ты будешь предательницей и преступницей в глазах Цири, потому что так нам будет легче девочкой манипулировать.

– Прежде чем ты предпримешь что-либо, что грозит смертью, – неожиданно выдавила Трисс, – оставь нам…

– Завещание?

– Что-нибудь, что позволит нам… Продолжать… Пойти по твоим следам. Отыскать Цири. Ведь речь прежде всего идет о ее благе! О ее жизни. Йеннифэр, Дийкстра отыскал… определенные следы. Если Цири у Вильгефорца, то ей грозит страшная смерть.

– Молчи, Трисс! – рявкнула Филиппа Эйльхарт. – Никакого торга и переговоров…

– Я оставлю вам указания, – медленно сказала Йеннифэр. – Информацию о том, что узнала, и о том, что предприняла. Оставлю вам след, по которому вы сможете пойти. Но не даром. Вы не хотите реабилитировать меня в глазах мира, ну, так к чертовой матери и вас, и ваш мир. Но реабилитируйте меня хотя бы в глазах одного ведьмака.

– Нет, – почти тут же ответила Филиппа. – Это тоже не в интересах ложи. И для своего ведьмака ты останешься предательницей и продажной чародейкой. Не в интересах ложи, чтобы он скандалил и мутил воду, пытаясь отомстить, а если будет тебя презирать, то мстить не захочет. Впрочем, он скорее всего тоже мертв. Либо вот-вот умрет.

– Информацию, – глухо сказала Йеннифэр. – За его жизнь. Спаси его, Филиппа.

– Нет, Йеннифэр.

– Поскольку это не в интересах ложи. – Глаза чародейки полыхнули фиолетовым пламенем. – Ты слышала, Трисс. Вот она – твоя ложа. Вот оно – ее истинное обличье, вот они, ее истинные интересы. Ну и что скажешь? Ты была девочке наставницей, почти как ты сама сказала, старшей сестрой. А Геральт…

– Не бери Трисс на романтику. – Филиппа ответила огнем в глазах. – Девочку мы найдем и спасем без твоей помощи. А если повезет тебе, то мы будем только рады и благодарны, поскольку ты выручишь нас, сэкономишь нам время и деньги. Ты вырвешь девочку из рук Вильгефорца, мы вырвем ее из твоих. А Геральт? Что такое Геральт?

– Ты слышала, Трисс?

– Прости меня, – глухо сказала Трисс Меригольд. – Прости, Йеннифэр.

– О нет, Трисс. Никогда.

Трисс уставилась в пол. Глаза Краха ан Крайта были острее глаз ястреба.

– На следующее утро после секретной связи, – медленно проговорил ярл Островов Скеллиге, – той, о которой ты, Трисс

Меригольд, ничего не знаешь, Йеннифэр отплыла со Скеллиге, взяв курс на Седнову Бездну. Когда я спросил, почему она плывет именно туда, она взглянула мне в глаза и ответила, что намерена установить, чем катастрофы естественные отличаются от неестественных. Отплыла она на двух драккарах, «Тамаре» и «Алкионе», с экипажами, составленными исключительно из добровольцев. Это случилось двадцать восьмого августа, две недели тому назад. Больше я ее не видел.

– Когда ты узнал…

– Спустя пять дней, – прервал он довольно грубо. – Через три дня после сентябрьского новолуния.

Сидевший перед ярлом капитан Аса Тъязи чувствовал себя беспокойно. Облизывал губы, крутился на лавке, заламывал пальцы так, что хрустели суставы.

Красное солнце, вырвавшееся наконец из затянувших небо туч, медленно опускалось за Спикероогу.

– Говори, Аса, – приказал Крах ан Крайт.

Аса Тъязи сильно откашлялся.

– Мы шли быстро, – начал он, – ветер благоприятствовал, мы делали не меньше двенадцати узлов. Тогда же, двадцать девятого, увидели ночью свет маяка на Пейкс де Маре. Мы немного отклонились к востоку, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь нильфа… А за день до сентябрьского новолуния на рассвете вышли в районе Бездны Седны. И тогда чародейка вызвала меня и Гутлафа…

* * *

– Мне нужны добровольцы, – сказала Йеннифэр. – Только добровольцы. Не больше, чем требуется, чтобы недолгое время управлять драккаром. Не знаю, сколько человек, я в этом не сильна. Но прошу не оставлять на «Алкионе» ни одного лишнего человека. И повторяю – только добровольцы. То, что я намерена сделать, очень опасно. Гораздо опаснее, чем морской бой.

– Понимаю, – кивнул старый сенешаль. – И вызываюсь первым. Я, Гутлаф, сын Свена, прошу вас оказать мне эту честь.

Йеннифэр долго смотрела ему в глаза.

– Хорошо, – сказала она. – Но честь оказали мне вы.

– Я тоже вызвался, – сказал Аса Тъязи. – Но Гутлаф не согласился. Кто-то, сказал он, должен держать команду на «Тамаре». В результате вызвалось пятнадцать. В том числе

Яльмар…

Крах ан Крайт поднял брови.

– Сколько нужно человек, Гутлаф? – повторила чародейка. – Сколько необходимо? Пожалуйста, подсчитай точно.

Сенешаль какое-то время размышлял, наконец сказал:

– Вдевятером управимся. Если не очень долго… Но ведь здесь только добровольцы, так что нет нужды…

– Назначь восьмерых из этих пятнадцати, – резко оборвала она. – Назначь сам. И вели выбранным перейти на «Алкиону». Остальные останутся на «Тамаре». Да, одного, который останется, назначу я. Яльмар!

– Нет, госпожа! Ты не можешь так поступить! Я вызвался и буду рядом с тобой. Я хочу быть…

– Замолчи! Ты останешься на «Тамаре»! Это приказ! Еще одно слово, и я прикажу привязать тебя к мачте!

– Продолжай, Аса.

– Магичка, Гутлаф и восьмерка добровольцев поднялись на «Алкиону» и пошли на Бездну. Мы, на «Тамаре», как было приказано, держались в стороне, но так, чтобы не очень отставать. С погодой же, которая до того на удивление сопутствовала нам, вдруг начала твориться какая-то дьявольщина. Да, я верно говорю, именно дьявольщина, потому что нечистая это была сила, ярл… Пусть меня под килем протащат, ежели лгу…

– Рассказывай.

– Там, где были мы, «Тамара», значит, было спокойно. Хоть ветер немного посвистывал и небосклон потемнел от туч так, что день почти в ночь обратился. А вот там, где была «Алкиона», там разбушевался ад. Неожиданно. Истинный ад.

Парус «Алкионы» захлопал вдруг так бурно, что это было слышно даже на «Тамаре». Небо почернело, заклубились тучи. Море, которое вокруг «Тамары» казалось вполне спокойным, взбурлило и вскипело гривастыми волнами у бортов «Алкионы». Кто-то вдруг крикнул, кто-то подхватил, и через минуту кричали все.

Под нацеленным на «Алкиону» конусом черных туч корабль пробкой плясал на волнах, крутясь, вертясь и подскакивая. Зарываясь в волны то носом, то кормой. Порой драккар на несколько мгновений почти полностью скрывался из глаз, и виден был только полосатый парус.

– Это чары! – крикнул кто-то за спиной Асы. – Это чертова

магия!

Водоворот крутил «Алкиону» все быстрее и быстрее. Щиты, которые центробежной силой отрывало от бортов, полетели в воздух, словно диски; рванулись направо и налево переломанные весла.

– Рифьте парус! – рявкнул Аса Тъязи. – И за весла! Плывем туда, к ним. Надо спасать!

Однако было уже поздно.

Небо над «Алкионой» сделалось черным, тьму разорвали зигзаги молний, которые оплели драккар словно щупальца медузы. Собравшиеся в фантастические фигуры тучи закрутились в гигантскую воронку. Драккар помчался по кругу с немыслимой быстротой. Мачта переломилась как соломинка, сорванный парус взлетел над гривами волн огромным альбатросом.

– Греби, ребята!

Однако сквозь собственный крик, сквозь оглушительный рев стихии они все-таки услышали вопли людей с «Алкионы». Вопли настолько чудовищные, что волосы встали у них дыбом. У них, старых морских волков, кровавых берсеркеров, моряков, которые многое видели и слышали на своем веку.

Они опустили весла, видя свое полное бессилие. Одурели, перестали даже кричать.

«Алкиона», продолжая вращаться, медленно поднялась над волнами. И поднималась все выше и выше. Они увидели истекающий водой, обросший ракушками и водорослями киль. Увидели черную фигуру, падающее в воду тело. Потом второе. И третье.

– Они прыгают! – заревел Аса Тъязи. – Грести, парни, не прекращать! Что есть сил! Плывем на помощь!

«Алкиона» поднялась еще выше, не меньше чем на сто локтей над бурлящей как кипяток поверхностью моря. И продолжала вращаться. Огромное, истекающее водой, оплетенное огненной паутиной молний веретено невидимая сила затягивала в клубящиеся тучи.

Неожиданно воздух прорезал разрывающий ушные перепонки взрыв. Подгоняемая вперед пятнадцатью парами весел «Тамара» подпрыгнула, словно от таранного удара, и помчалась назад. У Тъязи палуба ушла из-под ног. Он упал, ударившись виском о борт.

Подняться своими силами он не смог, его подняли. Он был оглушен, крутил и тряс головой, качался на ногах, нечленораздельно кричал что-то. Крики экипажа он слышал как из-за стены. С трудом подошел к борту, покачиваясь как пьяный, вцепился пальцами в релинг.

Вихрь утих, волны успокоились. Но небо по-прежнему было черным от клубящихся туч.

От «Алкионы» не осталось и следа.

– Даже следа не осталось, ярл. Так, обломки такелажа, какие-то обрывки… Больше ничего.

Аса Тъязи умолк, глядя на солнце, исчезающее за лесистыми вершинами Спикерооги. Крах ан Крайт, задумавшись, не торопил его.

– Неизвестно, – заговорил наконец Аса Тъязи, – сколько успели выскочить, прежде чем «Алкиону» втянуло в эту чертову тучу. Однако ж, сколь бы ни выскочили, ни один не выжил. А нам, хотя ж мы ни времени не щадили, ни сил, удалось выловить всего два трупа. Два тела, водой несомые. Всего два.

– Чародейки, – изменившимся голосом спросил ярл, – не было среди них?

– Нет.

Крах ан Крайт долго молчал. Солнце уже совсем ушло за Спикероогу.

– Пропал старый Гутлаф, сын Свена, – снова заговорил Аса Тъязи. – До последней косточки его уже обглодали, видать, крабы на дне Седны. – Пропала с концом и магичка… Ярл, люди начинают болтать… Что все это ейная вина. И ейная кара за преступления…

– Дурная болтовня!

– Сгинула, – буркнул Аса, – на Бездне Седны. В том же самом месте, где тогда Паветта и Дани… Вот, понимаешь, совпадение-то какое…

– Это не была случайность, нет, – убежденно сказал Крах ан Крайт. – Ни тогда, ни теперь это наверняка не была случайность.

> *…Страдания и унижения несчастных, мучения их подчиняются закономерностям природы, оставаясь существенными элементами общего замысла, подобно тому, как и относящееся к этому замыслу счастье угнетателей. Означенная истина должна устранить у тиранов и злодеев все угрызения совести, ведь злодеи, не зная себе предела, слепо совершают любую жестокость, мысль о которой может появиться в их голове, и здесь они следуют*

советам природы, становясь послушным инструментом проведения в жизнь ее законов.

Подобные тайны природа внушает злодеям, толкая их на совершение преступлений, только в том случае, когда необходимость зла становится очевидной…

Донсьен-Альфонс-Франсуа де Сад

Глава десятая

Грохот открываемых, а затем замыкаемых дверей камеры разбудил младшую из сестер Скарра. Старшая сидела за столом и методично выскребала кашу, присохшую ко дну оловянной миски.

– Ну, что там было, в суде-то, Веда?

Жоанна Сельборн по прозвищу Веда молча уселась на нары, уперев локти в колени и положив голову на руки.

Младшая Скарра зевнула, отрыгнула и громко пустила ветры. Пристроившийся на противоположных нарах Петюх что-то невнятно буркнул и отвернулся. Он был обижен на Веду, на сестер и на весь белый свет.

В обычных тюрьмах по установившейся традиции арестантов разделяли по полу. В армейских же крепостях было иначе. Уже император Фергус вар Эмрейс, вводя специальным декретом равноправие женщин в имперской армии, постановил, что уж ежели эмансипация, так до конца, равноправие должно быть полным и абсолютным, без всяких исключений или поблажек для какого-либо из полов. С того времени в крепостях и цитаделях Империи арестанты сидели вместе.

– Ну, так как? – повторила старшая Скарра. – Выпускают тебя?

– Жди! – горько отозвалась Веда, по-прежнему не поднимая головы от рук. – Считай, повезет, если не повесят. Холера! Выдавала всю правду, ничего не скрывала, то есть почти ничего. А эти сукины дети, когда принялись меня допрашивать, так для начала идиоткой перед всеми выставили, потом оказалось, что я личность, не заслуживающая доверия, и преступный элемент, а под конец вышло мне соучастие в заговоре, ставящем целью низвержение.

– В низ, стало быть, свержение, – покачала головой старшая Скарра, словно понимала, о чем речь. – Ага, ну ежели в низ… то держи жопу шире, Веда.

– Будто я не знаю.

Младшая Скарра потянулась, снова зевнула широко и громко, словно леопардиха соскочила с верхних нар, энергичным пинком отшвырнула мешающий ей табурет Петюха, плюнула рядом с табуретом. Петюх заворчал, но ни на что большее не осмелился.

Петюх был на Веду смертельно обижен. А сестер вдобавок и боялся.

Когда три дня назад ему в камеру подкинули Веду, то очень скоро оказалось, что Петюх, если в принципе и допускает

эмансипацию и равноправие женщин, то имеет на сей счет свое собственное мнение. Посреди ночи он накинул Веде одеяло на верхнюю половину тела и намеревался воспользоваться нижней, что, возможно, ему бы и удалось, если б не то, что Петюх взвыл оборотнем и заплясал по камере, словно укушенный тарантулом. Веда же из чистой мстительности телепатически принудила его опуститься на четвереньки и ритмично колотиться головой в обитые железом двери камеры. Когда потревоженные страшным грохотом стражники отворили дверь, Петюх ткнулся макушкой в одного из них, за что немедля получил пять ударов окованной железом палкой и столько же пинков. В итоге в ту ночь Петюх не испытал того блаженства, на которое рассчитывал. И обиделся на Веду. О реванше он даже не помышлял, так как наутро в камеру попали сестры Скарра, таким образом прекрасный пол оказался в большинстве, и к тому же вскоре выяснилось, что точка зрения сестер Скарра на равноправие почти совпадает с Петюховой, только с точностью до наоборот, если говорить о предначертанных полам ролях. Младшая Скарра хищно поглядывала на мужчину и изрекала недвусмысленные замечания, а старшая хохотала, потирая руки. Эффект был таков, что Петюх спал с табуреткой в руках, которой в случае чего намеревался защищать свою честь и достоинство. Однако шансы и перспективы у него были ничтожны – обе Скарры служили в линейных частях и были ветераншами многих сражений, так что табуретки б не испугались, когда хотели насиловать – насиловали, даже если мужчина был вооружен бердышом. Однако Веда была уверена, что сестры просто шутят. Ну, почти уверена. Скажем так.

Сестры Скарра сидели за избиение офицера, по делу же провиант-мастера Петюха велось следствие, связанное с большой, громкой и захватывающей все более широкие круги аферой – кражей армейских луков.

– Да, держи жопу шире, Веда, – повторила старшая Скарра. – В хорошее дерьмо ты вляпалась, думаю. А вернее – тебя вляпали. И как же ты, ядрена вошь, сразу-то не сообразила, что это политическая игра!

– Ха-а! – только и ответила Веда.

Скарра взглянула на нее, не очень понимая, как следует разуметь односложное замечание. Веда отвела глаза.

«Не стану же я рассказывать вам то, о чем промолчала перед судьями, – подумала она. – То есть что знала, в какое дерьмо вляпалась. И то, когда и каким образом об этом узнала».

– Хорошенького ты себе пивка наварила, – мудро отметила младшая Скарра, менее сообразительная, которая – Веда была в

этом убеждена – вообще не понимала, о чем идет речь.

– Ну а как все-таки было с цинтрийской княжной-то? – не отступала старшая Скарра. – Ведь ее вы в конце концов сцапали, а?

– Сцапали. Если так можно выразиться. У нас сегодня которое?

– Двадцать второе сентября. Завтра Эквинокций.

– Ну да! Вот удивительное совпадение. Стало быть, завтра тем событиям будет точно год… Уже год!..

Веда растянулась на нарах, подложив сплетенные пальцы рук под голову. Сестры молчали, надеясь, что это было вступление к рассказу.

«Ничего не получится, сестренки, – подумала Веда, глядя на выцарапанные на досках верхних нар грязные картинки и еще более грязные надписи. – Не будет никаких рассказов. Даже не в том дело, что от вонючего Петюха несет обосравшейся подсадной уткой или каким другим коронным свидетелем. Я попросту не хочу об этом вспоминать. О том, что было год назад, после того как Бонарт ушел от нас в Клармоне.

Мы прибыли туда с опозданием в два дня, – все-таки принялась она вспоминать. – Следы уже успели остыть. Куда охотник поехал, никто не знал. Никто, кроме купца Хувенагеля, конечно. Но купец Хувенагель со Скелленом разговаривать не пожелал и даже под крышу к себе не пустил. Передал через слуг, что у него-де, нет времени и аудиенции он не даст. Филин раздувался и тощал, но сделать ничего не мог. Ведь мы были в Эббинге, а там у него никаких прав не было. А по-другому, нашими методами, за Хувенагеля браться было невозможно, потому что у него там, в Клармоне, личное войско, а ведь войну начинать было нельзя.

Ну, Бореас Мун вынюхивал, Дакре Силифант и Оль Харшейм занимались подкупами, Тиль Эхрад – эльфьей магией, а я учуивала и слушала мысли, но это мало что дало. Вроде бы узнали мы, что Бонарт выехал из города южными воротами. А прежде чем выехать…

Был в Клармоне храмик, маленький такой, лиственничный… Рядом с южными воротами, у торговой площадки. Перед отъездом из Клармона Бонарт истязал Фальку арапником. На глазах у всех, в том числе и у жрецов, на той площадке у храмика… Выкрикивал, что покажет ей, кто тут ее господин и повелитель. Что сейчас он ее батогом поучит, как хочет, а то и насмерть заучит, потому как никто за нее не встанет, никто не заступится – ни люди, ни боги».

Младшая Скарра выглядывала в оконце, уцепившись за

решетку. Старшая выедала кашу из миски. Петюх взял табурет, лег и укрылся одеялом.

Из кордегардии доносился звон, перекликались стражи на стенах.

Веда повернулась лицом к стене.

«Спустя несколько дней мы встретились, – подумала она. – Я и Бонарт. Лицом к лицу. Я смотрела в его нечеловечески рыбьи глаза, думая только об одном – как он ту девушку избивал. И в мысли ему заглянула… На мгновение. И было это так, словно сунула голову в разрытую могилу…

Было это в Эквинокций.

А днем раньше, двадцать второго сентября, я сообразила, что промеж нас втерся невидимка».

Стефан Скеллен, имперский коронер, выслушал, не перебивая. Но Веда видела, как у него изменяется лицо.

– Повтори, Сельборн, – процедил он. – Повтори, ибо я ушам своим не верю.

– Осторожнее, господин коронер, – проворчала она. – Прикидывайтесь злым… Так, словно бы я к вам с просьбой, а вы не разрешаете… Для видимости, значит. Я не ошибаюсь, я уверена. Уже два дня, как ошивается при нас какой-то невидимка. Невидимый шпион.

Филин – у него этого не отнимешь – был умен, улавливал влет.

– Нет, Сельборн, не разрешаю! – сказал он громко, не сдержав актерского пафоса и в тоне, и в мимике. – Дисциплина обязательна для всех. Никаких исключений. Я согласия не даю!

– Но хотя бы соблаговолите выслушать, господин коронер. – У Веды не было таланта Филина, она не смогла скрыть неестественности в голосе, но в разыгрываемой сценке натянутость и обеспокоенность просительницы были оправданны. – Соблаговолите хотя бы выслушать…

– Говори, Сельборн. Только кратко и четко.

– Он шпионит за нами два дня, – пробурчала она, делая вид, что смиренно излагает свои соображения. – С самого Клармона. Едет за нами тайно, а на биваках приходит невидимый, крутится меж людей, слушает.

– Слушает, шпик чертов. – Скеллену не требовалось притворяться суровым и разгневанным, в его голосе прямо-таки вибрировало бешенство. – Как ты его обнаружила?

– Когда вы позавчера перед корчмой отдавали приказы господину Силифанту, кот, что на лавке спал, зашипел и уши прижал. Это показалось мне подозрительным, потому что никого

в той стороне не было… А потом я что-то вычуяла, вроде бы мысль, чужую мысль, и волю. Обычно-то для меня такая чужая мысль, господин коронер, это как будто кто-то крикнул громко… Ну, начала я чуять, крепко, вдвойне, и вычуяла его.

– Ты можешь его почуять всегда?

– Нет, не всегда. У него какая-то магическая защита. Я чую его только очень близко, да и то не всякий раз. Поэтому надо притворяться, потому как не известно, не кроется ли он аккурат поблизости.

– Только б не спугнуть, – процедил Филин. – Только б не спугнуть. Он мне нужен живым, Сельборн. Что предлагаешь?

– Заставить его ошибиться.

– Ошибиться?

– Тише, господин коронер.

– Но… а, не важно. Хорошо. Даю тебе полную свободу.

– Завтра сделайте так, чтобы мы остановились в какой-нибудь деревушке. Остальное – мое дело. А теперь для видимости отругайте меня как следует, и я уйду.

– Не могу я отругать, – улыбнулся он ей глазами и слегка подмигнул, немедленно сделав мину грозного начальника. – Я доволен вами, госпожа Сельборн.

«Он сказал – госпожа. Госпожа Сельборн. Как офицеру».

Скеллен снова подмигнул, одновременно махнул рукой.

– Нет! В просьбе отказываю! Кругом, марш!

– Слушаюсь, господин коронер.

Скеллен прекрасно сыграл свою роль.

На следующий день, ближе к вечеру, Скеллен объявил постой в деревушке у реки Леты. Деревня была богатая. Обнесена частоколом, въезжали в нее через изящные вращающиеся ворота из свежих сосновых бревен. Называлась деревня Говорог, а название это пошло от маленькой часовенки, в которой стояла сплетенная из соломы куколка, изображающая единорога.

«Помню, – вспоминала Веда, – как мы хохотали над этим соломенным божком, а солтыс с важной миной объяснял, что покровительствующий селу священный говорог многие годы назад был золотым, потом стал серебряным, был медным, было несколько костяных вариантов и несколько из благородной древесины. Но их постоянно крали. Приезжали издалека, специально, чтобы своровать. Так что гораздо спокойнее, если говорог сделан из соломы.

Ну, расположились мы в селе лагерем. Скеллен, как было условлено, занял чистую светелку.

Спустя неполный час поймали мы невидимого шпика.

Классически».

– Прошу подойти, – громко потребовал Филин. – Прошу подойти и глянуть на этот документ… Минутку? Что, все уже на месте? Чтобы не пришлось разъяснять дважды.

Оль Харшейм, который только что выпил из подойника немного разведенной кислым молоком сметаны, облизнул губы и испачканные сметаной усы, отставил сосуд, осмотрелся, подсчитал. Дакре Силифант. Нератин Цека. Тиль Эхрад. Жоанна Сельборн…

– Нет Дуффицея.

– Позвать.

– Крель! Дуффи Крель! К командиру на совещание! За важными приказами. Бегом!

Дуффицей Крель, задыхаясь, вбежал в комнату.

– Все на месте, господин коронер, – доложил Оль Харшейм.

– Не закрывайте окна. Чесноком тут несет, подохнуть можно. Двери тоже отворите, устройте сквозняк.

Бригден и Крель быстро отворили окна и дверь, Веда же в который раз удостоверилась, что из Филина получился бы шикарный актер.

– Прошу подойти, господа. Я получил от императора вот этот документ. Секретный и чрезвычайно важный. Прошу внимания…

– Давай! – взвизгнула Веда, одновременно высылая сильный направленный импульс, который по своему воздействию на органы чувств был равносилен близкому удару молнии.

Оль Харшейм и Дакре Силифант схватили подойники и одновременно плеснули разведенной сметаной в указанном Ведой направлении. Тиль Эхрад размахнулся спрятанным под столом ковшом муки. На полу комнаты материализовалась сметанно-мучная фигура, вначале бесформенная. Но Берт Бригден не зевал. Безошибочно оценив, где может быть голова еще не испеченного, но уже вывалянного в муке «жаворонка», он изо всей силы саданул по этому месту железной сковородой.

Потом все скопом накинулись на облепленного сметаной и мукой шпика, содрали с него шапку-невидимку, схватили за руки и ноги. Перевернув стол крышкой вниз, привязали конечности пойманного к ножкам стола. Стащили с него сапоги и онучи, одну из онучей засунули в распахнутый в крике рот.

Чтобы увенчать дело, Дуффицей Крель с размаха дал пойманному по ребрам, а остальные с удовольствием наблюдали за тем, как у шпиона глаза вылазят из орбит.

– Прекрасная работа, – похвалил Филин, который все это небывало короткое время не пошевелясь стоял со скрещенными

на груди руками. – Браво! Поздравляю. Прежде всего вас, госпожа Сельборн.

«Черт побери, – подумала Веда. – Если так и дальше пойдет, я и взаправду могу стать офицером».

– Господин Бригден, – холодно сказал Стефан Скеллен, стоя над разведенными между ножками стола ногами пленника. – Пожалуйста, суньте железо в угли. Господин Эхрад, извольте присмотреть, чтобы вблизи светлицы не крутились дети.

Он наклонился, заглянул пленнику в глаза.

– Давненько же ты не показывался, Риенс. Я уж подумал, не приключилось ли с тобой какое-нибудь несчастье.

Ударил кордегардский колокол, сигнал смены вахты. Сестры Скарра мелодично храпели. Петюх чмокал сквозь сон, обнимая табуретку.

«Разыгрывал из себя бодрячка, – вспоминала Веда, – прикидывался храбрецом. Риенс-то. Чародей Риенс, превращенный в свежеиспеченного „жаворонка“ и привязанный к ножкам стола.

Изображал из себя храбреца, но никого не обманул, а меня-то и подавно. Филин предупреждал, что это чародей, поэтому я перемешивала ему мысли, чтобы он ни чародействовать, ни призывать магическую помощь не мог. Попутно читала его. Он защищал доступ, но как только учуял запах дыма от углей камина, в которых раскаляли железо, его магические защиты и блокады лопнули по всем швам словно старые штаны, а я могла читать его сколько угодно. Его мысли ничем не отличались от мыслей других людей, которых я читала в подобных ситуациях, людей, которых вот-вот начнут истязать. Мысли разбросанные, несобранные, полные страха и отчаяния. Мысли холодные, склизкие, мокрые и вонючие. Как внутренности трупа.

И все же, когда у него изо рта вытащили кляп, чародей Риенс продолжал разыгрывать из себя храбреца. Во всяком случае – пытался».

– Ну, хорошо, Скеллен! Вы меня поймали, ваша взяла. Поздравляю! Низко склоняю голову перед техникой, профессионализмом и специализацией! Отлично вышколенные люди, можно позавидовать. А теперь прошу меня освободить. Уж очень неудобная поза.

Филин пододвинул себе стул, уселся на него верхом, опершись сплетенными руками и подбородком на спинку. Глядел на пленника сверху. И молчал.

– Прикажи меня освободить, Скеллен, – повторил Риенс. – А

потом попроси подчиненных удалиться. То, что я имею сказать, предназначено исключительно для тебя.

– Господин Бригден, – спросил Филин, не поворачивая головы, – каков цвет железки?

– Еще минутку, господин коронер.

– Госпожа Сельборн?

– Трудновато его сейчас читать, – пожала плечами Веда. – Он слишком трусит, страх застит все другие мысли. А мыслей этих с избытком! В том числе несколько таких, которые он пытается скрыть. За магическими покровами. Но для меня это не сложно, я могу…

– В этом не будет необходимости. Испытаем классически, каленым железом.

– К чертям собачьим! – взвыл шпион. – Скеллен! Уж не собираешься ли ты…

Филин наклонился, лицо у него немного изменилось.

– Во-первых, господин Скеллен, – процедил он. – Во-вторых, да, абсолютно верно, я намерен припечь тебе пятки, Риенс. И проделаю это с неизъяснимым удовольствием. Ибо буду рассматривать сие действие как восстановление исторической справедливости. Могу поспорить, что ты не понимаешь.

Риенс молчал, поэтому Скеллен продолжал:

– Видишь ли, Риенс, я советовал Ваттье де Ридо прижечь тебе пятки уже тогда, семь лет назад, когда ты ползал в имперской разведке, скуля как пес о милости и согласии стать предателем и двойным агентом. Я повторил совет четыре года назад, когда ты без мыла лез в задницу Эмгыру, посредничая в контактах с Вильгефорцем. Когда ты по случаю охоты за цинтрийкой вдруг вырос из обычного маленького сексота в почти первого резидента. Я бился об заклад с Ваттье, что, если тебя поджарить, ты скажешь, кому служишь… Нет, я неточно выразился. Что ты перечислишь всех, кому служишь. И тогда, сказал я, ты, Ваттье, увидишь и удивишься, в каком количестве пунктов совпадут эти перечни. Что делать, Ваттье де Ридо меня не послушался. И теперь наверняка сожалеет. Но еще не все потеряно. Я припеку тебя всего малость, а когда узнаю все, что хочу знать, передам в распоряжение Ваттье. А уж он-то шкуру с тебя сдерет, помаленьку, маленькими кусочками.

Филин вынул из кармана платочек и флакончик духов. Обильно смочил платочек и приложил к носу. Духи приятно пахли муксусом, однако Веду потянуло рвать.

– Железо, господин Бридген.

– Я слежу за вами по поручению Вильгефорца! – завыл Риенс. – Дело в девчонке! Следя за вашим подразделением, я

надеялся опередить вас, добраться раньше вас до охотника за наградами! Я должен был попытаться выторговать у него девку! У него, а не у вас! Потому что вы собирались ее убить, а Вильгефорцу она нужна живой! Что еще вы хотите знать? Я скажу. Скажу все!

– Ну-ну! – воскликнул Филин. – Не так споро, Риенс, этак и голова может разболеться от шума и избытка информации. Вы представляете себе, господа, что будет, когда его припечет? Он заорёт всех нас до могилы!

Крель и Силифант громко расхохотались, Веда и Нератин Цека не присоединились к веселью. Не присоединился к ним и Берт Бригден, который в этот момент критически рассматривал вынутый из угля прут. Железо было накалено так, что казалось, будто это не железо вовсе, а заполненная жидким огнем стеклянная трубка.

Риенс увидел это и визгливо закричал:

– Я знаю, как отыскать охотника и девушку! Я знаю, знаю! Я скажу!

– Само собой, скажешь.

Веда, продолжавшая читать в его мыслях, поморщилась, восприняв волны отчаянного, бессильного бешенства. В мозгу Риенса снова что-то лопнуло, какая-то очередная перегородка. «Со страха он скажет все, – подумала Веда, – все, что собирался держать до конца, как козырную карту, туза, которым мог перешибить остальных тузов при последней решающей раздаче на самую высокую ставку. Сейчас, от обычного отвратительного страха перед болью, он выкинет этого туза на фоски».

Вдруг что-то щелкнуло у нее в голове, она почувствовала в висках жар, потом неожиданный холод.

Теперь она знала скрытую мысль Риенса.

«О боги, – подумала она. – Ну и вляпалась же я в дельце…»

– Я скажу, – взвыл чародей, краснея и впиваясь вытаращенными глазами в лицо коронера. – Скажу нечто действительно важное. Скеллен! Ваттье де Ридо…

Веда вдруг услышала другую, чужую мысль. Увидела, как Нератин Цека двигается к двери, держа руку на рукояти кинжала.

Загудели шаги, в комнату влетел Бореас Мун.

– Господин коронер! Быстрее, господин коронер! Они приехали… Вы не поверите, кто!

Скеллен жестом остановил Бригдена, уже поднесшего было железо к пяткам шпиона.

– Тебе надо играть в лотерею, Риенс, – сказал коронер, глядя в окно. – В жизни своей не встречал такого везунчика!

В окне была видна толпа, в центре толпы пара конных. Веда с

первого же взгляда знала, кто это. Знала, кто тот худой мужчина с белыми рыбьими глазами, что сидел на рослом гнедом коне. И кто – пепельноволосая девушка на прекрасной вороной кобыле. Руки у девушки были связаны, на шее – ошейник. И синяки на распухших губах.

Высогота вернулся в хату в отвратительном настроении, угнетенный, молчаливый, даже злой. Это было следствие разговора с кметом, приплывшим на лодке забрать шкуры. Возможно, последний раз до весны, сказал кмет. Погода портится со дня на день. Слякоть и ветер такие, что страх на воду выходить. По утрам на лужах лед, того и гляди снег повалит, а после него – морозы, вот-вот река станет и заливы, тогда прячь лодку в сарай, сани вытаскивай. Но на Переплют, сам знаешь, даже на санях нельзя, разводье тут на разводье…

Парень был прав. Под вечер набежали тучи, с темно-синего неба посыпались белые хлопья. Порывистый ветер положил сухие камыши, белыми гривками загулял по поверхности разлива. Стало пронизывающе, чувствительно холодно.

«Послезавтра, – подумал Высогота, – праздник Саовины. По эльфьему календарю через три дня новый год. По человечьему нового года надо подождать еще два месяца».

Кэльпи, вороная кобыла Цири, топотала и фыркала в овчарне.

Войдя в халупу, он застал Цири копающейся в сундуке. Он позволял ей это, даже одобрял. Во-первых, совсем новое занятие после поездок на Кэльпи и листания книг. Во-вторых, в сундуках было множество вещей его дочерей, а девочке нужна была теплая одежда. Несколько смен одежды, потому что в холоде и влаге требовался не один день, прежде чем выстиранные тряпки наконец высыхали.

Цири выбирала, примеряла, отбрасывала, откладывала. Высогота уселся за стол, съел две вареные картофелины и обглодал куриное крылышко. Молчал.

– Хорошая работа, – показала Цири вещи, которых Высогота не видел многие годы и даже забыл об их существовании. – Тоже дочкины? Она любила бегать на коньках?

– Обожала. Зимы дождаться не могла.

– Можно взять?

– Бери что хочешь, – пожал он плечами. – Мне от этого никакой пользы. Если тебе пригодятся и башмаки подходят… Да ты никак упаковываешься, Цири? К отъезду готовишься?

Она уставилась на кучу одежды. Потом, помолчав, сказала:

– Да, Высогота. Так я решила. Видишь ли… Нельзя терять ни минуты.

– Сны?

– Да. Я видела очень неприятные вещи. Не уверена, случилось ли уже это, или случится лишь в будущем. Понятия не имею, смогу ли предотвратить… Но ехать должна. Понимаешь, я в детстве обижалась на своих близких за то, что они не пришли мне на помощь. Бросили на произвол судьбы… А теперь я думаю, что, пожалуй, им самим нужна моя помощь. Я должна ехать.

– Зима на носу.

– Поэтому-то и надо ехать. Если останусь – проторчу тут до весны… И до самой весны буду маяться от безделья и неуверенности, мучимая кошмарами. Нет, я должна ехать, ехать немедленно, попытаться отыскать Башню Ласточки. Телепорт. Ты сам подсчитывал, что до озера пятнадцать дней пути. Значит, я буду на месте перед ноябрьским полнолунием…

– Тебе нельзя сейчас покидать убежища, – с трудом проговорил он. – Сейчас – нельзя. Тебя схватят… Твои преследователи… очень близко. Сейчас тебе никак нельзя…

Она кинула на пол блузку, вскочила, словно подкинутая пружиной.

– Ты что-то узнал, – резко бросила она. – От кмета, который взял шкурки. Говори.

– Цири…

– Пожалуйста, скажи!

И он сказал. А позже пожалел о сказанном.

– Не иначе, как их дьявол подослал, добрый господин отшельник, – проворчал кмет, на минуту отрываясь от шкурок. – Не иначе – дьявол. С самого Равноночия по лесам гоняли, какую-то девку искали. Пугали, кричали, грозились, но тут же снова ехали дальше, не успевали нигде избытно напоганить. Но теперича другую другость придумали: оставили по деревням и селам каких-то, ну, как их там… ну, посты какие-то… Постятся, стало быть, по деревням-то. И никакие энто не посты, добрый человек, потому как жрут они тама в три горла, а стоят там по три, а то и по четыре мерзавца разом. Разорение сплошное… Посты… Горе одно. Навроде бы будут так цельну зиму нас объезжать, пока девка, котору поджидают, не выглянет откеда бы нибудь с укрытия и в село не заглянет. Тута уж ихний пост кончится, девку они схватют, а нам вроде волю дадут.

– У вас тоже… постятся?

Парень погрустнел, скрежетнул зубами.

– У нас – нет. Повезло нам. Но в Дун Даре, в полудне от нас, сидят вчетвером… В корчме, на выселках квартируют. Жрут и пьют. За девок брались, а када им парни воспротивилися, дак

убили, господин хороший, без жалости. Насмерть…

– Людей убили?

– Двоих. Солтыса и еще одного. Ну и как, есть кара Божья на таких обалдуев, добрый человек? Нету ни кары, ни права! Один колесник, что к нам с женой и дочкой из Дун Дара сбег, говаривал, мол, были ране на свете ведьмаки… Они порядок со всякими беспорядками учиняли. И-эх, призвать бы в Дун Дар ведьмака, штоб энтих стервецов под корень.

– Ведьмаки убивали чудовищ, а не людей.

– Энто мерзопакостники, господин отшельник, а никакие не люди. Мерзостники, что из пекла повылазили. Ведьмак на них нужон, верно говорю, ведьмак… Ну, мне в путь сам час, добрый господин отшельник… Уж холодина идет! Скоро лодку прячь, а сани вытягивай… А супротив мерзавцев из Дун Дара ведьмак нужон. Ох, нужон…

* * *

– И верно, – повторила сквозь зубы Цири. – Святая правда. Нужен ведьмак… Или ведьмачка. Четверо их, да? В Дун Даре, да? А где он находится, этот Дун Дар? Вверх по реке? Туда сквозь рощи проехать можно?

– Ради богов, – прервал Цири Высогота. – Уж не думаешь ли ты всерьез…

– Не призывай богов, если в них не веришь. А я знаю, что не веришь.

– Оставим в покое мое мировоззрение! Цири, что за адские мысли приходят тебе в голову? Как ты вообще можешь…

– А вот теперь ты оставь в покое мое мировоззрение, Высогота. Я знаю, что мне положено! Я – ведьмачка!

– Ты – личность юная и неуравновешенная! – взорвался Высогота. – Ты – ребенок, перенесший травмирующее воздействие извне, ты – ребенок обиженный, невротический и близкий к нервному срыву. И сверх всего ты одержима жаждой мести! Ослеплена жаждой реванша! Неужели ты этого не понимаешь?

– Понимаю лучше, чем ты! – воскликнула она. – Потому что ты понятия не имеешь о мести, потому что ты никогда не испытывал того, что досталось мне. Потому что ты знать не знаешь, что такое настоящее зло!

Она выбежала, хлопнув дверью, через которую тут же ворвался в сени и комнату пронизывающий зимний вихрь. Спустя несколько секунд Высогота услышал цокот копыт и ржание.

Возбужденный, он хватил оловянной тарелкой о стол. «Пусть

едет, – подумал он. – Пусть вытрясет из себя злобу». Бояться за нее он не боялся, она одна ездила по болотам часто и днем, и ночью, знала тропки, островки и заросшие лесом топи. Однако, если б и впрямь заблудилась, достаточно было отпустить поводья, и вороная Кэльпи нашла бы дорогу домой, к овчарне. Эту дорогу она знала.

Спустя какое-то время, когда уже здорово стемнело, он вышел, подвесил на столб фонарь. Постоял у живой изгороди, прислушался к стуку копыт, к плеску воды. Однако ветер и шум камышей приглушали все звуки, фонарь на столбе раскачивался как бешеный и наконец погас.

И тогда он услышал. Далеко. Нет, не оттуда, куда поехала Цири. С другой стороны, противоположной. От болот.

Дикий, нечеловеческий, протяжный воющий крик. Стон.

Минута тишины.

И снова.

Beann'shie. Беанн'ши.

Эльфья упырица. Предвестница смерти.

Высогота задрожал от холода и страха. Быстро вернулся в хату, бормоча и приговаривая себе под нос, чтобы не услышать, чтобы не слушать.

Прежде чем он снова разжег фонарь, из тьмы появилась Кэльпи.

– Войди в дом, – сказала Цири ласково и мягко. – И не выходи. Отвратная ночь.

За ужином они снова начали пререкаться.

– Такое впечатление, будто ты очень много знаешь о проблемах добра и зла!

– Да, знаю! И вовсе не из университетских книжек!

– Конечно, нет. Ты все изучила на собственном опыте. На практике. Как-никак у тебя же гигантский опыт в твои-то долгие шестнадцать лет.

– Вполне достаточный! Достаточно большой!

– Поздравляю, коллега ученая.

– Ехидничаешь, – сжала она губы, – даже понятия не имея, как много недоброго наделали миру вы, трухлявые ученые, теоретики, с вашими книгами, со столетним опытом просиживания над моральными трактатами, да еще с таким прилежанием, что вам некогда было даже в окно глянуть, чтобы увидеть, как выглядит мир в действительности. Вы, философы, искусственно поддерживающие придуманные вами же философии, чтобы получать денежки в университетских кассах. А поскольку ни одна хромая собака не заплатила бы вам за

неприглядную правду о мире, вы напридумывали этику и моралистику, красивые и оптимистические науки. Беда только в том, что… лживые и шарлатанские!

– Нет ничего более шарлатанского, чем непродуманное осуждение, соплячка! Чем поспешные и непродуманные суждения!

– Вы не нашли противоядие от зла! А я, сопливая ведьмачка, нашла! Безотказное противоядие!

Он не ответил, но лицо выдало его, потому что Цири стрелой вылетела из-за стола.

– Ты считаешь, что я несу дурь? Бросаю слова на ветер?

– Я считаю, – ответил он спокойно, – что в тебе говорит раздражение. Считаю, что ты намерена мстить от раздражения, и горячо советую успокоиться.

– Я спокойна. А месть? Ответь мне: почему бы и нет? Почему я должна отказаться от мысли о мести? Во имя чего? Высших соображений? А что может быть выше покарания скверных дел и поступков? Для тебя, философ и этик, месть – деяние дурное, нехорошее, неэтичное, беззаконное, наконец. А я спрашиваю: где кара за зло? Кто должен ее подтвердить, определить и отмерить? Кто? Боги, в которых ты не веришь? Великий творец-демиург, которым ты решил заменить богов? Или закон? А может, нильфгаардская юстиция, императорские суды, префекты? Наивный ты старик!

– Значит, око за око, зуб за зуб? Кровь за кровь? А за эту кровь, очередную кровь? Море крови? Ты хочешь утопить мир в крови? Наивная, обиженная девочка! Так ты намерена бороться со злом, ведьмачка?

– Да. Именно так! Потому что я знаю, чего Зло боится. Не этики твоей, Высогота, не проповедей, не моральных трактатов о порядочной жизни. Зло боли боится, боится быть покалеченным, страданий боится, смерти, наконец! Раненое Зло воет от боли как пес! Ползает по полу и визжит, видя, как кровь хлещет из вен и артерий, видя торчащие из обрубков рук кости, видя кишки, вываливающиеся из брюха, чувствуя, как вместе с холодом приходит смерть. Тогда, и только тогда, у Зла волосы встают дыбом на башке, и тогда скулит Зло: «Милосердия! Я раскаиваюсь в совершенных грехах! Я буду хорошим и порядочным, клянусь! Только спасите, остановите кровь, не дайте позорно умереть!»

Да, отшельник. Вот так борются со Злом! Если Зло собирается обидеть тебя, сделать тебе больно – опереди его, лучше всего в тот момент, когда Зло этого не ожидает. Если ж ты не сподобился Зло опередить, если Зло успело обидеть тебя, то отплати ему. Нападай, лучше всего когда оно уже забыло, когда чувствует себя в

безопасности. Отплати ему вдвойне. Втройне. Око за око? Нет! Оба ока за око! Зуб за зуб? О нет! Все зубы за зуб! Отплати Злу! Сделай так, чтобы оно выло от боли, чтобы от этого воя лопались у него глазные яблоки! И вот тогда, поглядев на землю, ты можешь смело и определенно сказать: то, что здесь валяется, уже не обидит никого. Никому не опасно. Потому что как можно угрожать, не имея глаз? Не имея обеих рук? Как оно может обидеть, если его кишки волочатся по песку, а их содержимое впитывается в этот песок?

– А ты, – медленно проговорил отшельник, – стоишь рядом с окровавленным мечом в деснице, глядишь на кровь, впитывающуюся в песок, и имеешь наглость думать, будто разрешила извечную дилемму, что наконец-то обрела плоть мечта философов. Думаешь, что природа Зла изменилась?

– Да, – заносчиво ответила она. – Так как то, что валяется на земле и истекает кровью, – уже не Зло. Возможно, это еще не Добро, но уже наверняка и не Зло!

– Говорят, – медленно проговорил Высогота, – что природа не терпит пустоты. То, что лежит на земле, что истекает кровью, что пало от твоего меча, – уже не Зло? Тогда что же такое Зло? Ты когда-нибудь задумывалась об этом?

– Нет. Я – ведьмачка. Когда меня учили, я поклялась себе, что буду выступать против Зла. Всегда. И не раздумывая… Потому что стоит только начать задумываться, – добавила она глухо, – как уничтожение потеряет смысл. Месть потеряет смысл. А этого допустить нельзя.

Он покачал головой, но она жестом не дала ему заговорить.

– Мне пора уже докончить свой рассказ, Высогота. Я рассказывала тебе больше тридцати ночей, с Эквинокция до Саовины. А ведь не рассказала всего. Прежде чем я уеду, тебе следует узнать, что случилось в день Эквинокция в деревушке под названием Говорог.

Она застонала, когда ее стаскивали с седла. Бедро, по которому он ее вчера бил ногой, болело.

Он дернул за цепь, пристегнутую к ошейнику, потащил ее к дому.

В дверях стояли несколько вооруженных мужчин. И одна высокая женщина.

– Бонарт, – сказал один из мужчин, худощавый брюнет с тощим лицом, державший в руке окованную бронзой нагайку. – Должен признать, ты умеешь застигать врасплох.

– Здравствуй, Скеллен.

Человек, названный Скелленом, какое-то время глядел ей

прямо в глаза. Она вздрогнула под его взглядом.

– Ну, так как? – снова обратился он к Бонарту. – Объяснишь сразу или, может, помаленьку?

– Не люблю объяснять на базаре, потому как мухи в рот летят. В дом войти можно?

– Прошу.

Бонарт дернул за цепь.

В доме ждал еще один мужчина, растрепанный и бледный, вероятно, повар, потому что занимался чисткой одежды от следов муки и сметаны. Увидев Цири, он сверкнул глазами. И подошел.

Это не был повар.

Она узнала его, помнила эти паскудные глаза и пятно на морде. Это был тот, кто вместе с белками преследовал их на Танедде, именно от него она сбежала, выскочив в окно, а он велел эльфам прыгать следом. Как тот эльф его назвал? Ренс?

– Это ж надо! – сказал он язвительно, сильно и болезненно тыкнув ее пальцем в грудь. – Мазель Цири! С самого Танедда не виделись. Долго, долго я мазельку искал. И наконец нашел!

– Не знаю, милсдарь, кто вы такой, – холодно бросил Бонарт, – но то, что вы якобы нашли, принадлежит мне, а посему держите лапы подальше, ежели цените свои пальчики.

– Меня зовут Риенс, – нехорошо блеснул глазами чародей. – Соблаговолите это милостиво запомнить, господин охотник за наградами. А кто я, сейчас станет ясно. И ясно также станет, кому будет принадлежать эта мазель. Но зачем опережать события? Сейчас я просто хочу передать поздравления и сделать некое признание. Надеюсь, вы не имеете ничего против?

– Надейтесь. Никто вам не запрещает.

Риенс приблизился к Цири, заглянул ей в глаза.

– Твоя покровительница, ведьма Йеннифэр, – ядовито процедил он, – однажды обидела меня. Когда же впоследствии она попала мне в руки, я, Риенс, показал ей, что такое боль. Вот этими руками, вот этими пальцами. И пообещал, что когда мне в руки попадешь ты, королевна, то и тебя я тоже научу боли. Этими вот руками, этими вот пальцами…

– Рискованное дело, – тихо сказал Бонарт. – Очень даже рискованное, господин Риенс, – дразнить мою девочку и угрожать ей. Она мстительна и запомнит это. Держите, повторяю, подальше от нее ваши руки, пальцы и прочие части тела.

– Довольно, – обрезал Скеллен, не спуская с Цири любопытного взгляда. – Перестань, Бонарт. Ты, Риенс, тоже помягче. Я отнесся к тебе снисходительно, но еще могу раздумать и велю снова привязать к ножкам стола. Садитесь оба. Поговорим как люди культурные. Втроем, в три пары глаз. Потому как, что-

то мне сдается, поговорить есть о чем. А предмет нашей беседы временно отдадим под охрану. Господин Силифант!

– Только стерегите ее как следует. – Бонарт вручил Силифанту конец цепи. – Как зеницу ока.

Веда держалась в сторонке. Нет, конечно, ей хотелось присмотреться к девушке, о которой так много разговоров шло в последнее время, но она чувствовала странное нежелание лезть в толпу, окружающую Харшейма и Силифанта, которые вели загадочную пленницу к столбу на майдане.

Все пытались пробиться поближе, разглядывали девушку, пробовали даже пощупать, толкнуть, дернуть. Она шла с трудом, немного прихрамывая, но голову держала высоко. «Он ее бил, – подумала Веда. – Но не сломил…»

– Значицца энто и есть та самая Фалька…

– Едва-едва из девчонок вылезла…

– Девчонка! Тьфу! Резака!

– Шестерых парней, говорят, рубанула, зверюга, на арене в Клармоне…

– А сколькерых еще ране-то! Дьяволица!

– Волчица!

– А кобыла, гляньте, какова кобыла-то? Чудных кровей лошадь… А вона, при Бонартовых-то тебеньках какой меч. Хо… Чудо чудное!

– Прекратить! – буркнул Дакре Силифант. – Не прикасаться! Куда ты со своими лапами в чужое добро? Девушку тоже не трогать, не щупать, не оскорблять и не клеветать! Побольше уважения. Неизвестно, может, еще будем ее на рассвете казнить. Так пусть хоть до того времени в мире побудет.

– Ежели девке на смерть идтить, – ощерился Киприан Фрипп Младший, – то, может, остаток жизни-то ей маленько усладить и отодрать как следовает? Взять на сенцо и прочистить?

– Ну! – загрохотал Каберник Турент. – А чего, можно бы! Спросим Филина, нельзя ль…

– Говорю вам, нельзя! – отрезал Дакре. – У вас только одно на уме, трахательники дурные! Сказал же, оставить девушку в покое. Андрес, Стигварт, а ну, станьте-ка с ней рядышком. И глаз не спускать, ни на шаг не отходить. А тех, что полезут, палкой!

– Ого! – сказал Фрипп. – Ну, нет так нет, нам все едино. Айда, парни, к скирдам, к местным, они там барана и поросенка запекают. Ведь нонче Равноночие, Эквинокций, праздник, стало быть. Пока господа советываются, мы могем повеселиться.

– Пошли! Достань-ка, Деде, какой-нито кувшинок из переметов. Выпьем. Можно, господин Силифант? Господин

Харшейм? Праздник ноне, да и без того никуда не поедем на ночь-то глядя.

– Тоже мне – толковая мысль, – поморщился Силифант. – Выпивки у них одни в головах да трахты! А кто тут останется, чтобы помогать девку стеречь и к господину Стефану бечь, ежели что?

– Я останусь, – вызвался Нератин Цека.

– И я, – поддержала Веда.

Дакре Силифант внимательно взглянул на них. Потом махнул рукой. Оставайтесь, мол. Фрипп и компания поблагодарили нестройным ревом.

– Но смотреть в оба, повнимательнее быть на том празднике, – предупредил Оль Харшейм. – Девок не лапать, как бы еще кого мужики вилами в промежность не ткнули!

– Хе! Идешь с нами, Хлоя? А ты, Веда? Не надумала?

– Нет. Остаюсь.

– Они оставили меня у столба на цепи, со связанными руками. Охраняли двое. А двое стоявших поодаль непрерывно зыркали, наблюдали. Высокая и интересная женщина и мужчина с какой-то вроде бы женственной внешностью и движениями. Странный такой.

Кот, сидевший на середине комнаты, широко зевнул, заскучав, потому что замученная мышь перестала его забавлять. Высогота молчал.

– Бонарт, Риенс и Скеллен-Филин продолжали совещаться в светлице. Я не знала о чем. Ждать могла самого худшего, но мне было как-то все равно. Ну, еще одна арена? Или просто убьют? А, да не все ль равно, лишь бы поскорее кончилось.

Высогота молчал.

Бонарт вздохнул.

– Не гляди волком, Скеллен, – повторил он. – Я просто хотел заработать. Мне, понимаешь, на отдых пора. На заслуженный. На веранде посидеть, на голубочков поглядеть. Ты давал мне за Крысиху сто флоренов и обязательно хотел получить мертвой. Меня это озадачило. Сколько же эта девица может стоить в натуре? – подумал я. И сообразил, что если ее продать или отдать, то она наверняка будет не такой ценной, как если попридержать. Древний закон экономии и торговли. Такой товар, как она, постоянно растет в цене. Можно и поторговаться.

Филин сморщил нос, словно неподалеку что-то завоняло.

– А ты откровенен, Бонарт, до боли. Но переходи к делу. К пояснениям. Ты убегаешь с девчонкой через весь Эббинг и вдруг

появляешься и растолковываешь нам принципы экономики. Объясни, что случилось?

– А что тут объяснять, – льстиво усмехнулся Риенс. – Господин Бонарт просто наконец-то понял, кто такая в действительности эта девка. И чего стоит.

Скеллен не удостоил его взглядом. Он смотрел на Бонарта, в его рыбьи, ничего не выражающие глаза.

– И эту драгоценную девицу, – процедил он сквозь зубы, – эту ценнейшую добычу, которая может обеспечить ему приличную старость, он выталкивает в Клармоне на арену и заставляет драться не на жизнь, а на смерть. Рискует ее жизнью, хотя, по его мнению, живая она так много стоит. Как это понимать, Бонарт? Что-то у меня тут не вытанцовывается.

– Если б она погибла на арене, – Бонарт не опускал глаз, – это означало бы, что она вообще ничего не стоит.

– Понимаю. – Филин слегка насупился. – Но вместо того чтобы отвезти девку на очередную арену, ты привез ее ко мне. Почему, позволь спросить?

– Повторяю, – поморщился Риенс, – он понял, кто она такая.

– Прыткий вы типчик, господин Риенс. – Бонарт потянулся так, что хрустнули суставы. – Угадали. Да, правда, с этой выученной в Каэр Морхене ведьмачкой была связана еще одна загадка. В Гесо, во время нападения на благородную девицу, девка распустила язычок. Мол, она такая важная, знатная и титулованная, что баронесса перед ней – чепуховина и кукиш с маслом и вообще пониже кланяться должна. Получалось, подумал я, Фалька – самое меньшее – графиня. Интересно. Ведьмачка – раз. Часто мы встречаем ведьмачек? В банде Крыс состоит – два. Имперский коронер собственной персоной гоняется за ней от Кората до Эббинга, приказывая прикончить, – три. А ко всему тому… дворянка вроде бы высокого рода. Ну, думаю, надо будет девку наконец спросить, кто же она в действительности такая.

Он на минуту замолчал.

– Ну, вначале, – он вытер нос манжетом, – она говорить не хотела. Хоть я и просил. Рукой, ногой, кнутом просил. Калечить не хотел… Но надо ж было так случиться, что рядом оказался цирюльник. С прибором для вырывания зубов. Привязал я ее к стулу…

Скеллен громко сглотнул. Риенс усмехнулся. Бонарт осмотрел манжет.

– Все сказала, прежде чем… Как только увидела инструменты. Ну, клещи зубные, козиножки. Сразу разговорчивой стала. Оказалось, что это…

– Княжна Цинтры, – сказал Риенс, глядя на Филина. –

Наследница престола. Кандидатка в жены императору Эмгыру.

– Чего господин Скеллен сказать мне не соизволил, – поморщился охотник за наградами. – А поручил просто пришить. Несколько раз повторил: убить на месте, и безжалостно! Как же так, господин Скеллен? Убить королевну? Будущую супругу вашего императора? С которой, если верить слухам, император того и гляди пойдет под венец, после чего будет объявлена крупная амнистия.

Произнося свою речь, Бонарт сверлил Скеллена взглядом. Но имперский коронер глаз не опустил.

– М-да, – продолжал охотник. – Вот и получается весьма неприятная история. И тогда, хоть и не без сожаления, но от своих планов в отношении ведьмачки я отказался. Привез эту «весьма неприятную историю» сюда, к вам, господин Скеллен. Чтобы поболтать, значит, договориться… Потому как этих неприятностей вроде бы многовато для одного Бонарта…

– Очень верный вывод, – скрипуче проговорил кто-то из-за пазухи Риенса. – Весьма, весьма верный вывод, господин Бонарт. То, что вы, господа, поймали, чуточку многовато для вас обоих. К вашему счастью, у вас есть еще я.

– Это что такое? – вскочил Скеллен со стула. – Что это такое, черт вас побери?

– Мой мэтр, чародей Вильгефорц. – Риенс вынул из-за пазухи малюсенькую серебряную коробочку. – Точнее говоря, голос моего мэтра. Идущий из этого вот приспособления, именуемого ксеноглозом.

– Приветствую всех присутствующих, – проговорила коробочка. – Сожалею, что могу вас только слышать, но осуществить телепроекцию либо телепортацию не позволяют мне срочные дела.

– Этого, хрен с маслом, еще не хватало, – проворчал Филин. – Но можно было догадаться. Риенс слишком глуп, чтобы действовать в одиночку и по своему разумению. Можно было догадаться, что ты все время таишься где-то во мраке, Вильгефорц. Как старый, ожиревший паук, прячешься в темноте, поджидая, когда дрогнет паутинка.

– Ах, какое образное сравнение!

Скеллен фыркнул.

– И не вешай нам лапшу на уши, Вильгефорц. Ты пользуешься Риенсом и его шкатулкой не из-за навала занятий, а из страха перед армией чародеев, твоих былых дружков по Капитулу, сканирующих весь мир в поисках следов магии с твоим алгоритмом. Если б ты попытался телепортироваться, они б тебя засекли мгновенно.

– Ах, какие поразительные знания!

– Мы не были представлены друг другу. – Бонарт достаточно театрально склонился перед серебряной коробочкой. – Но получается, что по вашему поручению и получив от вас соответствующие полномочия, господин чернокнижник милсдарь Риенс обещает девушке мученичество? Я не ошибаюсь? Даю слово, эта девица с каждой секундой становится все значительнее. Оказывается, она потребна всем.

– Мы не были представлены, – сказал из коробочки Вильгефорц, – но я знаю вас, Бонарт, Лео Бонарт, и вы удивитесь, насколько хорошо. А девушка действительно важна. Как ни говори, она – Львенок из Цинтры, Старшая Кровь. В соответствии с предсказаниями Итлины ее потомкам предстоит править миром.

– Поэтому она вам так нужна?

– Мне нужна только ее плацента, детское место. Когда я извлеку из нее детское место, остальное можете взять себе. Что это я там слышу? Какое-то ворчание? Какие-то отвратительные вздохи и сопение? Чьи? Уж не ваши ли, Бонарт, человека, который ежедневно изуверски истязает девушку и физически, и психически? Или Стефана Скеллена, который по приказу предателей и заговорщиков собирается девушку убить? Э?

«Я подслушивала их, – вспоминала Веда, лежа на нарах с подложенными под голову руками. – Стояла за углом и чуяла. И волосы у меня шевелились. На всем теле. Наконец-то я поняла, в какое дерьмо вляпалась».

– Да, да, – донеслось из ксеноглоза, – ты предал своего императора, Скеллен. Не колеблясь, при первой же возможности.

Филин пренебрежительно фыркнул.

– Получить обвинения в предательстве из уст такого суперпредателя, как ты, Вильгефорц, воистину что-то да значит. Я почувствовал бы себя польщенным, если бы от твоих слов не несло базарной хохмой.

– Я не обвиняю тебя в предательстве, Скеллен, я смеюсь над твоей наивностью и неспособностью предавать. Ради кого ты предаешь своего хозяина? Ради Ардаля аэп Даги и де Ветта, князей с оскорбленной болезненной гордостью, обиженных тем, что их дочерей император отверг, намереваясь жениться на цинтрийке. А они-то рассчитывали на то, что именно с их родов начнется новая династия, что именно их роды станут в Империи первыми, быстро подымутся даже выше трона. Эмгыр одним мановением руки лишил их этих надежд, и тогда они решили изменить ход истории. К вооруженному восстанию они еще не

готовы, но ведь можно умертвить девушку, которую Эмгыр предпочел их чадам. Собственные аристократические ручки, естественно, пачкать не хочется, и они находят наемного убийцу, Стефана Скеллена, страдающего избытком амбиций. Как это было, Скеллен? Не поведаешь ли?

– Зачем?! – крикнул Филин. – И кому? Ты, как всегда, знаешь все, великий маг! Риенс, как всегда, не знает ничего, так оно и должно остаться, а Бонарта это не интересует…

– А тебе, как я уже сказал, похвастаться нечем. Князья подкупили тебя обещаниями, но ты, как ни говори, достаточно умен, чтобы не понимать, что тебе с князьками не по пути. Сегодня ты им нужен как орудие уничтожения цинтрийки, завтра они отделаются от тебя, потому что ты – низкорожденный парвеню. Тебе в новой империи пообещали должность Ваттье де Ридо? Да ты, пожалуй, и сам в это не веришь, Скеллен. Ваттье им нужнее, потому что перевороты переворотами, но секретные службы остаются. Твоими руками они хотят только убивать, Ваттье же им потребен, чтобы овладеть аппаратом государственной безопасности и сыска. Кроме того, Ваттье – виконт, а ты никто.

– Действительно, – надул губы Филин. – Я чересчур разумен, чтобы не заметить этого, следовательно, сейчас я должен, в свою очередь, предать Ардаля аэп Даги и присоединиться к тебе, Вильгефорц? На это ты намекаешь? Но я не флюгер-петушок на башне! Если я поддерживаю идею революции, то по убеждению и идеологии. Необходимо кончать с самодержавной тиранией, ввести конституционную монархию, а после нее – демократию…

– Что?!

– Власть народа. Систему, в которой править будет народ. Все граждане всех сословий и состояний через избранных в честных выборах наиболее достойных и наиболее порядочных представителей…

Риенс расхохотался. Дико засмеялся Бонарт. Искренне, хоть и немного со скрипом засмеялся из ксеноглоза чародей Вильгефорц. Все трое долго хохотали, горохом рассыпая слезы.

– Хорошо, – прервал веселье Бонарт. – Мы тут не на кукольное представление пришли, а на торг. Девушка пока что не входит в число порядочных граждан всех сословий, а принадлежит мне. Но я могу ее уступить. Что можете предложить, господин чародей?

– Власть над миром тебя устроит?

– Нет.

– Значит, могу предложить, – медленно проговорил Вильгефорц, – присутствовать при том, что я буду делать с

девушкой. Сможешь посмотреть. Я знаю, такие спектакли ты предпочитаешь всем другим удовольствиям.

Глаза Бонарта полыхнули белым пламенем. Но он был спокоен.

– А если конкретнее?

– А если конкретнее: я готов выплатить тебе твою двадцатикратную ставку. Две тысячи флоренов. Поразмысли, Бонарт, это ведь мешок денег, которого ты не поднимешь, понадобится вьючный мул. Тебе этого хватит на «заслуженный отдых», веранду, голубков и даже на водку и девок, если сохранишь разумную умеренность.

– Согласен, господин магик, – внешне беззаботно рассмеялся охотник. – Этой водкой и девками вы поразили меня прямо-таки в сердце. Что ж, докончим торг. Но на предложенную обсервацию я б тоже согласился. Правда, предпочитал бы видеть, как она подыхает на арене, но и на вашу работу ножичком тоже охотно кину взгляд. Добавьте в виде довеска.

– Уговор – железо.

– Быстренько у вас пошло, – терпко оценил Филин. – И верно, Вильгефорц, быстро и гладко заключили вы с Бонартом союз. Союз, который, однако, есть и будет *societas leonina.*[30] А вы ни о чем, случайно, не забыли? Светлицу, в которой сидите вы и цинтрийка, коей торгуете, окружают два десятка вооруженных людей. Моих людей, заметьте.

– Дорогой коронер Скеллен, – прозвучал из коробочки голос Вильгефорца. – Вы оскорбляете меня, думая, будто при обмене я намерен вас обидеть. Совсем наоборот. Я намерен быть невероятно щедрым. Правда, не смогу обеспечить вам достижения той, как вы изволили выразиться, демократии, но гарантирую материальную помощь, логистическую поддержку и доступ к информации, благодаря чему вы перестанете быть для заговорщиков оружием и халявщиком, а станете партнером. Таким, с личностью и мнением которого будет считаться князь Йоахимм де Ветт, герцог Ардаль аэп Даги, граф Бруанне, граф д'Арви и остальные заговорщики голубой крови. И что с того, что это *societas leonina?* Разумеется, если добычей оказывается Цирилла, то львиную долю добычи получу я, как мне, кстати, кажется, законно. И тебя это так трогает? Ведь и у тебя выгоды будут немалые. Если отдашь мне цинтрийку, считай, что место Ваттье де Ридо у тебя в кармане. А став шефом секретных служб, Стефан Скеллен, можно реализовать любые, даже самые бредовые идеи, к примеру, демократию и честные выборы. Так что, видишь, одна тощая пятнадцатилетняя девчонка обеспечивает тебе исполнение жизненной мечты и амбиций. Ты это видишь?

Видишь, а?

– Нет, – покрутил головой Филин. – Исключительно слышу.

– Риенс.

– Да, мэтр?

– Покажи господину Скеллену образец качества нашей информации. Скажи, что выжал из Ваттье.

– В этом отряде, – сказал Риенс, – есть подсадная утка.

– Что?!

– То, что слышишь. У Ваттье де Ридо здесь есть свой человек. Он знает обо всем, что ты делаешь, знает, зачем делаешь, и знает, для кого делаешь. Ваттье ввернул к вам своего агента.

Он подошел тихо, так, что она почти не слышала.

– Веда.

– Нератин.

– Ты чуяла мои мысли. Там, в светлице. Ты знаешь, о чем я думал. Значит, знаешь, кто я.

– Послушай, Нератин…

– Нет, послушай ты, Жоанна Сельборн. Стефан Скеллен предает страну и императора. Он – заговорщик. Все, кто его держится, кончат на эшафоте. Их станут разрывать лошадьми на площади Тысячелетия.

– Я ничего не знаю, Нератин. Я исполняю приказы… Чего ты от меня хочешь? Я служу коронеру… А кому служишь ты?

– Императору… Господину де Ридо.

– Повторяю: чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты проявила разумность.

– Отойди. Я не выдам тебя, не скажу… Но отойди, пожалуйста. Я не могу, Нератин. Я – простая женщина. Не для моего все это ума.

«Не знаю, что делать. Скеллен называет меня „госпожа Сельборн“. Как офицера. Кому я служу? Ему? Императору? Империи? Откуда мне знать».

Веда оттолкнулась спиной от угла домика, прутиком и грозным ворчанием отогнала деревенских ребятишек, с любопытством рассматривавших сидящую у столба Фальку.

«Ох, в хорошую заварушку я попала. Ох, запахло в воздухе веревкой. И конским навозом на площади Тысячелетия.

Не знаю, чем это кончится, – подумала Веда. – Но я должна в нее войти. В эту Фальку. Хочу на минутку почувствовать ее мысли. Знать то, что знает она.

Понять».

– Она подошла, – сказала Цири, поглаживая кота. – Высокая, опрятная, сильно отличающаяся от всей остальной шпани… На свой лад даже красивая. И вызывающая уважение. Те двое, что меня стерегли, вульгарные простолюдины, перестали ругаться, когда она подошла.

Высогота молчал.

– А она, – продолжала Цири, – наклонилась, заглянула мне в глаза. Я сразу что-то почувствовала. Что-то странное. У меня что-то вроде бы хрустнуло в затылке, заболело. Зашумело в ушах. В глазах сделалось на мгновение очень светло… Что-то в меня проникло, отвратительное и скользкое… Я это знала. Йеннифэр показывала мне в храме… Но этой женщине я не хотела позволить… Поэтому просто отторгла то, чем она меня изучала, оттолкнула и выбросила из себя изо всей силы, на какую была способна. А высокая женщина изогнулась и покачнулась, словно получила удар кулаком, сделала два шага назад… И кровь потекла у нее из носа. Из обеих ноздрей.

Высогота молчал.

– А я, – Цири подняла голову, – поняла, что произошло. Я вдруг почувствовала в себе Силу, которую потеряла там, в пустыне Корат. Отреклась от нее. Не могла потом черпать, не могла пользоваться. А она, эта женщина, дала мне Силу, прямо-таки вложила оружие в руку. Это был мой шанс.

Веда отшатнулась и тяжело опустилась на песок, покачиваясь и ощупывая почву около себя, словно пьяная. Кровь текла у нее из носа на губы и подбородок.

– В чем дело?.. – Андрес Верный вскочил, но тут же обеими руками схватился за голову, раскрыл рот, из горла у него вырвался хрип. Широко раскрытыми глазами он глядел на Стигварда, но из носа и ушей пирата тоже проступала кровь, а глаза заволакивал туман. Андрес упал на колени, глядя на Нератина Цеку, стоявшего сбоку и спокойно глядевшего на них.

– Нера… тин… Помоги…

Цека не пошевелился. Он смотрел на девушку. Она повернула голову, и он покачнулся.

– Не надо. Я на твоей стороне, – быстро предупредил он. – Я хочу тебе помочь. Давай я перережу веревки… На, возьми нож, ошейник разрежешь сама. Я приведу коней.

– Цека… – с трудом выдавил Андрес Верный. – Ах ты, предатель…

Девушка ударила его взглядом, он упал на лежащего неподвижно Стигварда и скрючился, словно плод в лоне матери. Веда все еще не могла подняться. Кровь густыми каплями падала

на грудь и живот.

– Тревога! – крикнула вдруг появившаяся из-за домов Хлоя Штиц, упуская из руки баранье ребро. – Тре-е-е-евога!.. Силифант! Скеллен! Девчонка сбегает!

Цири уже была в седле. В руке – меч.

– Йа-а-а-а-а, Кэльпи! Йа-а-а-а-а!!!

Веда скребла пальцами песок. Встать не могла. Ноги не слушались, были словно деревянные. «Псионичка, – подумала она. – Я налетела на суперпсионичку. Девушка в десятки раз сильнее меня… Хорошо, что не убила… Каким чудом я все еще не потеряла сознания?»

От домов уже бежали люди, в голове – Оль Харшейм, Берт Бригден и Тиль Эхрад. Спешили на майдан также и стражники от ворот, Дакре Силифант, Бореас Мун. Цири развернулась, взвизгнула, помчалась галопом к реке. Но и оттуда уже бежали вооруженные люди.

Скеллен и Бонарт выскочили из светлицы. У Бонарта в руке был меч. Нератин Цека крикнул, налетел на них конем и повалил обоих. Потом прямо с седла кинулся на Бонарта и прижал его к земле. Риенс выскочил на порог и глядел на все это дурными глазами.

– Хватайте ее! – рявкнул Скеллен, поднимаясь с земли. – Хватайте или убейте!

– Живую! – взвыл Риенс. – Живу-у-у-ю!

Веда видела, как Цири оттеснили от частокола, идущего вдоль реки, как она развернула вороную кобылу и помчалась к воротам. Видела, как Каберник Турент подпрыгнул и хотел стащить ее с седла, видела, как сверкнул меч, видела, как из шеи Турента вырвалась карминовая струя. Деде Варгас и Фрипп Младший видели это тоже и, не решившись загородить девушке дорогу, скрылись за домами.

Бонарт вскочил, эфесом меча оттолкнул от себя Нератина Цека и рубанул страшно, наискось через грудь. И тут же прыгнул вслед за Цири. Разрубленный и истекающий кровью Нератин еще сумел схватить его за ноги и отпустил только тогда, когда Бонарт пригвоздил его острием меча к земле. Но этих нескольких мгновений было достаточно.

Девушка толкнула кобылу, уходя от Силифанта и Муна. Скеллен, наклонившись словно волк, забежал слева, махнул рукой. Веда видела, как что-то блеснуло в полете, видела, как девушка дернулась и покачнулась в седле, а из ее лица фонтаном хлестнула кровь. Она отклонилась назад так, что минуту почти лежала спиной на крупе кобылы. Но не упала, выпрямилась, удержалась в седле, прижалась к лошадиной шее. Вороная кобыла

раскидала вооруженных людей по сторонам и мчалась прямо на ворота. За ней бежали Мун, Силифант и Хлоя Штиц с арбалетом.

– Не перескочит! Она наша! – торжествующе крикнул Мун. – Семь футов не возьмет ни один конь!

– Не стреляй, Хлоя!

Хлоя Штиц не расслышала в общем гуле. Остановилась. Приложила самострел к щеке. Все знали, что Хлоя никогда не мажет.

– Труп! – крикнула она. – Труп!

Веда видела, как незнакомый ей по имени невысокий мужчина подбежал, поднял свой арбалет и выстрелил Хлое в спину. Бельт прошел навылет, исторгнув из спины женщины фонтан крови. Хлоя упала, не издав ни звука.

Вороная кобыла домчалась до ворот, чуть отвела назад голову, прыгнула, взметнулась над воротами, красиво подогнув передние ноги, перелетела через них как черная шелковая лента! Поджатые задние копыта даже не лизнули верхней перекладины.

– О боги! – возопил Дакре Силифант. – Боги, что за лошадь! Она стоит золота по своему весу!

– Кобыла тому, кто ее поймает! – крикнул Скеллен. – По коням! По коням и за ней!

Через открытые наконец ворота карьером рванулась погоня, взбивая пыль. Впереди всех, в голове, неслись Бонарт и Бореас Мун.

Веда с трудом приподнялась, тут же покачнулась и снова тяжело опустилась на землю. По ногам болезненно бегали мурашки.

Каберник Турент не двигался, лежа в красной луже, широко раскинув руки и ноги. Андрес Верный пытался поднять все еще валющегося в обмороке Стигварда.

Скорчившаяся на песке Хлоя Штиц казалась маленькой, как ребенок.

Оль Харшейм и Берт Бригден приволокли к Скеллену невысокого мужчину, убившего Хлою. Филин тяжело дышал и прямо-таки дрожал от ярости. Из перевешенной через грудь бандольеры вынул вторую стальную звезду, такую же, какой только что ранил в лицо девушку.

– Чтоб тебя ад поглотил, Скеллен, – сказал невысокий мужчина.

Веда вспомнила, как его зовут. Мекессер. Йедия Мекессер, геммериец. Она узнала его еще в Рокаине.

Филин сгорбился, резко махнул рукой. Шестиконечная звезда взвыла в воздухе и глубоко врезалась в лицо Мекессера между глазом и носом. Мекессер даже не крикнул, только начал сильно

и спазматически дергаться в руках Харшейма и Бригдена. Дергался он долго, а зубы выставил так по-звериному, что все отвернулись. Все, кроме Филина.

– Вырви из него мой орион, Оль, – приказал Стефан Скеллен, когда наконец труп бессильно повис в державших его руках. – И закопайте эту падаль вместе с той другой падлой, с тем гермафродитом. Чтобы следа от паршивых предателей не осталось.

Неожиданно завыл ветер, налетели тучи, и сразу стало темно.

* * *

Часовые перекликались на стенах цитадели, храпели дуэтом сестры Скарра, Петюх громко отливал в пустую парашу.

Веда натянула одеяло под подбородок. Вспоминала.

«Они не догнали девушку. Она исчезла. Просто-напросто исчезла.

Бореас Мун – невероятно! – потерял след вороной кобылы через каких-то три мили. Неожиданно, без предупреждения, сделалось темно, вихрь пригнул деревья почти до земли. Хлынул дождь, загремел гром, засверкали молнии.

Бонарт не успокоился. Вернулся в Говорог. Орали друг на друга все: Бонарт, Филин, Риенс и тот четвертый, загадочный, нечеловеческий, скрипящий голос. Потом подняли на седла всю ганзу, кроме тех, которые вроде меня не в состоянии были ехать. Созвали кметов с факелами, помчались в леса. Вернулись поутру.

Ни с чем. Если не считать ярости, горевшей в глазах.

Разговоры, – вспоминала Веда, – начались лишь через несколько дней. Вначале все слишком боялись Филина и Бонарта, которые так бесились, что лучше было не попадаться им на глаза. За какое-то неловкое словцо даже Берт Бригден, офицер, получил рукоятью нагайки по лбу.

Но потом разговоры пошли о том, что творилось во время погони. О маленьком соломенном единороге из часовенки, который вдруг вырос до размеров дракона и напугал коней так, что седоки свалились с седел, чудом не переломав шеи. О мчащейся по небу кавалькаде огненноглазых призраков на конских скелетах, которых вел страшенный король-скелет, приказывавший своим слугам-упырям затирать следы копыт черной кобылы рваными плащами. Об ужасном хоре козодоев, орущих «Лиик'йорр, лиик'йоор из крови». О наводящем ужас вое призрачной беанн'ши, вестницы смерти.

Ветер, дождь, тучи, кусты и деревья фантастических форм,

вдобавок страх, у которого глаза велики, разъяснял Бореас Мун, побывавший там лично. Вот и все объяснение. А козодои? Ну что, козодои как козодои, эти, добавлял он, завсегда кричат.

А тропа, следы копыт, которые вдруг исчезают, словно лошадь в небеса улетела?

Лицо Борееаса Муна, следопыта, умеющего выследить рыбу в воде, при таком вопросе становилось унылым. Ветер, отвечал он, ветер засыпал следы песком и листьями. Другого объяснения нет.

Некоторые даже верили, – вспоминала Веда, – некоторые даже поверили, что все это были естественные явления либо миражи. И даже смеялись над ними.

Но смеяться перестали. После Дун Дара. После Дун Дара уже не смеялся никто».

Когда он ее увидел, то невольно попятился, втянув воздух.

Она смешала гусиный смалец с печной сажей и получившейся густой краской зачернила глазные впадины и веки, растянув их длинными линиями до самых ушей и висков.

Выглядела она не хуже дьявола.

– От четвертого островка на высокий лес, самым краем, – повторил он. – Потом вдоль реки до трех усохших деревьев, от них грабами по болоту напрямик на запад. Как появятся сосны, поезжай краем и считай просеки. Свернешь в девятую и потом уж не сворачивай никуда. Потом будет поселок Дун Дар, с его северной стороны – выселки. Несколько халуп. А за ними, на развилке, корчма.

– Запомнила. Не беспокойся.

– Особенно осторожной будь на излучинах реки. Остерегайся мест, где камыши реже. Мест, поросших горецом. А если все-таки еще до сосняка тебя застанут сумерки, остановись и пережди до утра. Ни в коем случае не езди по болотам ночью. Уже почти новолуние, к тому же тучи…

– Знаю.

– Теперь относительно Страны Озер… Направляйся на север через горы. Избегай главных трактов, там всегда полно солдат. Когда доберешься до реки, большой реки, которая называется Сильта, – это будет больше половины пути.

– Знаю. У меня есть карта, которую ты начертил.

– Ах да, конечно.

Цири в который раз проверила упряжь и вьюки. Механически. Не зная, что сказать. Оттягивая то, что наконец сказать следовало.

– Мне приятно было принимать тебя здесь, – опередил он. – Серьезно. Прощай, ведьмачка.

– Прощай, отшельник. Благодарю тебя за все.

Она уже была в седле, уже приготовилась тронуть Кэльпи, когда он подошел и схватил ее за руку.

– Цири, останься, пережди зиму…

– К озеру я доберусь до морозов. А потом, если все будет так, как ты сказал, то уже ни тракты, ни морозы не будут иметь значения. Я возвращусь телепортом на Танедд. В школу в Аретузе. К госпоже Рите… Как давно это было, Высогота. Как давно…

– Башня Ласточки – легенда. По мне, это всего лишь легенда.

– Я тоже всего лишь легенда, – сказала она с горечью. – С рождения. Zireael, Ласточка, дитя-неожиданность. Избранница. Дитя Предназначения. Дитя Старшей Крови. Я еду, Высогота. Будь здоров.

– Будь здорова, Цири.

Корчма на развилке за выселками была пуста. Киприан Фрипп Младший и три его дружка запретили входить местным жителям и прогоняли приезжих. А сами пиршествовали и пили целыми днями напролет, высиживая в мрачном кабаке, смердящем так, как обычно смердит корчма зимой, когда не отворяют ни окон, ни дверей, – кошками, мышами, потом, онучами, сосняком, жиром, чем-то горелым и мокрой сохнущей одеждой.

– Собачья доля, – повторил, пожалуй, в сотый раз Юз Йанновиц, геммериец, махнув рукой прислуживавшим девкам, чтобы те принесли водки. – Чтоб перекрутило этого Филю! В такой паршивой дыре заставил портки просиживать! Уж лучше б по лесам с патрулями ездить!

– Дурак, – ответствовал Деде Варгас. – На дворе чертовский зяб. Нет, уж лучше в тепле. Да с девкой!

Он с размаху шлепнул девушку по ягодицам. Девушка пискнула, не очень убедительно и с явно видимым равнодушием. Правду сказать, глуповата была. Работа в корчме научила ее только тому, что, когда шлепают или щиплют, надобно пищать.

Киприан Фрипп и его компания взялись за обеих девок на другой же день по приезде. Корчмарь боялся слова молвить, а девки были не настолько резвы, чтобы думать о протестах. Жизнь уже успела научить их, что ежели девка протестует, то ее бьют. Потому разумней погодить, пока «желателям» наскучит.

– Энта Фалька, – притомившийся Риспат Ля Пуант завел очередной стандартный разговор поднадоевших вечерних бесед, – сгинула где-то в лесах, говорю вам. Я видал, как тогда ее Скеллен орионом в морду секанул, как из ее кровушка фонтаном рвалася! Из этого, говорю вам, она очухаться не могла!

– Филя промахнулся, – заявил Юз Йанновиц. – Едва скользнул орионом-то. Морду, верно, недурственно ей разделал, сам видел. А помешало это девке перескочить через ворота? А? Свалилась она с коня? А? Аккурат! А ворота я опосля измерил: семь футов и два дюйма, тютелька в тютельку. Ну и что? Прыгнула! Да еще как! Промеж седла и жопы лезвие ножа не воткнешь!

– Кровь из ее лилась как из ведра, – возразил Риспат Ля Пуант. – Ехала, говорю вам, ехала, а опосля свалилась и подохла в какой-нито яме, волки и птицы падаль сожрали, куницы докончили, а муравцы дочистили следы. Конец, *deireadh!* Стал-быть, мы тута, говорю вам, понапрасну портки просиживаем и денежки пропиваем. К тому ж лафы никакой не видать!

– Не могет так быть, чтобы опосля трупа ни следу, ни знаку не осталось, – убежденно проговорил Деде Варгас. – Завсегда чегой-то да остается: череп, таз, кость какая потолще. Риенс, тот чаровник, остатки Фалькины наконец отыщет. Вот тогда будет делу конец.

– И может, тогда нас в таки места погонют, что с любовию тепершнее безделье и паршивый этот хлев вспомним. – Киприан Фрипп Младший окинул утомленным взглядом стены корчмы, на которых знал уже каждый гвоздь и каждый подтек. – И эту водяру паскудную. И этих вона двух, от которых луком несет, а когда их прочищаешь, то лежат ровно телки, в потолок зыркают и в зубах ковыряют.

– Все лучше, чем скукотища эта, – проговорил Юз Йанновиц. – Выть хоцца! Давайте сотворим хоть чего-то! Что угодно! Деревню подпалим или еще чего сделаем?

Скрипнула дверь. Звук был такой необычный, что все четверо сорвались с мест.

– Вон! – зарычал Деде Варгас. – Выметайся отседова, дед! Попрошайка хренов! Вонючка! Пшел во двор! Ну!

– Оставь, – махнул рукой утомленный Фрипп. – Видишь, дудку вытягивает. Небось нищенствует, видать, старый солдат, что дудкой да пением по постоялым дворам промышляется. На дворе слякоть и зяб. Пусть посидит…

– Только подальше от нас. – Юз Йанновиц указал деду, где тому можно сесть. – Нито нас воши зажрут. Отседова видать, какие по ему быки ползают. Подумать можно – не воши, а черепахи.

– Дай ему, – скомандовал Фрипп Младший, – какой-нито жратвы, хозяин. А нам водяры!

Дед стащил с головы огромный валяный колпак и уважительно разогнал вокруг себя вонь.

– Благодарствуйте, благородники, – промямлил он. – Ноне ведь сочевник Саовины, праздник. В праздник негоже никого гонять, чтоб под дождем мок и мерз. В праздник годится почествовать…

– Верно, – хлопнул себя по лбу Риспат Ля Пуант. – И верно, ведь сочевник Саовины нынче! Конец октября!

– Ночь чар. – Дед отхлебнул принесенного ему жидкого супа. – Ночь духов и страхов!

– Ого! – сказал Юз Йанновиц. – Дедок-то, гляньте, сейчас нас тут нищенской повестью порадует!

– Пусть радует, – зевнул Деде Варгас. – Все лучше, чем нуда эта!

– Саовина, – повторил загрустевший Киприан Фрипп Младший. – Уж пять недель после Говорога. И две – как здесь сидим. Битых две недели! Саовина, ха!

– Ночь чудес. – Дед облизнул ложку, пальцами выбрал что-то со дна миски и сшамкал. – Ночь страхов и чар!

– Ну, не говорил я? – ощерился Юз Йанновиц. – Будет дедовская сказка!

Дед выпрямился, почесался и икнул.

– Сочевник Саовины, – начал он напыщенно, – последняя ночь перед ноябрьским новолунием, у эльфов – последняя ночь старого года. Когда новый день наступит, то это у эльфов уже новый год. И тут у эльфов есть обычай, чтоб в ночь Саовины все огни в доме и окрест от одной щепы смолистой зажечь, а остаток щепы спрятать как следует, аж до мая, и той же самою огонь Беллетэйна распалить, в новолуние. Тогда будет везенье и даренье. Так не токмо эльфы, но и такоже наши некоторые делают. Чтобы от духов злых ухраниться…

– Духов, – фыркнул Юз. – Послушайте только, что этот старпер болтает!

– Это ночь Саовины! – продолжал дед торжественным тоном. – В такую ночь духи ходят по земле! Души покойных стучат в окна, впустите нас, впустите. Тогда им надобно меду дать и каши и все это водкой окропить…

– Водкой-то я себе самому предпочитаю горло кропить, – захохотал Риспат Ля Пуант. – А твои духи, старик, могут меня вот сюда поцеловать!

– Ох, милсдарь, не шуткуйте над духами, мстивые они ибо! Сегодня сочевник Саовины, ночь страхов и чар. Наставьте уши, слышите, как вокруг шуршит и постукивает? Это мертвые приходят с того света, хотят вкрасться в дом, чтобы отогреться при огне и сыто поесть. Там, по голым полям и облысевшим лесам, гуляет ветер и заморозь. Заблудшие души зябнут, тянутся

к жилью, где тепло и огонь. Тут не след забыть им выставить еды в мисочке на порог или где на гумне, потому как если там мертвецы ничего не сыщут, то по полночи сами в халупу войдут, чтобы пошукать…

– О Господи, помилуй! – громко шепнула одна из девок и тут же пискнула, потому что Фрипп ущипнул ее в ягодицу.

– Недурная повестушка, – сказал он. – Но до совсем доброй ей далеко! Налей-ка, хозяин, старику кружку пивка теплого для сугреву! Может, добрую расскажет! Добрую повесть о духах, парни, вы по тому узнаете, что заслушавшихся девок можно как следует ущипнуть, они и не заметят!

Мужчины захохотали, послышался писк обеих девушек, на которых проверялось качество повествования. Дед отхлебнул теплого пива, громко шмыгая носом и отрыгиваясь.

– Гляди мне не упейся да не усни! – грозно предостерег Деде Варгас. – Не задаром тебя поим! Давай говори, пой, на дуде играй! Веселье должно быть.

Дед раскрыл рот, в котором одинокий зуб белел словно верстовой столб среди темной степи.

– Так это ж, милсдарь, Саовина! Какая тут музыка, какая игра? Не можно. Музыка для Саовины – это вон тот за окном ветер. Это оборотни воют и вомперы, мамуны стонут и стенают, гули зубами скрежещут! Беанн'ши скулит и кричит, а кто тот крик услышит, тому, это уж точно, скорая смерть писана. Все злые духи покидают свои укрытия, ведьмы летят на последний их предзимний шабаш! Саовина – ночь страхов, чудес и волшебства! В лес не ходить, потому как леший загрызет! Через жальник не ходить, потому как мертвяк уцепит! Вообще лучше из хаты не выходить, а для верности в порог вбить новый нож железный, над таковым зло переступить не осмелится. Бабам же надобно особливо детей стеречь, потому как в ночь Саовины дитятю может русалка либо слезливица скрасть, а обмерзлого найденыша подкинуть. А которая баба на сносях, та пусть лучше не выходит на двор, потому как ночница может плод в лоне попортить! Заместо ребенка родится упырь с железными зубами…

– О Господи!

– С железными зубами! Для почину матери грудь отгрызет. Потом руки. Лицо обгладывает… Ух, чтой-то я оголодал…

– Возьми кость, на ней еще осталось малость мяса. Старичкам много есть не здорово, запор может сделаться и – конец, ха-ха! А, хрен с ним, принеси ему еще пива, девка. Ну, старый, давай о духах еще!

– Саовина, милостивые государи мои, для упырей последняя ночь, чтобы посвоевольничать. Позже заморозь силы у них

отбирает, потому собираются оне в Бездне, под землей, откуда уж цельную зиму носа не кажут. Потому от Саовины и до февраля, до праздника Имбаэлк, до Почкования, значицца, самое лучшее время для походов в места волшебные, чтобы сокровищ там искать. Ежели в теплый час, для примеру, в негодяйщиковой могиле копаться, то выскочит оттедова негодяйщик разозленный и копальщика сожрет. А от Саовины до Имбаэлка – копай и греби, сколь сил достанет, негодяйщик, ровно старый медведь, крепко спит!

– Во наплел, старый хрыч!

– Правду я говорю, милсдарь. Да, да. Чародейская это ночь, Саовина, страшная, но одновременно и наилучшая для ворожбы и предвещаний всяких разных. В таку ночь гадать надо и по костям ворожить, и по руке, и по белому петуху, и по луковице, и по сыру, и по кроличьей требухе, и по дохлому нетопырю…

– Тьфу на тебя!

– Ночь Саовины – ночь страха и упырей… Лучше по домам сидеть. Всей родней… У огня…

– Всей родней, говоришь? – повторил Киприан Фрипп, неожиданно хищно ощерившись на дружков. – Всей, значит, родней, чуете? Вместе с той бабой, которая вот уж неделю от нас хитро по каким-то камышам кроется!

– Кузнечиха! – тут же сообразил Юз Йованновиц. – Златоволосая красотка! Ну у тебя башка, Фрипп! Сегодня можно ее в халупе придыбать! Ну, парни! Налетим на кузнечихин домишко?

– У-у-у, да хоть сейчас. – Деде Варгас крепко потянулся. – Прям как вот вас вижу кузнечиху эту, через деревню идущую, ейные сиськи подпрыгивающие, ейный задок вертлявый… Надо было ее тогда сразу брать, не ждать, да вот Дакре Силифант, дурной служака… Но нонче нет здеся Силифанта, а кузнечиха в хате! Ждет!

– Разделали мы уже в здешней дыре солтыса чеканом, – скривился Риспат. – Разделали хама, который ему на помощь пёр. Нам что, мертвяков мало? Кузнец и сын его – парни что твои дубы. Страхом их не возьмешь. Надо их будет…

– Покалечить, – спокойно докончил Фрипп. – Только малость покалечить, ничего боле. Кончайте пиво, собираемся и – в село. Устроим себе Саовину! Натянем кожухи шерстью наверх, рычать станем и орать, хамы подумают, это дьяволы либо кобольды.

– Ага. Затащим кузнечиху сюда, на квартеру, или позабавимся по-нашему, по-геммерски, у семейки на глазах?

– Одно другому не мешает. – Фрипп Младший выглянул в ночь сквозь оконную пленку. – Ну и вьюга зачалась, мать-

перемать! Аж тополя клонит!

– О-хо-хо! – вздохнул по-над кружкой старик. – Это не ветер, милостивцы, не вьюга это! Это чаровницы мчатся – одни верхом на метлах, другие в ступах, следы за собой метлами заметают. Не ведомо, когда такая человеку в лесу дорогу перекроет и от заду зайдет, не ведомо, когда нападет! А зубы-то у нее – во-о-она какие!

– Детишек тебе, дед, чаровницами пугать…

– Не скажите, господа, в недобрый час! Потому как я еще вам скажу, что самые страшные ведьмы – это ведьмовского сословия графини и княгини, о-хо-хо, так те не на метлах, не на кочергах, не в ступах ездиют! Эти галопируют на своих черных котах!

– Хе-хе, хе-хе!

– Истинно говорю! Потому как в сочевник Саовины, в эту единственную ночь в году, коты ведьмовы оборачиваются черными как смоль кобылами. И беда тому, кто в такую тьму тьмущую услышит стук копыт и увидит ведьму на вороной кобыле. Кто с такой ведьмой встренется, не избежит смерти. Завертит им ведьма как вьюга листьями, унесет на тот свет!

– Ладно. Когда вернемся – докончишь. Да получше чего-нибудь придумай и дудку наладь. Вернемся, будет тут гулянка! Будем плясати и девку кузнецову лапать… В чем дело, Риспат?

Риспат Ля Пуант, вышедший на двор облегчить пузырь, вернулся бегом, лицо у него было белее снега. Он бурно жестикулировал, указывая на дверь. Заговорить не успел, да и нужды в том не было. Во дворе громко заржал конь.

– Вороная кобыла, – проговорил Фрипп, чуть не прилепившись лицом к окну. – Та самая вороная кобыла. Это она.

– Чаровница?

– Фалька, дурень!

– Это ее дух! – Риспат резко втянул воздух. – Привидение! Она не могла выжить! Умерла и возвращается упырем. В ночь Саовины…

– Приидет ночью, как траур черной, – забормотал дед, прижимая к животу пустую кружку. – А кто с ней встренется, тому смерти не миновать…

– Оружие! Хватай оружие! – лихорадочно крикнул Фрипп. – Быстрее! Дверь обставить с обеих сторон! Не понимаете? Посчастливилось нам! Фалька не знает о нас, заехала обогреться, мороз и голод выгнали из укрытия! Прямиком нам в руки! Филин и Риенс золотом нас обсыпят! Хватайте оружие…

Скрипнула дверь.

Дед сгорбился над крышкой стола, прищурился. Он видел плохо. Глаза были старые, попорченные глаукомой и

хроническим воспалением спаек. К тому же в корчме было мрачно и дымно. Поэтому дед едва разглядел вошедшую в избу из сеней худенькую фигурку в курточке из ондатровых шкурок, капюшоне и шарфе, заслоняющих лицо. Однако слух у старика был хороший. Он слышал тихий вскрик одной из прислужниц, стук сабо другой, тихое ругательство корчмаря. Слышал скрип мечей в ножнах. И тихий, злобный голос Киприана Фриппа:

– Поймали мы тебя, Фалька! Небось не ожидала нас здесь увидеть?

– Ожидала, – услышал дед. И вздрогнул при звуке этого голоса.

Он увидел движение щуплой фигурки. И услышал вздох ужаса. Приглушенный крик одной из девок. Он не мог видеть, что девушка, которую назвали Фалькой, скинула капюшон и шарф. Не мог видеть чудовищно изуродованного лица. И глаз, обведенных краской из сажи и жира так, что они казались глазами демона.

– Я не Фалька, – сказала девушка. Дед снова увидел ее быстрое размазанное движение, увидел, как что-то огненно сверкнуло в свете каганков. – Я Цири из Каэр Морхена. Я – ведьмачка! Я пришла, чтобы убивать.

Дед, которому в жизни довелось быть свидетелем не одной пьяной драки, уже давно разработал прекрасный способ избежать повреждений: дал нырка под стол и крепко вцепился руками в ножки. Из такой позиции видеть, ясное дело, он ничего не мог. Да вовсе и не стремился. Он судорожно держался стола, а стол уже ездил по избе вместе с остальной мебелью в гуле, стуке, треске и скрежете, в топоте тяжело обутых ног, ругательствах, криках, ударах и звоне стали.

Одна из девок дико и непрерывно вопила.

Кто-то рухнул на стол, передвинув его вместе с уцепившимся за ножки дедом, и тут же свалился рядом с ним на пол. Дед заурчал, чувствуя, как на него хлынула горячая кровь. Деде Варгас, тот, что сначала хотел его вытурить – дед узнал его по латунным пуговицам на куртке, – жутко хрипел, рвался, разбрызгивал кровь, молотил вокруг себя руками. Один из беспорядочных ударов угодил деду в глаз. Дед уже совсем перестал видеть что-либо. Орущая девка захлебнулась, утихла, вздохнула и принялась вопить снова, правда, взяв более высокую тональность.

Кто-то с грохотом шмякнулся на пол, снова на свежевымытые сосновые доски хлынула кровь. Дед не разглядел, что теперь умирал Риспат Ля Пуант, которого Цири рубанула в шею. Он не видел, как Цири проделала пируэт перед самым носом Фриппа и Йанновица, как проскользнула сквозь их барьер словно тень,

словно серый дым. Йанновиц вывернулся за ней следом, быстрым, мягким, кошачьим разворотом. Он был прекрасным фехтовальщиком. Уверенно стоя на правой ноге, ударил длинной, протяжной прямой, метясь в лицо девушки, прямо в ее мерзкий шрам. Он должен был попасть.

И не попал.

Заслониться тоже не успел. Цири рубанула его из выпада, вблизи, обеими руками, через грудь и живот. И тут же отскочила, закружилась, уходя от удара Фриппа, хлестнула согнувшегося Йанновица по шее. Йанновиц врезался лбом в лавку. Фрипп перепрыгнул над лавкой и трупом, ударил с размаху, широко. Цири парировала укосом, крутанула полупируэт и коротко ткнула его в бок над бедром. Фрипп закачался, повалился на стол, пытаясь удержать равновесие, инстинктивно протянул вперед руку. Когда он уперся пятерней в крышку стола, Цири быстрым ударом обрубила ему кисть.

Фрипп поднял брызжущий кровью обрубок, сосредоточенно взглянул на него, потом посмотрел на лежащую на столе кисть. И вдруг упал – резко, с размаху сел задом на пол, совсем так, словно поскользнулся на мыле. Сидя он зарычал, а потом принялся выть диким, высоким, протяжным волчьим воем.

Скорчившийся под столом, залитый чужой кровью дед слышал, как несколько секунд тянулся этот жуткий дуэт – монотонно кричащая девка и дико воющий Фрипп.

Девка умолкла первой, закончив визг нечеловеческим, давящимся стоном. Фрипп просто утих.

– Мама… – неожиданно проговорил он совершенно четко и осознанно. – Мамочка… Как же так… Как же… Что со мной… случилось? Что… со мной?

– Ты умираешь, – ответила изувеченная девушка.

У деда остатки волос встали на голове дыбом. Чтобы сдержать крик, он прикусил единственным зубом рукав сермяги.

Киприан Фрипп Младший издал такой звук, будто что-то с трудом проглотил. Больше никаких звуков он уже не издавал. Никаких.

Стало совершенно тихо.

– Что ж ты сотворила… – прозвучал в тишине дрожащий голос корчмаря. – Что ж ты наделала, девушка…

– Я – ведьмачка. Я убиваю чудовищ.

– Нас повесят… Деревню и корчму спалят.

– Я убиваю чудовищ, – повторила она, и в ее голосе вдруг пробилось что-то вроде удивления. Как бы сомнения. Неуверенность.

Корчмарь застонал, заныл. И зарыдал.

Дед понемногу выкарабкался из-под стола, сторонясь трупа Деде Варгаса, его жутко разрубленного лица.

– На черной кобыле едешь… – пробормотал он. – Ночью, черной как траур… Следы за собой заметаешь…

Девушка повернулась, взглянула на него. Она уже успела обернуть лицо шарфом, а поверх шарфа глядели обведенные черными кругами глаза упырихи.

– Кто с тобой встренется, – пробормотал дед, – тот не избежит смерти… Ибо ты сама есть смерть.

Девушка смотрела на него. Долго. И довольно спокойно.

– Ты прав, – сказала она наконец.

Где-то на болотах, далеко, но значительно ближе, чем раньше, второй раз послышался плачущий вой беанн'ши.

Высогота лежал на полу, на который упал, слезая с постели. С удивлением обнаружил, что не может встать. Сердце колотилось, подскакивало к горлу, давило.

Он уже знал, чью смерть вещает ночной крик эльфьего призрака.

«Жизнь была прекрасна. Несмотря ни на что», – подумал он и прошептал:

– Боги… Я не верю в вас… Но если вы все-таки существуете…

Чудовищная боль неожиданно стиснула ему грудь. Где-то на трясинах, далеко, но еще ближе, чем до того, беанн'ши дико завыла в третий раз.

– Если вы существуете – сберегите ведьмачку на стезе ее…

– У меня большие глаза, чтобы тебя лучше видеть, – рявкнул железный волчище. – У меня огромные лапы, чтобы ими схватить тебя и обнять! Все у меня большое, все, сейчас ты в этом сама убедишься. Почему ты так странно смотришь на меня, маленькая девочка? Почему не отвечаешь?

Ведьмачка улыбнулась.

– А у меня для тебя сюрприз.

Флоуренс Деланной. «Сюрприз».

Из книги «Сказки и предания»

Глава одиннадцатая

Монахини стояли перед Верховной Жрицей неподвижно, напряженные как струна, немые, слегка побледневшие. Они были готовы в путь. Полностью собраны. Мужские серые дорожные одежды, теплые, но не связывающие движений кожушки, удобные эльфьи башмаки. Волосы острижены так, чтобы их легко было содержать в чистоте в лагерях и во время переходов. И чтобы они не мешали работать. Плотные маленькие узелки, в которых была только пища на дорогу и необходимые медицинские инструменты. Остальное им должна была дать армия. Армия, в которую они отправлялись.

Лица обеих девушек были спокойны. Внешне. Трисс Меригольд знала, что у обеих чуть-чуть дрожат руки и губы.

Ветер рванул голые ветви деревьев храмового парка, погнал по плитам двора пожухшие листья. Небо было темно-синим. Чувствовалось, что надвигается метель.

– Вы уже получили назначение? – прервала молчание Нэннеке.

– Я – нет, – ответила Эурнэйд. – Пока буду на зимней базе, в лагере под Вызимой. Вербовщик говорил, что весной там остановятся подразделения кондотьеров с Севера… Мне предстоит быть фельдшерицей в одном из отрядов.

– А я, – слабо улыбнулась Иоля Вторая, – уже получила. В полевую хирургию к господину Мило Вандербеку.

– Только не опозорьте меня. – Нэннеке окинула девушек грозным взглядом. – Не опозорьте меня, храм и имя Великой Мелитэле.

– Ни за что не опозорим, матушка.

– И следите за собой.

– Да, матушка.

– Ухаживая за ранеными, вы будете валиться с ног, не зная сна. Вы будете бояться, будете сомневаться, глядя на боль, и страдания, и смерть. А в таких случаях легко пристраститься к наркотику или возбуждающему снадобью. Будьте осторожнее с этим.

– Знаем, матушка.

– Война, страх, смерть и кровь, – Верховная Жрица сверлила обеих взглядом, – это страшное ослабление нравов, а для некоторых – чрезвычайно сильная афродизия. Сейчас вы не знаете и знать не можете, как это подействует на вас, девочки. Будьте осторожны. А в крайних случаях, когда уже ничего больше сделать будет нельзя, применяйте предохранительные средства.

Если все же, несмотря на это, одна из вас забеременеет, тогда сторонитесь знахарей и деревенских бабок! Поищите храм, а лучше всего – чародейку!

– Знаем, матушка.

– Это все. Теперь можете подойти под благословение.

Она поочередно возлагала им руки на голову, поочередно обнимала и целовала. Эурнэйд откровенно хлюпала носом. Иоля Вторая, как всегда, разревелась. Нэннеке, хоть и у нее самой чуть ярче, чем всегда, блестели глаза, фыркнула.

– Без сцен, без сцен, – сказала она, как могло показаться – гневно и резко. – Вы идете на самую обыкновенную войну. Оттуда возвращаются. Ну, забирайте вещички, и до встречи.

– До встречи, матушка.

Девушки быстро, не оглядываясь, шли к храмовым воротам, сопровождаемые взглядами Верховной Жрицы Нэннеке, чародейки Трисс Меригольд и писаря Ярре.

Юноша настойчиво покашливал, чтобы обратить на себя внимание.

– В чем дело? – покосилась на него Нэннеке.

– Им ты разрешила! – горько воскликнул Ярре. – Им, девушкам, разрешила завербоваться! А я? Почему мне нельзя? Мне что, продолжать за этими стенами корпеть над пересохшими пергаментами? Я не калека и не трус! Позор – сидеть в храме, когда даже девушки…

– Эти девушки, – прервала священнослужительница, – всю свою молодую жизнь обучались медицине, лечению и уходу за больными и ранеными. Они идут на войну не из патриотизма или жажды приключений, а потому, что там будет бесчисленное множество раненых и больных. Завал работы днем и ночью. Эурнэйд и Иоля Вторая, Мирра, Катье, Пруна, Дебора и другие девочки – вклад храма в эту войну. Храм как часть общества расплачивается с общественными долгами. Наш вклад – обученные специалистки. Это ты понимаешь, Ярре? Специалистки! Не мясо для резников!

– Все вступают в армию! Только трусы остаются дома!

– Глупости, Ярре, – резко сказала Трисс. – Ничего ты не понял.

– Я хочу на войну… – Голос юноши надломился. – Хочу спасать… Цири…

– Ну вот, извольте, – насмешливо проговорила Нэннеке. – Странствующий рыцарь рвется спасать даму своего сердца. На белом коне…

Она замолчала под взглядом чародейки.

– Впрочем, хватит об этом, Ярре, – бросила она на мальчика

гневный взгляд. – Я сказала – не позволю. Возвращайся к книгам. Учись. Твое будущее – наука. Пошли, Трисс. Не будем терять времени.

На разложенном перед алтарем куске полотна лежали костяной гребень, дешевенькое колечко, книжка в потрепанном переплете, стираный-перестираный голубой шарфик. Склонившись над этими предметами, стояла на коленях Иоля Первая, жрица-ясновидящая.

– Не спеши, Иоля, – предупредила стоящая рядом Нэннеке. – Концентрируйся понемногу. Нам ни к чему молниеносное пророчество, нам не нужна энигма, допускающая тысячи решений. Нам нужна картина. Четкая картина. Возьми ауру от этих предметов, они принадлежали Цири… Цири к ним прикасалась. Возьми ауру. Постепенно. Спешка нам ни к чему.

Снаружи буйствовала пурга. Крыши и двор храма быстро покрылись снегом. Был девятнадцатый день ноября. Полнолуние.

– Я готова, матушка, – сказала мелодичным голосом Иоля Первая.

– Начинай.

– Одну минутку. – Трисс Меригольд вскочила с лавки, словно ее подбросила пружина, скинула с плеч шубу из шиншиллы. – Минуточку, Нэннеке. Я хочу войти в транс вместе с нею.

– Это небезопасно.

– Знаю. Но я хочу видеть. Собственными глазами. Я обязана… Я люблю Цири, как младшую сестру. В Каэдвене она спасла мне жизнь, рискуя собственной… – Голос чародейки неожиданно надломился.

– Ну, совсем как Ярре, – покачала головой Верховная Жрица. – Мчаться на выручку, вслепую, очертя голову, не ведая, куда и зачем. Но Ярре – наивный мальчишка, а ты – зрелая и умная магичка. Ты должна знать, что своим погружением в транс ты Цири не поможешь. А себе можешь навредить.

– Я хочу войти в транс вместе с Иолей, – повторила Трисс, кусая губы. – Позволь мне, Нэннеке. Да и чем я рискую? Эпилептическим припадком? Даже если и так, ты ведь вытащишь меня из него.

– Ты рискуешь, – медленно проговорила Нэннеке, – увидеть то, чего видеть не должна.

«Холм, – с ужасом подумала Трисс, – Содденский холм. На котором я когда-то умерла. На котором меня похоронили и выбили мое имя на надгробном обелиске. Холм и могила, которые когда-нибудь напомнят обо мне.

Я знаю. Когда-то мне это уже показывали!»

– Я уже решила, – сказала она холодно и торжественно, выпрямляясь и обеими руками отбрасывая на спину свои роскошные волосы. – Начинаем.

Нэннеке опустилась на колени, оперлась лбом на сложенные вместе ладони.

– Начинаем, – сказала она тихо. – Приготовься, Иоля. Опустись рядом со мной, Трисс. Возьми Иолю за руку.

Снаружи была ночь. Выл ветер. Мела метель.

На юге, далеко за горами Амелл, в Метинне, в крае, именуемом Стоозерье, в пятистах милях полета ворона от города Элландер и храма Мелитэле рыбак Госта вдруг проснулся от ночного кошмара. Проснувшись, Госта никак не мог вспомнить содержание сна, но странное волнение долго не давало ему уснуть.

Каждый владеющий своим ремеслом рыбак знает, что если ловить окуня, то только по первому льду.

Неожиданно ранняя зима этого года устраивала фокусы, а уж капризной была, как красивая и пользующаяся успехом девица. Первым морозом и метелью она, словно разбойник, выскакивающий из засады, застигла врасплох в начале ноября, сразу после Саовины, когда никто еще снегов и мороза не ожидал, а работы было навалом. Уже примерно в середине ноября озеро покрылось тонюсеньким, блестящим на солнце ледком, который, казалось, еще немного и выдержит человека, но тут зима-капризница вдруг отступила, возвратилась осень, хлынул дождь, а теплый южный ветер отогнал от берега и растопил размытый дождем ледок.

«Какого черта? – поражались селяне. – Так быть зиме или не быть?»

Не прошло и трех дней, как зима вернулась. На сей раз обошлось без снега, без метели, зато мороз схватил будто кузнец клещами. Так, что аж затрещало. Истекающие водой стрехи крыш за одну ночь покрылись острыми зубьями сосулек, а захваченные врасплох утки чуть не примерзли к утиным лужам.

Озера Миль Трахта вздохнули и затянулись льдом.

Госта для уверенности переждал еще день, потом стянул с чердака ящик с ремнем, который носил на плече и в котором держал рыбацкую снасть. Как следует набил сапоги соломой, натянул кожух, взял пешню, мешок и поспешил на озеро.

Известно, ежели на окуня, то лучше всего по первому льду.

Лед был крепкий. Правда, немного прогибался под человеком, немного потрескивал, но держал. Госта дошел до

плеса, вырубил первую лунку, сел на ящик, размотал леску из конского волоса, прикрепленную к короткому лиственничному пруту, нацепил оловянную рыбку с крючком, закинул в воду. Первый окунь в пол-локтя схватил приманку еще до того, как она опустилась и натянула леску.

Не прошло и часа, а вокруг лунки уже лежало больше полусотни зелено-полосатых рыб с красными как кровь плавниками. Госта наловил окуней больше, чем ему требовалось, но рыбачий азарт не позволял прекратить лов. Рыбу, в конце концов, всегда можно раздать соседям.

Тут он услышал протяжное фырканье и поднял голову над лункой. На берегу озера стоял красивейший черный конь, пар валил у него из ноздрей. Лицо наездника в ондатровой шубке прикрывал шарф.

Госта сглотнул. Бежать было поздно. Однако он втихую надеялся, что ездок не отважится спуститься с лошадью на тонкий лед.

Машинально он продолжал подергивать удочку, очередной окунь дернул леску. Рыбак вытянул его, отцепил, кинул на лед. Краем глаза видел, как наездник спрыгивает с седла, закидывает вожжи на голый куст и идет к нему, осторожно ступая по скользкому льду. Окунь трепыхался, напрягая колючие плавники, шевелил жабрами. Госта встал, наклонился за пешней: в случае нужды она могла сойти за оружие защиты.

– Не бойся.

Это была девушка. Теперь, когда она сняла шарф, он увидел ее лицо, изуродованное чудовищным шрамом. На спине у нее был меч, над плечом выступала прекрасной работы рукоять.

– Я не сделаю тебе ничего плохого, – тихо сказала девушка. – Хочу только спросить дорогу.

«Как же, – подумал Госта. – Аккурат. Сейчас, зимой-то? В мороз? Кто путешествует или едет по так себе? Только разбойники. Или курьеры».

– Здешняя местность называется Миль Трахта?

– Ну… – буркнул он, глядя в черную воду, плещущуюся в лунке. – Миль Трахта. Только мы-то говорим – Стоозерье.

– А озеро Тарн Мира? Слышал о таком?

– Все знают. – Он взглянул на девушку, испуганный. – Хоть мы его тута называем Бездна. Заколдованное озеро. Жуткой глубизны. Свитезянки тамой живут. И упыри живут в старожитних заговоренных развалинах.

Он увидел, как блеснули ее зеленые глаза.

– Там есть руины? Может, башня?

– Какая там ишшо башня? – не сумел он сдержать усмешки. –

Камень на камне, камнем приваленный, травой заросший. Груда обломков…

Окунь перестал трепыхаться, лежал, шевеля жабрами, среди своей цветасто-полосатой братии. Девушка смотрела, задумавшись.

– Смерть на льду, – сказала она наконец, – есть в ней что-то завораживающее.

– Э?

– И далеко до озера с руинами? В которую сторону ехать?

Он сказал. Показал. Даже выцарапал на льду острым концом пешни. Она кивала, запоминая. Кобыла на берегу озера била копытами о замерзшую землю, фыркала, гнала пар из ноздрей.

Он смотрел, как девушка удаляется вдоль западного берега озера, как галопом идет по краю откоса на фоне безлистных ольх и берез, через изумительный, сказочный лес, который мороз изукрасил глазурью инея. Вороная кобыла шла с неописуемым изяществом, грацией, быстро и в то же время легко, едва слышны были удары копыт о смерзшийся грунт, едва порошился серебристый снежок на задетых ею ветках. Как будто по глазурованному и застывшему на морозе лесу из сказки летел не обычный, а сказочный конь, конь-призрак.

А может, это и вправду был призрак?

Демон на призрачном коне, демон, принявший обличье девушки с огромными зелеными глазами и изуродованным лицом?

Кто же, ежели не демон, путешествует зимой? Расспрашивает о дороге к заклятым руинам?

Когда она отъехала, Госта быстро собрал свое рыбацкое немудреное имущество. До дома шел лесом. Сделал крюк, но разум и инстинкт предупреждали, что не надо идти просеками, не надо быть на виду. Девушка, подсказывали разум и инстинкт, наперекор всему привидением не была, а была человеком. Вороная кобыла не была привидением, а была лошадью. А за такими, что в одиночку на коне носятся по безлюдью, вдобавок зимой, очень даже часто следует погоня.

Часом позже по просеке пронеслись четырнадцать лошадей с седоками. Погоня.

Риенс еще раз тряхнул серебряной коробочкой, выругался, в бешенстве ударил ею по луке седла. Но ксеноглоз молчал. Как заколдованный.

– Магическое дерьмо, – холодно отметил Бонарт. – Заело побрякушку с ярмарки.

– Или же Вильгефорц демонстрирует нам свое к нам отношение, – добавил Стефан Скеллен.

Риенс поднял голову, окинул обоих злым взглядом.

– Благодаря побрякушке с ярмарки, – ядовито заметил он, – мы напали на след и его уже не потеряем. Благодаря господину Вильгефорцу мы знаем, куда направляется девушка. Мы знаем, куда идем и что нам предстоит сделать. Я считаю, что это много. По сравнению с вашими действиями месячной давности.

– Не болтай лишнего. Эй, Бореас? Что говорят следы?

Бореас Мун выпрямился, закашлялся.

– Она была здесь за час до нас. Когда может, старается ехать быстро. Но это местность сложная. Даже на своей сказочной кобыле она опередила нас не больше чем на пять-шесть миль.

– Значит, все-таки она лезет между озерами, – буркнул Скеллен. – Вильгефорц был прав. А ведь я не верил ему…

– Я тоже, – признался Бонарт. – Но только до того момента, когда вчера кметы подтвердили, что около озера Тарн Мира действительно есть какое-то магическое сооружение.

Кони фыркали, из ноздрей валил пар. Филин кинул взгляд через левое плечо на Жоанну Сельборн. Вот уже несколько дней не нравилось ему выражение лица телепатки. «Я становлюсь нервным, – подумал он. – Эта гонка всех нас измочалила и физически, и психически. Пора кончать. Самое время!»

Холодная дрожь пробежала у него по спине. Он вспомнил сон, который посетил его предыдущей ночью.

– Ладно! – встряхнулся он. – Довольно рассуждений. По коням!

Бореас Мун свешивался с седла, высматривал следы. Дело шло с трудом. Землю сковало как железом, образовались замерзшие комья, и быстро сдуваемый с них ветром снег удерживался только в бороздках и впадинах. Именно там-то Бореас и выискивал отпечатки подков вороной кобылы. Требовалась большая внимательность, чтобы не потерять след, особенно теперь, когда шедший из серебряной коробочки голос перестал давать советы и указания.

Он зверски устал. И волновался. Они преследовали девушку уже почти три недели, с самой Саовины, после резни в Дун Даре. Почти три недели в седлах, все время в погоне. И все это время ни вороная кобыла, ни едущая на ней девушка не слабели, не снижали темпа.

Бореас Мун высматривал следы.

И не мог перестать думать о сне, который посетил его в последнюю ночь. В этом сне он тонул, захлебываясь водой.

Черная тонь замкнулась у него над головой, а он шел ко дну, в горло и легкие врывалась ледяная вода. Он проснулся вспотевший, мокрый, горячий – хотя кругом стоял прямо-таки собачий холод.

«Довольно уж, – думал он, свешиваясь с седла и высматривая следы, – самое время с этим кончать».

– Мэтр! Вы меня слышите? Мэтр?!

Ксеноглоз молчал, как проклятый.

Риенс энергично подвигал руками, дунул на замерзшие пальцы. Шею и спину кусал мороз, крестец и поясница болели, каждое резкое движение коня напоминало об этой боли. Даже ругаться уже не хотелось.

Почти три недели в седлах, в постоянной погоне. В пронизывающем холоде, а последние несколько дней – трескучем морозе.

А Вильгефорц молчит.

«Мы тоже молчим и глядим друг на друга волками!»

Риенс растер руки, натянул перчатки.

«Когда Скеллен на меня смотрит, – подумал он, – у него такой странный взгляд. Неужели хочет предать? Что-то слишком уж быстро и чересчур легко он тогда согласился с Вильгефорцем… А этот отряд, варнаки, ведь они ему верны, выполняют его приказы. Когда мы схватим девушку, он, несмотря на уговор, либо убьет ее, либо отвезет к своим заговорщикам, чтобы воплощать в жизнь идиотские идеи о демократии и гражданском правлении.

А может, Скеллен уже отказался от заговора? Родившийся конформистом и конъюнктурщиком, он сейчас, возможно, уже подумывает о том, чтобы доставить девчонку императору Эмгыру?

Нет, странно он как-то на меня поглядывает, этот Филин. Да и вся его банда. И Веда Сельборн…

А Бонарт? Бонарт – непредсказуемый садист. Когда он говорит о Цири, голос у него дрожит от ярости. В зависимости от минутного каприза он готов прикончить девушку либо украсть, чтобы заставить драться на аренах. Договор с Вильгефорцем? Плевал он на этот договор. Тем более теперь, когда Вильгефорц…»

Риенс вытащил ксеноглоз из-за пазухи.

– Мэтр! Вы меня слышите? Это Риенс…

Прибор молчал. Риенсу даже расхотелось злиться.

«Вильгефорц молчит. Скеллен и Бонарт заключили с ним пакт. А через день-другой, как только догоним девчонку, может

оказаться, что пакт-то пшик! И тогда я могу получить ножом по горлу. Или отправиться в путах в Нильфгаард в качестве доказательства Филиновой лояльности…

Дьявольщина!

Вильгефорц молчит. Ничего не советует. Пути не указывает. Не рассеивает сомнения своим спокойным, логичным, проникающим до глубины души голосом. Молчит.

Ксеноглоз испортился. Может, из-за холода? А может…

Может, Скеллен был прав? Может, Вильгефорц действительно занялся чем-то другим и его не интересуем ни мы, ни наша судьба?

К чертовой матери, вот уж не думал, что так может случиться. Если б предполагал, не ухватился бы как последний дурак за это задание… Поехал бы прикончить ведьмака. Вместо Ширру. К чертям собачьим! Я тут мерзну, а Ширру, наверно, греется в тепле…

Подумать только, ведь я сам напросился на то, чтобы именно мне поручили Цири, а Ширру – ведьмака. Сам ведь просил.

Тогда, в сентябре, когда нам в руки попала Йеннифэр».

Мир, который еще минуту назад был нереальной, мягкой и тягучей тьмой, вдруг обрел твердые поверхности и контуры. Посветлел. Стал реальным.

Сотрясаемая конвульсиями Йеннифэр раскрыла глаза. Она лежала на камнях, среди трупов и закопченных досок, приваленная остатками такелажа драккара «Алкиона». Кругом нее виднелись ноги. Ноги в тяжелых сапогах. Один из сапог только что ударил ее, заставил очнуться.

– Вставай, ведьма!

Снова удар, отозвавшийся болью в корнях зубов. Она увидела склонившееся над нею лицо.

– Вставай, сказал! На ноги! Ты меня не узнаешь?

Она заморгала. И узнала. Это был тип, которого она однажды припалила, когда он сбегал от нее по телепорту. Риенс.

– Посчитаемся, – пообещал он. – Рассчитаемся за все, девка! Я покажу тебе, что такое боль. Этими вот руками и этими вот пальцами покажу.

Она напряглась, сжала и разжала кулаки, готовая бросить заклинание. И тут же свернулась в клубок, давясь, хрипя и дергаясь. Риенс захохотал.

– Не получается, да? – услышала она. – В тебе не осталось ни крупицы Силы! Тебе с Вильгефорцем не тягаться! Он выдавил из тебя все до последней капельки, как молочную сыворотку из творога. Ты не сумеешь даже…

Он не докончил. Йеннифэр выхватила кинжал из ножен, пристегнутых с внутренней стороны бедер, вскочила как кошка и ткнула вслепую. Но не попала. Лезвие лишь царапнуло цель, разорвало материал брюк. Риенс отскочил и повернулся.

Тут же на нее посыпался град ударов и пинков. Она взвыла, когда тяжелый сапог ударил в низ живота. Чародейка свернулась, хрипя. Ее сорвали с земли, заломив руки за спину, она увидела летящий в ее сторону кулак. Мир вдруг разгорелся искрами, лицо прямо-таки взорвалось от боли. Боль волной спустилась вниз, до живота и промежности, превратила колени в кисель. Она повисла в удерживающих ее руках. Кто-то схватил ее сзади за волосы, поднял голову. Она получила еще удар. В глаз. Снова все исчезло и расплылось в ослепительном блеске.

Сознания она не потеряла. Чувствовала все. Ее били сильно, жестоко, как бьют мужчину. Ударами, которые должны не только принести боль и сломить, но выбить из нее все силы, всю волю к сопротивлению. Ее били, дергающуюся в стальных тисках рук.

Она рада была бы потерять сознание, но не могла. Она чувствовала все.

– Достаточно, – вдруг услышала она издалека, из-за завесы боли. – Ты спятил, Риенс. Хочешь ее убить? Она нужна мне живая.

– Я обещал ей, мэтр, – буркнула маячившая перед ней тень, постепенно принимавшая очертания тела и лица Риенса. – Я обещал ей отплатить… Этими вот руками…

– Меня не интересует, что ты ей обещал. Повторяю, она нужна мне живая и способная к членораздельной речи.

– Из кошки и ведьмы не так-то просто выбить жизнь, – засмеялся тот, кто держал ее за волосы.

– Не умничай, Ширру. Я сказал: прекратить избиение. Поднимите ее. Как ты себя чувствуешь, Йеннифэр?

Чародейка сплюнула красным, подняла распухшее лицо. В первый момент не узнала его. На нем было что-то вроде маски, закрывавшей всю левую часть головы. Но она знала, кто это.

– Иди к дьяволу, Вильгефорц, – с трудом выговорила она, осторожно прикасаясь языком к передним зубам и искалеченным губам.

– Как расцениваешь мое заклинание? Тебе понравилось, как я поднял тебя с моря вместе с лодчонкой? Понравился полет? Какими заклинаниями ты защитилась, что сумела выжить при падении?

– Иди к дьяволу.

– Сорвите с нее звезду. И в лабораторию ее. Не теряйте времени.

Ее тащили, тянули, иногда несли. Каменистая равнина, на

ней разбитая «Алкиона». И еще многочисленные остовы, торчащими ребрами шпангоутов напоминающие скелеты морских чудовищ. «Крах был прав, – подумала она. – Корабли, которые без вести пропадали на Бездне Седны, не попали в естественные катастрофы. О боги… Паветта и Дани…»

Над равниной, далеко, врезались в затянутое тучами небо горные вершины.

Потом были стены, ворота, галереи, паркет, лестница. Все какое-то странное, неестественно большое… и слишком мало деталей, чтобы можно было понять, где находишься, куда попал, куда занесло тебя заклинание. Лицо распухало, дополнительно затрудняя наблюдения. Единственным поставщиком информации было обоняние – она моментально почувствовала запах формалина, эфира, спирта. И магии. Запахи лаборатории.

Ее грубо усадили на стальное кресло, на запястьях и щиколотках защелкнулись тесные захваты. Прежде чем стальные челюсти держателя сжали виски и зафиксировали голову, она успела осмотреть обширный, ярко освещенный зал. Увидела еще одно кресло, странную стальную конструкцию на каменном подиуме.

– Верно-верно, – услышала она голос стоявшего позади Вильгефорца. – Это креслице для твоей Цири. Давно уже ждет, все дождаться не может. Я тоже.

Она слышала его близко, почти чувствовала его дыхание. Он вводил ей иглы в кожу головы, пристегивал что-то к ушным раковинам. Потом встал перед ней и снял маску. Йеннифэр невольно вздохнула.

– Работа твоей Цири, – сказал он, открыв некогда классически прекрасное, а теперь жутко изувеченное лицо, усеянное золотыми клеммами и зажимами, поддерживавшими многофасеточный кристалл в левой глазной впадине.

– Я пытался ее схватить, когда она вбегала в телепорт Башни Чайки, – спокойно пояснил чародей. – Хотел спасти ей жизнь, будучи уверен, что телепорт убьет ее. Наивный! Она прошла гладко, с такой силой, что портал взорвался и все обломки полетели мне прямо в лицо. Я потерял глаз и левую щеку, а также много кожи на лице, шее и груди. Очень печально, очень неприятно, очень усложняет жизнь. И очень некрасиво, верно? Да, надо было видеть меня до того, как я начал магическую регенерацию.

Если б я верил в такие штуки, – продолжал он, засовывая ей в нос загнутую медную трубку, – то подумал бы, что это месть Лидии ван Бреденвоорт. Из могилы. Я регенерируюсь, но постепенно. Это требует массу времени и идет с трудом. Особые

сложности с регенерацией глазного яблока… Кристалл прекрасно выполняет свою роль, я вижу трехмерно, но, как ни говори, это чуждое тело, отсутствие естественного глазного яблока порой доводит меня до бешенства. Тогда, охваченный, как там ни говори, иррациональной злостью, я клянусь себе, что когда схвачу Цири, то первым делом прикажу Риенсу вырвать у нее один из ее огромных зеленых глазищ. Пальцами. «Этими вот пальцами», – как он любит говорить. Молчишь, Йеннифэр? А знаешь, что и у тебя мне тоже хочется вырвать глаз? А то и оба?

Он воткнул ей толстую иглу в вену на руке, он никогда не промахивался. Йеннифэр стиснула зубы.

– Наделала ты мне хлопот. Заставила оторваться от работы. Ты шла на большой риск, отправившись на лодке на Бездну Седны под мой насос… Эхо нашего краткого поединка было сильным и далеким, могло дойти до любопытных и нежелательных ушей. Но я не мог сдержаться. Возможность заполучить тебя, подключить к моему сканеру была чертовски искусительной. Думаю, ты не предполагаешь, – он воткнул очередную иглу, – что я клюнул на твою провокацию? Заглотал приманку? Нет, Йеннифэр, если ты так думаешь, то путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности озера. Ты преследовала меня, я же преследовал тебя. Отправившись на Бездну Седны, ты просто облегчила мне задачу. Потому что я, видишь ли, сам нащупать Цири не могу даже с помощью вот этого не имеющего себе равных сканера. У девушки сильные врожденные защитные механизмы, сильна собственная антимагическая и глушащая аура, и в конце концов это ведь Старшая Кровь… Но все равно мои суперсканеры должны были бы ее обнаружить. Однако не обнаруживают.

Йеннифэр уже вся была обмотана сетью серебряных и медных проводков, окручена системой серебряных и фарфоровых трубочек. На приставленном к креслу столике покачивались стеклянные сосуды с бесцветными жидкостями.

– Тогда я подумал, – Вильгефорц всунул ей в нос другую трубку, на этот раз стеклянную, – что единственный способ отыскать Цири сканированием – это применить эмпатический зонд. Однако для этого мне нужен был человек, у которого имелся с девушкой достаточно сильный эмоциональный контакт и образовалась эмпатическая матрица, этакий, воспользуемся неологизмом, алгоритм взаимных чувств и симпатии. Я подумал о ведьмаке, но ведьмак исчез, кроме того, ведьмаки скверные медиумы. Я намеревался приказать выкрасть Трисс Меригольд, нашу Четырнадцатую с Холма. Подумывал, не увести ли Нэннеке из Элландера… Но когда оказалось, что ты, Йеннифэр из

Венгерберга, прямо-таки сама лезешь мне в руки… Честное слово, ничего лучшего и придумать было невозможно… Если тебя подключить к аппаратуре, ты нащупаешь мне Цири. Правда, операция требует сотрудничества с твоей стороны… Но, как тебе известно, существуют методы принудить к сотрудничеству.

Конечно, – продолжал он, вытирая руки, – должен тебе кое-что пояснить. Например – откуда и как я узнал о Старшей Крови. О наследии Лары Доррен. Что, собственно говоря, такое этот ген. Как случилось, что он попал к Цири. Кто его ей передал. Каким образом я его у нее отберу и для чего использую. Как действует насос Седны, кого я им уже всосал, что и зачем сделал с ними. Правда ведь, масса вопросов? Просто жаль, что нет времени обо всем тебе рассказать, все объяснить. И даже просто удивить, потому что, я уверен, Йеннифэр, некоторые факты тебя удивили бы… Но, как сказано, на это нет времени. Эликсиры начинают действовать. Тебе уже пора начать сосредоточиваться.

Чародейка стиснула зубы, задыхаясь от глубокого, рвущегося изнутри стона.

– Я знаю, – кивнул Вильгефорц, придвигая ближе большой профессиональный мегаскоп, экран и огромный хрустальный шар на треноге, окутанный паутиной серебряных проволочек. – Знаю, это очень неприятно. И весьма болезненно. Поэтому чем скорее ты приступишь к сканированию, тем меньше времени на него уйдет. Ну, Йеннифэр! Здесь, на этом вот экране, я хочу видеть Цири. Где она, с кем, что делает, что ест, с кем и где спит?

Йеннифэр пронзительно, дико и отчаянно закричала.

– Больно? – догадался Вильгефорц, впиваясь в нее живым глазом и мертвым кристаллом. – Ну конечно же, больно. Сканируй, Йеннифэр, не упирайся. Не разыгрывай из себя героиню. Ты прекрасно знаешь, что этого выдержать нельзя. Последствия упрямства могут быть плачевными: кровоизлияние, параплексия, или же ты вообще превратишься в бессмысленное существо и будешь вести растительное существование. Если, конечно, выживешь!

Она стиснула челюсти так, что хрустнули зубы.

– Ну, Йеннифэр, – мягко сказал чародей. – Ну, хотя бы из любопытства! Ведь тебе наверняка интересно, как поживает твоя воспитанница. А вдруг ей угрожает опасность? Может, она бедствует? Ты же знаешь, сколько людей желают Цири зла и жаждут ее гибели. Сканируй. Когда я буду знать, где находится девушка, я притащу ее сюда. Тут она будет в безопасности… Тут ее не найдет никто. Никто.

Голос у Вильгефорца был бархатный и теплый.

– Сканируй, Йеннифэр, сканируй. Пожалуйста. Даю тебе

слово: я возьму у Цири только то, что мне необходимо. А потом обеим вам верну свободу. Клянусь.

Йеннифэр еще крепче стиснула зубы. Струйка крови потекла у нее по подбородку. Вильгефорц резко встал, махнул рукой.

– Риенс!

Йеннифэр почувствовала, как пальцы ее рук стискивают какие-то приспособления.

– Порой, – сказал Вильгефорц, наклоняясь к ней, – там, где бессильна магия, эликсиры и наркотики, дает результат обычная, старая, добрая классическая боль. Не принуждай меня к этому. Сканируй.

– Иди к черту, Вильгефорц!

– Подкручивай винты, Риенс. Понемногу.

Вильгефорц взглянул на безжизненное тело, которое тащили по полу к лестнице, ведущей в подземелья. Потом поднял глаз на Риенса и Ширру.

– Всегда существует риск, – сказал он, – что кто-нибудь из вас попадет в руки моих врагов и будет подвергнут допросу с пристрастием. Хотелось бы верить, что вы проявите не меньшую стойкость тела и духа. Да, хотелось бы в это верить. Очень. Но я не верю.

Риенс и Ширру молчали. Вильгефорц вновь включил мегаскоп, спроецировав на экран изображение, генерируемое огромным кристаллом.

– Вот все, чего я добился. Я хотел получить Цири, а она дала мне ведьмака. Интересно. Не позволила вырвать из себя эмпатическую матрицу девушки, но на Геральте сломалась. А о каких-либо ее чувствах к этому Геральту я вовсе и не подозревал… Ну, для начала удовольствуемся достигнутым. Ведьмак, Кагыр аэп Кеаллах, бард Лютик, какая-то женщина? Хм-м-м… Кто возьмется за окончательное решение ведьмачьей проблемы?

«Согласился Ширру, – вспоминал Риенс, приподнимаясь на стременах, чтобы хоть немного облегчить болящие от седла ягодицы. – Ширру взялся убить ведьмака. Он знал местность, в которой Йеннифэр высканировала Геральта и его компанию, у него там были знакомые или даже родня. Меня же Вильгефорц послал переговорить с Ваттье де Ридо, а затем следить за Скелленом и Бонартом…

А я, идиот, тогда радовался, уверенный, что мне в удел досталась задача гораздо более легкая и приятная. И такая, с которой я управлюсь быстро, без труда и с удовольствием…»

– Если кметы не лгали, – Стефан Скеллен поднялся на стременах, – то озеро должно быть за этой возвышенностью, в котловине.

– Туда и следы ведут, – подтвердил Бореас Мун.

– Тогда почему же мы стоим? – Риенс потер озябшее ухо. – Шпоры коням и вперед!

– Не шебуршись, – придержал его Бонарт. – Надо разделиться и окружить котловину. Неизвестно, по какому берегу она поехала. Если выберем неверное направление, озеро может отрезать ее от нас.

– Истинная правда, – поддакнул Бореас Мун.

– Озеро сковал лед, – бросил Риенс.

– Лед может оказаться слишком слабым для лошадей. Бонарт прав, надо разделиться.

Скеллен быстро отдал нужные распоряжения. Группа, которую вели Бонарт, Риенс и Оль Харшейм, насчитывавшая в общей сложности семь лошадей, помчалась по восточному берегу и быстро скрылась в черном лесу.

– Хорошо, – скомандовал Филин. – Едем. Силифант… – И тут же сообразив, что что-то не в порядке, развернул коня, хлестнул его нагайкой, наехал на Жоанну Сельборн.

Веда оттянула назад своего коня. Лицо у нее было каменное.

– Впустую, господин коронер, – сказала она хрипло. – И не пытайтесь даже. Мы не поедем. Мы возвращаемся. С нас довольно.

– Мы?! – рявкнул Дакре Силифант. – Кто – мы? Это что, бунт?

Скеллен наклонился в седле, сплюнул на мерзлую землю. За Ведой стояли Андрес Верный и Тиль Эхрад, светловолосый эльф.

– Госпожа Сельборн, – протяжно и ядовито проговорил Филин. – Не в том дело, что вы теряете виды на многообещающую карьеру, что растрачиваете и превращаете в ничто выпавший вам в жизни шанс. Дело в том, что вас отдадут палачу. Вместе с теми дурнями, которые вас послушались.

– Чему суждено висеть, то не утонет, – философически ответила Веда. – А палачом нас не надо пугать, господин коронер, ибо неизвестно еще, кому ближе к эшафоту, вам или нам.

– Ты так считаешь? – Глаза Филина сверкнули. – Подслушала где-то чьи-то хитрые мысли. Я считал тебя умнее. А ты оказалась обыкновенной глупой бабой. Тот, кто со мной, – всегда выигрывает, кто против – всегда проигрывает! Запомни! Хоть ты меня уже за утопленника считаешь, я еще успею отправить тебя на эшафот. Слышите, вы? Раскаленными крючьями прикажу срывать у вас мясо с костей!

– Раз мать родила, господин коронер, – мягко сказал Тиль Эхрад. – Вы выбрали свой путь, мы – свой. Оба пути ненадежны и рискованны. И неизвестно, кому что судьба уготовила.

– Вам не удастся, – гордо подняла голову Веда, – нас, как псов каких, натравливать на девушку, господин Скеллен. И мы не позволим, словно псы, убить себя, как это случилось с Нератином Цекой. А, хватит болтать. Мы возвращаемся. Бореас, поехали с нами!

– Нет, – покачал головой следопыт, отирая лоб меховой шапкой. – Дай вам счастья, не желаю вам зла. Но я остаюсь. Служба! Я присягнул.

– Кому? – поморщилась Веда. – Императору или Филину? А может, чародею, треплющемуся из коробочки?

– Я солдат, Веда. Служба.

– Постойте, – крикнул Дуффицей Крель, выезжая из-за спины Дакре Силифанта. – Я с вами. Мне тоже надоело. Вчера ночью мне приснилась моя смерть. Я не хочу подыхать за паршивое и подозрительное дело!

– Предатели! – крикнул Дакре, краснея как вишня. Казалось, черная кровь вот-вот брызнет у него с лица. – Отступники! Подлые псы!

– Замолчи. – Филин продолжал смотреть на Веду, а глаза у него были такие же мерзкие, как у птицы, давшей ему прозвище. – Они выбрали путь, ты же слышал. Чего же кричать и брызгать слюной. Но мы еще когда-нибудь встретимся. Обещаю.

– Может, даже на одном эшафоте, – без всякого ехидства сказала Веда. – Потому что вас, Скеллен, не вместе с их светлостями, князьями, казнить будут, а с нами, хамами. Но вы правы, нечего слюной брызгать. Мы едем. Бывай, Бореас. Бывайте, господин Силифант.

Дакре сплюнул между ушами коня.

– И сверх того, что я уже рассказала, – Жоанна Сельборн гордо подняла голову, отбросила со лба темную прядку волос, – ничего добавить не могу, Высокий трибунал.

Председатель трибунала глядел на нее сверху. Лицо у него было непроницаемое. Глаза серые. И добрые.

«А, да что там, – подумала Веда, – попытаюсь. Двум смертям не бывать. Как говорится, раз козе смерть! Не стану я гнить в цитадели и ожидать смерти. Филин слов на ветер не бросал, он даже из могилы готов мстить…

Подумаешь! А вдруг не заметят. Раз козе смерть!»

Она приложила ладонь к носу, словно утиралась. Взглянула прямо в серые глаза председателя трибунала.

– Стража! – сказал председатель трибунал. – Отведите свидетельницу Жоанну Сельборо обратно в…

Он осекся, закашлялся. Неожиданно на лбу у него проступила испарина.

– В канцелярию! – докончил он, сильно засопев. – Выписать соответствующие документы. И освободить. Свидетельница Сельборн Жоанна трибуналу более не нужна.

Веда украдкой стерла капли крови, выступившие из носа. Обольстительно улыбнулась и поблагодарила вежливым поклоном.

– Дезертировали? – недоверчиво повторил Бонарт. – Обыкновенно так дезертировали? Взяли, понимаешь, и просто так уехали? Скеллен! И ты позволил?

– Если они нас сыпанут… – начал Риенс, но Филин тут же прервал его:

– Не «сыпанут», потому что им жизнь дорога! Да, впрочем, что я мог сделать? Когда Крель к ним присоединился, со мной остались только Берт и Мун, а их было четверо…

– Четверо, – зловеще проговорил Бонарт, – вовсе не так много. Дайте только догнать девчонку, я двинусь за ними. И накормлю ими ворон. Во имя определенных принципов.

– Сначала еще догнать надо, – бросил Филин, нагайкой подхлестывая своего сивку. – Бореас! Гляди за следами!

Котловину наполнял плотный туман, но они знали, что внизу лежит озеро, потому что здесь, в Миль Трахте, в каждой котловине лежало озеро. А то, к которому вел след копыт вороной кобылы, несомненно, было тем, которое они искали, тем, которое им велел искать Вильгефорц. Тем, которое он подробно им описал и сообщил название.

Тарн Мира.

Озеро было узкое, не шире полета стрелы, втиснутое слегка изогнутым полумесяцем между высокими отвесными склонами, поросшими черным ельником, красиво присыпанным белой снежной пудрой. Склоны покрывала тишина, такая, что аж в ушах звенело. Замолчали даже вороны, зловещее карканье которых сопровождало их в пути несколько дней.

– Это южный конец, – сказал Бонарт. – Если чаровник не испоганил дела и не напутал, то магическая башня лежит на северном конце. Гляди за следом, Бореас. Если потеряем след, озеро отгородит нас от нее.

– Следы четкие! – крикнул снизу Бореас Мун. – И свежие. Ведут к озеру!

– Вперед! – Скеллен сдержал сторонящегося крутизны

сивку. – Вниз.

Спустились по склону, осторожно, сдерживая фыркающих лошадей. Продрались сквозь черные, голые, обледеневшие кусты, закрывающие доступ к берегу.

Гнедой Бонарта мягко ступил на лед, с хрустом ломая торчащие словно из стеклянной плиты сухие камышины. Лед затрещал, из-под копыт разбежались звездочкой длинные стрелки трещин.

– Назад! – Бонарт натянул поводья, завернул храпящего коня к берегу. – С коней! Лед тонкий.

– Только у берега, в камышах, – оценил Дакре Силифант, ударив по ледяной скорлупе каблуком. – Но даже и здесь дюйма полтора. Удержит лошадей запросто, бояться нечего…

Его слова заглушила ругань Скеллена. Лошадь заржала, просела на зад, ноги под ней разъехались. Скеллен ударил лошадь шпорами, выругался снова, на этот раз ругательству вторил хруст ломающегося льда. Сивка заколотил передними копытами, задние, увязшие, дергались в пробоине, круша лед и взбивая в пену вырывающуюся из-под него темную воду. Филин спрыгнул с седла, дернул за поводья, но поскользнулся и свалился всем телом, чудом не попав под копыта собственного коня. Два геммерийца, тоже спешившиеся, помогли ему подняться. Оль Харшейм и Берт Бригден выволокли ржущего сивку на берег.

– С коней, парни, – повторил Бонарт, уставившись в туман, затягивающий озеро. – Незачем рисковать. Догоним девку пёхом. Она тоже слезла, тоже идет пешком.

– Истинная правда, – подтвердил Бореас Мун, указывая на озеро. – Это видать.

Только у самого берега, под крышей еловых ветвей, ледяная скорлупа была гладкой и полупрозрачной, как темное бутылочное стекло, под ней был виден камыш и побуревшие водоросли. Дальше, на плесе, лед покрывал тоненький слой влажного снега. А на снегу, докуда позволял видеть туман, темнели следы ног.

– Возьмем! – запальчиво крикнул Риенс, закидывая вожжи на сук. – Не такая уж она хитрая, как казалось! Пошла по льду, серединой озера. Если б выбрала один из берегов или лес, нелегко было бы догнать!

– Серединой озера… – задумчиво повторил Бонарт. – Именно серединой озера ведет самая короткая и самая прямая дорога к той якобы магической башне, о которой говорил Вильгефорц. Она об этом знает. Мун, на сколько она опережает нас?

Бореас, который уже был на озере, низко наклонился над следом сапога. Присмотрелся.

– Не больше чем на полчаса. Теплеет, а след не размытый, каждый гвоздь в каблуке видать.

– Озеро, – буркнул Бонарт, напрасно пытаясь пробить взглядом туман, – тянется к северу больше чем на пять миль. Так говорил Вильгефорц. Если у девчонки полчаса перевеса, значит, она в какой-нибудь полумиле перед нами.

– На скользком льду? – покрутил головой Мун. – И того нет. Шесть-семь стае, не больше.

– Тем лучше. Вперед!

– Вперед, – повторил Филин. – На лед, и вперед, быстро!

Они шли, тяжело дыша. Близость жертвы взбадривала, возбуждала, наполняла эйфорией словно наркотик.

– Не уйдет!

– Только б след не потерять…

– И только б она нас не объегорила в тумане… Бело, как в молоке… В двадцати шагах не видать, мать ее…

– Шевелите лаптями, – буркнул Риенс. – Быстрей, быстрей! Пока снежок на льду, идем по следам…

– Следы совсем свежие, – неожиданно забормотал Бореас Мун, останавливаясь и наклоняясь. – Свеженькие… Каждый гвоздь оттиснулся… Она перед нами… Совсем близко! Почему ж мы ее не видим?!

– И почему не слышим?! – задумался Оль Харшейм. – Наши шаги по льду дуднят, снег поскрипывает! Так почему ж ее-то не слышно?

– Потому что болтаете много, – резко отрезал Риенс. – Дальше, марш!

Бореас Мун стащил шапку, утер вспотевший лоб.

– Она тут, в тумане, – сказал он тихо. – Где-то тут, в тумане… Но не видно где… Не видать, откедова ударит… Как там… В Дун Даре… В ночь Саовины…

Он принялся дрожащей рукой извлекать меч из ножен. Филин подскочил к нему, схватил за плечи, рванул.

– Заткни хлебало, старый дурень, – зашипел он.

Однако было уже поздно. Остальным передался страх. Они тоже вытащили мечи, инстинктивно становясь так, чтобы за спиной был кто-нибудь из спутников.

– Она не привидение! – громко прошипел Риенс. – Она даже не магичка! А нас – десятеро! В Дун Даре было четверо и все пьяные в дымину!

– Расступиться, – неожиданно сказал Бонарт, – влево и вправо, в линию. И идти цепью! Но так, чтобы друг друга из глаз не выпускать.

– И ты туда же? – скривился Риенс. – И тебя тоже забрало,

Бонарт? Я считал тебя не таким… – Он осекся.

Охотник за наградами глянул на него взглядом холодней, чем лед.

– Растянуться в цепь, – повторил он, не обращая внимания на чародея. – Держать дистанцию. Я возвращаюсь за лошадью.

– Что?

Бонарт и на этот раз не удостоил Риенса ответом. Риенс выругался, но Филин быстро положил ему руку на плечо.

– Перестань, – буркнул он, – пусть идет. А мы давайте не будем терять времени! Люди, в цепь! Берт и Стигварт – налево, Оль – направо…

– Зачем все это, Скеллен?

– Под идущими кучей, – буркнул Бореас Мун, – лед скорее проломится, чем под растянувшимися в цепь. Кроме того, ежели цепью пойдем, будет меньше риск, что девка у нас как-нито бочком ускользнет.

– Бочком? – фыркнул Риенс. – Это каким же манером? Следы перед нами как на ладони. Девчонка идет прямо как по струнке; если попытается хоть на шаг в сторону двинуться, следы выдадут!

– Хватит трепаться, – обрезал Филин, глядя назад, в туман, в котором исчез Бонарт. – Вперед!

Они пошли.

– Теплее становится, – шепнул Бореас Мун. – Лед поверху тает, наледь образуется…

– Туман густеет…

– Но следы все время видны, – отметил Дакре Силифант. – Кроме того, мне кажется, девчонка пошла медленнее. Устает.

– Как и мы. – Риенс сорвал шапку и обмахнулся.

– Тише. – Силифант вдруг остановился. – Вы слышали? Что такое?

– Я ничего не слышал.

– А я – да… Как бы скрип… Скрип по льду… Но не оттуда. – Бореас Мун указал в туман, в который уходили следы. – Как бы слева, сбоку…

– Я тоже слышал, – подтвердил Филин, беспокойно оглядываясь. – Но теперь стихло. Черт побери, не нравится мне это. Мне это не нравится!

– Следы, – утомленно, но настойчиво повторил Риенс. – Мы видим ее следы! Что, у вас глаз нет? Она идет прямо как стрела. Если б свернула хоть на шаг, хоть на полшага, мы увидели бы по следам! Марш быстрей, через минуту-другую мы ее возьмем! Ручаюсь, через минуту увидим…

Он осекся. Бореас Мун вздохнул так, что у него заиграло в легких. Филин выругался.

В десяти шагах перед ними, на самой границе видимости, обозначенной плотным туманом, следы обрывались. Исчезали.

– Чума на тебя…

– В чем дело?

– Улетела, что ли?

– Нет, – покрутил головой Бореас Мун. – Не улетела. Хуже.

Риенс грязно выругался, указывая на появившиеся на ледовой скорлупе черточки.

– Коньки, – буркнул он, машинально сжимая кулаки. – У нее были коньки, и она их надела… Теперь помчится по льду как ветер… Мы ее не догоним! Куда, чума на его морду, подевался Бонарт? Не догнать девку без лошадей!

Бореас Мун громко кашлянул, вздохнул. Скеллен медленно расстегнул кожушок, открыв пересекающую наискось грудь бандольеру с рядом орионов.

– Нам не придется ее догонять, – сказал он холодно. – Это она догонит нас. Боюсь, очень даже скоро!

– Ты спятил?

– Бонарт это предвидел. Поэтому и вернулся за лошадьми. Он знал, что девка заманивает нас в ловушку. Внимание! Ловите скрип коньков по льду!

Дакре Силифант побледнел, это было видно, даже несмотря на покрасневшие от мороза щеки.

– Парни! – крикнул он. – Внимание! Будьте настороже! И в кучку, в кучку. Не потеряйтесь в тумане.

– Заткнись! – рявкнул Филин. – Соблюдать тишину! Полную тишину, иначе не услышим…

Они услышали. С левого, самого дальнего, края цепи из тумана до них долетел короткий, тут же оборвавшийся крик. И резкий, хриплый скрип коньков, от которого сводило скулы, как от скрипа железом по стеклу!

– Берт! – крикнул Филин. – Берт! В чем там дело?

Они услышали непонятный крик, а через мгновение из тумана выскочил мчащийся во весь опор Берт Бригден. Уже оказавшись близко, он поскользнулся, упал, поехал животом по льду.

– Она достала… Стигварта, – выдохнул он, с трудом поднимаясь. – Зарезала… проносясь мимо… Так быстро… что я едва ее увидел… Чаровница…

Скеллен выругался. Силифант и Мун, оба с мечами в руках, вертелись, таращась во мглу.

Скрип. Скрип. Скрип. Быстрый. Ритмичный. И все более четкий. Все более четкий…

– Откуда? – зарычал Бореас Мун, поворачиваясь и водя в

воздухе острием меча, который держал обеими руками. – Откуда?

– Тихо! – крикнул Филин, держа орион в поднятой руке. – Кажется, справа! Да, справа! Она подъезжает справа! Внимание!

Идущий на правом фланге геммериец неожиданно выругался, развернулся и помчался вслепую в туман, шлепая по слою тающего льда. Далеко ему убежать не удалось. Не удалось даже скрыться из глаз. Они услышали резкий скрип коньков, заметили расплывчатую, подвижную тень. И блеск меча. Геммериец взвыл. Они видели, как он упал, видели широкий веер крови на льду. Раненый дергался, извивался, кричал, выл, потом утих и замер.

Но пока он выл, он заглушил своим воем скрип коньков. Они не ожидали, что девушка сумеет так быстро развернуться.

Она влетела между ними, в самую середину. Оля Харшейма рубанула на лету, низко, под колено, переломив его как складной ножичек. Закружилась в пируэте, засыпав Бореаса Муна градом колких крошек льда. Скеллен отскочил, поскользнулся, ухватил за рукав Риенса. Оба упали. Коньки заскрипели совсем рядом с ними, острые холодные осколки покусали им лица. Один из геммерийцев вскрикнул, вопль оборвался диким всхлипом. Филин знал, что случилось. Он слышал многих людей, которым перерезали глотки.

Оль Харшейм кричал, дергаясь на льду.

Скрип. Скрип. Скрип.

Тишина.

– Господин Скеллен, – выдавил Дакре Силифант. – На тебя вся надежда… Спасай… Не дай пропасть…

– Ногу мне подсекла, курва-а-а-а! – выл Оль Харшейм. – Помогите, мать вашу… Помогите вста-а-а-ать-то!

– Бонарт! – заорал в туман Скеллен. – Бонарт! На помощь! Где ты, сукин ты сын! Бонарт!!!

– Она обходит нас, – выдохнул Бореас Мун, разворачиваясь и прислушиваясь. – Ездит по кругу в тумане… Ударит неведомо откуда… Смерть! Эта девка – сама смерть! Все подохнем тут! Будет резня, как в Дун Даре в ночь Саовины…

– Держитесь вместе, – простонал Скеллен. – Держитесь кучей, она охотится за одиночками… Как только увидите, что приближается, не теряйте головы… Бросайте ей под ноги мечи, пояса, мешки… Что угодно, лишь бы ее…

Он не докончил. На этот раз они даже не услышали скрипа коньков. Дакре Силифант и Риенс спасли себе жизнь, упав плашмя на лед. Бореас Мун успел отскочить, поскользнулся, упал, перевернул Берта Бригдена. Когда девушка проносилась мимо, Скеллен размахнулся и запустил орион. И попал. Но не в того, в кого собирался. Оль Харшейм, которому в этот момент только-

только удалось подняться, рухнул в судорогах на окровавленный лед, его широко раскрытые глаза, казалось, косили на стальную звезду, торчащую из основания носа.

Последний из геммерийцев бросил меч и принялся коротко, отрывисто всхлипывать. Скеллен подлетел к нему и изо всей силы ударил по лицу.

– Возьми себя в руки! – зарычал он. – Возьми себя в руки, парень! Это всего-навсего одна девчонка! Одна девчонка!

– Как в Дун Даре в ночь Саовины, – тихо сказал Бореас Мун. – Нам уже не уйти с этого льда, с этого озера. Слушайте! Слушайте! И вы услышите, как надвигается на нас смерть!

Скеллен поднял меч геммерийца и попробовал сунуть всхлипывающему мужчине оружие в руку, но напрасно. Сотрясаемый конвульсиями геммериец глядел на него невидящим взором. Филин бросил меч, подскочил к Риенсу.

– Сделай же что-нибудь, чародей! – рявкнул он, рванув того за руки. Ужас удвоил его силы, и Риенс, хоть был выше, тяжелее и мощнее, дергался в хватке Филина как тряпичная кукла. – Сделай что-нибудь! Вызывай своего могущественного Вильгефорца! Иди чародейничай сам! Чародейничай, выкрикивай заклинания, вызывай духов, созывай демонов! Делай что угодно, ты, паршивый поскребыш, ты, дерьмо поганое! Сделай что-нибудь, пока упыриха всех нас не поубивала!

Эхо его крика прокатилось по покрытым лесом склонам. Прежде чем оно умолкло, заскрипели коньки. Всхлипывающий геммериец упал на колени и закрыл лицо руками. Берт Бригден завыл, бросил меч и кинулся бежать. Поскользнулся, перевернулся, какое-то время карабкался на четвереньках, словно пес.

– Ну, Риенс!

Чародей выругался, поднял руку. Когда произносил заклинание, рука у него дрожала, голос тоже. Но получилось. Правда, не все.

Вырвавшаяся из пальцев тоненькая огненная молния прорезала лед. Ледяная плита лопнула. Но не поперек, как должна была бы, чтобы загородить приближающейся девушке дорогу. Лопнула вдоль. Ледяная скорлупа с громким хрустом раскрылась, вырвалась и загудела черная вода, быстро расширяющаяся щель помчалась в сторону тупо глядевшего на нее Дакре Силифанта.

– Бегите! – взвизгнул Скеллен. – Бегите-е-е-е!

Поздно. Щель прошла между ногами Силифанта и резко расширилась, лед изломался как стекло, образовав большие куски. Дакре потерял равновесие, вода приглушила его крик. В

образовавшуюся полынью свалился Бореас Мун, исчез под водой ползавший на четвереньках геммериец, исчез труп Оля Харшейма. За ними плюхнулся в черную глубь Риенс, а тут же следом Скеллен, в последний момент успевший уцепиться за край льдины… А девушка, сильно оттолкнувшись, перелетела над образовавшейся щелью, опустилась так, что брызнул тающий лед, помчалась за убегающим Бригденом. Через секунду до слуха висевшего на краю разлома Филина долетел дикий, свинячий визг.

Догнала.

– Господи… – простонал Бореас Мун, которому неведомо как удалось выкарабкаться на лед. – Дайте руку… Господин коронер…

Вытянутый из воды Скеллен посинел. Его била дрожь. Под пытавшимся вылезти Силифантом обломился край льдины. Дакре снова ушел под воду. Но тут же вынырнул, кашляя и отплевываясь, нечеловеческим усилием выбрался на лед. Выкарабкался и упал, совершенно выбившись из сил. Рядом с ним образовалась лужа.

Бореас стонал, прикрыв глаза. Скеллен дрожал.

– Спасите… Мун… Помогите…

На краю ледяного поля, погрузившись по пах, висел Риенс. Мокрые волосы облепили череп. Зубы стучали не хуже кастаньет. Это походило на призрачную увертюру к какой-то инфернальной *dance macabre*.[31]

Заскрипели коньки. Бореас не шелохнулся. Ждал. Скеллен дрожал.

Она приближалась. Медленно. С ее меча стекала кровь, помечая лед пунктиром капель. Бореас сглотнул слюну. Хоть он до последней нитки промок в ледяной воде, ему вдруг сделалось чудовищно жарко.

Но девушка не смотрела на него. Она смотрела на Риенса, напрасно пытавшегося выбраться на лед.

– Помоги… – Риенс пересилил стук зубов. – Спаси…

Девушка притормозила, развернувшись на коньках с грацией танцовщицы. Остановилась, слегка расставив ноги и держа меч низко, поперек бедер.

– Спаси меня, – заскулил Риенс, впиваясь в лед деревенеющими пальцами. – Спаси… Я скажу тебе… Где сейчас Йеннифэр… Клянусь.

Девушка медленно стянула шарф с лица. И улыбнулась. Бореас Мун увидел жуткий шрам и с трудом сдержал крик.

– Риенс, – сказала Цири, продолжая улыбаться. – Ведь ты собирался научить меня боли. Помнишь? Этими вот руками.

Этими вот пальцами. Этими. Теми, которыми сейчас вцепился в лед.

Риенс ответил. Бореас не разобрал, что, так как зубы чародея стучали и клацали, существенно затрудняя членораздельную речь. Цири развернулась на коньках и подняла руку с мечом. Бореас стиснул зубы, убежденный, что она сейчас зарубит Риенса, но девушка только приготовилась к бегу. К величайшему изумлению следопыта, она отъехала, быстро разгоняясь резкими взмахами рук. Исчезла в тумане, через мгновение утих и ритмичный скрип коньков.

– Мун… Вы-вы-вы… выта-а-а-ащи… ме-е-еня… – прогавкал Риенс, лежа подбородком на льду. Он выбросил обе руки на лед, пытаясь уцепиться ногтями, но все ногти уже были сорваны. Он растопырил пальцы, пытаясь ухватиться за окровавленный лед ладонями и подушечками пальцев. Бореас Мун смотрел на него и чувствовал уверенность, ужасающую уверенность…

Скрип коньков они услышали в последний момент. Девушка приближалась с невероятной быстротой, прямо-таки расплываясь в глазах. Она подъезжала по самому краю льда, мчалась уже по обрезу трещины.

Риенс вскрикнул. И захлебнулся плотной, свинцовой водой.

И исчез.

На льду, точно на ровненьком следу коньков, осталась кровь. И пальцы. Восемь пальцев.

Бореаса Муна с потрохами вывернуло на лед.

Бонарт мчался галопом по краю приозерного склона, гнал как сумасшедший, не думая о том, что конь в любой момент может переломать ноги на припорошенных снегом расщелинах. Покрытые инеем ветви елей хлестали его по лицу, били по рукам, сыпали за воротник ледяную пыль.

Озера он не видел – всю котловину, будто кипящий ведьмин котел, заполняла белая мгла.

Но Бонарт знал, что девушка – там.

Чувствовал.

Подо льдом, глубоко, стайка полосатых окуньков с интересом провожала на дно озера мерцающую серебряную коробочку, выскользнувшую из кармана плавающего в пучине трупа. Прежде чем коробочка, подняв облачко пыли, упала на дно, самые смелые из окуньков попытались ее даже тронуть мордочками. Но вдруг отшмыгнули, испуганные.

Коробочка излучала странные, пугающие колебания.

– Риенс? Ты меня слышишь? Что с вами? Почему два дня не

отвечали? Докладывай! Что с девушкой? Нельзя допустить, чтобы она вошла в Башню Ласточки… Риенс! Отвечай, дьявол тебя побери! Риенс!

Риенс, естественно, ответить не мог.

Откос кончился, берег сделался плоским. «Конец озера, – подумал Бонарт, – я на конце. Обошел девку. Где она? И где эта чертова башня?»

Завеса тумана неожиданно лопнула, поднялась. И тогда он увидел ее. Она была прямо перед ним на своей вороной кобыле. «Чародейка, – подумал он, – общается со своей зверюгой. Послала ее на конец озера и велела ожидать себя.

Но ничто ей не поможет.

Я должен ее убить. Пусть провалится к черту в ад Вильгефорц. Я должен ее убить. Для начала заставлю молить о пощаде, о жизни… А потом убью».

Он крикнул, пришпорил лошадь и послал ее в галоп.

И вдруг понял, что проиграл. Что все-таки она обвела его.

Его отделяло от нее не больше полстае – но по тонкому льду. Она была по другую сторону озера. Больше того, полумесяц плеса теперь изгибался в противоположную сторону – девушка, едущая по тетиве лука, была гораздо ближе к краю озера.

Бонарт выругался, рванул поводья и направил лошадь на лед.

– Гони, Кэльпи!

Из-под копыт вороной кобылы задробила замерзшая земля.

Цири прижалась к лошадиной шее. Вид преследующего ее Бонарта пронзил ее ужасом. Она боялась этого человека. При мысли о возможности сопротивления невидимая рука стиснула ей желудок.

Нет, бороться с ним она не могла. Пока еще не могла.

Башня. Спасти ее могла только Башня. И портал. Как на Танедде, когда чародей Вильгефорц был уже совсем рядом, уже протянул к ней руку…

Единственное спасение – Башня Ласточки.

Туман поднялся.

Цири натянула поводья, чувствуя, как ее вдруг охватывает чудовищный жар. Она не могла поверить в то, что видела. Что было перед ней.

Бонарт тоже увидел. И торжествующе крикнул.

На краю озера башни не было. Не было даже ее развалин, не было попросту ничего. Только едва заметный, едва различимый холмик, только покрытая голыми промерзшими стеблями травы

кучка камней.

– Вот она, твоя башня! – рявкнул он. – Вот твоя волшебная башня! Вот оно – твое спасение! Куча камней!

Девушка, казалось, не слышит и не видит. Она подвела кобылу ближе к холмику, на каменную насыпь. Воздела обе руки к небу, словно проклинала небеса за все то, что ее здесь встретило.

– Я говорил тебе, – рычал Бонарт, пришпоривая гнедого, – что ты моя! Что я сделаю с тобой все, что захочу! Что никто мне не помешает! Ни люди, ни боги, ни дьяволы, ни демоны! Ни волшебные башни! Ты моя, ведьмачка!

Подковы гнедой лошади зацокали по ледяной глади.

Туман вдруг заклубился, закипел под ударами вихря, свалившегося неведомо откуда. Гнедой заржал и заплясал, оскалив зубы. Бонарт откинулся в седле, натянул поводья изо всей силы, потому что лошадь прямо-таки сбесилась, мотала головой, топала, скользила по льду.

Впереди, между ним и берегом, на котором стояла Цири, танцевал на льду снежно-белый единорог, вставал на дыбы, принимая позу, знакомую по гербовым щитам.

– Со мной такие фокусы не проходят! – рявкнул охотник, сдерживая лощадь. – Меня чарами не возьмешь! Я догоню тебя, Цирилла! На этот раз я тебя убью! Ведьмачка! Ты – моя!

Туман снова пошел клубами. Закипел, принял странные очертания. Эти очертания становились все более четкими. Наездники! Кошмарные фигуры призрачных наездников.

Бонарт вытаращил глаза.

На скелетах коней сидели скелеты наездников, одетых в проржавевшие латы и кольчуги, обрывки плащей, погнутые и исковерканные шлемы с буйволиными рогами, остатками султанов из страусовых и павлиньих перьев. Из-под обрезов шлемов глаза привидений светились синеватым пламенем. Полоскались разодранные полотнища знамен.

В голове демонической кавалькады мчался вооруженный призрак с короной на черепе, с нашейником, бьющимся о проржавевшую кирасу.

Прочь! – загудело в голове Бонарта. – *Прочь отсюда, смертный! Она не твоя! Она наша! Прочь!*

В одном нельзя было отказать Бонарту: в отваге. Он не испугался призраков. Он переборол страх, не запаниковал.

Но его конь оказался не таким храбрым.

Гнедой жеребец встал на дыбы, заплясал, словно в балете, на задних ногах, дико заржал, рванулся и подскочил. Под ударами его подков лед с ужасающим скрежетом треснул, плиты встали

отвесно, вырвалась вода. Жеребец завизжал, ударил о край льда передними копытами, разломил его. Бонарт вырвал ноги из стремян, спрыгнул на лед.

Слишком поздно.

Вода сомкнулась над его головой. В ушах загудело и зазвенело словно в колокольне. Легкие готовы были вот-вот разорваться.

Ему повезло. Его перемешивающие воду ноги нащупали что-то – вероятно, идущего ко дну коня. Он оттолкнулся, вынырнул, отплевываясь и сопя. Ухватился за край образовавшейся полыньи. Не поддаваясь панике, выхватил нож, вбил его в лед, вытянул себя. Он лежал, тяжело дыша, с него с плеском стекала вода.

Озеро, лед, заснеженные склоны, белый глазурованный еловый лес – все вдруг залил неестественный мертвенный свет.

Бонарт с огромным трудом поднялся на колени.

Темно-синее небо над горизонтом запылало ослепительной короной, светящимся куполом, из которого вдруг выросли огненные столбы и спирали, вырвались пляшущие колонны и вихри света. На небосклоне повисли переливающиеся, подвижные, быстро меняющие форму ленты и полотнища.

Бонарт захрипел. Ему показалось, что на горло надет стальной обруч гарроты.

Там, где только что был лишь голый холмик и груда камней, вздымалась башня.

Величественная, стрельчатая и изящная, черная, гладкая, блестящая, словно высеченная из цельной глыбы базальта. Огонь мерцал в немногочисленных окнах, в зубчатых остриях вершины горела *aurora borealis*.

Он видел девушку, повернувшуюся к нему в седле. Видел ее горящие глаза и уродующий лицо шрам, пересекающий щеку. Видел, как девушка подгоняет вороную кобылу, как не спеша въезжает в черный провал, под каменный свод входа.

Как исчезает.

Aurora borealis вспыхнула ослепительными водоворотами огней.

Когда Бонарт снова стал видеть, башни уже не было. Был покрытый снегом холмик, груда камней, засохшие, черные стебли травы.

Ползая на коленях по льду, в луже стекающей с него воды, охотник за наградами жутко закричал. Жутко и дико. Воздев руки к небу, не вставая с колен, он кричал, выл, богохульствовал и проклинал – людей, богов и демонов.

Эхо его крика катилось по поросшим елями склонам, неслось по замерзшему зеркалу озера Тарн Мира.

То, что она увидела внутри башни, в первый момент напомнило ей Каэр Морхен – такой же длинный коридор за аркадами, точно такое же бесконечное пространство уходящих вдаль то ли колонн, то ли скульптур. Было непонятно, каким образом эта бездна может умещаться в стройном обелиске башни. Но ведь Цири знала, что бессмысленно пытаться анализировать – ибо башня эта выросла из ничего, возникла там, где ее раньше не было. В такой башне могло быть все что угодно, и ничему не следовало удивляться. Она оглянулась, не веря, что Бонарт осмелится и войдет следом. Но предпочитала удостовериться.

Аркада, через которую она въехала, сияла неестественным светом.

Копыта Кэльпи зазвенели по полу, под копытами что-то захрустело. Черепа, берцовые кости, грудные клетки, бедренные, тазовые кости. Она ехала по гигантскому склепу. «Каэр Морхен, – вспомнила она. – Умерших следует предавать земле… Как же давно это было… Тогда я еще верила в нечто подобное… В величие смерти, в почтение к умершим… А смерть – это просто-напросто смерть. И умерший – всего-навсего хладный труп. Не имеет значения, где лежат, где превращаются в прах его кости».

Она въехала во мрак под аркадами, между колоннами и статуями. Тьма заколебалась как дым, уши наполнились настойчивыми шепотками, вздохами, тихими стенаниями. Впереди неожиданно вспыхнул свет, распахнулись гигантские двери. Они раскрывались одни за другими. Двери. Бесчисленное множество дверей с тяжелыми створками беззвучно раскрывалось перед нею.

Кэльпи шла, звеня подковами по каменному полу.

Геометрия окружающих стен, арок и колонн нарушилась так внезапно и резко, что Цири почувствовала головокружение. Ей показалось, что она внутри какой-то невероятной многогранной глыбы, какого-то гигантского октаэдра.

Двери продолжали раскрываться. Но уже не указывали одного-единственного направления. Они открывались в бесконечное множество направлений и возможностей.

И Цири начала видеть.

Черноволосая женщина ведет за руку пепельноволосую девочку. Девочка трусит, боится света, боится усиливающихся во тьме шепотков, ее пугает звон подков, который она слышит. Черноволосая женщина с искрящейся бриллиантами звездой на шее тоже боится. Но не показывает виду. Она ведет девочку дальше. К ее предназначению.

Кэльпи идет. Следующие двери.

Иоля Вторая и Эурнэйд в кожушках, с узелками, шагают по замерзшему, покрытому снегом тракту. Небо – темно-синее.

Следующие двери.

Иоля Первая стоит на коленях перед алтарем. Рядом с нею матушка Нэннеке. Обе смотрят, лица их искажены гримасами ужаса. Что они видят? Прошлое или будущее? Правду или ложь?

Над ними обеими, над Нэннеке и Иолей, – руки. Протянутые в жесте благословения руки женщины с золотыми глазами. В ожерелье женщины – бриллиант, светящаяся утренняя звезда. На руках у женщины кот. Над ее головой – сокол.

Следующие двери.

Трисс Меригольд поддерживает свои роскошные каштановые волосы, которые путает ветер. От ветра невозможно укрыться, от ветра ничто не заслонит.

Не здесь, не на вершине холма.

На холм поднимается долгая, бесконечная череда теней, фигур. Они идут медленно. Некоторые поворачиваются к ней лицами. Знакомые лица. Весемир, Эскель, Ламберт, Койон, Ярпен Зигрин и Паулье Дальберг. Фабио Сакс… Ярре… Тиссая де Врие…

Мистле…

Геральт?

Следующие двери.

Йеннифэр в цепях, прикованная к покрытой влагой стене подземелья. Ее руки – сплошная масса застывшей крови. Черные волосы растрепаны и спутаны… Губы разбиты и распухли… Но в фиолетовых глазах неугасающая воля к борьбе и сопротивлению.

Мамочка! Держись! Выдержи! Я иду к тебе на помощь! Держись!

Следующие двери. Цири отворачивается. С обидой и смущением.

Геральт. И зеленоглазая женщина с черными, коротко остриженными волосами. Оба нагие. Заняты, поглощены друг другом. Удовольствием, которое доставляют друг другу.

Цири сдерживает стискивающие горло эмоции, подгоняет Кэльпи. Стучат копыта. В темноте пульсируют шепотки.

Следующие двери.

Здравствуй, Цири.

– Высогота?

Я знал, что у тебя все получится, храбрая девочка. Моя мужественная Ласточка. Ты не пострадала?

– Я победила их. На льду. У меня был для них сюрприз. Коньки твоей дочери…

Я имел в виду моральные страдания.

– Я остановилась… Не стала убивать всех. Не убила

Филина… Хоть именно он меня ранил и изуродовал. Я сдержалась.

Я знал, что ты победишь, Zireael. И войдешь в башню. Ведь я читал об этом. Потому что это уже описано… Все это уже было описано. Знаешь, что дает учеба? Умение пользоваться источниками.

– Как получается, что мы можем разговаривать… Высогота… Или ты…

Да, Цири. Умер. А, не важно! Гораздо важнее то, что я узнал. На что наткнулся… Теперь я знаю, куда девались потерянные дни. Знаю, что произошло в пустыне Корат. Знаю, каким образом ты скрылась от погони…

– И каким образом вошла сюда, в башню, да?

Старшая Кровь, текущая в твоих жилах, дает тебе власть над временем. И над пространством. Над измерениями и сферами. Теперь ты – Владычица Миров, Цири. Ты обладаешь могущественной Силой. Не позволяй ее у себя отнять и использовать в собственных целях преступникам и негодяям…

– Не позволю.

Прощай, Цири. Прощай, Ласточка.

– Прощай, Старый Ворон.

Следующие двери. Свет, ослепительный свет.

И пронзительный аромат цветов.

На озере лежал туман, легчайшая как пух мгла, быстро разгоняемая ветром. Гладкая как зеркало поверхность воды, на зеленых коврах плоских листьев кувшинок белеют цветы.

Берега утопают в зелени и цветах.

Тепло.

Весна.

Цири не удивлялась. Да и как можно было удивляться? Ведь теперь все стало возможным. Ноябрь, лед, снег, мерзлая почва, куча камней на ощетинившемся замерзшими стеблями холмике – все это было там. А здесь есть здесь, здесь – стрельчатая базальтовая башня с зубчатыми башенками на вершине отражается в зеленой, усеянной белыми кувшинками воде озера. Здесь – май, потому что именно в мае цветут дикая роза и черемуха.

Кто-то поблизости играет на флейте или свирели, выводя веселую, задорную мелодийку.

На берегу озера, передними ногами в воде, стояли два снежно-белых коня. Кэльпи фыркнула, ударила копытом о камень. Тогда кони подняли морды и влажные от воды ноздри, а Цири громко вздохнула.

Это были не кони, а единороги.

Цири не удивилась. Вздыхала она от восхищения, а не от удивления.

Мелодия звучала все громче, долетая из-за кустов черемухи, увешенных белыми гирляндами цветов. Кэльпи направилась туда сама, не понукаемая никем. Цири сглотнула. Оба единорога, теперь неподвижные как статуи, глядели на нее, отражаясь в гладкой как зеркало поверхности вод.

За кустом черемухи сидел на округлом камне светловолосый эльф с треугольным лицом и огромными миндалевидными глазами. Он играл, ловко перебирая пальцами по отверстиям флейты. Он видел Цири и Кэльпи, глядел на них, но играть не переставал.

Белые цветочки черемухи пахли так сильно, как никогда не пахла та черемуха, которую Цири встречала когда-либо в жизни. «И ничего удивительного, – подумала она совершенно спокойно. – В том мире, где я жила до сих пор, черемуха просто пахнет иначе.

Потому что в том мире вообще все иначе».

Эльф закончил мелодию протяжной высокой трелью, отнял флейту от губ, встал.

– Почему так долго? – спросил он, улыбнувшись. – Что задержало тебя?

notes

Примечания

1

Перевод с польского Н. Эристави.

2

Rubor – краснота; calor – повышенная температура; tumor – припухлость; dolor – боль, страдания (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

дрожь.

от лат. datura – дурман.

5

Инфима (от лат. infimitas) – начальная школа, школа низшего уровня.

6

Экспериенция (от лат. experientia) – опыт, знание предмета.

7

Сгинь (лат.).

8

Сгинь (лат.).

9

2800 гектаров.

белую горячку (лат.).

всеми правдами и неправдами (лат.).

кому на пользу (лат.).

старинная серебряная монета.

по доверенности (лат.).

15

Шпонтон – оружие на древке, с одной стороны снабженное обоюдоострым секущим концом, с другой – крючьями либо иглами.

прямым галопом (фр.).

17

Компактат (от лат. Compactum) – договор, соглашение.

18

Апанаж – земельное владение, предоставлявшееся некоронованным членам королевской семьи.

19

Море открыто для всех (лат.).

без права передачи по наследству (лат.).

повода к войне (лат.).

договора следует выполнять (лат.).

23

Северное сияние (лат.).

24

Основной труд (лат.).

из глубины (лат.).

наконец (лат.).

фундамент (лат.).

искусством (искаж. нем.).

собственной рукой (лат.).

львиное сообщество, то есть такое, от которого одна сторона получает все выгоды, а другая несет все тяготы (лат.).

пляска смерти (фр.).